
UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00324834 1

А. ВЕРБИЦКАЯ.

ПОБѢДИТЕЛИ
и
ПОБѢЖДЕННЫЕ.

ВЫПУСКЪ ВТОРОЙ.

Часть вторая.

ОКОНЧАНІЕ РОМАНА

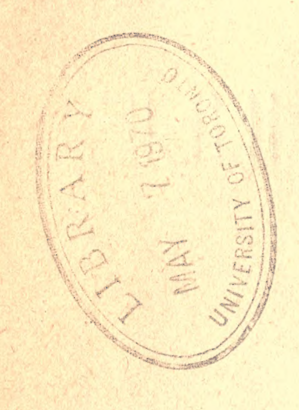
КЛЮЧИ СЧАСТЬЯ.

ДЕСЯТАЯ ТЫСЯЧА.

Міръ долженъ быть оправданъ весь,
Чтобъ можно было жить.

Бальмонтъ.

МОСКВА—1913.

Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°. Пименовская ул., с. д.
Москва—1913.

I.

Мастерская извѣстнаго художника Якова Биллы находится въ новомъ Берлинѣ, на опушкѣ прекрасной сосновой рощи.

Это великолѣпное зданіе, стоившее большихъ денегъ владѣльцу. Наверху *Студія*. Внизу квартира. Изъ обширныхъ оконъ открывается видъ на ленту шоссе, убѣгающую къ старому Берлину. Она окаймлена рощами и цвѣтниками. Когда наступаетъ весна, какъ ласкаютъ глазъ туриста эти дивные цвѣтники, какъ бы чудомъ выросшіе среди полей и рощъ! Никто какъ будто не охраняетъ ихъ на пустынномъ шоссе, но никто и не опустошаетъ ихъ. Они алѣютъ среди газона словно отблескъ заката, или кажутся крохотнымъ лазоревымъ озеромъ. Они чаруютъ своей неожиданностью какъ сказка.

Трамвай тамъ, внизу, останавливается, чтобы выбросить десятокъ молодыхъ людей или дѣвушекъ, посѣщающихъ *Студію* Биллы.

Ему уже сорокъ лѣтъ, но онъ кажется старше. Волнистые и пышные волосы, живописно падающіе на убѣгающій лобъ,—почти совсѣмъ сѣдые. Какъ и раннія морщины на его костистомъ лицѣ и рѣзкія линіи у губъ—эти сѣдины говорятъ о долгихъ годахъ страданій и борьбы за свое мѣсто въ жизни. Но глубоко запавшіе глаза Биллы горятъ какъ у юноши. Онъ всегда изысканно одѣтъ. И хотя онъ простой крестьянинъ изъ Галиціи, во всемъ его обликѣ и въ его манерахъ есть неуловимый отпечатокъ аристократизма, отличающаго всѣхъ талантливыхъ самородковъ. Женщины безъ ума отъ художника, и даже мужчины испытываютъ на себѣ обаяніе этой могучей индивидуальности.

Билла очень требователенъ, въ деньгахъ не нуждается. Попасть въ его *Студію* нелегко. Это одно уже даетъ патентъ на даровитость.

Онъ безпощаденъ съ богатыми каботинками, являющимися учиться отъ скуки или изъ моды. Онъ вышучиваетъ ихъ и изгоняетъ послѣ пробныхъ уроковъ. Но у него много безплатныхъ учениковъ. И лучшей своей ученицей онъ считаетъ Маріулу.

1*

Каждый день, въ восемь утра, Маріула, напившись кофе, надѣваетъ свой беретъ и накидку и говоритъ трехлѣтнему Шурѣ:

— Пойдемъ, дѣтка, пора!

— Къ папѣ?—иногда спрашиваетъ ребенокъ, весь оживляясь.

— Нѣтъ, въ лѣсъ, къ дядѣ Якову.

Мальчикъ одно мгновеніе стоитъ насупившись и что-то раздумывая. Это въ тѣ дни, когда онъ вспоминаетъ объ отцѣ. Но онъ всегда радъ этой прогулкѣ. Въ ихъ крохотной комнаткѣ такъ тѣсно.

Они за руку выходятъ изъ дома, въ предмѣстьи стараго Берлина, и бѣгутъ къ трамваю. Ручки Шуры зябнутъ отъ декабрьской стужи. Маріула жмется въ своей осенней накидкѣ. Но когда они садятся въ трамвай, щеки у обоихъ горятъ и глаза сверкаютъ. Сейчасъ, сейчасъ волшебный коверъ-самолетъ перенесетъ ихъ изъ душнаго, тѣснаго города, гдѣ люди мчатся куда-то, какъ маніаки,—въ тишину полей, къ дѣвственному снѣгу, къ темнымъ, дремлющимъ рощамъ. А тамъ, въ великолѣпномъ дворцѣ ждетъ ихъ волшебникъ, котораго люди зовутъ Билла.

Положимъ, этотъ коверъ-самолетъ летитъ не такъ быстро, какъ того хотѣлось бы... Иногда Маріула вынимаетъ изъ сумочки книжку. А чаще, уронивъ руки, далекимъ взглядомъ глядитъ въ запотѣвшія окна вагона. А Шура, ставъ на колѣни и надышавъ на стекло, смотритъ въ дырочку на бѣгущую толпу, на мчащіеся экипажи, на высокіе и тѣсные дома, на витрины. Взглядъ его не по-дѣтски вдумчивъ, и сурово выраженіе блѣднаго личика. Профиль, глаза и подбородокъ—все въ отца. Это маленькій Семенъ Николаевичъ.

И всякій разъ, когда Маріула, очнувшись отъ думъ, видитъ этотъ профиль, нѣжная, невыразимо-грустная улыбка смягчаетъ ея черты. Она знаетъ, какъ безумно Шура любитъ отца и какъ тоскуетъ онъ въ разлукѣ съ Семеномъ Николаевичемъ. Любитъ его больше, чѣмъ мать, хотя видитъ его такъ рѣдко.

Маріула вздыхаетъ, и опять глаза ея становятся далекими.

Наконецъ!—говоритъ Билла. Онъ наверху сторожилъ у окна и видѣлъ синюю накидку Маріулы, выходившей изъ трамвая. Онъ какъ юноша бѣжитъ навстрѣчу своей любимицѣ. Хватаетъ въ объятія Шуру и пламенно цѣлуетъ его ротъ, единственное, что ребенокъ взялъ у матери. Эти поцѣлуи предназначены Маріулѣ. И, по молчаливому соглашенію между обоими, ребенокъ принимаетъ на себя весь пылъ этихъ ласкъ, сжигающихъ душу галичанина.

— Здравствуй, Маріула! — говоритъ онъ, сверкая молодыми глазами и стискивая маленькую ручку.—Ты опоздала нынче...

— Неправда...

— Да... да... не спорь! Ты опоздала ровно на три минуты...

Она смотритъ на свои маленькіе чугунные часики и смѣется.

Онъ распахиваетъ передъ нею дверь, какъ предъ принцессой. И вотъ они втроемъ у огня камина, куда придвинутъ столъ на три прибора. Онъ всегда ждетъ ихъ къ завтраку. И это его лучшіе часы. Никто не смѣетъ мѣшать. Никто не смѣетъ войти... Тамъ, въ передней, поминутно трещитъ звонокъ, входятъ ученики. Гулъ голосовъ и шаги по лѣстницѣ глухо долетаютъ сюда, въ уютную комнату, увѣшанную коврами и восточными тканями... Пока онъ не кончитъ завтрака и кофе, онъ не поднимется въ мастерскую. Онъ никому не уступитъ ни минуты изъ этого блѣднаго счастья, такъ поздно явившагося ему на послѣднихъ перепутьяхъ жизни.

Шура одѣвается опять и цѣлый день подъ присмотромъ лакея играетъ въ паркѣ въ снѣжки, ходитъ съ Фридрихомъ на лыжахъ, или катается на конькахъ, тамъ, на маленькомъ пруду, подъ горой. Его щечки порозовѣли за эту зиму, и Маріула перестала опасаться туберкулеза, который грозилъ ребенку.

Въ мастерской она чувствуетъ свое одиночество. Ей завидуютъ. Ей не прощаютъ ея таланта, а главное, любви Биллы, который если бы и хотѣлъ, то не могъ бы все-таки скрыть свое чувство. Онъ всѣмъ ученицамъ говоритъ *ты*, но его рѣзкій тонъ смягчается, когда онъ исправляетъ работы Маріулы. Ни одной грубой шутки, ни одной насмѣшки. Онъ никогда не теряетъ ее изъ виду... А она сидитъ такая спокойная, такая безстрастная... „Любовница его“, рѣшили всѣ. „И любовница изъ разсчета“...

Маріула догадывается объ этой клеветѣ. Но она слишкомъ горда, чтобы опровергать ее.

Въ праздники Маріула пріѣзжаетъ съ утра и остается у художника до сумерекъ. Иногда по вечерамъ ихъ видятъ въ театрѣ, а днемъ на выставкахъ. Но въ будни Маріула уѣзжаетъ изъ мастерской въ три, отобѣдавъ, какъ всегда, у щедраго профессора. Она охотно отказалась бы отъ этой любезности, если-бъ не дитя... Шурѣ голодать нельзя.

Чтобы расплатиться съ художникомъ, Маріула даетъ безплатные уроки его племянникамъ, живущимъ въ Берлинѣ, и на образованіе которыхъ Билла не жалѣетъ денегъ. Но это кажется ей слишкомъ низкой платой за ея ученіе и за его доброту къ Шурѣ.

— Какую услугу могла бы я оказать вамъ, Билла? — задумчиво спросила она одинъ разъ художника.

Онъ понялъ, о чемъ она говоритъ, и глаза его сверкнули.

— Не покидай меня, Маріула! Больше я ничего у тебя не прошу.

Непривѣтливо встрѣчаетъ старый Берлинъ молодую мать и ребенка. Шура остается на попеченіи хозяйки, а Маріула бѣжитъ на уроки. Она занимается съ дѣтьми богатыхъ евреевъ. Этими уроками она содержитъ себя.

Когда она возвращается, мальчикъ спитъ. Маріула долго не ложится. Читаетъ. Иногда пишетъ письма въ Россію, къ матери и къ Семену Николаевичу...

Ну, что пишетъ твой мужъ?—спрашиваетъ Билла, плохо пряча ревнивую усмѣшку подъ длинными польскими усами.

Маріула поднимаетъ темные глаза, до странности большіе, слишкомъ большіе для маленькаго личика.

— Не надо такъ говорить, Билла. Вы знаете, что я не жена ему. Я только подруга...

— Временная?

Она безстрастно пожимаетъ плечами.

— Вѣчнаго нѣтъ ничего на свѣтѣ. И вѣроятно, это къ лучшему. Только въ стремленіи жизнь.

— Женщина такъ не думаетъ, — угрюмо замѣчаетъ онъ.—Но почему, скажи, онъ на тебѣ не женится?

— Онъ женатъ...

— А! — срывается у художника. Отойдя къ окну, онъ затягивается сигарой и затуманенными глазами смотритъ на сосновый лѣсъ тамъ, за пустыннымъ шоссе.

Вдругъ онъ подходитъ къ Маріулѣ, такой маленькой и хрупкой, похожей на птичку въ этомъ широкомъ, глубокомъ креслѣ. Онъ садится передъ огнемъ съ щипцами въ рукахъ.

— Ты все еще любишь его, Маріула? — сквозь зубы спрашиваетъ онъ, съ силой разбивая уголья. Они сыплются на рѣшетку.

Она медлитъ одну секунду, все также вдумчиво глядя вдаль.

— Люблю...

— А онъ тебя? — рѣзко спрашиваетъ художникъ и съ ненавистью бьетъ по дымящемуся полѣну.

Ея длинныя рѣсницы вздрагиваютъ.

— Что за вопросъ? Зачѣмъ мы жили бы вмѣстѣ, если-бъ...

— А ребенокъ?—нетерпѣливо перебиваетъ Билла. Его темпераментъ рѣдко позволяетъ ему до конца выслушать собесѣдника.

Она гордо поднимаетъ голову.

— Ребенокъ мой... И дѣти, вообще, ничему не должны мѣшать. Когда-нибудь люди это поймутъ. Будетъ общественное воспитаніе дѣтей, и рухнетъ семья, порабощающая и мужчину и женщину. А пока... мы все-таки должны быть вѣрны себѣ. Разъ чувство ушло, люди должны расходиться.

— Маріула,— послѣ долгой паузы говоритъ художникъ, проводя рукой по разомъ вспотѣвшему лбу.— Ты давно обѣщала мнѣ разсказать... за что ты полюбила его?..

И Маріула разсказываетъ: медленно и вдумчиво, словно вглядываясь въ это прошлое, ища понять и себя, и любимаго человѣка.

Ей было шестнадцать лѣтъ, когда въ Минскѣ она попала съ подругой на митингъ и услыхала Семена Николаевича. Не столько сама его рѣчь, дѣйствительно блестящая, сколько энтузіазмъ толпы, апплодировавшей оратору, произвели на нее потрясающее впечатлѣніе.

Она увлеклась. Не имъ, а его богомъ—соціализмомъ. Въ одинъ мѣсяцъ она прочла все, что могла достать въ гимназіи отъ подругъ и, конечно, тихонько отъ семьи. Ея родители, состоятельные люди, имѣютъ въ городѣ магазинъ готоваго платья. Вся семья глубоко религіозна и безнадежно фанатична. Отецъ не соглашался даже отпустить дочь на курсы и подыскивалъ ей жениха на осень, когда она кончитъ гимназію. Женщина должна быть женой и матерью. Это она слышала съ дѣтства.

Но могучая волна, поднявшаяся въ Россіи, влилась и въ узкій укладъ еврейской семьи и въ тѣсныя стѣны учебныхъ заведеній. Начался расколъ между увлекающейся молодежью и стариками.

Маріула въ маѣ встрѣтилась въ домѣ одной подруги съ Семеномъ Николаевичемъ. Онъ вызвался проводить ее домой, и они почти до разсвѣта пробродили за городомъ. До сихъ поръ она не можетъ забыть очарованія этихъ первыхъ бесѣдъ, открывшихъ передъ нею міръ. Каждое его слово было для нея откровеніемъ. Отъ своей подруги она знала, какую роль игралъ Семенъ Николаевичъ въ движеніи. Онъ былъ окруженъ ореоломъ.

Она удивлялась, какъ можетъ онъ, такой сильный, такой извѣстный, находить удовольствіе въ тайныхъ прогулкахъ до зари въ городскомъ паркѣ съ какой-то еврейской гимназисточкой? Конечно, онъ разсказывалъ ей о себѣ. И она слушала его какъ сказку. Она робѣла передъ нимъ. Готова была цѣловать землю, по которой онъ прошелъ... И онъ, конечно, это понималъ. Но развѣ не привыкъ онъ къ поклоненію? Что была ему эта преданность неизвѣстной дѣвочки?

— Но ты забываешь, что у этой дѣвочки было лицо Мадонны, а глаза какъ двѣ черныя бездны...

Маріула тихо качаетъ головой.

— Я считала, что онъ выше этого. И когда я поняла, что ошиблась, это было мое первое разочарованіе.

Художникъ смѣется.—Ахъ ты, странная, капризная головка!

— Когда въ первый разъ онъ поцѣловалъ мою руку, я чуть не закричала отъ боли... Да... отъ боли за его униженіе... Я вырвалась и убѣжала. Только на другой день, у подруги моей Клары, я въ первый разъ замѣтила странныя улыбки и взгляды, которыми она и другіе какъ бы соединяли насъ... А въ эту ночь, въ темномъ уголкѣ парка, онъ обнялъ меня, цѣловалъ и... плакалъ... Да, онъ плакалъ... Не смѣйтесь, Билла...

— Я не смѣюсь... Я понимаю...

— Но я-то тогда еще отказывалась понять его... Я была слишкомъ молода и чиста, Билла. Его страсть ко мнѣ,—потому что это была только страсть—я это угадывала инстинктомъ,—роняла его въ моихъ глазахъ, ставила на одну доску съ моими многочисленными поклонниками, надъ которыми я смѣялась... Вы поняли меня, Билла?

— Нѣтъ. Настоящая женщина такъ не разсуждаетъ. Настоящая женщина гордится чувствомъ большого человѣка... Ты странная, Маріула... Недаромъ я тебя боюсь, маленькая птичка.

— Видите ли, Билла... Въ душѣ каждаго изъ насъ, особенно пока мы молоды, живутъ боги, болѣе высокіе, болѣе прекрасные и свѣтлые, чѣмъ грубая, земная любовь... Его рѣчь тогда, на митингѣ, разбудила этихъ боговъ въ моей душѣ... И я никогда не могла простить ему этого перваго разочарованія. Вѣдь онъ спустился съ пьедестала, на который моя вѣра вознесла его... И сталъ простымъ смертнымъ, плакавшимъ... отъ желанья.

— Почему только отъ желанья? Отъ любви, Маріула... Какъ ты презираешь людей!

— Это не презрѣніе. Это идеализмъ. Это высокія требованія... Онъ могъ довольствоваться моимъ обожаніемъ... Нѣтъ! Онъ долженъ былъ имъ довольствоваться,—страстно говоритъ Маріула, вся выпрямляясь въ креслѣ.—Его образъ остался бы навѣки въ моей душѣ лучезарнымъ, незапятненнымъ... Онъ не понялъ, что владѣлъ сокровищемъ...

Она внезапно смолкаетъ, жалѣя о порывѣ откровенности. Художникъ бѣгаетъ по комнатѣ, дергая себя за усы.

— Но вѣдь ты же отдалась ему, Маріула? Ты бѣжала съ нимъ... Развѣ не проклялъ тебя отецъ? Не отвернулись развѣ отъ тебя

всѣ родные, удрученные скандаломъ?.. Ахъ... чему ты дивишься? Это была слишкомъ громкая исторія... И я слышалъ ее отъ русскихъ студентовъ въ Берлинѣ. Они хорошо знаютъ его и тебя... Женщина не идетъ на такія жертвы, если у нея нѣтъ любви...

Она медленно качаетъ головкой съ черными кудрями, падающими на ея плечи, какъ у средневѣковыхъ художниковъ.

— Здѣсь есть одно крупное недоразумѣніе, Билла... Я дѣйствительно бѣжала съ нимъ изъ города. Но я долго, три года почти была ему чужой. Я вся отдалась работѣ...

— Да неужели?.. Вы были чужими?.. Неужели это возможно?

— Если вы думали иначе, Билла, значитъ вы ни минуты не знали меня. Это была отчаянная борьба... Но я не уступала. Я сказала ему, что двумъ богамъ не служатъ. И увѣряю васъ, если бы я отдалась ему сразу, онъ черезъ годъ забылъ бы меня. Онъ очень увлекающійся человѣкъ... Но, конечно, здѣсь не было разсчета. Я просто хотѣла быть свободной и дѣлать то, что хочу...

— И онъ страдалъ?

— О, навѣрно... Онъ безумно ревновалъ меня къ каждому товарищу. Какъ онъ унижался предо мной!.. Вспомнить стыдно...

— Но все это не доходило до твоего сердца, Маріула?

— Нѣтъ... Ревнивый и страстный самецъ заслонилъ въ моихъ глазахъ героя, которому я поклонялась. Къ счастью, его обязанности требовали постоянныхъ разъѣздовъ. И мы не часто видѣлись... И вотъ тутъ...

— Говори, Маріула!.. Говори все! — подхватываетъ Билла. Съ юношеской легкостью онъ перебѣгаетъ комнату и опять садится у ея ногъ.—Тебѣ будетъ легче...

Она удивленно поднимаетъ рѣсницы. Почему онъ угадалъ, что ей не легко?

— Я сблизилась съ однимъ товарищемъ. Въ томъ городѣ онъ игралъ самую видную роль въ партіи. Поразительная смѣлость, умъ, темпераментъ, честолюбіе, все давало ему право на это... У него были враги. Но даже они не могли противиться его обаянію. Онъ былъ молодъ, красивъ... Его звали „Гордый"...

Она долго молчитъ, глядя въ огонь.

— Я вѣрила въ него безгранично. То, что жизнь его была окружена тайной, и что онъ избѣгалъ сближенія съ товарищами, мнѣ тоже нравилось. Онъ былъ требователенъ къ другимъ и къ самому себѣ безпощаденъ... Въ то время часть партіи признала полезность террора, образовалось боевое ядро. И „Гордый" страстно убѣждалъ насъ въ необходимости насильственныхъ актовъ. Онъ взялъ на себя устроить лабораторію взрывчатыхъ веществъ.

И когда все было готово, онъ пригласилъ работать нѣсколькихъ лицъ, въ томъ числѣ и меня...

— Что такое? Вотъ эти самыя маленькія ручки...

— Готовили бомбы...

— И ты ежеминутно рисковала свободой и жизнью?

— Конечно... Малѣйшая неаккуратность грозила смертью... Но я была точна, какъ машина. И Гордый восторгался моей работой... Былъ составленъ заговоръ, намѣчены лица, которыхъ надо было убить... Какъ вдругъ вернулся изъ-за границы Семенъ Николаевичъ... Мы не видѣлись цѣлый мѣсяцъ. Ахъ, Билла, я никогда не забуду этихъ дней! Съ перваго взгляда еще годъ назадъ эти двое возненавидѣли другъ друга...

— Изъ-за тебя?

— Да, конечно... Но здѣсь было и не только это... Два медвѣдя не могли ужиться въ одной берлогѣ. Каждый страстно оспаривалъ свою власть... Семенъ Николаевичъ началъ съ безумной сцены ревности. Я выдержала хладнокровно этотъ натискъ. Всѣ считали меня любовницей его и... я знаю, что онъ этихъ слуховъ не опровергалъ... Но я-то не была ею, и страхъ его былъ мнѣ понятенъ. Каждую минуту я могла ускользнуть отъ него. Онъ угадалъ мое увлеченіе... Мы не видѣлись три дня... И я замѣтила, что Гордый сталъ тревоженъ и удивительно печаленъ... Помню его взглядъ, словно рѣзнувшій меня по сердцу. Прощаясь со мной въ тотъ вечеръ, онъ сказалъ: „Этотъ человѣкъ любитъ васъ и поэтому ненавидитъ меня“... И въ это мгновеніе, Билла, я поняла, что и онъ меня любитъ...

— И ты была счастлива?

— Да... кажется да... Скорѣе ослѣплена... Словно молнія обожгла меня. Такъ я растерялась. И даже его послѣдней фразѣ я тогда не придала должнаго значенія... А онъ сказалъ мнѣ: „Меня скоро оклевещутъ мои враги. Они постараются уронить меня въ вашемъ мнѣніи. Дайте слово, что вы имъ не повѣрите!.. Что бы ни вышло потомъ, дайте мнѣ это слово!..“ Я была какъ во снѣ... Я обѣщала все. Его отчаяніе поразило меня... Но я разобралась во всемъ этомъ только потомъ... уже много позже...

Маріула на мгновеніе закрываетъ лицо руками, какъ бы стараясь сосредоточиться.

— Значитъ ты любила его?—тихонько спрашиваетъ художникъ.

— Его?.. Да... да... Я только не понимала себя. Я была слишкомъ наивна, Билла... Семенъ Николаевичъ опять уѣхалъ кудато на недѣлю... А когда онъ вернулся, его тонъ со мною и Гордымъ измѣнился такъ рѣзко, что я не знала, что мнѣ думать...

Мнѣ казалось, что они схватятъ другъ друга за горло, когда столкнулись въ лабораторіи. Семенъ Николаевичъ сказалъ мнѣ: „Уйдемте отсюда, Маріула! Здѣсь вамъ не мѣсто...“ Но я осталась... И вотъ онъ ушелъ, внѣ себя отъ гнѣва, угрожая Гордому, что онъ „раскроетъ всѣ его карты“. Мы остались вдвоемъ... Гордый былъ блѣденъ и подавленъ. Онъ горестно спросилъ: „Вы уже не вѣрите мнѣ?“ Я молча протянула ему руку... Билла... сознаюсь вамъ... Я страстно жаждала, чтобы онъ обнялъ меня и поцѣловалъ, какъ это раньше дѣлалъ Семенъ Николаевичъ... Я ждала этого, и слезы дрожали въ моей груди... Но онъ этого не сдѣлалъ... Онъ этого не сдѣлалъ, Билла... хотя онъ навѣрное читалъ въ моей душѣ какъ въ раскрытой книгѣ... И вдругъ я увидала ужасъ въ его лицѣ... Онъ не поцѣловалъ меня, а только взялъ мою руку и прошепталъ: „Зачѣмъ мы встрѣтились такъ поздно!..“

— Странно! — срывается у художника...

— Вечеромъ мы всѣ собрались въ рощѣ по требованію Семена Николаевича. Гордый и я стояли рядомъ. Семенъ Николаевичъ говорилъ краснорѣчиво, убѣжденно, страстно. Онъ доказывалъ вредъ, нелѣпость этого заговора. Доказывалъ опасность этой лабораторіи. Съ нимъ спорили. Тогда онъ крикнулъ... „Между нами есть провокаторъ!..“ И онъ прямо глянулъ въ глаза Гордому. Тотъ пошатнулся. „Берегитесь! Вы довѣрились волку...“ сказалъ Семенъ Николаевичъ. Тутъ поднялся ужасный шумъ. Одни одобряли. Другіе негодовали. Всѣ требовали доказательствъ. Гордый вышелъ впередъ. Онъ былъ блѣденъ... Онъ потребовалъ слова и сказалъ: „Зачѣмъ играть въ прятки? Я знаю... Это вызовъ мнѣ. Это обвиненіе брошено въ лицо мнѣ. Я хочу защищаться...“ Онъ говорилъ долго... Онъ указывалъ на прежнія заслуги. Онъ требовалъ довѣрія къ себѣ и суда надъ собой и Семеномъ Николаевичемъ... Ему также апплодировали... Волненіе было ужасное... Мы всѣ разошлись подъ впечатлѣніемъ его рѣчи. Я дрожала отъ негодованія. Гордый исчезъ куда-то, и я долго проискала его... Зачѣмъ? Чтобъ пожать ему руку, чтобъ сказать, какъ безгранично вѣрю въ него... Но меня поразило смущеніе нѣкоторыхъ старыхъ товарищей. Ихъ мнѣніемъ я всегда дорожила. Проходя мимо, я замѣтила что-то странное: разговоръ смолкалъ. Мнѣ смотрѣли вслѣдъ... Что это значило?.. Сердце мое билось... „Неужели они уже сомнѣваются въ немъ?“ думала я съ горечью. „О, люди! О, товарищи! Довольно одного доноса, одного подозрѣнія, одного слова, брошеннаго изъ личной мести... Но при чемъ я?.. Или они думаютъ?..“ Я остановилась, испугавшись вывода... Вся кровь кинулась мнѣ въ лицо... Семенъ Николаевичъ

догналъ меня. Я отшатнулась отъ него и съ ненавистью сказала ему: „Уйдите! Я не хочу васъ видѣть!..“ Онъ отвѣтилъ мнѣ: „Я слишкомъ люблю васъ, Маріула, чтобы считаться съ своимъ самолюбіемъ въ такія минуты. Я долженъ спасти не только васъ, но и наше дѣло здѣсь! Гордый—предатель. Я это почувствовалъ съ первой минуты. Но теперь я это знаю и завтра дамъ партіи мои доказательства“...

Она смотритъ въ огонь, и скорбно сдвинуты ея бархатныя брови.

— Эту ночь я не спала. На зарѣ, только что я вздремнула, Гордый постучалъ въ мое окно. Я накинула платокъ и отворила ему. Меня поразили его блѣдность и ужасъ въ его глазахъ... Онъ сказалъ: „Прощайте, Маріула! Я уѣзжаю...“ Помню, точно кто ударилъ меня въ грудь. Я спросила: „Какъ? Безъ суда? Не оправдавшись? Вы вѣдь знаете, въ чемъ васъ обвиняютъ?“ Тогда онъ успокоилъ меня... Онъ сказалъ: „Я вернусь къ вечеру. Я уѣзжаю по неотложному дѣлу. Я постараюсь вернуться...“ И мы замолчали оба. И молча глядѣли другъ другу въ глаза. Я чувствовала, что онъ любитъ меня. И онъ зналъ, конечно, что я люблю его. Но никто изъ насъ не раскрылъ своихъ объятій въ этотъ роковой, въ этотъ торжественный мигъ... Помню, свѣтало... И городъ спалъ... И казалось, что мы одни во всемъ мірѣ. Но между нами, Билла, стояла высокая стѣна, разбить которую мы уже были безсильны... Я это чувствовала только смутно. И что-то тихонько плакало въ моей душѣ. Но ему все было ясно... О, эти глаза его!.. Онъ словно прощался со мной навѣки этимъ взглядомъ... За стѣной у хозяйки пробили часы. Онъ вздрогнулъ. „Куда вы?“ спросила я. Онъ отвѣтилъ, что идетъ въ лабораторію. Я сказала: „И я пойду съ вами...“ Но онъ схватилъ мои руки, и даже губы его побѣлѣли. „Нѣтъ! Нѣтъ!“ крикнулъ онъ... Ахъ! Я и сейчасъ слышу его голосъ... „Вы не пойдете туда до завтра. Я всѣхъ оповѣстилъ... Сейчасъ я долженъ уѣхать, и лабораторія заперта до завтра!..“ Тогда какое-то предчувствіе охватило меня. „Куда вы ѣдете?“ спросила я. „Скажите правду!..“ Онъ посмотрѣлъ мнѣ въ глаза долго и молча... О, этотъ взглядъ, Билла! Я и теперь,—а годы прошли съ тѣхъ поръ,—просыпаюсь иногда ночью, потому что этотъ взглядъ жжетъ мою душу... Я съ крикомъ просыпаюсь и сажусь на постели... а сердце стучитъ...

— Ну, дальше! Дальше!—торопитъ художникъ.

— Онъ сказалъ мнѣ: „Дайте слово, что вы не проклянете меня! Что вы не повѣрите клеветѣ... Дайте!“ И я пролепетала, охваченная ужасомъ: „Да!.. Да!.. Да!..“ И онъ ушелъ. Онъ ото-

рвалъ отъ себя мои руки, которыя цѣплялись за него, и исчезъ... Его послѣднія слова были: „Маріула, вѣрьте въ меня!..“

Она смолкаетъ внезапно, точно спазмъ сжалъ ей горло. Опустились длинныя рѣсницы. Но Билла видитъ ея скорбно сжатый ротъ. Полуоткрывъ губы, глядитъ онъ въ эти прекрасныя черты. Онъ не считалъ Маріулу способной на такія чувства. И въ мозгу художника уже рѣютъ грезы, схема будущей картины, женщины съ такимъ лицомъ.

— Онъ ушелъ, а я упала на постель и зарыдала... О чемъ? Не знаю... Но я чувствовала такую боль... какъ будто ножъ вонзили мнѣ въ сердце... Было ли это предчувствіе?.. Мысль, что онъ меня любитъ, эта мысль, которая мѣсяца два назадъ сдѣлала бы меня счастливѣйшей женщиной,—теперь уже не радовала меня. Потомъ... Опять не знаю, какъ это случилось... должно быть, я была очень разбита... Но я заснула, какъ камень. И проснулась только оттого, что кто-то трясъ меня за плечо. Это была Клара... Но такая блѣдная, такая разстроенная, что я сразу догадалась о несчастіи... „Ужасъ, ужасъ!“ заговорила она, садясь на постель. „Гордый...“—Умеръ?—крикнула я, хватая ея руки.— „Да... да... И такой страшной смертью... Онъ былъ въ лабораторіи, когда туда явился начальникъ охраны и его помощникъ“. — Я перебила ее въ ужасѣ:—„Развѣ Гордый не уѣхалъ? Онъ заходилъ прощаться“.—Клара такъ странно усмѣхнулась.—„Онъ со многими простился...“ отвѣтила Клара. „Но никуда не уѣхалъ, а пошелъ въ лабораторію. Когда охранники вошли, онъ бросилъ бомбу... Его самого разорвало въ клочки. И на смерть ранило помощника начальника. Самъ онъ уцѣлѣлъ какимъ-то чудомъ“.

— Чортъ возьми!—срывается у Биллы. И онъ дергаетъ усы.

— Мнѣ трудно передать вамъ волненіе, которое охватило весь городъ. Съ быстротой молніи распространился слухъ о томъ, что былъ заговоръ... А съ другой стороны, было ясно, что Гордый, обѣщая раскрыть эти нити, заманилъ чиновъ охраны въ лабораторію, чтобы убить ихъ и себя... Много было арестовъ въ тѣ дни... Но допросы доказали, что Гордый не выдалъ ни одного имени. Нити заговора такъ и не были найдены. Многіе успѣли скрыться изъ города, въ томъ числѣ и Семенъ Николаевичъ. Я уцѣлѣла. Нѣкоторыхъ продержали полгода и больше. И все-таки выпустили за недостаткомъ уликъ.

— Ну, дальше, дальше!.. Какой ужасъ!

— Это были тяжелые дни... Мы опасались собираться и встрѣчались съ большими предосторожностями... И я видѣла, какой расколъ царилъ въ партіи. Одни называли Гордаго героемъ и

горячо защищали его. Другіе уже не сомнѣвались, что онъ былъ провокаторомъ. Вспоминали провалъ одной организаціи, въ которой работалъ Гордый два года назадъ... Но вѣдь и онъ тогда вмѣстѣ съ другими былъ въ тюрьмѣ, откуда бѣжалъ... Имя его было на всѣхъ устахъ... А я ходила изъ дома въ домъ и слушала. Слушала жадно и терпѣливо. А въ ушахъ моихъ звучало: „Дайте слово, что вы не повѣрите клеветѣ!..“

— Кто же былъ онъ все-таки, Маріула? Герой или предатель?

— Предатель? Никогда!—страстно перебиваетъ она.—Но онъ былъ честолюбецъ. Онъ жаждалъ отличиться и попасть въ комитетъ. Это я знаю... Мнѣ указывали, какъ на главную улику противъ него на то довѣріе, съ которымъ чины охраны явились къ нему на свиданье. Если-бъ они не считали его своимъ, они не попались бы въ ловушку... Но развѣ это первый случай?.. Семенъ Николаевичъ ѣздилъ тогда за границу и получилъ подтвержденіе отъ комитета, что Гордому не дано было порученій вступать въ сношенія съ охраной. И я считаю тоже, что это скользкій путь... Немногіе вышли съ честью изъ этого испытанія... Ахъ, довольно о немъ! Довольно!.. Миръ праху его...

— Бѣдная, бѣдная Маріула... Какой ужасъ пережила ты въ тѣ годы, когда дѣвушки только смѣются и ищутъ любви!

— О!.. Объ этомъ я и думать не хотѣла... Семенъ Николаевичъ вернулся, когда въ городѣ затихло. Передъ нимъ всѣ преклонялись теперь. Развѣ не онъ первый назвалъ Гордаго провокаторомъ? Мы встрѣтились, какъ чужіе. Мы даже не подали другъ другу руки и сидѣли въ разныхъ углахъ комнаты. Когда онъ заговорилъ объ Яковѣ (такъ звали Гордаго), я встала и сказала: „Довольно! Надо уважать память людей, которые пожертвовали собою...“ Онъ вскочилъ внѣ себя и крикнулъ: „Значитъ это правда, что ты его любила?“ И я безъ колебанія отвѣтила: „Да...“

Художникъ бѣгаетъ по комнатѣ, ероша волосы.

— Какія драмы! Кто могъ бы думать, читая газеты о всѣхъ этихъ ужасахъ въ Россіи, что вы способны такъ безумствовать въ любви чуть ли не наканунѣ смерти?

— А между тѣмъ это такъ, Билла... И думается мнѣ, что эта близость смерти, что эта краткость жизни только обостряютъ жажду счастья... Не у всѣхъ, конечно... Многіе изъ насъ не думаютъ объ этомъ... И я тоже рѣшила навсегда отречься отъ счастья и вся отдалась дѣлу... Ахъ, Билла! Какихъ только порученій я не брала на себя! Чѣмъ опаснѣе было оно, тѣмъ желаннѣе оно мнѣ казалось... Но вотъ вспыхнула революція. Я была уже въ Москвѣ... Тамъ я видѣла, какой властью пользуется Семенъ

Николаевичъ... Онъ уже былъ въ комитетѣ. Всѣ нити были въ его рукахъ, и я, наравнѣ съ другими, восторгалась его организаторскимъ талантомъ, его смѣлостью и темпераментомъ... Я не буду вамъ разсказывать подробностей, Билла... Газеты вы читали... Вы знаете, какой сонъ пережили мы... Я была такъ наивна... Ахъ, да и не я одна!.. Я была такъ увѣрена, что мы побѣдили, и что назадъ возврата нѣтъ, что когда я, напримѣръ, шла по улицамъ Москвы и видѣла дома, которые воздвигали себѣ богачи, я думала: „Глупцы, слѣпые люди! Зачѣмъ строятъ они эти хоромы? Не безуміе ли жить по-старому, дѣлать какіе-то разсчеты, когда всему старому пришелъ конецъ? Когда мы — хозяева положенія?.. Завтра отъ этихъ построекъ могутъ остаться однѣ развалины... Или мы отдадимъ подъ школы эти роскошные особняки. Завтра помѣщики будутъ изгнаны изъ усадебъ, и крестьянинъ завладѣетъ землей...“

— Слѣпцами были вы, безумные мечтатели!

— Да, но это безуміе было заразительно... Я агитировала такъ страстно, что вечерами почти падала отъ переутомленія... Я держалась только на нервахъ. Но вы знаете конецъ, Билла?.. Вы читали объ этой кровавой трагедіи нашего пробужденія?.. Тутъ я не выдержала и свалилась. Одна подруга моя увезла меня почти въ бреду, въ провинцію, въ мирный уголокъ, куда не долетали отклики бури, разметавшей насъ... У нея было имѣніе въ Подольской губерніи. И тамъ я прожила полгода... Знаете, Билла?.. Я была такъ утомлена, что не могла читать. Глаза мои скашивались на буквахъ, и строки лѣзли врозь... Докторъ велѣлъ мнѣ лежать часами въ полумракѣ. А когда настала весна, онъ совѣтовалъ мнѣ уходить въ поле и съ обрыва глядѣть вдаль... Всегда вдаль и въ небо, чтобы не останавливать взгляда на близкихъ предметахъ... Я училась читать, какъ слѣпая, которой вернули зрѣніе... Я страдала отъ головныхъ болей... Я была инвалидомъ.

Билла гладитъ руки Маріулы и прижимается къ нимъ щекой.

— Семенъ Николаевичъ разыскалъ меня и въ деревнѣ... Остальное ясно... Когда на глазахъ человѣка рухнулъ грандіозный храмъ, который онъ самъ строилъ; когда въ этой работѣ онъ видѣлъ цѣль и смыслъ жизни... Моя душа, Билла, опустѣла. Въ ней были ночь и тишина. А вы знаете, что ночью мы иные, чѣмъ днемъ... Заговорили ночные голоса. Позвали за собой въ Невѣдомое, обѣщая забвеніе, если не счастье и не возрожденіе... Я такъ устала... Я не могла уже бороться...

— Но развѣ ты не знала счастья? Неблагодарная!.. Развѣ у тебя нѣтъ ребенка?

Маріула печально глядитъ въ окно, откуда льются синѣющія сумерки.

— Мое дитя—моя слабость, Билла. Я не должна была имѣть дѣтей... Знаю, что не дрогнетъ душа моя, если опять пробьетъ великій часъ, и жизнь позоветъ меня... Но воспоминаніе о Шурѣ, брошенномъ на чужія руки, дастъ мнѣ немало ненужныхъ, безполезныхъ страданій...

— Ты отдашь его мнѣ, Маріула,—шепчетъ Билла.

Она крѣпко жметъ ему руку.

— А что касается счастья... О, Билла!.. Какая дѣйствительность можетъ сравниться съ золотыми снами, которые нашему поколѣнію дано было пережить? И кто видѣлъ ихъ разъ, эти сны, тому всѣ приманки жизни кажутся ничтожными...

Она устремляетъ свои огромные глаза въ синѣющую даль небесъ. И заканчиваетъ тихо и проникновенно:

— У меня есть все, что нужно для счастья средней женщины: любимый человѣкъ, дитя, обезпеченность, потому что *онъ* устроился въ Россіи, и насталъ конецъ моей нуждѣ. Но у меня есть еще большее, Билла... И всѣ блага жизни я готова уступить за это сокровище... Это вѣра въ то, что мы не обманулись... Это вѣра въ то, что нашъ сонъ повторится...

II.

Ты получила письмо?—подозрительно спрашиваетъ художникъ, видя сіяющіе глаза Маріулы.

— Да... И письмо, и новую газету...

— И я тоже получилъ письмо,—угрюмо роняетъ онъ.

Не обращая вниманія на его слова, Маріула говоритъ:

— Прочтите, Билла... Вы оцѣните эту статью. Только *онъ* могъ написать ее. Онъ талантливый публицистъ. Но этого мало... Здѣсь есть темпераментъ, огонь, вѣра, сила... Я горжусь имъ. И какое прекрасное дѣло началъ онъ сейчасъ! Молодое и смѣлое... Я всегда мечтала писать для народа. Онъ зоветъ меня не только... жить съ нимъ... но и помочь ему въ этомъ трудномъ дѣлѣ...

— Та-акъ... Помочь въ трудномъ дѣлѣ? Та-акъ... И когда же ты ѣдешь? Сейчасъ?

— Нѣтъ... Сейчасъ ему некогда. Послѣ Новаго года, когда онъ устроится на квартирѣ...

— ...и когда оттуда съѣдетъ другая,—неожиданно перебиваетъ Билла. Сверкнувъ глазами, онъ складываетъ руки на груди и вызывающе смотритъ на медленно блѣднѣющую Маріулу.

— Ну, да!.. Что ты смотришь на меня?.. Я не сумасшедшій... Вотъ письмо.—Онъ ударяетъ себя по груди.—Здѣсь!.. Я ношу его уже два дня... и не смѣю показать тебѣ... Я это знаю уже три недѣли... Онъ обманываетъ тебя... Другая женщина помогаетъ ему... Ихъ тамъ двѣ даже... И не знаю, чортъ побери, на что ему нужна еще третья?

— Дайте мнѣ письмо, Билла,—черезъ минуту говоритъ Маріула. Пройдя комнату, она садится въ креслѣ.

Но художникъ испуганъ этимъ спокойствіемъ. Онъ ждалъ крика: „Ложь!..“ Ждалъ гнѣва, упрека въ клеветѣ...

Онъ подходитъ къ креслу и садится у ея ногъ.

— Маріула, прости!.. Я не могъ поступить иначе...

— Дайте мнѣ письмо...

— Не проклинай меня, Маріула!.. Все это я сдѣлалъ изъ-за любви къ тебѣ... Мнѣ было больно... Ты не изъ тѣхъ, которыхъ обманываютъ...

— Я это цѣню... Дайте мнѣ письмо...

Онъ достаетъ его изъ кармана бархатной тужурки и разглаживаетъ дрожащими пальцами.

Чуть-чуть прищуривъ вѣки и прикусивъ нижнюю губу, Маріула брезгливо читаетъ сообщенія какой-то женщины о томъ, что газета произвела впечатлѣніе бомбы, брошенной въ толпу. Всѣ заинтересованы редакторомъ. Но онъ неуловимъ. Если кто-нибудь хочетъ добиться свиданія съ нимъ, то надо просить содѣйствія секретаря. „Это извѣстная писательница—Лили, пользующаяся, какъ идутъ слухи, неограниченнымъ довѣріемъ и симпатіями какъ издателя, такъ и редактора газеты...“ Брови Маріулы вздрагиваютъ. Художникъ догадывается, какія строки прочла она сейчасъ. Онъ прячетъ въ карманы сразу озябшія руки.

„Она очень недурна, хотя ей уже подъ сорокъ, и очень *гибка*...
„Съ нею можно недурно провести время. Какъ помощница—она
„золото. Говорятъ, она перешла къ С. Н. отъ Штейнбаха, но эта
„женщина цѣпко держится за то, что пріобрѣла. И вашей пре-
„красной Маріулѣ нелегко будетъ выцарапать свое счастье...“

Маріула брезгливымъ жестомъ отодвигаетъ письмо.

Билла гнѣвно комкаетъ бумагу и бросаетъ ее въ огонь.

— Кто это пишетъ?—спрашиваетъ она, сдвигая брови и глядя поверхъ головы художника, тщетно ищущаго ея взгляда.

— Это Немолова. Мой другъ и моя бывшая ученица. Она живетъ переводами... Здѣсь нѣтъ ни одного слова клеветы...

Ея лицо непроницаемо, только блѣдно и точно осунулось. Билла готовъ поклясться, что она страдаетъ; что эти густыя сощу-

2

ренныя рѣсницы прячутъ отъ него боль гордой, страстной души... „Ахъ, зачѣмъ я это сдѣлалъ!..“ рвется изъ сердца его непосредственный крикъ. Но тотчасъ другой голосъ отвѣчаетъ настойчиво и властно: „Ты не смѣлъ молчать, если любишь ее.“

Разсчетъ?.. О нѣтъ!.. Его было меньше всего въ поведенiи галичанина. И шпiонить онъ не собирался. Немолова сама, зная объ его увлеченiи Марiулой, заинтересовалась Семеномъ Николаевичемъ... И на осторожный вопросъ Биллы отвѣтила двумя длинными письмами, сперва о романѣ съ Дуничкой, затѣмъ съ Лили.

Но страсть подсказала художнику, что разрывъ съ возлюбленнымъ, разрывъ немедленный будетъ лучшимъ исходомъ для оскорбленной женщины... А тамъ... кто знаетъ?.. Онъ готовъ жениться на этой Марiулѣ, словно околдовавшей его. Готовъ любить какъ сына ея Шуру... И она это знаетъ, хотя ни разу они не затрагивали этого вопроса. Цѣломудренная застѣнчивость, знакомая только истинной любви, впервые сковала уста художника, до сорока лѣтъ смотрѣвшаго на женщину сверху внизъ.

Но цѣнитъ ли это Марiула?.. Что нужно ей? Что дорого этой новой женщинѣ, идущей своей, непротоптанной толпой дорогой? Ей, берущей любовь, какъ отдыхъ и радость? Ей, чья душа открыта золотымъ грезамъ о жизни иной?

Здравствуй, Марiула... У тебя жаръ? Ты больна?

— Пустяки! Я пришла проститься. Завтра я ѣду въ Россiю...

— А деньги? Хочешь, я тебѣ дамъ ихъ?

— Нѣтъ, мнѣ хватитъ на дорогу туда и обратно.

Краска кидается въ лицо художнику.

— Обратно?.. Значитъ ты вернешься?

Она поднимаетъ на него свои темные огромные глаза, такiе скорбные, такiе удивленные. И сердце художника плачетъ отъ жалости.

— А Шура какъ же? Ты берешь его съ собой?

— Нѣтъ, Билла. Я поручаю его вамъ... Я скоро вернусь, другъ мой... И снова буду работать у васъ. И добиваться своего мѣста въ мiрѣ.

— О, Марiула! Не надѣйся на свою твердость... Онъ недюжинный человѣкъ... Онъ будетъ бороться за счастiе. И если ты женщина, Марiула, если въ твоей груди бьется нѣжное и преданное сердце, кто знаетъ? Ты простишь его. Зачѣмъ тебѣ уступать дорогу другой?

— Простить?.. Что простить?.. Измѣну? Любовь къ другой?.. Тутъ нѣтъ мѣста прощенью. Старъ и жестокъ вашъ катехизисъ, Билла... Развѣ не свободна наша душа? Неужели вы думаете,

что я, полюбивъ другого, отреклась бы отъ счастья?.. Но есть нѣчто, чего нельзя простить... Обмана... Вѣры, втоптанной въ грязь... Вы меня поняли?

— Нѣтъ, Маріула! Нѣтъ... Я ревную къ нему. Я не люблю его... особенно теперь, за твои страданья... Но весь онъ съ его двойственностью, съ его слабостями мнѣ ближе и понятнѣе, чѣмъ ты, цѣльная, гордая Маріула!.. Онъ человѣчнѣе тебя... Вѣрь мнѣ, дитя мое!.. Я знаю жизнь и людей... Я убѣжденъ, что онъ не разлюбилъ тебя. Развѣ можно тебя забыть?.. Онъ только на время увлекся другой... Прости... тебѣ больно?

— Нѣтъ... Нѣтъ... Говорите!.. Теперь ужъ отболѣло... Все равно!

— Стоитъ тебѣ вернуться, онъ будетъ опять въ твоей власти. Скажи, развѣ въ твоихъ-то глазахъ твое личное счастье стоило такъ мало, что ты отказываешься бороться за него?.. Зачѣмъ же ты ѣдешь туда?.. Почему не написать отсюда?.. О, Маріула!.. Ты непослѣдовательна... И я знаю почему. Я хорошо знаю женщинъ... Ты все-таки еще надѣешься, что это ошибка... Видишь? Ты вздрогнула... Я угадалъ... Ты хочешь видѣть свою соперницу? Видѣть ихъ рядомъ? И еще разъ измѣрить всю глубину твоего горя и оцѣнить то, что ты теряешь?.. Ты еще любишь его... Да... да... да! Ты его любишь!

— Вы кончили, Билла?.. Теперь буду говорить я... Только отвѣтьте мнѣ прежде, почему вы сами такъ непослѣдовательны? Если вы нынче уговариваете меня вернуться къ нему, зачѣмъ вамъ нужно было вчера показать мнѣ это письмо?

— Потому что я люблю тебя! — вскрикиваетъ Билла. — И ты это знаешь... Потому что я голову теряю отъ ревности... Но именно потому, что я люблю тебя, Маріула, я не могу видѣть твоихъ страданій... Ты словно стаяла вся за одну эту ночь... О, Маріула!.. Прости!.. Я не долженъ былъ разбивать твоихъ иллюзій... Но душа моя закипѣла...

— Вотъ... Вы поняли... Этимъ сказано все... Онъ не смѣлъ унижать меня. Полюбить другую? Да... Это было его право. Но обмануть меня? Нѣтъ... Онъ нарушилъ нашъ договоръ.

— Тогда не надо ѣхать! Напиши ему!—страстно вскрикиваетъ художникъ.

Она долго молчитъ, разглядывая розовые пальцы своихъ маленькихъ рукъ. А когда поднимаетъ голову, то Билла видитъ въ ея лицѣ странную, слабую, виноватую улыбку. И это выраженіе такъ неожиданно и такъ краснорѣчиво...

— Вы угадали, другъ мой... Мнѣ надо видѣть ихъ вмѣстѣ, чтобы повѣрить... Пусть! Это моя послѣдняя слабость...

— Ты еще любишь его?

— Зачѣмъ лгать? Люблю... Онъ былъ первый мужчина, котораго я узнала. Онъ отецъ Шуры... Вытравить эти воспоминанія нелегко... Разорвать эту связь... мучительно.. О, Билла, я далеко не такъ сильна, какой вы меня считаете!.. Но я знаю твердо одно: за это счастье, какъ оно ни дорого мнѣ, я бороться не буду... Я пальцемъ не шевельну, чтобъ вернуть его!

— Почему же?.. Я отказываюсь понять тебя!

— Въ религіи не должно быть компромиссовъ. Я или вѣрю въ Бога, или отвергаю его. А всякая половинчатость и суевѣріе только унижаютъ человѣка. Такъ и въ любви... Для меня вся жизнь — культъ моему богу... И любовь только одинъ изъ элементовъ моей религіи. Дни мои цѣнны мнѣ не потому, что я молода, и солнце свѣтитъ ярко, и въ душу мою заложена потребность наслажденія... А потому, что въ этомъ небѣ я вижу символъ безсмертія... И это небо говоритъ мнѣ, что жизнь моя коротка, а цѣли мои велики... что эта короткая жизнь слишкомъ большое благо, чтобъ тратить ее на слезы, ревность, на безплодную тоску... И если я случайно обманулась въ выборѣ товарища, то міръ великъ... Важно не то, съ кѣмъ идешь по дорогѣ... Важно то—куда идешь!.. А путь мой для меня ясенъ. Я говорила вамъ, что уже съ шестнадцати лѣтъ я знала, въ чемъ цѣль моей жизни... На этой дорогѣ нельзя надолго останавливаться... Наше личное счастье это только бивуакъ въ полѣ... Отдыхать можно только пока темно. Но когда забрезжитъ разсвѣтъ, надо снимать палатку и идти дальше... Любовь—это сонъ нашей души. А жизнь только въ борьбѣ... Не за счастье... О, нѣтъ!.. За свободу, Билла... За свободу женщины. За свободу униженнаго человѣка. За свободу порабощеннаго міра... И чѣмъ скорѣе я стряхну съ себя этотъ сонъ, тѣмъ лучше, Билла!.. Тѣмъ лучше для меня... Пожелайте же мнѣ мужества!.. Я скоро вернусь...

III.

Лили сошла съ лѣсенки и, откинувшись назадъ, оглядѣла прибитую штору въ дѣтской.

Кажется, все хорошо... Лучше всякаго драпировщика умѣетъ она справляться съ такими вещами... И комната самая свѣтлая въ маленькой квартирѣ. Ничего лишняго. Ни ковровъ ни мягкой мебели. Мальчику здѣсь будетъ хорошо.

Чуть вздохнувъ, она идетъ въ столовую, гдѣ зорко оглядываетъ новый буфетъ. Оттуда въ уютный кабинетъ Семена Нико-

лаевича. Для этой комнаты, какъ и для дѣтской, ничего не нашлось у хозяйки, сдавшей квартиру съ мебелью. И Лили пришлось купить дубовый столъ, модный диванъ съ высокой спинкой, два кресла подъ темную кожу и книжный шкафъ. Кабинетъ редактора съ темно-зелеными шторами вышелъ совсѣмъ приличнымъ. Зато крохотная полутемная комната, куда Семенъ Николаевичъ пожелалъ поставить себѣ простую желѣзную кровать, ужасна!.. Мѣсто осталось только для умывальника.

Рядомъ еще комната, вся свѣтлая, съ мягкой мебелью изъ лиловаго кретона и плюша, которую дала хозяйка. Лили убрала со вкусомъ кисеей и лентами туалетный столъ. Прибила двѣ этажерки и навѣсила недурные виды Венеціи, въ старинныхъ рамкахъ, нашедшіеся въ квартирѣ. А у окна Лили поставила небольшой письменный столъ.

Она искала его два дня по мебельнымъ магазинамъ. Онъ дорогъ, правда... Но когда она заикнулась объ этомъ Семену Николаевичу, тотъ быстро вынулъ сто рублей и даже покраснѣлъ.

— Пожалуйста купите... Я буду вамъ такъ благодаренъ!.. Вы сама доброта,—добавилъ онъ, цѣлуя ея руку. И поглядѣлъ такими виноватыми, такими жалкими глазами...

Всякій разъ, когда Лили входитъ въ эту комнату, сердце ея сжимается такъ больно!.. До слезъ... У этого стола будетъ писать не она. Другая... Не она будетъ жить въ этой хорошенькой дѣвичьей комнатѣ, располагающей къ созерцанію и грезамъ.

Она останавливается у окна и смотритъ на улицу; на вывѣску парикмахера; на закатные лучи солнца, алѣющіе на трубѣ дома, наискосокъ; на бодро идущихъ солдатъ; на лѣниво плетущіяся сани.

Кирочная далека отъ центра, гдѣ сейчасъ шумитъ и бурлитъ потокъ предпраздничной суеты. Это неширокая, тихая улица съ невысокими домами... Напоминаетъ Москву. Здѣсь, въ тишинѣ, такъ удобно работать!.. Семенъ Николаевичъ хорошо выбралъ мѣсто, и квартира недорога... Вотъ изъ этого окна другіе глаза будутъ глядѣть на вывѣску, на алые лучи...

Лили смахиваетъ слезу... Набѣгаетъ другая. Она достаетъ платокъ и кусаетъ его... Нельзя плакать!.. Надо быть корректной... Во что бы то ни стало! И до конца играть свою роль... Надо умѣть приспособляться... Плакать будетъ время потомъ... А сейчасъ безъ драмъ и упрековъ, не торгуясь, надо брать у судьбы счастье, которое она подарила... Бѣглое? Случайное? Что-жъ?.. Когда ночь темна, и путнику холодно, онъ радъ каждому огоньку вдали.

Если-бъ кто-нибудь видѣлъ Лили въ эти дни въ Гостиномъ дворѣ, на Апраксиномъ рынкѣ или въ пассажѣ, торгующуюся,

приглядывающуюся и заботливо отмѣчающую карандашикомъ въ записной книжкѣ, что уже куплено и что еще надо купить для хозяйства,—всякій сказалъ бы: „Эта женщина вьетъ себѣ гнѣздо...“ Если-бъ при этомъ она отвѣтила: „Неправда!.. Я это дѣлаю для другой... для соперницы, которая изгонитъ меня изъ души любимаго человѣка“,—ей не повѣрили бы. Ей засмѣялись бы въ лицо. А если-бъ она добавила: „И все это я дѣлаю съ горькой радостью. Мнѣ легче такъ: думать не о своемъ одиночествѣ, а объ мебели, о шторахъ, о салфеткахъ, о посудѣ...“ ей опять не повѣрили бы... Но *онъ* понялъ, когда принялъ ея предложеніе устроить ему квартиру. Онъ слишкомъ тонокъ, этотъ человѣкъ, чтобы не оцѣнить всего сладострастія такого самозабвенія.

Звонокъ...

Лили испуганно отираетъ слезы, быстро оправляетъ прическу передъ зеркаломъ, разглаживаетъ складочки кокетливаго рабочаго фартучка и бѣжитъ въ переднюю, опережая кухарку.

— Вы?.. Такъ рано?—весело спрашиваетъ она.—А у меня уже все готово... Хотите взглянуть?

— Очень хорошо, Лили!—мягко говоритъ онъ, оглядывая свѣтлую дѣтскую.—Шторы очень красивы.

— Это финляндскія. Немножко дороги. Зато я съэкономила на драпировщикѣ. Всѣ шторы прибила сама. Вы довольны?

Онъ глядитъ на нее молча тѣми же виноватыми, жалкими глазами, какихъ мѣсяцъ назадъ она не могла себѣ представить на его недобромъ лицѣ. Потомъ цѣлуетъ ея вѣки.

— Великодушная женщина!..

Она горестно стискиваетъ губы... Лишь бы не заплакать!

— Лили... Я черствый человѣкъ... Но, клянусь вамъ... у меня нѣсколько разъ сжималось горло, когда я видѣлъ васъ въ этихъ хлопотахъ... Понимаете ли вы, до чего вы трогательны въ этой... въ этой покорности и... самозабвеніи?.. И если я раньше увлекался вами, то повѣрьте, за эти дни я полюбилъ васъ... Что вы смотрите такъ испуганно?

„Ты теперь только полюбилъ меня?“ спрашиваютъ печальные глаза. „Полюбилъ за заботу о другой. А что же было раньше?“

— Всю прелесть вашей натуры, Лили, я оцѣнилъ только теперь... И это такъ ужасно, что...

Онъ вдругъ смолкаетъ, схватившись за бороду, и дергаетъ ее.

— Я кончу за васъ, Семенъ Николаевичъ, — тихо говоритъ она, выпрямляясь.—„И это такъ ужасно, что теперь мы должны разстаться...“ Вы это хотѣли сказать?

— Разстаться? Никогда!—отвѣчаетъ онъ твердо, съ знакомыми

ей властными нотками въ голосѣ.—Кто сказалъ вамъ, что мы должны разстаться?

— Это неизбѣжно, разъ *она* возвращается и... вы любите ее...

— Но я и васъ люблю,—вскрикиваетъ онъ.—И вы тоже стали мнѣ необходимы, Лили... Вы вошли въ мою жизнь за эти дни... И... откровенно говоря, я не знаю, что было бы со мной, если-бъ вы не стояли рядомъ, выносливая, гибкая, работоспособная...

— Вы цѣните во мнѣ чиновника?—насмѣшливо спрашиваетъ она. Но тонкія ноздри ея трепещутъ отъ охватившей ее радости.

Онъ нервно смѣется.

— Вы кокетничаете, мой другъ? Будемъ говорить серьезно!.. Разстаться съ вами я не могу. И не хочу. Да, не хочу!.. И если вы уѣдете въ Москву,—а это будетъ самое лучшее при данныхъ условіяхъ,—мы будемъ видѣться три-четыре раза въ мѣсяцъ, а иногда чаще... Въ глазахъ людей насъ будетъ связывать газета, которой вы будете руководить.

— Вы скоро забудете меня, Семенъ Николаевичъ,—просто и искренно говоритъ Лили. Она рѣдко говоритъ такъ.

Онъ вкрадчиво обнимаетъ ее.

— Забыть васъ?.. Развѣ это возможно? Развѣ есть еще такая, какъ вы?

— Но зато есть иныя,—отвѣчаетъ она съ мягкой горечью.— И всѣ онѣ для васъ интересны...

Но она тотчасъ овладѣваетъ собой и весело смѣется.

— Я страшно голодна. Покормите меня обѣдомъ!

— О, съ огромнымъ удовольствіемъ! Я самъ мечталъ объ этомъ.

Она держитъ его за пуговицы пиджака, слегка прижимаясь къ нему гибкимъ тѣломъ.

— Я купила пирожнаго по дорогѣ сюда, фруктовъ и вина. Ваша кухарка не умѣетъ дѣлать сладкаго и соусовъ... Помните, что̀ подала она къ рыбѣ вмѣсто соуса томатъ?.. Видите ли?.. Я охотно показала бы ей, какъ готовить...

— Неужели у васъ и кулинарные таланты, Лили?

— О!.. Я вполнѣ женщина,—смѣется она.—Все сшить на себя могу. И все приготовить не хуже бѣлой кухарки... Но... il faut sauver les apparences... Хотя я сама ее наняла для васъ, все-таки... вы понимаете сами, почему я не показываюсь на кухню и...

— Конечно, Лили... У васъ такъ много такта...

— Кушать подано,—говоритъ кухарка, внезапно появляясь въ двери.

Лили видитъ, какъ отшатнулся Семенъ Николаевичъ... Хорошо, что они только стояли рядомъ...

— А барышня будетъ кушать?

— Да, пожалуйста, Вѣра... Поставьте другой приборъ!—дрогнувшимъ голосомъ отвѣчаетъ Семенъ Николаевичъ. Онъ чувствуетъ, что лобъ его влаженъ.

За столомъ Лили уже снова улыбается... Жизнь такъ коротка! Счастье такъ невѣрно... Лучше всякой другой умѣетъ она цѣнить мгновеніе радости. Съ вызовомъ чокается она и пьетъ вино. Она чиститъ фрукты и угощаетъ Семена Николаевича. Она плѣняетъ его этой женственностью, домовитостью, этой массой предусмотрѣнныхъ мелочей, которыя въ совмѣстной жизни безпрестанно отвлекаютъ и раздражаютъ тамъ, гдѣ хозяйничаютъ женщины, какъ Маріула, непрактичныя и неприспособленныя, рожденныя для борьбы и подвиговъ... Жизнь съ Лили катится какъ вагонъ по рельсамъ. Чувствуешь себя на высотѣ. Ничто не отвлекаетъ отъ работы. А когда желаешь отдыха, онъ тутъ, подъ рукой. И съ нею забвеніе, и радость... И никакой критики, которой такъ терзала его Маріула! Лили на все глядитъ его глазами. Не надо бояться лишнихъ словъ, сорвавшихся не во-время жестовъ, дурныхъ настроеній, даже слабостей... Можно быть самимъ собой всегда, не опасаясь оскорбить, задѣть чужое самолюбіе... Лили не обидчива. Характеръ у нея мягкій и покладистый. Много нѣжности. И ласка... ласка въ каждомъ взглядѣ, въ каждомъ жестѣ... Охъ, какъ пріятно быть кумиромъ!.. Онъ такъ боится Маріулы, такъ трепещетъ передъ ея настроеніями! Какъ часто онъ утомлялся! Въ его годы трудно быть вѣчно настороже... А развѣ Маріула изъ тѣхъ, кто прощаетъ слабости?

— Очень недурное вино... Не правда ли? И недорого... Это я открыла эту марку... Ха!.. ха!.. Выпьемъ еще...

— За что, Лили?

— За ваше счастье, конечно...

— Почему же не за *наше?*

Онъ придвигается къ ней и кладетъ на столъ локти, держа стаканъ вина передъ собой.

— Я не могу отказаться отъ васъ, Лили!.. Почему вы не хотите мнѣ вѣрить?.. Вѣдь я уже не мальчикъ. И понимаю, на что иду...

— Прекрасно... Но это все, конечно, до тѣхъ поръ, пока святая ложь спасаетъ васъ въ этомъ ménage en trois... А если все откроется, и Маріула предложитъ вамъ ультиматумъ?.. А!.. Вы молчите? Я отлично понимаю свое мѣсто въ вашей жизни...

— Маріула не проститъ мнѣ моей лжи. Никакихъ ультиматумовъ она не предложитъ... Она просто уйдетъ...

— И это будетъ ужасно, Семенъ Николаевичъ?.. Да? Да?.. Сознайтесь, что это разобьетъ вашу жизнь?

— Личную жизнь? Да, конечно,—отвѣчаетъ онъ угрюмо.

И она съ удивленіемъ видитъ, какъ онъ вдругъ постарѣлъ на ея глазахъ... Она черезъ столъ протягиваетъ руку и тихонько гладитъ его рукавъ.

— Развѣ она не любитъ васъ?

— Свою гордость она любитъ еще больше, чѣмъ меня... Она не изъ тѣхъ женщинъ, которыя идутъ на компромиссы... Я долженъ хорошо, тонко, умно обманывать, чтобы сохранить привязанность Маріулы. И если она узнаетъ что-нибудь стороной и прямо поставитъ мнѣ вопросъ, я ей солгу, конечно... Я отрекусь отъ васъ, Лили, передъ нею... Но, если мы оба сумѣемъ молчать, кто сможетъ выдать нашу тайну?

Откинувшись на стулѣ и задумчиво теребя бороду, Семенъ Николаевичъ забылъ о стынущемъ кофе. Его брови нахмурены, и глаза померкли.

— Вы позволите?—спрашиваетъ онъ, берясь за папиросу.

— Пожалуйста,—отвѣчаетъ она, дѣлая огромныя усилія, чтобы не заплакать. Еще дней десять... Деньги вчера высланы въ Берлинъ Къ Новому Году Маріула будетъ въ Россіи. Она проѣдетъ сперва къ матери, а потомъ можетъ вернуться каждую минуту...

Она пьетъ кофе, боясь шевельнуть рѣсницами, за которыми дрожатъ слезы.

Въ кабинетѣ онъ садится на диванъ и обнимаетъ Лили.

— Что за дурацкая мебель!.. Прямая спинка и жестко, точно на камнѣ...

— Не сердитесь!.. Зато модно и стильно...

Она, какъ кошечка, прижимается къ нему, и онъ грустно гладитъ ея фризетку.

— Знаете, Лили?.. Я всегда мечталъ о подругѣ, какъ вы... Вы мой типъ... Недаромъ меня словно толкнула къ вамъ какая-то сила тамъ, въ театрѣ... Ваши кошачьи движенія, гибкая фигура, ваша вкрадчивость, льстивость... вся эта внѣшняя и душевная мягкость... О... я сразу понялъ, что̀ выйдетъ изъ нашей встрѣчи!

— Вы проницательнѣе меня... Но говорите... говорите еще,—шепчетъ она, вся замирая, закрывъ глаза.

— Я созданъ для власти, Лили. А вамъ пріятно подчиниться, раствориться въ другомъ... Есть женщины-царицы. Есть—рабыни. Но, ради Бога, не подумайте, что я хочу васъ этимъ унизить!.. Развѣ Петроній не любилъ рабыню? Развѣ Эвника не идеалъ женщины?.. Вы... какъ бы это сказать...

Она поднимаетъ голову, и ноздри ея вздрагиваютъ отъ сдержанной усмѣшки:

— Позвольте мнѣ прибѣгнуть къ метафорѣ, Семенъ Николаевичъ... Мнѣ это будетъ удобнѣе... Я—какъ туфля, которую ищетъ на привычномъ мѣстѣ нога полусоннаго человѣка... И найдя, надѣваетъ ее, почти не замѣчая...

— Ха!.. Ха!.. Это прелестно...

— А... та... другая—это новые, неразношенные штиблеты. Они больно жмутъ пальцы... И ни минуты не даютъ забыть, что у тебя есть ноги... даже когда голова работаетъ надъ трудной задачей...

Онъ цѣлуетъ ея вѣки.

— До чего вы обаятельны, мой другъ, съ этимъ вашимъ умѣніемъ первой посмѣяться надъ своей болью!.. Я ненавижу драмы, Лили... Но, повѣрьте, что вашу тактичность я цѣню высоко... И, если я не касаюсь этихъ вопросовъ... и вообще... шагаю... черезъ многое въ эти дни... то вѣдь это только желаніе не растравлять моей и вашей раны...

Она еще крѣпче прижимается щекой къ его груди.

— Я очень чутокъ, Лили... Представьте, я даже сантименталенъ... и передъ женскими слезами теряюсь... Я люблю дѣтей... Я нерѣдко плачу надъ книгой или пьесой... Вы смѣетесь?

— Нѣтъ, это восхитительно!..

— Но во всемъ, что касается политики, у меня каменное сердце... И клянусь вамъ... безъ рисовки... Я охотно посадилъ бы на лодки десять тысячъ моихъ враговъ и утопилъ бы ихъ въ Невѣ, какъ это дѣлали во Франціи, въ дни великой революціи...

— И въ первую голову ка-де-товъ?—смѣется Лили.

— О!—страстно срывается у него.—Всѣхъ... всѣхъ до единаго!.. Всѣхъ половинчатыхъ, ни теплыхъ, ни холодныхъ. Всѣхъ идущихъ на двѣ стези! Всѣхъ, жонглирующихъ высокими словами... Господъ нытиковъ отъ либерализма... И оппортунистовъ... à la Валицкій и К°...

— Довольно о политикѣ! — говоритъ она, кладя пальцы на его губы и глядя на него потемнѣвшими, влюбленными глазами.— Говорите о любви... Это *мой* часъ... И ни одного мига я не хочу терять!

Она беретъ его большую холеную руку, прикладываетъ ее къ своей горячей щекѣ. Потомъ тихонько поворачиваетъ голову и цѣлуетъ эту руку.

— Милая... Что вы?

— Ахъ, не мѣшайте!.. Такія породистыя руки... Такой баричъ...

Онъ насмѣшливо щурится на ея склоненный затылокъ.

— Мнѣ придется васъ разочаровать, Лили... Я никогда не

былъ ни баричемъ, ни аристократомъ... Мой отецъ былъ огородникомъ, а мать моя прачкой.

— Вы шутите?.. Съ такой осанкой? Съ такими манерами?

— Игра природы... Судьба назначила мнѣ сыграть видную роль за это десятилѣтіе. Я просто актеръ-самородокъ, какими были Мочаловъ и Ивановъ-Козельскій... Они вѣдь тоже изъ крестьянъ... Но кто, видѣвшій ихъ на сценѣ, могъ бы это думать? Вы опечалены, Лили?.. Я потерялъ въ вашихъ глазахъ?

— О, нѣтъ! Нѣтъ! — шепчетъ она, страстно прижимаясь къ его груди. — Я все люблю въ васъ... Я готова... ха!.. ха!.. изъ-за васъ отречься отъ эстетизма и стать демократкой...

Бьетъ три. Уже зажгли электричество въ конторѣ, а толпа подписчиковъ еще не убываетъ, и цѣлый хвостъ стоитъ на лѣстницѣ. Дверь раскрыта, но морозъ не доходитъ сюда, черезъ толщу человѣческихъ тѣлъ.

Лили, какъ всегда элегантная, въ черномъ платьѣ и модной прическѣ, любезно разговариваетъ съ двумя шершавыми литераторами. У одного изъ нихъ карманъ топорщится отъ объемистой рукописи. У другого она въ рукахъ, обвѣтренныхъ и не особенно чистыхъ. Изъ запертаго кабинета доносится гулъ голосовъ.

У стѣны, неподалеку, стоитъ маленькая, хрупкая дѣвушка съ матовымъ овальнымъ лицомъ и огромными глазами. Она очень красива, и Лили сразу замѣтила ее. Она обратила также вниманіе на ея темно-синюю драповую накидку, слишкомъ легкую для мороза, и на беретъ, покрывающій темныя до плечъ кудри... Оригинальная головка! Что-то напомнило Лили Берлинъ, русскихъ студентокъ... Она встаетъ изъ-за стола и, нарушивъ очередь, обращается къ дѣвушкѣ:

— Вамъ что угодно? Видѣть редактора?.. Подписаться?

— И то... и другое... благодарю васъ,—быстро отвѣчаетъ дѣвушка, и краска выступаетъ на ея матовомъ лицѣ.—Но я подожду.. Не безпокойтесь...

„Навѣрно попроситъ работы или перевода... И онъ растаетъ“, ревниво думаетъ Лили... „Какая хорошенькая!.. Что за глаза!..“

Теперь, говоря съ литераторами, Лили не теряетъ изъ виду дѣвушку въ беретѣ. Она замѣчаетъ, что та тоже приглядывается къ ней и прислушивается къ ея любезнымъ рѣчамъ. Она видитъ, какъ вдумчиво эти большіе темные глаза изучаютъ лица подписчиковъ и долго останавливаются на фигурахъ рабочихъ.

Раскатъ металлическаго красиваго баса доносится черезъ дверь.

Семенъ Николаевичъ увлекся споромъ. Лили невольно улыбается. Сощуривъ вѣки, дѣвушка пристально глядитъ на дверь.

— Да кто у него тамъ?—допрашиваетъ одинъ изъ писателей. Вы сказали бы ему... Вѣдь я тороплюсь...

— Простите, я не имѣю права...

— Ну, чего тамъ?—нагло перебиваетъ другой.—Вы-то, да не имѣете права? Когда говорятъ, что вы тутъ всѣми вертите, начиная съ издателя...

Щеки Лили алѣютъ. Она видитъ, что дѣвушка, поднявъ брови, прислушивается.

— Вы плохо слышали, monsieur... monsieur...

Другой ржетъ, ударяя рукописью по столу.

— У Семена Николаевича редакціонное и очень важное совѣщаніе... На сколько мѣсяцевъ? Вашъ адресъ?—спрашиваетъ она молодого рабочаго и, записавъ, отрываетъ квитанцію.—Пожалуйста, внесите деньги... Марья Ивановна, примите деньги!—бросаетъ она безцвѣтной барышнѣ, сидящей за отдѣльнымъ столомъ, у окна, гдѣ она тоже принимаетъ подписку.

— А вы все-таки доложите... Не вѣкъ же намъ тутъ ждать!

— Что вамъ угодно?—черезъ голову писателя спрашиваетъ Лили молоденькую дѣвушку-мастерицу.

— Подписаться... на двѣ недѣли...

— Послушайте, сударыня...

— Я уже вамъ сказала, что ваша повѣсть намъ не нужна...

— Да какого чорта! Не интересна что ли?

— Начать съ того, что она велика для нашей газеты... А потомъ эти вопросы интересовать нашу публику не могутъ.

— Вотъ такъ фунтъ! Это кто же сказалъ-то?

— Это мнѣніе редактора... Вашъ адресъ, сударыня? Получите квитанцію... Деньги, пожалуйста, туда... Марья Ивановна, примите!.. А вамъ на сколько подписаться? — любезно обращается она къ франтоватому приказчику въ пенснэ.

— Сударыня... послушайте... Вамъ стоитъ слово сказать... и всѣ преграды падутъ... и рукопись будетъ принята...

Лили бросаетъ взгляды дѣвушкѣ, наблюдающей за нею. Взглядъ Лили ищетъ сочувствія. Онъ какъ бы говоритъ: „Видишь, что приходится выносить женщинѣ, когда она выходитъ въ широкій міръ? Видишь, какъ улица встрѣчаетъ ее?..“ И Лили чудится, что искорки, загорающіяся въ темныхъ глазахъ дѣвушки, выражаютъ ей симпатію.

— Весь Петербургъ знаетъ, что настоящая хозяйка здѣсь вы! И если бы вы только захотѣли...

— Но я этого не захочу! — твердо перебиваетъ Лили съ холодной усмѣшкой, и опять черезъ голову писателя спрашиваетъ какого-то лысаго артельщика:

— На сколько мѣсяцевъ? Ваша фамилія...

Наконецъ очередь доходитъ до дѣвушки въ беретѣ. Она подходитъ къ столу, опираясь на него обѣими руками.

„Почему она такъ поблѣднѣла?.. Устала должно быть?.. Ахъ, досада! Эти разсѣлись... Нѣтъ лишняго стула...“

— Вы навѣрно замучились?—ласково говоритъ Лили. — На сколько мѣсяцевъ? Ваша фамилія?

— Позвольте мнѣ адресъ редактора,—говоритъ дѣвушка, глядя на подведенныя брови и накрашенныя губы Лили.

Та вдругъ догадывается, что ея гриммъ замѣченъ и осужденъ. И теряется внезапно.

— Адресъ?

— Ну, да... Я прошу адресъ редактора, — твердо, съ легкой насмѣшкой подтверждаетъ дѣвушка.

— А вы развѣ не хотите дождаться его здѣсь?

Лили, не глядя, видитъ, какъ двое пріятелей толкаютъ другъ друга колѣнями и локтями.

— Я не могу дольше ждать, — коротко отвѣчаетъ дѣвушка, тряхнувъ кудрями. Но Лили чудится какой-то враждебный отпоръ.

Закусивъ губы, она пишетъ адресъ и подаетъ его.

— Благодарю васъ. До свиданія!—сухо говоритъ дѣвушка въ беретѣ. Она идетъ къ двери.

— Гм... А недурна, чортъ возьми! — громко говоритъ одинъ изъ писателей.—А главное, молоденькая... Свѣжесть! Букетъ!

— А глазищи-то... Навѣрно евреечка... Везетъ этому Семену Николаевичу!

И оба ржутъ. Имъ пріятно всадить ножъ въ сердце Лили... Не важничай, дрянь! Не зазнавайся...

Въ пять часовъ контора газеты уже пуста. Лили прячетъ въ столъ послѣднія бумаги.

Марья Ивановна прощается и выходитъ. На послѣдней ступенькѣ темной лѣстницы, озаренной одной только лампой, она сталкивается съ маленькой фигуркой въ синей тальмѣ и беретѣ.

— Неужели контора заперта?.. Я опоздала? — задыхаясь отъ быстрой ходьбы, спрашиваетъ дѣвушка Марью Ивановну.

— Да, вы опоздали... Но редакторъ и секретарь еще тамъ...

— Благодарю васъ...

Маріула хочетъ подняться. Но въ эту минуту наверху хлопаетъ дверь, и она слышитъ вкрадчивый женскій голосъ:

— Постойте минутку... Поцѣлуйте меня!

Маріула беззвучно отступаетъ и инстинктивно становится въ густую тѣнь сѣней, подъ лѣстницей. Ее не видно, и ей не видно никого. Но она слышитъ каждый звукъ.

— Боже мой! Я такъ мечтала объ этой минутѣ! Всѣ мѣшали мнѣ, всѣ!.. Милый... милый...

— Какъ вы трогательны, Лили!—послѣ маленькой паузы шутливо-печально говоритъ Семенъ Николаевичъ.

— Вы скоро вернетесь? Какъ досадно!.. Мнѣ жаль каждой минуты... Вы понимаете?—страстно восклицаетъ она.

— Я постараюсь сократить мой визитъ, — отвѣчаетъ Семенъ Николаевичъ, медленно спускаясь подъ руку съ Лили по лѣстницѣ.—N*** назначилъ мнѣ этотъ часъ. Онъ дастъ свою статью... Нынче вечеромъ онъ уже выѣзжаетъ на югъ.

Онъ еще говоритъ что-то. Потомъ слова замираютъ на улицѣ.

Скрылись...

Маріула долго еще стоитъ неподвижно.

Вверху гулко стукнула щетка. Сторожъ отворилъ дверь.

Маріула точно просыпается.

Предпраздничная, необычная суета улицы, морозный воздухъ, свѣтъ фонарей, гудки автомобилей, окрики извозчиковъ, все, какъ было... И эти звѣзды тамъ, наверху. Конечно, конечно... Міръ не измѣнится оттого, что рухнуло ея счастье... Ея маленькое, хрупкое счастье... Ни одинъ фонарь не сдвинется съ своего мѣста оттого, что больно ея сердцу... И что новаго случилось сейчасъ? Развѣ пять дней назадъ, въ Берлинѣ, она не знала, что всему конецъ?.. Неужели она еще вѣрила? Неужели надѣялась на что-то?.. Улыбка горечи и презрѣнія кривитъ ея побѣлѣвшія губы... Все къ лучшему!.. Онъ не сознался бы никогда. Онъ сталъ бы защищаться, бороться за ея любовь... И она поддалась бы обману... Кто знаетъ, сколько разъ за эти годы... И она никогда ни унижалась до ревности. Она твердо рѣшила вѣрить и уважать его... Довольно лжи!.. Довольно!

Глаза ея опять безсознательно поднимаются къ темному небу. Почему?.. Пережитки дѣтства? Давно отвергнутыя вѣрованія?.. Нѣтъ... Тутъ что-то сложнѣе... Ввысь отъ земли, гдѣ все обманчиво и невѣрно, рвется ея душа. Туда, гдѣ горятъ немеркнущіе міры. Это жажда абсолютнаго. Жажда вѣчнаго. Слезы бѣгутъ по маленькому личику... Жгучія, послѣднія слезы... Пусть бѣгутъ!.. Боги дѣтства погибли давно. Но одна религія смѣнила другую.

Чего стоитъ жизнь безъ вѣры? Прекрасному, свѣтлому богу лучшаго будущаго молится сейчасъ ея душа. Тому будущему, гдѣ не будетъ насилія, несправедливости и невинно пролитой крови; тому будущему, для котораго работала и она по мѣрѣ своихъ силъ... тому будущему, приходъ котораго они трепетно ждутъ въ полуночи. Кто знаетъ, кто скажетъ, когда придетъ оно? Быть можетъ, черезъ пять лѣтъ? Быть можетъ, завтра?

„Надо очистить душу отъ мелкаго и злого. Изгнать ревность. Забыть гордость. Забыть страданія. Отвернуться отъ послѣднихъ иллюзій. Съ душой обновленной и радостной надо зажечь свѣтильникъ... Высоко поднять его надъ головой. И пристально глядѣть во мракъ ночи. Развѣ оно не близится то будущее, для котораго мы работали, за которое гибли? Друзья, товарищи! Проснитесь! . Бодрствуйте.. Вы слышите шаги вдали?.. Подымите ваши свѣточи надъ головой!.. Подымите ихъ выше!.. Пусть лучи ихъ падутъ во мракъ и скажутъ тому, кто бредетъ безъ дороги: „Сюда... сюда! Мы здѣсь... Мы ждемъ!..“

Лили прилегла на диванъ, въ кабинетѣ Семена Николаевича. Она заложила руки за голову, вытянула ножки въ лакированныхъ туфелькахъ и закрыла глаза.

О, какое наслажденіе лежать такъ, никуда не торопясь, не разговаривая съ авторами, не принимая подписчиковъ, ни о чемъ не думая... Завтра Рождество. Два дня отдыха... Два дня...

Скоро вернется Семенъ Николаевичъ, и они встрѣтятъ праздникъ вмѣстѣ... Еще одинъ день канулъ въ вѣчность... Еще одинъ вечеръ умчится...

Вдругъ матовое личико и темная головка въ беретѣ всплываютъ передъ глазами Лили... Она приподнимается на диванѣ.

Что такое?.. Да.. Она придетъ сюда за работой... Когда?.. Ну, все равно!. Не думать.. Не думать... Отдохнуть...

Но мысли одолѣваютъ. Горькія, мрачныя. На порогѣ Новаго года ее снова ждетъ одиночество, неизбѣжный спутникъ жизни. Ей вспоминается, какъ мѣсяца полтора назадъ внезапное увлеченіе толкнуло ее въ объятія Семена Николаевича. Было ли тутъ одно увлеченіе? . Съ его стороны, безспорно... Но ею сначала руководилъ разсчетъ. Ей нуженъ былъ союзникъ, лишній голосъ въ толпѣ критиковъ...

Искренность его порыва, его темпераментъ и утонченность его ласки покорили ее сразу. Всѣ разсчеты забылись. Она очнулась отуманенная, влюбленная безумно, радуясь этой возможности

любить... Снова готовая на всѣ жертвы... Ей казалось, что уже изсякли въ ея душѣ ключи живой воды послѣ разрыва съ Гаральдомъ. И какъ мощно забили они опять!

Но сонъ ея длился недолго... Какъ горько плакала она, послѣ его признанья, запершись въ своемъ номерѣ!.. Что онъ былъ женатъ,—это не страшило ее. Но объ его любовь къ Маріулѣ разбились всѣ ея мечты... „Ну, что же?“ сказалъ онъ ей тогда. „Я люблю васъ обѣихъ. Это мое несчастіе... Хотите вы помочь мнѣ перенести его?.. Я не откажусь ни отъ васъ ни отъ нея... А что выйдетъ изъ этого, увидимъ... Бросимъ вызовъ судьбѣ, Лили!“

„Счастье это или несчастье?“ спрашиваетъ она себя. Конечно, въ ея горькой жизни неудачницы—такое признаніе въ устахъ крупнаго человѣка — скорѣе побѣда, чѣмъ пораженіе. Вѣдь молодость уже позади. И въ этой молодости не было ничего, кромѣ обидъ, разочарованій и... грязи... Судьбѣ угодно было подарить ей встрѣчу съ человѣкомъ, полюбившимъ ее. Кто могъ думать, что ея индивидуальность оцѣнитъ именно этотъ человѣкъ, такой далекій ей по складу души? И онъ не лжетъ, говоря ей, что изъ простого увлеченія выросло большое чувство. Она сама инстинктивно сознаетъ, что она его „типъ“... Она чувствуетъ, что здѣсь крѣпнетъ и развивается глубокая привязанность; что въ разгарѣ работы, сблизившей ихъ, судьба незримо ковала цѣпи для нихъ обоихъ. Такого человѣка она встрѣчала въ первый разъ. Мощь его души, стойкость его вѣры, размахъ его честолюбія—все это ослѣпило ее... Она никогда не проникнется его вѣрой, и огонь его сердца только опалитъ ея душу. Но не зажжетъ ее. Ея восторгъ чисто эстетическій. Что изъ того? Она прильнула къ нему, какъ паутинка, прибитая вѣтромъ, къ могучему дубу.

Жестокая судьба велитъ ей дѣлить его жизнь и любовь съ другой... Это больно. Да... Но она какъ-нибудь приспособится... Всѣ, въ сущности, тайные магометане. Всѣ измѣняютъ, лгутъ, живутъ на двѣ семьи... Этотъ хоть не обманываетъ ее. Чѣмъ ея положеніе хуже положенія законной жены, обманутой мужемъ? А въ гаремахъ даже не знаютъ ревности... Стало быть, все это предразсудокъ, съ которымъ надо бороться... Ненависть къ другой?.. Нѣтъ... Нѣтъ... За что же?

Стукъ въ дверь... Еще... Лили слегка поднимаетъ голову, опирается локтемъ на подушку дивана... Должно быть, прислуга... Звонка она не слыхала.

— Войдите...

Дверь отворяется. Лили смотритъ съ секунду полулежа, ничего не понимая. Потомъ быстро спускаетъ ноги.

Темная фигура неподвижна у двери, и въ сумеркахъ нельзя различить лица. Но Лили сразу узнаетъ дѣвушку въ беретѣ.

— Простите... Вы къ Семену Николаевичу?.. Его еще нѣтъ... Но онъ скоро вернется... Я жду его обѣдать...

Электричество ярко освѣщаетъ письменный столъ. Углы комнаты остаются въ мягкомъ полусвѣтѣ.

— Садитесь, пожалуйста,—любезно приглашаетъ Лили, подвигая кресло къ столу.

Но дѣвушка въ беретѣ садится черезъ столъ въ полутѣнь.

— Вы—секретарь его?—спрашиваетъ она.

Да... Чѣмъ могу служить?.. Простите мое любопытство... Вашъ обликъ... Вы изъ-за границы?

— Да. Я изъ Берлина.

— Вы.. студентка?

— Да..

– Вотъ какъ!. —Щеки Лили загораются. Она уже не въ силахъ скрыть свое волненіе.— Вы навѣрно знаете его жену?—трепетно срывается у нея. Глаза такъ и впились въ матовое личико съ непроницаемыми гордыми глазами.

– Нѣтъ.. Я ее никогда не видала...

— Но вѣдь она живетъ въ Берлинѣ!—вскрикиваетъ Лили.

— Вы ошибаетесь... Она живетъ въ Витебскѣ.

Нѣсколько секундъ онѣ молча смотрятъ другъ на друга.

– Я навѣрно знаю, что Маріула...

- Ахъ, да... Маріула,—перебиваетъ съ усмѣшкой дѣвушка въ беретѣ —Маріула ему не жена..

· Не все ли равно?

— О нѣтъ!. Это огромная разница.

— Разъ люди живутъ вмѣстѣ...

— Все равно! Никогда не надо смѣшивать двухъ понятій... Жена его уже немолода. Она лѣтъ на семь старше его... Онъ женился студентомъ.

— Откуда вы это знаете? — испуганно срывается у Лили. — Вы развѣ знакомы съ Семеномъ Николаевичемъ?

— Да... Мы долго работали съ нимъ здѣсь, въ Россіи. Мы старые товарищи.

— Боже мой! Какъ это неожиданно! Какъ я вамъ рада!.. Снимите накидку... Не хотите ли чаю? Или лучше пообѣдайте съ нами, когда онъ вернется... Онъ черезъ часъ будетъ здѣсь...

— Благодарю васъ,—отвѣчаетъ она, отстегивая накидку.

Лили ясно слышитъ въ ея тонѣ холодокъ.

— Такъ вы говорите, что онъ женатъ?.. И у него дѣти?

— Да, взрослая дочь... гдѣ-то на курсахъ, въ Москвѣ... И видите, въ чемъ та разница, о которой я говорю?.. Онъ никогда почти не видитъ семью и рѣдко переписывается съ нею. До революціи, имѣя постоянный и опредѣленный заработокъ, онъ считалъ себя обязаннымъ поддерживать семью. Революція выбросила его за бортъ... Но та женщина носитъ его имя, и онъ не имѣетъ права жениться на другой... хотя онъ давно ничего не имѣетъ общаго съ этой женщиной, и пути ихъ жизней разошлись двадцать лѣтъ назадъ... Но когда-то, въ давно забытой обоими церкви, ихъ обвели вокругъ налоя, священникъ совершилъ надъ ними обряды, въ которые онъ, по крайней мѣрѣ, и тогда не вѣрилъ,—и вотъ они оказались оба связанными закономъ... И теперь, во всякое время, жена можетъ предъявить свои закономъ данныя ей права... Вотъ что значитъ быть женой. Вы понимаете?.. Всю жизнь жить на счетъ человѣка, лицо котораго забылъ...

Лили видитъ насмѣшку въ гордомъ, смугломъ личикѣ.

— И Маріула это знаетъ?—шепчетъ она растерянно.

— Да. Но Маріула только любовница и ничуть не стыдится этого слова... Которая по счету?.. Это все равно... Важно, что ихъ обоихъ связалъ не разсчетъ, а порывъ. Искренній и безкорыстный... Конечно, любовь уходитъ. И оба они это знаютъ. И преимущество Маріулы въ томъ, что она остается съ нимъ только пока они оба любятъ. Не кормилецъ нуженъ Маріулѣ, а только чувство свободное и прекрасное. Безъ обмана и лицемѣрія...

— А ребенокъ?—лепечетъ Лили.—Вѣдь у нихъ есть сынъ?

— Это ничему не должно мѣшать. Каждый живетъ для себя. Любовь высокое чувство, и даже такіе разсчеты его грязнятъ. Если они разстанутся, Маріула сама прокормитъ своего ребенка... какъ она это дѣлала и до сихъ поръ...

— Вы ее знаете?—горестно срывается у Лили.—Я вижу... вы близки съ нею... О, скажите, ради Бога... Она очень хороша?

Грустно глядятъ на нее темные глаза.

— Не все ли это равно?

— О, Боже мой! Конечно, нѣтъ... И она такъ молода...

— Это дешево стоитъ,—бросаетъ дѣвушка съ горечью.

— Но вѣдь она любитъ его?—вскрикиваетъ Лили, разомъ теряя почву подъ ногами, вся отдаваясь охватившей ее тоскѣ.

Дѣвушка пожимаетъ плечами.

— Такая, какъ Маріула, отдается только любя. Она не знаетъ страха передъ людьми. Она уважаетъ любовь. И если-бъ онъ овдовѣлъ завтра и предложилъ ей бракъ, я знаю, она отвергла бы его предложеніе...

— О... Но почему же?

— Зачѣмъ этотъ самообманъ? Развѣ бракъ удержалъ его около жены? Избавилъ ее отъ того, что принято называть измѣной? Въ чемъ преимущество жены передъ любовницей, если мы отбросимъ матеріальную сторону?.. Если можно обмануть тамъ и тутъ, то насколько для любовницы легче разрывъ и выходъ изъ этого униженія? Наконецъ, я... мы... соціалисты (быстро поправляется она)... мы должны быть послѣдовательными... Отрицая обрядности, мы не должны вѣнчаться... Я презираю тѣхъ, кто говоритъ одно, а дѣлаетъ другое. Въ чемъ тогда разница между нами и мѣщанами? Мы—люди будущаго,—не должны идти на компромиссъ! Мѣщане трусливые рабы. И, оправдывая всѣ подлости любовью, они всетаки стыдятся ея. Они лицемѣрно прячутъ эту любовь, если чудомъ она коснется ихъ душъ. И если они не вѣнчались, все равно. Цѣлый лексиконъ старыхъ словъ къ ихъ услугамъ: женихъ и невѣста... мужъ и жена... Почему хуже слово *подруга?* Почему грубо слово *любовница?* Потому что всѣ стыдятся любви. Никто не умѣетъ ее цѣнить. А безъ нея нѣтъ оправданія поцѣлую и ласкѣ!

Лили съ тоской смотритъ въ это личико.

— Вы привезли ему вѣсти о Маріулѣ?.. Скажите, она рада вернуться?

— Она никогда не вернется,—просто отвѣчаетъ дѣвушка.

Лили встаетъ блѣдная.

— Что?.. Что такое? Не вернется?.. Почему не вернется?

— Потому что она здѣсь лишняя...

Пальцы Лили ухватились за доску стола.

— Бога ради!.. Что такое?.. Какъ лишняя?

— Пожалуйста, не волнуйтесь,—удивленно говоритъ Маріула, протягивая руку.—Пожалуйста, успокойтесь... Все это рѣшено ею и обдумано. Не надо дѣлать драмъ изъ того, что такъ просто...

Лили садится, потому что ноги у нея ослабѣли. Одно мгновеніе отъ звона въ ушахъ она ничего не слышитъ.

Вдругъ она встаетъ съ рѣшимостью отчаянія. Опять цѣпкая, упорная, готовая бороться за счастье любимаго существа.

— Послушайте... Все это ложь... Ложь... ложь!.. Если до нея дошли сплетни... О, Боже мой!.. О комъ не сплетничаютъ?.. Чѣмъ выше стоитъ человѣкъ... Наконецъ я ближе всѣхъ къ нему въ данную минуту. Онъ откровененъ со мной... Мы цѣлые дни... да... мы всѣ свободные часы говоримъ съ нимъ о Маріулѣ... Онъ обожаетъ ее и ребенка... Это знаю я... Я! — истерически вскрикиваетъ Лили, ударяя себя въ грудь рукой. — Постойте!.. Что я хотѣла сказать?.. Да... Пойдемте... я вамъ покажу квартиру...

— Зачѣмъ?

— Пойдемте, ради Бога!.. Я докажу вамъ, какъ мы... какъ онъ ее ждалъ... Глядите... видите... столовая... а вотъ теперь сюда... Постойте!.. Я зажгу электричество... Это комната Маріулы... Вотъ столъ для нея... Я сама его искала... Три дня... Развѣ не прелестна эта комната? А теперь сюда... Это дѣтская...

Лили съ торжествующей улыбкой глядитъ на дѣвушку.

— Посмотрите, какія занавѣски! Это финляндскія... Увѣряю васъ, онѣ недешево стоятъ... Но онъ ничего не жалѣлъ для этой квартиры. Здѣсь каждый гвоздикъ вбитъ моей рукой... Глядите, какъ легко раздвигаются эти шторы!.. Повѣрьте, у любого адвоката или врача нѣтъ такой дѣтской...

— Я ничего не понимаю!—срывается у Маріулы. Она оглядывается блѣдная, смущенная.

— Но вы должны написать ей, что онъ ждетъ ее!—страстно вскрикиваетъ Лили.—Что тутъ понимать, Боже мой!.. И такъ все ясно... Онъ вчера выслалъ ей деньги... Вы не должны говорить ему о такомъ жестокомъ рѣшеніи Маріулы... Это убьетъ его... теперь, въ разгаръ дѣла... когда ему нужны силы...

Онѣ опять въ кабинетѣ. Теперь первой садится Маріула и съ изумленіемъ смотритъ на стоящую передъ нею Лили.

— Вы—великодушная женщина...

— Что вы этимъ хотите сказать?—побѣлѣвшими губами спрашиваетъ Лили.

— Вы его любите?

Лили молчитъ одно мгновенье.

— Да... Люблю... Но это ничего не измѣняетъ... Онъ самъ любитъ Маріулу... *Я* это знаю!.. Я это слишкомъ хорошо знаю...

— Вы должны ее ненавидѣть...

— Боже мой!.. За что?.. По какому праву?.. Я только... эпизодъ въ его жизни. Она героиня... А я одна изъ тысячъ... Онъ слишкомъ крупный призъ для такихъ, какъ я...

— И вы безъ борьбы хотите уступить ваше счастье?

— Бороться? Мнѣ?.. Маріула молода и прекрасна... Мнѣ уже подъ сорокъ лѣтъ... У нея есть ребенокъ...

— Вы любите дѣтей?

— У меня ихъ никогда не было,—съ тоской говоритъ Лили.

Пристально и вдумчиво глядитъ Маріула въ это художественно подрисованное, вдругъ осунувшееся и постарѣвшее лицо. Эти горько сжатыя губы, печаль затуманенныхъ глазъ, покорно склонившаяся линія плечъ и затылка ясно говорятъ о долгой-долгой

жизни, полной одиночества и разочарованій. И теперь только Маріула угадываетъ трагедію женской души подъ этимъ гримомъ, подъ пышной фризеткой, подъ изысканностью платья и обуви... Трагедію женщины, которая старится.

Она вдругъ встаетъ.

— Дайте мнѣ перо и бумагу! Мнѣ пора уходить... Я напишу ему нѣсколько строкъ.

Лили садится на диванъ, въ полутѣнь, и глядитъ на ярко освѣщенныя бархатныя брови и пышныя рѣсницы.

„Прощай,—пишетъ Маріула твердымъ, мелкимъ почеркомъ.— „Я знаю все. Я видѣла ту, которая смѣнила меня въ твоей жизни „и въ твоемъ сердцѣ. И я ухожу безъ горечи. Одного не могу тебѣ „простить: обмана.

„Мы дали другъ другу слово когда-то, что разойдемся при „первомъ намекѣ на охлажденіе. Ты не имѣлъ мужества со„знаться мнѣ въ твоемъ увлеченіи. Но я сама видѣла васъ обоихъ „на лѣстницѣ, когда вы прощались. Ты понялъ меня? Не пиши, „не ищи меня. Все будетъ безполезно. Эта женщина трогатель„на. Она смягчила мнѣ тяжесть разрыва и суровость прощаль„ныхъ словъ.

„Но я не перестала уважать тебя, какъ товарища. И если опять „пробьетъ нашъ часъ, позови меня! Хочу работать рядомъ съ то„бою. Что касается сотрудничества въ твоей прекрасной газетѣ? „Я напишу тебѣ изъ Берлина. Сейчасъ мнѣ слишкомъ трудно „думать о чемъ-либо... О Шурѣ не безпокойся. Желаю тебѣ „искренно счастья. Хотя на этотъ разъ постарайся удержать его! „Постарайся сохранить высокое и прекрасное чувство, которое „подарила тебѣ эта женщина! Маріула.“

Она быстро запечатываетъ письмо въ конвертъ, потомъ надѣваетъ накидку и подходитъ къ Лили.

— Дайте мнѣ руку!

Съ секунду онѣ смотрятъ другъ другу въ глаза.

— Будьте счастливы!—просто и искренно говоритъ Маріула.

Лили кидается за нею, нагоняетъ въ передней.

— Вы напишете Маріулѣ, что онъ любитъ ее? Что онъ ждетъ ее? Вы напишете?.. Пусть она вернется скорѣй, скорѣй!.. Если онъ и любилъ кого-нибудь въ жизни, то только ее...

Маріула энергично встряхиваетъ кудрями.

— Онъ никогда не умѣлъ любить... И тѣмъ лучше! Онъ созданъ для другого... *Вы* это умѣете... У васъ... какъ бы это сказать?.. талантъ любви... Вы сейчасъ... да... сознаюсь... вы меня по-

разили и растрогали. Героиней можно быть и въ большомъ и въ маломъ. Разные бываютъ подвиги въ жизни... Но цѣнность ихъ одинаково высока. Будьте счастливы! И не думайте о Маріулѣ. У нея жизнь впереди... Большая, многоликая и прекрасная жизнь... Зачѣмъ ей цѣпляться за эту маленькую радость? Нѣтъ... Маріула не вернется... Прощайте!

Лили стоитъ какъ во снѣ, глядя на дверь, прислушиваясь къ быстрымъ шагамъ по лѣстницѣ... Стукнула внизу дверь подъѣзда...

Ушла...

Она возвращается въ кабинетъ. Загадочное письмо рѣзко бѣлѣетъ на темномъ суккѣ стола. Въ этомъ письмѣ ея судьба.

Она садится на диванъ, охвативъ колѣни руками. Въ ушахъ звенитъ страстный голосъ красивой дѣвушки... Ея полныя силы и вѣры слова... Ахъ, если Маріула похожа на эту...

Она такъ задумалась, что когда Семенъ Николаевичъ входитъ въ кабинетъ, она точно просыпается.

— Простите, Лили... Меня N*** задержалъ... Столько новаго, столько... Что съ вами?.. Что такое?

— Вамъ письмо,—говоритъ она, медленно поднимаясь.

— Письмо?—съ непонятной ему самому тревогой переспрашиваетъ онъ, вертя конвертъ и не рѣшаясь его распечатать. — Кто принесъ это письмо?

— Подруга Маріулы... изъ Берлина... Она...

Онъ такъ сильно блѣднѣетъ, разрывая конвертъ дрожащими руками, что слова замираютъ на губахъ Лили.

— Маріула!—дико кричитъ онъ, пробѣжавъ первыя строки, и хватается за голову.

— Она обѣщала уговорить ее, — лепечетъ Лили. — Я клялась ей, что это ложь... что все это сплетни...

Онъ смотритъ на нее сумасшедшими глазами, не слыша ея лепета. Потомъ дочитываетъ письмо и роняетъ его на коверъ.

— Все кончено... Все кончено... Боже мой!.. Куда она пошла? Гдѣ остановилась?.. Вы не спрашивали?.. Она не сказала?

Онъ кидается въ переднюю, надѣваетъ шубу.

— Куда вы? Семенъ Николаевичъ!!

Не попадая въ рукавъ шубы, онъ отрывисто бросаетъ ей со злобой, почти съ ненавистью:

— Вы не должны были ее отпустить, разъ она пришла сюда! Зачѣмъ вы не задержали ее? Я долженъ ее найти... Я не могу этого пережить!

Лили, пораженная отчаяніемъ, на которое она не считала его способнымъ, возвращается въ кабинетъ, какъ лунатикъ.

Письмо бѣлѣетъ на полу. Она поднимаетъ его и читаетъ. Широко открытыми, полными ужаса глазами смотритъ на подпись...

И ни разу не приходитъ ей въ голову мысль, что соперница сошла съ ея дороги, и что хозяйкой въ этой квартирѣ остается она.

IV.

Маня,—говоритъ Штейнбахъ,—надѣюсь, что ты не будешь жить отдѣльно, какъ въ Парижѣ... Мы пробудемъ здѣсь всего шесть недѣль... Я отдаю тебѣ и Нинѣ весь верхъ. Мы съ дядей остаемся внизу... Тебя это устраиваетъ?

— Благодарю тебя... конечно,—отвѣчаетъ она. Но въ голосѣ ея все еще нѣтъ теплоты и жизни. И нѣтъ блеска въ ея глазахъ.

Штейнбахъ чувствуетъ, что она еще не забыла Гаральда. Не скоро закроется эта рана. Но у нея есть во что уйти отъ тоски воспоминаній. У нея осталось искусство... А гдѣ страна забвенія, куда могъ бы укрыться онъ самъ отъ скорбнаго призрака Ліи?

Неужели боленъ?—огорченно спрашиваетъ Маня, цѣлуя Анну Сергѣевну. — А я ложу привезла... Фрау Кеслеръ ѣдетъ тоже... Какъ жаль! Вѣдь первое представленіе. Чѣмъ боленъ?

— Гриппъ... Но онъ уже поправился Только выходить нельзя.

— Выйду... выйду!— кричитъ Петръ Сергѣевичъ изъ кабинета. — Красавица какая! — говоритъ онъ, цѣлуя Маню. — Это что? Ложа?.. Спасибо!.. Для такого случая стоитъ рискнуть...

— Никакого риска... Я пришлю за вами мой автомобиль.

— Воображаю!.. Оваціи, цвѣты... Заранѣе волнуюсь,—смѣется Петръ Сергѣевичъ, потирая руки. И сразу становится похожимъ на старичка.—Пока лежалъ больной, всю литературу о тебѣ перечелъ... Цѣлый томъ... Все женихъ твой старается... Спасибо ему!

Маня дѣлаетъ большіе глаза... Но молча снимаетъ шляпу.

— Давно вернулась?

— Вчера... А какъ мама?— спрашиваетъ Маня, и брови ея вздрагиваютъ.— Когда можно навѣстить ее?.. Поѣдемъ, Петя, вмѣстѣ!

И въ голосѣ ея звучитъ страхъ, который она не можетъ скрыть.

— А вотъ теперь вижу, что ты похудѣла... Больна была?

— Нѣтъ, Петя... Просто устала...

— Нелегкое, видно, ремесло?

Маня молчитъ, гладя рукавъ его пиджака.

Анна Сергѣевна всплескиваетъ руками

— Это ли трудно?.. До чего люди избаловались!.. Ты бы попробовала съ утра до ночи бѣгать по урокамъ за тридцать рублей въ мѣсяцъ... Вонъ у тебя уже капиталъ есть, а много ли ты работала?

— А какъ женихъ?.. Поздравляю, сестричка! Что же ты молчала?

— Кто вамъ говорилъ, что у меня есть женихъ?

Анна Сергѣевна опять сердится.

— Ну, вотъ видите!.. Тайны отъ насъ явились... Штейнбахъ былъ у насъ... когда это, Петя?.. Ну, недѣли три назадъ... и сказалъ, что ты дала ему слово... Скажешь, нѣтъ?

Маня равнодушно глядитъ въ окно.

— Я еще ничего не рѣшила.

Удивленно переглядываются братъ и сестра. И когда Маня уѣзжаетъ, они долго и возбужденно спорятъ. Анна Сергѣевна возмущается неблагодарностью Мани. Ужъ ей ли судьба не подарила всего, о чемъ можетъ мечтать женщина!.. А она кажется несчастной... Петръ Сергѣевичъ печаленъ. Онъ не возражаетъ.

А Маня вернулась домой задумчивой и молчаливой. Опять съ непобѣдимой силой, какъ тогда, въ октябрѣ, обступили ее воспоминанія въ тѣсной квартиркѣ Ельцовыхъ. И настоящее, и недавнее отодвинулось и померкло. Блѣднымъ пятномъ глядитъ на нее изъ этого тумана лицо Гаральда. И не болитъ сердце. Оно рванулось къ прошлому... Образъ Нелидова, его глаза, его голосъ преслѣдуютъ ее. Она его видитъ во снѣ. И нѣтъ ни горечи, ни злобы въ этихъ воспоминаніяхъ. Ихъ, впрочемъ, никогда не было. Одна только жгучая тоска о потерянномъ раѣ, какимъ рисовалась ей когда-то жизнь съ Николенькой.

Она не хочетъ отдать себѣ отчета, почему тянетъ ее въ эти стѣны. Но всѣ свободныя минуты она проводитъ у брата, въ его кабинетѣ, гдѣ когда-то, получивъ телеграмму Нелидова: *Прошу вашей руки*,— она пережила счастливѣйшую минуту своей жизни.

Но говорить о прошломъ можно только съ Соней. И Маня на другой же день ѣдетъ по ея адресу.

Какое разочарованіе! Соня уѣхала на праздники въ Лысогоры..

Нынче Маня въ приподнятомъ настроеніи, чего давно уже не было съ нею. Шла *Сказка* Гаральда, и въ театрѣ были Петръ Сергѣевичъ, Анна Сергѣевна и Агата. Ихъ наивный восторгъ такъ захватилъ Маню, что она напросилась къ брату пить чай и позвала Нильса. Штейнбахъ не поѣхалъ, ссылаясь на го-

ловную боль. Одну изъ безчисленныхъ корзинъ цвѣтовъ, поднесенныхъ Манѣ, она привезла брату. Онъ такъ любитъ цвѣты!

— Вотъ гдѣ ты жила, волшебница моя, — говоритъ Нильсъ, когда они на минуту остаются вдвоемъ въ столовой.—Какъ скромно все! Какъ просто!.. Маничка... жизнь моя...

— Тише!—испуганно останавливаетъ Маня, отстраняясь. Но по лицу вошедшей сестры она догадывается, что та видѣла жестъ Нильса и слышала его страстный тонъ.

Анна Сергѣевна думаетъ, что *поняла*. Съ Нильсомъ она суха. Ее шокируетъ, что артисты говорятъ на *ты*...

После спектакля Маня подъѣзжаетъ къ дому Штейнбаха. Мѣсяцъ уже поднялся высоко, и четко на снѣгу пустыннаго переулка отпечатлѣлась тѣнь отъ чугуннаго кружева рѣшетки.

Маня выходитъ изъ автомобиля, видитъ эту тѣнь и внезапно останавливается. Не входя въ ворота, куда уже въѣхалъ экипажъ, не замѣчая дворника, удивленно переглядывающагося съ ночнымъ сторожемъ, она глядитъ то на черную кружевную тѣнь на снѣгу, то на узорчатую рѣшетку и тамъ, вдали, на облитый луннымъ свѣтомъ домъ. Онъ похожъ на рыцарскій замокъ, стильный и строгій. За его башнями темнѣютъ оголенныя деревья сада.

И Маня вдругъ вспоминаетъ тотъ вечеръ, когда она впервые вошла въ этотъ домъ. Въ ея жизни это былъ роковой часъ, сдѣлавшій неизбѣжнымъ разрывъ съ Нелидовымъ. Вся жизнь ея съ того момента пошла по другому пути. О, Боже, Боже! Какъ давно это было!.. И все-таки, все-таки—какъ могла она забыть хоть на мгновеніе, что въ этомъ домѣ рѣшилась ея судьба?

Съ жуткимъ чувствомъ входитъ она по ступенямъ крыльца и звонитъ. Въ обширной передней оглядывается, расширивъ глаза. Враждебностью вѣетъ на нее отъ этихъ темныхъ стѣнъ, отъ роскошной лѣстницы, ведущей вверхъ... Она медленно идетъ, стараясь что-то вспомнить...

Въ этомъ домѣ почувствовала она тогда что-то важное... Что-то жуткое... Было ли это предчувствіе роковой развязки, ея попытки покончить съ собой?.. Гдѣ источникъ этого мистическаго ужаса и холода, который по пятамъ шелъ за нею въ тотъ вечеръ и не покинулъ ее даже въ квартирѣ брата?.. И развѣ не въ ту ночь созрѣла ея рѣшимость?.. И развѣ не на другое утро, воспользовавшись отсутствіемъ брата, она выкрала у него ядъ?

Лакей зажигаетъ электричество на лѣстницѣ. Но она не хочетъ подняться къ себѣ. Что-то надо додумать... выяснить...

— Маркъ Александровичъ еще не вернулся?

— Никакъ нѣтъ.

— А Іосифъ Львовичъ?

— Они спятъ.

Беззвучно скользитъ Маня мимо комнаты дяди и входитъ въ кабинетъ. У двери она быстро поворачиваетъ выключатель... Все дрожитъ у нея внутри. Еще одно мгновеніе въ темнотѣ, и она не удержала бы крика ужаса. Такъ ясно у нея чувство, что она здѣсь не одна.

Тѣмъ не менѣе, комната пуста. Маркъ перешелъ сюда, уступивъ ей наверху свой кабинетъ. И вся обстановка осталась тамъ. Онъ взялъ себѣ только письменный столъ, кресло и...

Маня глядитъ съ порога на портретъ, стоящій на мольбертѣ. И черезъ комнату, изъ тяжелой золоченой рамы, словно живое, смотритъ на нее скорбное лицо женщины. Изсиня-черные волосы правильными бандо лежатъ вдоль матово-бѣлыхъ щекъ. Въ раскинутыхъ, тонкихъ бровяхъ, въ сжатыхъ, горькихъ линіяхъ рта— краснорѣчивый трагизмъ побѣжденныхъ жизнью. Бездонные глаза, полные мрака, щурятся на Маню. Какъ будто угрожаютъ...

— Мнѣ?—невольно шепчетъ Маня, вытягивая шею и боясь приблизиться.—Ты грозишь мнѣ?.. Чѣмъ?.. Что ты знаешь?

Изъ золоченой рамы съ тайной угрозой щурятся на нее тѣ же бездонные зрачки.

Маня отходитъ къ окну и оглядывается на портретъ... Глаза какъ живые слѣдятъ за нею.

Виски Мани мгновенно дѣлаются влажными. „Чего боюсь? Вѣдь это иллюзія...“ Она пробуетъ смѣяться... Нѣтъ!.. Она не можетъ забыть своего перваго тайнаго ужаса, уже испытаннаго ею когда-то передъ этимъ портретомъ... Ровно недѣлю спустя послѣ перваго посѣщенія этого дома Маня отравилась.

Она идетъ къ двери. Глаза враждебно слѣдятъ за нею.

Она не въ силахъ потушить огонь и пройти темнымъ коридоромъ. Еще мгновеніе, и она уже бѣжитъ, точно кто гонится за нею. Она мчится на огонь къ освѣщенной лѣстницѣ.

Вдругъ отворяется дверь. Темный силуэтъ дяди...

Она кидается къ старику и прячетъ лицо на его груди.

— Страшно!—жалобно срывается у нея.

— Вотъ... Я это почувствовалъ... Я всегда знаю, когда тебѣ грозитъ бѣда.

Она закидываетъ голову и смотритъ въ его глаза, такіе же таинственные и бездонные, какъ тамъ, на портретѣ.

— Ты знаешь, какъ она умерла?—шепчетъ Маня.

— Кто?

— Сестра твоя... Мать Марка... Скажи, скажи!.. Она покончила съ собой?.. Да? Да?.. Молчишь?.. Почему? Ты же знаешь?.. А!.. Теперь я поняла... Теперь я все поняла!..

Онъ закрываетъ ея глаза ладонью.

— Не надо объ этомъ думать! Не надо!..

Радость ушла изъ этого дома. Только смѣхъ Ниночки или капризный плачъ ея, да энергичныя распоряженія Агаты нарушаютъ тишину огромныхъ комнатъ, гдѣ каждый про себя переживаетъ свою драму.

Счастливъ только старый дядя. Онъ видитъ Маню каждый день. Онъ тихонько крадется къ ней наверхъ, когда, вернувшись съ репетиціи, она лежитъ въ полутьмѣ, отдыхая передъ обѣдомъ. И его присутствіе никогда не тяготитъ ее. Онъ не говоритъ банальныхъ, ненужныхъ словъ, какъ Агата; не капризничаетъ, какъ Нина, требуя напряженнаго вниманія; не терзаетъ ея душу, какъ Штейнбахъ памятью прошлаго. Передъ нимъ не стыдно плакать потихоньку, уткнувшись лицомъ въ подушку софы. Онъ не разскажетъ никому. И самъ ни о чемъ не спроситъ... Но кто знаетъ? Быть можетъ, онъ лучше всѣхъ пойметъ ужасъ, охватившій ее. Это безсиліе передъ грозной жизнью... Кто скажетъ, какая мудрость таится въ этой темной душѣ, которая ей ближе трезвой Агаты и жизнерадостнаго Нильса?

Кроткій и печальный, всегда беззвучный, онъ такъ гармонируетъ съ этими сумерками, съ задумчивой тишиной большихъ комнатъ, съ гаснущимъ каминомъ, съ торопливой рѣчью маятника, напоминающаго, что жизнь идетъ. Идетъ и уходитъ, не разрѣшивъ загадки, не давъ удовлетворенія.

Она любитъ, пріоткрывъ усталыя вѣки, видѣть въ углу полутемной комнаты, въ креслѣ, его силуэтъ, шапку сѣдыхъ вьющихся волосъ надъ высокимъ лбомъ, профиль камеи, глаза безъ дна и блеска... „Какой былъ красавецъ, должно быть!..“ Двойникъ Штейнбаха, словомъ. Но двойникъ безполый, не знающій ревности, не страдающій отъ измѣны, не терзающій ея душу безплодной жалостью, не предъявляющій никакихъ правъ. И въ то же время любящій безмѣрно, и мистически неуловимыми путями перенесшій на нее нѣжность къ умершимъ. Она для него сонъ жизни. Онъ для нея—прекрасный символъ любви самоотверженной, безкорыстной и безполой—единственной, какая нужна сейчасъ ея изстрадавшейся душѣ.

Для нихъ обоихъ эти часы молчанья—лучшіе часы дня, когда

душа, сосредоточившись въ себѣ, вырывается изъ плѣна жизни и какъ бы заглядываетъ въ глубины подсознанія, въ загадочный міръ, гдѣ дремлютъ наши замыслы и достиженія, наши страсти и инстинкты; гдѣ зрѣютъ наши будущіе поступки; гдѣ скрыты тайны нашего *я*!

— Не надо думать объ этомъ! Не надо!—сказалъ онъ какъ-то разъ и погрозилъ Манѣ блѣднымъ пальцемъ.

— О чемъ думать?—спросила она, взмахнувъ рѣсницами и вся вздрогнувъ отъ неожиданности.

— Не надо... Это все равно, что съ башни смотрѣть внизъ...

Она молча закрыла глаза, подавленная, испуганная... Какъ могъ онъ угадать ея скорбныя мысли?

Кто, Таинственный, связалъ ихъ души? Кто соединилъ ихъ пути?

Почему ты его такъ любишь?—спрашиваетъ фрау Кеслеръ.—А я вотъ не могу привыкнуть. Жутко...

— Не понимаю... Онъ уже совсѣмъ здоровъ... Чего его бояться, когда и больной онъ всегда кротокъ? Вотъ Нина тоже любитъ его.

— Нина дитя... Много-ль ей надо?

Маня странно улыбается.

— И мнѣ, Агата, тоже надо немного... Хочешь я тебѣ разскажу маленькій эпизодъ моего дѣтства?

— Ну, ну,—улыбается фрау Кеслеръ, садясь и разглаживая складки платья на своихъ колѣняхъ.

— Помню, меня за что-то больно побила мать... Кажется, за шоколадныя конфекты, которыя я у нея украла... Я убѣжала въ садъ, это было вечеромъ... упала на землю и долго рыдала... А когда я подняла глаза, я увидала, что все небо горитъ звѣздами. И эти звѣзды говорятъ мнѣ такъ ясно: „Стоитъ ли плакать, когда мы сіяемъ въ небѣ?“ И знаешь, Агата? Я впервые тогда поняла моимъ дѣтскимъ умомъ, что есть Вѣчность... Помню, я обхватила руками колѣни, и, сидя на землѣ, глядѣла въ небо въ какомъ-то экстазѣ... Меня нашли только черезъ часъ, почти окоченѣвшую отъ сырости и тумана...

— И ты хочешь сказать...

— Когда я смотрю на него, мнѣ тоже всѣ страданія мои, всѣ волненія начинаютъ казаться ничтожными. Жизнь кажется мнѣ коротенькой станціей на долгомъ и тревожномъ пути. А Смерть распахиваетъ двери въ Невѣдомое. И я ничего не боюсь... Я тогда опять сильна, Агата...

Но и въ этой загадочной жизни меланхолика есть свои навыки, къ которымъ здоровые люди должны примѣняться.

Въ извѣстные часы старикъ идетъ бродить. И никакая погода не можетъ удержать его. Сколько разъ Штейнбахъ сталкивался въ сумеркахъ на бульварѣ съ старикомъ! Но тотъ проходилъ, не видя его. Шелъ равномѣрной, жуткой походкой, опустивъ голову, словно ища на землѣ слѣдовъ тѣхъ, кто ушелъ навѣки въ тѣ страны, откуда нѣтъ возврата... А онъ, вѣчный странникъ, обреченный на одиночество, всѣмъ чужой, всѣмъ непонятный, все еще идетъ, И нѣтъ для него усталости. И нѣтъ ему покоя.

Въ Липовкѣ и ея окрестностяхъ не было дороги, которую не исходилъ бы этотъ больной старикъ. Особенной силой эта страсть къ бродяжничеству охватывала его передъ закатомъ солнца. Вторично уже ночью, передъ сномъ. Къ его ярко, какъ чудовищный глазъ, горѣвшему фонарику, внезапно выраставшему изъ темноты, уже давно привыкли въ Липовкѣ. И это мышечное безпокойство, эта потребность двигаться, казалось, безцѣльная и неудержимая, какъ страсть,—была чертой, по утвержденію Шарко и цѣлаго ряда психіатровъ, присущей многимъ евреямъ, страдающимъ меланхоліей. На всѣхъ большихъ дорогахъ Европы, во всѣ времена года, въ Среднихъ вѣкахъ бродили эти озабоченныя, тревожныя, странныя фигуры людей, искавшихъ далекаго счастья; покидавшихъ реальное ради призрачнаго; никогда не знавшихъ удовлетворенія; съ безмѣрной тоской въ запавшихъ глазахъ. И этотъ типичный образъ послужилъ къ возникновенію легенды о Вѣчномъ Жидѣ. Штейнбахъ зналъ, что это явленіе болѣзненное. Но послѣ жестокой, мѣсяцами длившейся меланхоліи, когда дядя прятался отъ людей, отказывался отъ пищи, дрожалъ и плакалъ, или упорно безмолвствовалъ въ угрюмой замкнутости,—даже это бродяжничество казалось облегченіемъ.

Въ Москвѣ Штейнбахъ сначала боялся за дядю. Скоро, однако, онъ прослѣдилъ его маршрутъ и успокоился. Старикъ неизмѣнно спускался по Остоженкѣ, шелъ мимо рѣки, потомъ подымался къ храму Спасителя. И, обойдя линію бульваровъ, иногда до Страстного монастыря, смотря по погодѣ,—неизмѣнно возвращался той же дорогой. Ночью, передъ сномъ, онъ дѣлалъ тотъ же путь, значительно, впрочемъ, сокращая его. Никакая погода его не останавливала. Раньше за нимъ крался въ отдаленіи Андрей или дворникъ. Потомъ всѣ успокоились. Весь кварталъ зналъ въ лицо эту высокую фигуру съ сутулыми плечами, въ тепломъ пальто, эту длинную бороду, жуткіе глаза. Когда ритмъ шаговъ звучалъ

въ пустынномъ переулкѣ, и палка стучала по панели, дворники и городовые, ухмыляясь, шептали:

— Сумасшедшій баринъ въ обходъ пошелъ...

Маня въ своей угрюмой тоскѣ не могла все-таки не подмѣтить перемѣны въ самомъ Штейнбахѣ.

Онъ не живетъ. Онъ только существуетъ.

Оказывая ей, дядѣ, Агатѣ и Ниночкѣ всѣ знаки прежняго вниманія, онъ уже не вноситъ въ это души. Эта душа парализована чѣмъ-то... „Не мною...“ понимаетъ Маня съ чуткостью, всегда отличающей ее. „У него своя рана. Своя тайна...“

Они видятся рѣдко теперь. Онъ не провожаетъ Маню на репетиціи. Онъ только ѣздитъ на спектакли, и то не всегда. Всѣ дни отъ трехъ до шести, до обѣденнаго часа, онъ сидитъ у себя, запершись въ кабинетѣ.

Часы бьютъ четыре... Мелькаетъ мысль. „Пора! Она ждетъ. Морозъ крѣпчаетъ. Она простудится...“

Онъ встаетъ... И колдовство исчезаетъ.

Некуда спѣшить. И нечего бояться. Она лежитъ въ мерзлой землѣ, окованная нездѣшнимъ холодомъ. Печатью смерти отмѣченная навѣки. И не страшны ей ни морозы, ни мятели. Ни обманы, ни измѣны. Ни всѣ печали земли.

Иногда онъ идетъ на Остоженку, въ комнату Ліи. У него свой ключъ отъ квартиры. Бабушка Ліи стучитъ въ дверь и предлагаетъ чаю. Онъ благодаритъ и отказывается... Она ходитъ на цыпочкахъ и шикаетъ на прислугу.

Если-бъ Маня видѣла его лицо, когда онъ сидитъ такъ часами безъ огня, глядя въ топящійся каминъ, она была бы поражена его сходствомъ съ дядей. И не только внѣшнимъ сходствомъ. Въ его глазахъ теперь появилось то же выраженіе неутолимой тоски, какое Маня видѣла въ памятный вечеръ въ Липовкѣ, когда впервые безумный старикъ прошелъ мимо нея, глядя вдаль, на заходящее солнце, какъ бы ища уловить исчезающія тѣни тѣхъ, кто радовалъ его здѣсь, на землѣ.

Мѣсяцъ прошелъ, прежде чѣмъ Штейнбахъ рѣшился, наконецъ, зажечь свѣчи и отомкнуть письменный столъ Ліи.

Съ слабымъ звономъ повернулся ключъ. Въ лицо Штейнбаха пахнуло ароматомъ увядшихъ розъ. Весь ящикъ полонъ ими.

Синяя тетрадка. Дневникъ.

„10-го ноября.

„Проявить свою личность въ мірѣ. Вотъ непреложный законъ, данный „намъ свыше. И внутренній голосъ говоритъ мнѣ: Не въ искусствѣ твой „міръ. Въ любви... Только тамъ ты сильна и неуязвима. Нѣтъ смысла внѣ „ея. Внѣ любви нѣтъ цѣли въ мірѣ...

„12-го ноября.

„Онъ только что ушелъ, но моя душа еще звучитъ. Боюсь шевельнуться, стукнуть стуломъ... Все слушаю эту пѣснь души...

„Боже! Если тебѣ нужна моя жизнь для его счастья, возьми ее. Что „еще могу я дать тебѣ за эти минуты?

Голова его опускается на синюю тетрадку.

Въ душу, страдающую и раздавленную тоской, внезапно вошла тишина... О, наконецъ! Безъ горечи онъ можетъ думать о Ліи...

Ироніей отвѣтила судьба на его мечту быть любимымъ. Онъ не сумѣлъ сберечь нечаянный даръ. Но развѣ не все къ лучшему?

Что измѣнилось бы, если-бъ онъ вернулся раньше, а Лія осталась жива? Развѣ не сказалъ бы онъ ей черезъ недѣлю, двѣ, черезъ мѣсяцъ: „Прощай, Лія! Я долженъ уѣхать за границу съ другой. И когда вернусь, не знаю..."

Она ждала бы его, конечно... Но кто скажетъ? Вернулся бы онъ?.. И если-бъ вернулся, кто знаетъ, показалась ли бы ему такой прекрасной, такой необходимой эта юная любовь? Не была бы она развѣ лишнимъ бременемъ для его пресыщенной, усталой души?.. Смерть Ліи сейчасъ была жестокой случайностью. Но охлажденіе его и разрывъ съ нимъ она не захотѣла бы пережить. Любовь всегда трагедія для такихъ, какъ Лія.

„Она умерла, не проклиная меня. Такъ лучше! Такъ лучше..."

Погожій зимній день тихонько умираетъ. Алые блики зари еще рѣютъ на небѣ, еще дрожатъ въ куполахъ, когда Штейнбахъ подходитъ къ воротамъ кладбища.

Сторожъ ведетъ его мимо конторы и сворачиваетъ съ главной аллеи направо. Штейнбахъ невольно замедляетъ шаги... Страшно...

Въ рукахъ у него вѣнокъ живыхъ цвѣтовъ.

Морозъ разукрасилъ инеемъ деревья, какъ въ день ихъ первой встрѣчи. Бѣлое безмолвіе города мертвыхъ здѣсь, вдали отъ людей, конторы и церкви, начинаетъ звучать какъ натянутая струна, парализуя движенія, чувства, мысль... Звукъ человѣческихъ шаговъ по скрипящему снѣгу кажется оскорбительнымъ.

— Тише! — невольно говоритъ Штейнбахъ, когда сторожъ, указывая на могилу, громко говоритъ: „Вотъ тутъ!"

Онъ отпускаетъ его движеніемъ руки.

Здѣсь...

Маленькій холмикъ, покрытый снѣгомъ. Снѣгъ всюду. На крестахъ и памятникахъ. На сучьяхъ березъ. Между могилами онъ лежитъ плотной пеленой, символъ забвенія. И заботливо укрылъ онъ простой деревянный крестъ, подъ которымъ спитъ Лія.

„Я здѣсь, Лія... Я пришелъ... Ты чувствуешь, что я здѣсь?..“

Онъ опускается на колѣни.

Страстныя стремленія и мечты о встрѣчѣ. Грезы о двойной жизни, полной обмана. Что осталось отъ васъ? Маленькій холмикъ съ простымъ деревяннымъ крестомъ.

Гдѣ любовь Ліи? Распылилась въ мірѣ эта дивная энергія. А гдѣ его любовь? Она уже гаснетъ...

Вороны каркаютъ вверху, чуя оттепель. Алые лучи погасли. День умеръ. Сумерки плывутъ съ востока... И голубымъ кажется мраморъ снѣга.

Сколько времени прошло?.. Ни одинъ звукъ внѣшняго міра не нарушаетъ бѣлаго безмолвія кладбища. Но если прислушаться къ звенящей тишинѣ, покажется, что кто-то бродитъ беззвучно позади, мимо темнѣющихъ памятниковъ... Словно кто-то вздыхаетъ.

„Лія... Ты?.. Прости меня, Лія... Изъ сердца уходитъ жаръ. Забываю твои слова. Уже не стремлюсь къ тебѣ. Не тоскую, какъ прежде... Это жизнь, Лія. Страшная жизнь, которая смѣется надъ всѣмъ высокимъ и свѣтлымъ... Я скоро забуду тебя. И даже во снѣ ты не придешь ко мнѣ въ твоемъ бѣломъ платьѣ, съ твоимъ блѣднымъ лицомъ. Съ каждымъ днемъ все дальше будешь ты уходить отъ меня въ туманъ. О, прости меня! Я безсиленъ бороться съ жизнью. Я безсиленъ удержать мою тоску...“

Красный глазъ неугасимой лампады въ чьемъ-то склепѣ вдругъ выглянулъ изъ сумерекъ. Мистическій ужасъ тихонько поднимается въ душѣ.

Темнѣетъ. Деревья сдвинулись. Точно шепчутся о чемъ-то. Городъ мертвыхъ словно шевельнулся... Штейнбаху чудится, что памятники медленно поплыли къ нему...

Что-то враждебное въ этомъ молчаньи. Или въ этомъ присутствіи живого и страдающаго человѣка есть что-то оскорбительное для тѣхъ, кто ушелъ изъ жизни?

Ледяное дыханіе вѣетъ въ лицо Штейнбаха. И сердце его сжимается, какъ въ кошмарѣ. Но тоски уже нѣтъ. Той тоски, которой онъ боялся, избѣгая идти сюда.

Онъ кладетъ розы на снѣгъ, покрывающій маленькій холмикъ.

Чьи-то шаги явственно звучатъ по хрустящему снѣгу...

„Сторожъ... Сейчасъ запрутъ ворота...“ съ облегченiемъ думаетъ онъ.

„Лiя, прощай!.. Я приду... Я скоро вернусь, моя Лiя...“

Но, садясь въ автомобиль, который повезетъ его домой, гдѣ живетъ Маня, а потомъ въ театръ, гдѣ онъ увидитъ ее рядомъ съ Нильсомъ,—онъ чувствуетъ, что и эти клятвы шопотомъ надъ снѣжнымъ холмикомъ — ложь... Все ложь и самообманъ!.. И не скоро вернется онъ сюда, въ безмолвное царство тѣхъ, кто ушелъ отъ ревности, отъ горести, отъ жгучихъ слезъ неудовлетворенной страсти.

V.

Почему ты никогда не ходишь на репетицiи? — спрашиваетъ Полли Людмилу, сидя на диванѣ и затягиваясь папиросой.— Нильсъ былъ нынче такъ хорошъ въ *Призракѣ Розы*!..

— Мнѣ некогда, Поля.

— Некогда? Вотъ-те разъ!.. Цѣлыми днями на диванѣ валяется...

— Я думаю... Мнѣ есть о чемъ подумать.

— Охъ, Милочка! Не нравятся мнѣ твои глаза... Ты вся точно восковая стала. Если больна, почему не лѣчишься?

— Не стоитъ... Да и энергiи нѣтъ...

— Прямо не узнаю тебя... Да, откровенно говоря, и никого не узнаю... Точно всѣхъ подмѣнили... Начать хотя бы съ нашей прима-балерины... Развѣ это человѣкъ? Это кукла... Вотъ никогда не повѣрила бы, чтобъ можно было такъ втюриться въ этого Гаральда!.. А если ужъ такъ полюбила, почему было не уѣхать съ нимъ въ Каиръ?

— Это загадочно,—страннымъ звукомъ бросаетъ Людмила.

Полли остро глядитъ на нее. Она замѣтила, что Людмила оживляется только, когда говорятъ о Marion.

— Что ты хочешь этимъ сказать?

— Она скоро возьметъ себѣ другого. Зачѣмъ ей страдать, когда такъ легко утѣшиться?

— Это ты на своего мужа намекаешь?

Рѣсницы Людмилы взмахиваютъ, и Полли видитъ жалкiе глаза. „Обмани меня... Утѣшь... Солги!.. Я только этого и жажду...“ говорятъ эти глаза... Но что ей сказать? Какъ обмануть? Нильсъ потерялъ голову теперь, когда Гаральда нѣтъ, и „мѣсто вакантно“. Онъ ходитъ по пятамъ за Marion и провожаетъ ее домой съ репетицiй. У нея часто обѣдаетъ...

— Ну... а что бы ты сдѣлала, если бы...

— Если-бъ они сошлись?

— Ну, да...

Людмила блѣдными, безкровными руками третъ себѣ лобъ.

— Я отстранилась бы...

— Какъ это?.. Что такое?

— Очень просто... Сошла бы съ дороги. Взяла бы Тасю и исчезла изъ его жизни... Пусть будетъ счастливъ!.. Но мнѣ надо знать, что это любовь... что это настоящая любовь для обоихъ...

— Вотъ такъ исторія!

— Да,—говоритъ Людмила, обнимая свои колѣни и тихонько раскачиваясь корпусомъ, какъ человѣкъ страдающій тупой, нудной зубной болью.—Мнѣ все это надо выяснить... Я день и ночь все думаю, какъ поступить? Иногда ненавижу его... А потомъ спрашиваю себя: за что?.. Если это любовь, а не... грязь... то чѣмъ онъ виноватъ передо мной?

— Такъ вотъ о чемъ ты думаешь цѣлыми днями?

— И это надо выяснить скорѣе... Черезъ мѣсяцъ они поѣдутъ въ Вѣну. Я останусь здѣсь съ Тасей. Поля... знаешь? Вотъ уже мѣсяцъ, какъ мы не говоримъ...

— Врешь?

— Мѣсяцъ... Я дни считаю... Видишь календарь?.. Точками красными отмѣчены дни, когда онъ спроситъ бѣгло, уходя на репетицію: „Ну, какъ твое здоровье?.. Не пригласить ли врача?“ И вѣжливо поцѣлуетъ руку... А то все на-людяхъ, и я больше по хозяйству: „Нельзя ли намъ, Милочка, самоварчикъ?..“ И на-людяхъ намъ лучше... Сначала мы оба молчали... словно нѣмые... теперь говоримъ о пустякахъ... Но отъ этого не легче... Мы совсѣмъ чужіе! Видишь? Это вотъ мой номеръ... У него свой...

— Господи! Да что же это такое?

— Разлюбилъ, Поля... Вотъ и все!.. Самая обыкновенная вещь... Только я, дура, почему-то воображала, что мнѣ выпало на долю особое счастье... Богъ и покаралъ меня за гордость.

— При чемъ тутъ Богъ въ этихъ свинствахъ?

— Неправда!.. Не грѣши... Свинства тутъ нѣтъ. А сама судьба... Свинства я не пережила бы... И я сначала такъ думала, что ограбили они меня вдвоемъ, что обманулъ онъ меня... Но гдѣ-жъ тутъ обманъ? Слѣпой видитъ, какъ онъ страдаетъ... Нечего рукой махать!.. И по какому праву ты такъ презираешь моего мужа?.. Развѣ воленъ онъ въ чувствахъ своихъ?

— Еще облай меня за него, да прогони! Этого не доставало... Ужъ очень ты довѣрчива, Людмила, и мужчинъ идеализируешь...

— Не знаю, какъ другіе... Я Петра ни съ кѣмъ не сравниваю... Я разсуждаю такъ: если у него хватаетъ духу ежедневно, еже-

часно убивать меня своимъ равнодушіемъ... хватаетъ духу видѣть, какъ я гибну на его глазахъ... значитъ тутъ уже любовь... И любовь роковая... Больше той, которую онъ имѣлъ ко мнѣ... Онъ былъ мальчикъ, когда мы поженились. А теперь онъ артистъ. Онъ знаменитость. Онъ теперь только понялъ, что̀ ему нужно въ любви... И я не по плечу ему, Поля... Вотъ и все!.. Я знаю, что что онъ добръ и благороденъ... Но, повторяю, если при всей его добротѣ онъ такъ жестоко вычеркнулъ меня изъ своей души и жизни,—значитъ это судьба... А съ судьбой спорить безполезно...

— Ну, хорошо... такъ что же ты рѣшила?

— Я уже тебѣ сказала: уйти. Развязать ему руки... Развѣ ты не видишь сама, что они созданы другъ для друга? Довольно взглянуть на нихъ на сценѣ... Я, по крайней мѣрѣ, поняла это... на первомъ представленіи *Сказки*... И мнѣ его жаль...

Полли злобно фыркаетъ.

— Да, жаль,—строго перебиваетъ ее Милочка.—Мнѣ жаль и талантъ его... Ты погляди въ его лицо, всмотрись!.. Пьетъ... играетъ въ желѣзку... кутитъ... Выйдетъ утромъ пить кофе... У него такіе мѣшки, такая тѣнь подъ глазами. Развѣ артисту можно вести такую жизнь? Долго ли сгорѣть?

„Туда и дорога!“ думаетъ Полли, раскуривая новую папиросу

— Я не хочу его разстраивать разговоромъ передъ спектаклемъ... Вотъ пройдетъ *Призракъ Розы*... Встрѣтимъ новый годъ... въ послѣдній разъ... а тамъ...

— Господи!.. Кто могъ бы это думать? Жили, жили столько лѣтъ!

Глаза Людмилы сверкаютъ.—Прошлое... Оно мое! — говоритъ она, съ силой сцѣпляя блѣдные пальчики.—Вотъ мое богатство, мое сокровище... единственное, что у меня осталось!.. И этой святыней я буду жить... Я сохраню эти воспоминанія... когда мы были бѣдны, дружны, вдвоемъ во всемъ страшномъ, огромномъ мірѣ... И когда онъ любилъ меня... Одну меня...

— И ни разу не измѣнилъ тебѣ? Ты въ этомъ увѣрена?

Дрогнули губы Людмилы, и сѣрые стальные глаза словно пронизали смущенное лицо Полли.

— Я думаю, что полюбить другую онъ могъ. Но на низость и грязь Петръ неспособенъ... Я не могла бы любить такого!

— Зачѣмъ низость? Это у нихъ все просто... подъ пьяную руку... и безъ всякой любви...

Лицо Людмилы искажается.

— Молчи! Молчи!—кричитъ она, зажимая уши.—Этой мысли я не перенесу... Измѣнить безъ любви? Легкомысленно разбить мою жизнь, изъ одной похоти, изъ одной чувственности?

— Полагается, обыкновенно, что жены объ этомъ не узна̀ютъ..

— Но если узна̀ютъ, что тогда?—вдругъ вся поблѣднѣвъ, спрашиваетъ Людмила.

Полли смущенно глядитъ на кончикъ папиросы.

— Это ужъ, Милка, по темпераменту. Кто проститъ, кто плюнетъ, а кто сѣрной кислотой морду обольетъ...

Людмила смотритъ на нее нѣсколько мгновеній. Потомъ подходитъ и останавливается вплотную, крѣпко сцѣпивъ руки.

— Ты что-нибудь знаешь?—шопотомъ спрашиваетъ она, хищно глядя въ насторожившіеся испуганные глаза артистки. — Если знаешь, говори!.. Мнѣ надоѣли твои намеки...

— Что ты? Богъ съ тобой!.. Какіе намеки?.. Просто не вѣрю я ни одному изъ нихъ... Сама говоришь, что я циникъ... Ну, вотъ...

Полли съ дѣланной веселостью, напѣвая что-то, идетъ къ зеркалу и надѣваетъ огромную шляпу.

Нѣсколько секундъ царитъ неловкое молчанье. Сдвинувъ брови, стоитъ Людмила у окна и смотритъ внизъ, на площадь.

Она вдругъ вспомнила о письмѣ „Мики", дамы, посылавшей Нильсу ежедневно цвѣты. О письмѣ, относительно котораго до сихъ поръ она не получила разъясненій... За своимъ горемъ она совсѣмъ забыла о немъ. Мало ли истеричекъ и психопатокъ, готовыхъ послѣ одного вечера флирта, писать артисту на *ты*? — утѣшала она себя раньше, боясь заглянуть въ бездну. Теперь она вспомнила... И точно черныя крылья холодомъ повѣяли надъ нею.

— Ну, до свиданья, Милочка! Не сердись... Мало ли что я сболтну!.. Не всякое лыко въ строку...

Людмила оборачивается, вся блѣдная. Почему раньше эта самая Полли никогда не утѣшала ее и не отрекалась отъ своихъ словъ?.. Ея зубы стучатъ отъ внутренней дрожи. „Твоя Мика..."

Артистка нѣжно цѣлуетъ исхудавшія щеки подруги.

— Ахъ, кстати, Милка... ты сдѣлала на-дняхъ глупость... Отчего ты, когда мы праздновали рожденье Таси, не пригласила на ужинъ Тинскую? Конечно, она дрянь... Лицемѣрка и сплетница... Но, во-первыхъ, она товарищъ Нильса...

— Она меня ненавидитъ... Чего ради я буду поддерживать съ нею сношенья?

— О, да, несомнѣнно ненавидитъ! Мы съ нею вчера такъ сцѣпились изъ-за тебя!.. Я ее чуть не ударила на сценѣ. И въ глаза при всѣхъ сволочью назвала... Съ нею истерика сдѣлалась... Вообще, скандалъ ужасный...

— Почему ты мнѣ вчера объ этомъ не разсказала?

— Ну... какая радость эту грязь разводить?.. Не люблю сплетенъ...

— А почему ты теперь мнѣ объ этомъ говоришь?

— Вотъ чудачка! Молчишь, — плохо. Скажешь... того хуже... А главное, она отомститъ и тебѣ, и мнѣ... Вотъ этого я и опасаюсь. Она какую-нибудь мерзость выкинетъ исподтишка... Я ея натуришку знаю...

— Что же она можетъ сдѣлать?—надменно спрашиваетъ Людмила, поднимая упорный подбородокъ.—Я ничего не боюсь...

— Но я-то боюсь! — срывается у Полли, и она густо краснѣетъ.—Пришлетъ какое-нибудь анонимное письмо...

— Насчетъ Петра и Marion?.. Что же новаго и страшнаго можетъ сказать она *мнѣ*?

Полли уходитъ, озабоченная. Ея лицо горитъ.

VI.

Пробило три.

Въ редакціи *Дешеваго Журнала* сизый дымъ ходитъ волнами. На всѣхъ столахъ дымятся стаканы невкуснаго чаю. Въ пріемной, гдѣ секретарь Зина Липенко принимаетъ подписку, набились сотрудники. Передъ праздникомъ всѣмъ нужны авансы. И всѣ волнуются. Издатель не очень тароватъ. А подписка идетъ неважно.

Долецкій сидитъ на обычномъ мѣстѣ, рядомъ со столомъ Зины. Всѣ свободные часы онъ проводитъ тутъ. Она требуетъ этого для „общенія съ сотрудниками“...—„Нужно вращаться въ этомъ мірѣ“... Но Долецкій влюбленъ въ Зину, а люди—тѣмъ болѣе писатели—его совсѣмъ не интересуютъ.

— Я приду къ вамъ вечеромъ,—говоритъ онъ.

Слова простыя, кажется... Но почему въ нихъ чудится новый и угрожающій смыслъ? Потому что въ нихъ слышится дрожь желанья. И Зина, годъ назадъ считавшая себя застрахованной отъ увлеченій, разомъ теряетъ самообладаніе.

— Нынче нельзя... Я приглашена къ X*** на рефератъ его...

— Плюньте вы на этихъ модернистовъ!

— Не могу... Я должна поддерживать связи...

Она лепечетъ это какъ-то безсознательно и смолкаетъ. Съ мгновеніе они говорятъ только глазами. У нея вырывается нервный смѣхъ. Онъ съ дрожью въ голосѣ шепчетъ, наклоняясь къ ней:

— Мнѣ такъ много нужно сказать вамъ... Не уходите нынче...

Къ столу подходитъ подписчица.

Долецкій, вытянувъ длинныя мускулистыя ноги, откидывается на спинку стула и читаетъ библіографическій отдѣлъ. Этотъ отдѣлъ и „критика"—единственное, что интересуетъ его въ журналахъ. И все это онъ читаетъ съ щемящимъ чувствомъ. Если кого-нибудь хвалятъ, онъ страдаетъ искренно, мучительно. Точно обидѣли этимъ его самого, обидѣли кровно. А если бранятъ писателя, а тѣмъ болѣе уже извѣстнаго,—онъ начинаетъ отрывисто хохотать, и щеки его алѣютъ.

Зина сама не помнитъ, когда это началось. Прошлый годъ, когда онъ, скромный сельскій учитель, вынырнувшій откуда-то съ Поволжья, дебютировалъ въ *Журналѣ*, Зина была уже очарована свѣжестью и оригинальностью его дарованія. Она взяла его подъ свое крыло. Съ материнской нѣжностью она ростила и лелѣяла дикій цвѣтокъ его творчества. Безъ устали бродила она съ нимъ по пустыннымъ заламъ Эрмитажа, знакомя его въ бѣглыхъ штрихахъ съ исторіей искусства. По вечерамъ она читала ему классиковъ западной, ему совсѣмъ невѣдомой литературы. Вь глазахъ ея Долецкій былъ драгоцѣннымъ самородкомъ, и надо было только искусно отшлифовать алмазъ, чтобы онъ заигралъ всѣми красками. А Долецкій смиренно прислушивался къ каждому ея слову. Онъ смотрѣлъ снизу вверхъ на дѣвушку, писавшую критическія статьи въ журналахъ. Видѣлъ въ ней высшее существо... Теперь все измѣнилось. Они уже не товарищи. Между ними идетъ тайный поединокъ любви. Она боится потерять въ этомъ поединкѣ. Развѣ жизнь ея до этой минуты не была прекрасна, полна значенья и любимаго труда? Новое несетъ съ собой угрозу... И все-таки манитъ, манитъ...

Она пробуетъ взять себя въ руки. Ничего не выходитъ... У нея теперь нервный смѣхъ. Разсѣянные отвѣты. Она ни на чемъ не можетъ сосредоточиться. И въ то же время счастье переполняетъ ея душу. Ея глаза всегда сіяютъ. Она готова всѣхъ обнять. И лихорадочно ждетъ встрѣчи съ Долецкимъ... Какое блаженство бродить съ нимъ по выставкамъ или читать съ нимъ по вечерамъ Ромена Роллана!.. А еще лучше слушать его разсказы вчернѣ, въ рукописи. Совѣтовать, указывать недостатки... Впрочемъ, они часто ссорятся теперь. Онъ сталъ мелоченъ, обидчивъ. Сначала она учила. А онъ слушалъ. Теперь онъ всегда споритъ и раздражается. Это успѣхъ такъ измѣнилъ его... Онъ выдвинулся такъ быстро!.. Конечно, благодаря своему дарованію. Но что значитъ дарованіе безъ связей и протекціи? И Зина съ гордостью думаетъ, что она сама расчистила ему трудный путь къ извѣстности.

Въ обширной комнатѣ Зины Липенко съ страшно-низкимъ потолкомъ (мансардѣ, какъ она ее называетъ), гдѣ она мерзла все утро, стало наконецъ тепло отъ топки. А къ вечеру, какъ всегда, будетъ невыносимо душно. Изъ оконъ далеко внизу виденъ пустынный бульваръ и площадь Лиговки. Въ морозномъ туманѣ вдали встаетъ силуэтъ Сѣверной гостиницы.

Зина сидитъ на диванчикѣ, у остывшаго самовара. На столѣ недоѣденная ветчина и корки апельсиновъ. Всегда блѣдныя щеки Зины раскраснѣлись. Долецкій развалился въ креслѣ рядомъ. Злой и блѣдный, онъ усиленно куритъ.

— Значитъ... вы не желаете... снизойти до меня?—спрашиваетъ онъ грубо и запинаясь.—Отшитъ, что называется? Только какъ тогда назвать ваше поведеніе, уважаемая Зинаида Павловна! Манили вы меня, манили вотъ уже цѣлый годъ... дразнили, дразнили... А какъ дошло до дѣла...

— Ради Бога!—перебиваетъ Зина, умоляюще подымая руку.— Не будьте такъ вульгарны!.. Вѣдь каждое ваше слово...

— Вамъ были бы слова! — Онъ нервно смѣется. — Вы развѣ живой человѣкъ?.. Вы половая неврастеничка, вотъ вы что!

— Какъ вамъ не стыдно? За что вы меня оскорбляете?

— А зачѣмъ вы меня дразните?

— Я не люблю васъ Долецкій... Вотъ и все...

— Это мило!.. Капризъ развинченной истерички...—Онъ вскакиваетъ и бѣгаетъ по комнатѣ, ероша свои великолѣпныя кудри.— Вчера любили, а нынче нѣтъ... Знаете, какъ поступаютъ съ такими женщинами, какъ вы? Ихъ берутъ... да... Ихъ берутъ силой... какъ дѣвокъ... Нечего смотрѣть на меня глазами Мадонны! На этотъ разъ не обманете... Насквозь васъ вижу...

Зина грустно глядитъ въ его искаженное чужое лицо.

— Я разлюбила васъ за то, что у васъ маленькая душа.

Онъ зло смѣется, запрокидывая голову.

— Душа!.. Когда женщина думаетъ о душѣ? Я молодъ, недуренъ собою... Я уже извѣстность... Чего еще нужно вамъ?

— Ну, вотъ можно ли простить такія слова?.. Вы меня ограбили, Долецкій... Вы отняли у меня всѣ иллюзіи... Я знаю, конечно, что все проходитъ, даже самая пылкая любовь. Но когда любишь, развѣ думаешь объ этомъ? Мнѣ молиться хотѣлось, когда вы поцѣловали меня въ первый разъ... Я плакала отъ счастья. И долго я идеализировала васъ... Но когда вы мнѣ разсказали объ этой дѣвушкѣ, которую бросили...

— Васъ я не намѣренъ бросать...

— ...только изъ-за того, что она забеременѣла отъ васъ... и вы испугались отвѣтственности и долга...

— Я вамъ этого не говорилъ... Я просто ненавижу безобразіе. Она дѣйствовала мнѣ на нервы... И дѣтей я видѣть не могу... Я хочу жить только для себя... Для своего таланта, для искусства... Неужели это такая подлость—жить для себя?

— Боже мой! До чего мы мало понимаемъ другъ друга! Между нами стоитъ какая-то стѣна...

— Однако раньше этого не было, Зинаида Павловна... стѣны этой самой...

— Да развѣ вы были такимъ, Долецкій, два года назадъ?.. Васъ извратилъ успѣхъ... Онъ убилъ вашу душу... Что вы сейчасъ? Олицетворенное тщеславіе? Гдѣ ваша любовь къ искусству, если вы сердитесь на каждое замѣчаніе, если вы не заботитесь о стилѣ, не стремитесь расширить свой кругозоръ?.. Почему вы должны быть непогрѣшимы? Вы любите себя, а не искусство... И не меня опять-таки, а новое удовольствіе, которое вы надѣетесь получить во мнѣ... Теперь мнѣ все ясно: вы культурный дикарь!.. Да... да!.. Что за дѣло до того, что вы считаетесь солью земли, талантливымъ беллетристомъ? Скажите, гдѣ ваша святыня?.. Есть ли у васъ сознаніе отвѣтственности передъ обществомъ за каждое ваше слово? Любовь къ людямъ? Уваженіе къ женщинѣ? Уваженіе къ литературѣ, наконецъ?

— Словомъ, ничтожество! — перебиваетъ Долецкій, раскачиваясь на каблукахъ посреди комнаты съ засунутыми въ карманы куртки руками.—А все это изъ-за того, что я не предлагаю вамъ законнаго брака?

— Лжете!—кричитъ Зина, вставая въ свою очередь и сверкая большими глазами.—Это я предлагала вамъ свободную любовь, безъ брака, который отрицаю, какъ убѣжденная соціалъ-демократка... да!.. Вы осмѣлились цинично предложить мнѣ самую банальную, самую пошлую связь...

— Я не хуже другихъ. А вы чего же ждали?

Ея гнѣвъ вдругъ падаетъ.

— Любви, Долецкій... Того, чего у васъ нѣтъ. И быть не можетъ... Теперь я вижу, что я у глухого спрашивала о симфоніи Бетховена, или со слѣпымъ отъ рожденія говорила о цвѣтахъ... Если я вамъ скажу, что любила вашъ талантъ, ваше неповторяющееся *я*, которое отразилось въ вашихъ разсказахъ, эту лучшую часть вашей души... вы мнѣ не повѣрите, конечно... Вамъ смѣшно... да?.. Другія женщины любили ваши кудри, глаза, вашу фигуру. вашу юность... и вы не допускаете другого чувства?

— Нѣтъ... Чувственное влеченіе прежде всего... Остальное ерунда! Когда уходитъ это влеченіе, людямъ уже нечего сказать другъ другу. *Вы* нужны мнѣ сейчасъ, Зина, а не ваши статьи и стихотворенія въ прозѣ... Провались они! Хоть бы ихъ и не было никогда!.. У васъ нѣтъ темперамента. Въ этомъ вся разгадка...

Онъ подходитъ къ дивану и насильно сажаетъ Зину рядомъ съ собой, обнявъ ее за плечи.

— Какъ просто!—съ горечью говоритъ Зина, подчиняясь ему безъ волненія и протеста.—Впрочемъ, у дикарей всегда все просто... Но они-то хоть послѣдовательны. Имъ нужны дѣти. А вы въ любви видите одно наслажденіе... Неужели вы не понимаете, сколько униженія для меня въ этомъ рѣшеніи не имѣть дѣтей?

— Не понимаю,—смѣется Долецкій, тяжело дыша и цѣлуя ея маленькое ушко.—Когда женщину желаютъ, ей это всегда лестно...

— Любовь—чувство психическое прежде всего... Остальное уже второстепенность... И я мечтала имѣть товарища... жить... пожалуй даже вмѣстѣ... Это сближаетъ... Вмѣстѣ читать, вмѣстѣ работать, дѣлить радость и горе... опираться другъ на друга...

Ей вдругъ вспоминается грустное лицо Лили. Боже мой!.. Вѣдь это же ея слова, ея мысли... И сердце Зины сжимается.

— Я не прочь,—хрипло говоритъ Долецкій, цѣлуя ея смуглую, горячую щеку. Въ сущности, онъ ничего не слышитъ изъ того, что она говоритъ. И надо быть наивной, какъ она, чтобы не замѣчать его возбужденія.

— А если будутъ дѣти? Боже мой! Развѣ это не счастье имѣть ребенка отъ любимаго человѣка? Каждая женщина должна имѣть дѣтей, иначе ея жизнь не полна... Но дѣти не должны насъ связывать... Постойте!.. Вы даже не слушаете, Долецкій... Фу, какое у васъ гадкое, звѣриное лицо!.. Оставьте меня!

Она вырывается, встаетъ и садится въ кресло. Онъ откидывается въ уголъ дивана съ больнымъ отъ страсти лицомъ.

— Вы меня не любите, Долецкій...

— Врешь! Бѣшено люблю...

— Это не любовь...

— Желаніе... Все равно! Только это и правда...

— Это ничего не стоитъ!—кричитъ она...—Слышите? Ничего!.. Гдѣ сердце ваше, Долецкій?.. Гдѣ нѣжность ваша?

Шатаясь, какъ пьяный, вытянувъ руки, онъ идетъ къ ней.

— Все придетъ потомъ,—сквозь зубы говоритъ онъ.—Прежде отдайся...

— А потомъ вы отвернетесь съ отвращеніемъ, какъ отъ той дѣвушки?—шепчетъ она, отступая.—Никогда... Уходите!.. Никогда...

Вы хуже дикаря... Вы хуже звѣря... Потому что тотъ и другой берегутъ свою самку, свое дитя... а вы...

— Въ послѣдній разъ спрашиваю, Зина... Согласна?

Она съ силой вырываетъ свои руки и отступаетъ, заслоняясь тяжелымъ кресломъ.

— Нѣтъ... Нѣтъ... Никогда!.. Уходите!.. Или я буду кричать... Уходите!.. Я васъ ненавижу...

Онъ хватается за воротъ рубашки. Помутившимися глазами онъ ищетъ чего-то. Видитъ шапку свою на коммодѣ.

— Проклятая!—хрипло срывается у него.—И я тебя ненавижу. Отъ тебя сейчасъ же въ публичный домъ пойду... И завтра же... Слышишь ты?.. Завтра же слѣда не останется отъ моей любви!

Глазами, полными ужаса, слѣдитъ за нимъ Зина. Ей хочется крикнуть: „Вы лжете на себя! Это невозможно!“ Но горло перехватило. Въ глазахъ темнѣетъ отъ физической боли въ сердцѣ.

Онъ выходитъ, тяжко хлопнувъ дверью. И послѣднее, что остается у нея въ памяти,—это его бѣлые отъ бѣшенства глаза.

Его слова, какъ пощечина хлестнувшія ее по лицу, еще висятъ въ воздухѣ. Перебѣжавъ комнату, она запираетъ дверь на ключъ. И, дрожа всѣмъ тѣломъ, падаетъ на диванъ лицомъ внизъ. Страстные, истерическіе вопли раздаются въ „мансардѣ“.

Зина Липенко пьетъ чай въ номерѣ Доры.

Та медленно ходитъ по комнатѣ, похудѣвшая, постарѣвшая, въ фланелевой блузѣ, небрежно причесанная.

— Вы получили письмо отъ Гаральда?

— Да... Онъ пишетъ изъ Одессы. Хотѣлъ прожить мѣсяцъ дома и работать. Доктора гонятъ въ Египетъ. Неужели онъ умретъ?—внезапно спрашиваетъ она, останавливаясь передъ столомъ и стиснувъ руки. Зрачки ея разлились.

— Ну, вотъ... Ужъ сейчасъ трагедія!.. Просто переутомился.

— Это она убила его, проклятая! — шепчетъ Дора. Запахнувшись въ платокъ, она опять начинаетъ метаться по комнатѣ.

— Ваша чашка остыла. Присаживайтесь!—ласково говоритъ Зина.—Я вотъ вамъ разскажу исторію одного увлеченья...

— Вашего?—дрогнувшимъ звукомъ подхватываетъ Дора, зорко глядя въ исхудавшее хорошенькое личико.—Говорите, родная!.. Мнѣ стыдно, что за своимъ горемъ я проглядѣла ваше... Я что-то слышала отъ Валицкаго...

— Ахъ, эти сплетники!.. До чего много сплетенъ въ нашемъ мірѣ! Ну, какое Валицкому дѣло до меня и Долецкаго?

Дора черезъ столъ ласково дотрогивается до ея руки.

— Милая... Его вы не вините... Валицкій вполнѣ порядочный человѣкъ... Онъ возмущенъ этой грязью... Онъ въ лицо это при всей редакціи сказалъ Долецкому...

— Господи! Даже при всей редакціи?

— Это было необходимо... Когда человѣкъ позволяетъ себѣ порочить дѣвушку и клеветать на нее...

— Негодяй!.. Значитъ онъ всюду хвастаетъ... что я...

— А вы не знали этого, Зина?

— Нѣтъ! Этого отъ него я не ждала...

— Но вы должны были этого ждать...

— И всѣ повѣрили, конечно?—болѣзненно вскрикиваетъ Зина.

— Не думаю, чтобъ всѣ... Валицкій не повѣрилъ...

Зина берется руками за виски.

— О жалкія душонки! Обнаженныя, безстыдныя, торгующія собой... Помяните мое слово: его месть на этомъ не остановится... Онъ выставитъ меня въ одномъ изъ своихъ ближайшихъ разсказовъ... Выставитъ распутницей, Мессалиной, а себя непонятымъ и пострадавшимъ... И новый Стриндбергъ появится въ литературѣ... Господи! Куда уйти отъ грязи?

— Куда? Вы развѣ не знаете, Зина?—спрашиваетъ Дора, присаживаясь и обнимая плачущую дѣвушку.—Конечно въ творчество. Конечно, въ вымыселъ надо уйти... Вотъ прибѣжище для всѣхъ насъ... кто рѣшилъ свергнуть это... иго страсти...

Онѣ долго молчатъ, обнявшись.

— Ну, разскажите, Зина... Какъ случилось, что вы разлюбили его?

— Дора... вѣдь я совсѣмъ не знала его души, его прошлаго. Онъ страшно замкнутый человѣкъ... Прежде чѣмъ сблизиться съ нимъ... для меня вѣдь это важный шагъ... не простой флиртъ... я жаждала узнать его, повѣрить въ него...

— Ну, конечно. Хотя, вообще, у насъ прежде отдадутся, а потомъ начинаютъ знакомиться съ душой...

— Ну, и что же хорошаго выходитъ изъ такихъ связей? Это любовь однодневка. Я мечтала о другой!.. Но то, что онъ разсказалъ мнѣ о себѣ, было такъ возмутительно!.. Дорогая, не спрашивайте! Это все-таки чужая тайна...

— Вы совсѣмъ не чувственны, Зина?

— Нѣтъ, очевидно. Это у меня всегда на второмъ планѣ.

— Счастливица!.. Вотъ почему вы и выкрутились...

— Вы думаете? Нѣтъ... я просто разочаровалась. И любовь ушла изъ моей души, какъ вода изъ стакана, когда онъ треснетъ...

Сначала страдала невыносимо... А теперь опять принимаюсь за работу. Любить можно только, когда уважаешь...

— Гдѣ они, тѣ, кого можно уважать любя? Кто не унизитъ насъ своей любовью?—съ тоской спрашиваетъ Дора.

— Тогда и не стоитъ любить!—съ силой говоритъ Зина.—Если мы сами не будемъ беречь свое достоинство, если сами не будемъ цѣнить себя,—кто оцѣнитъ насъ?.. Міръ теменъ, Дора, и люди жестоки. Я въ этомъ убѣждаюсь каждый день. Особенно намъ, женщинамъ, жаждущимъ проявить себя въ жизни,—не на кого разсчитывать, кромѣ себя. И если некого любить, то вы правы, Дора!.. Надо остаться одинокими и уйти въ міръ вымысла, гдѣ на долю женщинъ достается хоть что-нибудь кромѣ обиды, насмѣшки и страданій...

Она ушла. А Дора взволнованно ходитъ по комнатѣ, силясь разобраться, что именно поразило ее въ этомъ разрывѣ Зины съ Долецкимъ. „Какая сила! Какая цѣльность!“ думаетъ она, вспоминая голосъ Зины, ея лицо. „И все это потому, что въ ней нѣтъ чувственности. Не то, что я и Лили... Такія, какъ мы, будемъ презирая цѣловать и ненавидя любоваться бровями, кудрями, фигурой любовника... Объ его убѣжденіяхъ не спросимъ... На его низость закроемъ глаза... Мы женственны...“ съ горькимъ смѣхомъ думаетъ она. И вспоминаетъ Валицкаго. Почему ее такъ тянетъ къ нему? Вѣдь она любитъ Гаральда?

Но есть что-то въ этомъ Валицкомъ, что волнуетъ ея мужественную, суровую душу. Ей нужна такая покорность и преданность... Кто знаетъ? Нужна, быть можетъ, больше, чѣмъ ея собственное преклоненіе передъ сильнымъ Гаральдомъ. Тамъ мечта. Здѣсь жизнь... Вѣрно одно: если бы теперь почему-либо Валицкій тоже исчезъ съ ея горизонта, или полюбилъ другую, — что равносильно,—Дора почувствовала бы страшную пустоту и одиночество. Только его нѣжность, да дружба Зины дали ей пережить эти двѣ ужасныя недѣли послѣ встрѣчи съ Marion на выставкѣ и послѣ разлуки съ Гаральдомъ. Его отъѣздъ раскрылъ ей глаза на пропасть, надъ которой она снова стояла. И она съ отчаяніемъ принялась за работу, чтобъ вернуть душевное равновѣсіе.

Она каждый день ждетъ Валицкаго. Это вошло въ привычку. Незамѣтно... Пока она пишетъ, она думаетъ только о Гаральдѣ. Но бьетъ шесть... И она уже ждетъ другого. Два эти образа вошли въ ея жизнь и слились въ какомъ-то кошмарномъ объятіи. Иногда, закрывъ глаза, она позволяетъ Валицкому обнять себя. И думаетъ:

„Это Гаральдъ.“ Валицкій цѣлуетъ ея вѣки. И она опять мучительно-сладко думаетъ: „Меня цѣлуетъ Гаральдъ...“

Иногда у нея мелькаетъ мысль: „Отдамся Валицкому. И лицо Гаральда отойдетъ вдаль. Не потому, чтобъ я разлюбила его. Душа будетъ попрежнему голодна. Но жажда радости уже не будетъ терзать меня. И жить и работать станетъ легче.“

„Ловушка!“ вдругъ всплываетъ догадка. „Природа плететъ свои сѣти, бросая мнѣ яркія приманки. Она хочетъ сдѣлать меня вновь матерью и рабыней, убить во мнѣ всѣ возможности... О, бороться! Бороться изъ послѣднихъ силъ!“

Въ эти дни она ненавидитъ Валицкаго. И онъ чувствуетъ себя несчастнымъ. Онъ отлично разбирается во всей этой смѣнѣ ея настроеній. Онъ изъ тѣхъ людей, которые, добившись у женщины поцѣлуя, уже не теряютъ своего „права“ и стремятся все къ большему и большему. А Дора всегда требуетъ, чтобъ онъ начиналъ сначала, игнорируя то, что онъ отвоевалъ вчера. Здѣсь, несмотря на свои тридцать лѣтъ, она наивна, какъ дѣвочка. Потому что онъ никогда не теряетъ ничего изъ пріобрѣтеннаго. Гдѣ нужно, онъ выжидаетъ. Гдѣ можно, онъ нападаетъ. И въ этой хищной борьбѣ двухъ половъ онъ является соперникомъ болѣе вооруженнымъ и потому опаснымъ. И объ его вкрадчивость и упорство вся энергія и весь задоръ Дэзи должны сломиться въ свое время. Онъ это знаетъ. Ощупью, инстинктомъ бредетъ онъ во мракѣ таинственнаго лѣса, по пути къ ея душѣ, нащупывая ногой каждый шагъ, осторожный и хищный, какъ звѣрь. Звѣря онъ ищетъ въ душѣ Доры, стремящейся къ небу. Только этимъ путемъ онъ можетъ покорить ее. Онъ это знаетъ.

Поразительно все-таки и то, что минутами и Дора угадываетъ его тактику. И самоослѣпленіе „царицы“, какой она себя держитъ, внезапно покидаетъ ее. Тогда она запирается, и онъ по цѣлымъ днямъ не имѣетъ къ ней доступа. Она пишетъ по ночамъ, а днемъ гуляетъ часа по три. И когда Валицкій приходитъ, наконецъ, она встрѣчаетъ его равнодушная, выдохшаяся, усталая.

Войдите, — говоритъ Дора на стукъ въ дверь.

— Я помѣшалъ? Простите,—смущенно лепечетъ Валицкій, не входя, а какъ-то вдвигаясь бокомъ въ комнату.

— Ахъ, это вы!. Ничего, оставайтесь!.. Пора, пожалуй, бросить... Я ужасно устала... Работала съ утра... И, представьте, даже не обѣдала... Вы изъ редакціи?

— Да... Поѣдемте куда-нибудь, Дора!

— Нѣтъ, не могу! Одѣваться нѣтъ охоты... Будемъ пить чай. У меня есть ветчина, сыръ... Садитесь!

Она звонитъ и велитъ подать самоваръ. Потомъ усаживается въ глубокое кресло, тянется и зѣваетъ.

На ней фланелевая, широкая блуза. На плечахъ большой платокъ. Пышные волосы небрежно сложены узломъ на затылкѣ. Она или совсѣмъ не хочетъ нравиться, или вполнѣ увѣрена въ страсти Валицкаго.

— Ахъ, не лижите рукъ! Не люблю... Разсказывайте...

— Вы писали эту новеллу для нашей газеты? — вкрадчиво спрашиваетъ онъ.

Она жестко усмѣхается.—Какъ бы не такъ! Я мѣчу выше... Я пошлю ее въ толстый журналъ.

— Вотъ какъ!.. Но не рано ли вамъ стучаться въ журналъ? Я принесъ вамъ хорошія вѣсти, Дэзи... *Просвѣщеніе* берется издать ваши разсказы. Стало-быть, они надѣются на этомъ нажить. Поздравляю!

— Благодарю васъ!—сухо отвѣчаетъ она.—Я подумаю.

— Что тутъ думать! Надо ловить случай. Увлеченіе юмористикой можетъ скоро схлынуть...

— ...и тогда все написанное мною окажется хламомъ, годнымъ для растопки печей? Вы это хотите сказать? Я вполнѣ согласна съ вами. Развѣ я смѣю назваться литераторомъ?

Валицкій молчитъ одну секунду.

— Гаральдъ совсѣмъ сбилъ васъ съ пути.

— ... уличнаго успѣха? — вновь перебиваетъ Дора съ злой искрой въ глазахъ.—Правда... И если изъ меня выйдетъ что-нибудь, то ужъ, конечно, не вамъ, а Гаральду я буду этимъ обязана.

— Успѣхъ при жизни — это все, Дэзи, что нужно писателю. Слава—это солнце мертвыхъ, какъ сказалъ какой-то французъ. Неужели вы предпочли бы запоздалую оцѣнку потомства равнодушію современниковъ? Книги не живутъ долго въ наши дни. Теченія мѣняются съ поразительной быстротой и неожиданностью. Читатель—неуравновѣшенъ, истериченъ, потому что мы всѣ стоимъ на перепутьи. Потому что послѣ дней свободы жизнь уперлась въ тупикъ, и нужно чѣмъ-нибудь спасаться отъ дѣйствительности. Своимъ смѣхомъ вы даете людямъ забвеніе, и люди любятъ васъ за смѣхъ.

Дора, слушавшая въ задумчивости, поднимаетъ голову.

— Хорошо... Я буду практичной. Я продамъ мои разсказы *Просвѣщенію*. Но это будетъ послѣдней уступкой жизни! Даю вамъ слово,—послѣдней... Ремесленницей я не согласна быть.

— Вы перестанете писать для московской газеты? И для насъ? Дэзи, подумайте...

— Запрещаю вамъ звать меня Дэзи!—гнѣвно говоритъ она.

— Почему?—вкрадчиво, но со злобой спрашиваетъ онъ.

— Для васъ я только Дора...

— Понимаю,—язвительно отвѣчаетъ онъ и низко кланяется.— Но я забылъ вамъ сказать, что вашъ послѣдній лирическій разсказъ вызвалъ недоумѣніе. И даже разочарованіе.

— Возможно,—спокойно роняетъ она.—А дальше?

— И спросъ на послѣдніе два номера (продолженіе разсказа и окончаніе) уже упалъ... Вы съ этимъ не хотите считаться?

— Нѣтъ... Читатель привыкнетъ къ моему новому... лику...

— Но, Дора, не забывайте... Путь, которымъ вы пойдете, труденъ. Скажу болѣе: онъ тернистъ.

— Я попробую... И если въ литературѣ ясно намѣченная цѣль, трудъ и энергія—значатъ что-нибудь, то я выдвинусв и безъ таланта.

Самоваръ поданъ. Они пьютъ чай. Дора приготовляетъ тартинки съ ветчиной. Насмѣшка сверкаетъ въ ея лицѣ.

— Почему у васъ такіе... блаженные глаза, Николай Львовичъ?

— Вы хотѣли сказать... глупые? Я счастливъ, Дора... Такая мирная картина... Одну минуту мнѣ показалось, что... Нѣтъ... Не глядите на меня!.. Я боюсь вашей насмѣшки... То, о чемъ я грежу, такъ хрупко и красиво...

— Очень уютныя грезы: мягкая мебель, массивный буфетъ, дѣтская, бонна, жена въ дорогомъ капотѣ... стильный кабинетъ...

— Дора... вы можете оказать мнѣ одну милость?

— Ну?—спрашиваетъ она, и ноздри ея вздрагиваютъ. Она плотно кутается въ платокъ, щурясь на его красивое и ласковое лицо

— Сядьте со мной рядомъ!.. Вотъ сюда, на диванъ...

— Сѣла,—говоритъ она, вся ежась отъ его близости.

Онъ тихонько беретъ изъ-подъ платка ея руку, страстно цѣлуетъ ея пальцы, смотритъ на ея профиль и опущенныя рѣсницы. Потомъ вдругъ грубо и сильно обнимаетъ ее.

— Опять?—дрогнувшимъ голосомъ, гнѣвно спрашиваетъ она.

— Опять,—сквозь зубы почти съ ненавистью отвѣчаетъ онъ. И держитъ ее крѣпко, не давая отстраниться ни на одинъ вершокъ.

— Ссориться хотите?—шепчетъ она, разомъ теряя голосъ.

Вмѣсто отвѣта онъ цѣлуетъ ея лицо. Дико, бѣшено, съ безумной страстью.

Она вырывается все-таки и пробуетъ встать. Волненіе ея сильно, и онъ его угадываетъ инстинктомъ. Но гордость ея пока еще

сильнѣе отвѣтнаго влеченія. И это онъ понялъ. Мгновенно онъ опускается на колѣни и обнимаетъ ея ноги, принуждая ее сидѣть.

— Простите... простите... Я забылся... никогда не буду...

Онъ прижимается головой къ ея колѣнямъ, какъ провинившійся ребенокъ, и она съ ужасомъ чувствуетъ, что злоба ея таетъ.

„Ловушка?.. И эта покорность тоже ловушка?“ думаетъ она тяжело дыша и стыдясь показать ему свое влеченіе. „Какъ онъ опуталъ меня, въ концѣ-концовъ! И навѣрно добьется своего... О, проклятая, проклятая чувственность!“

— Дора, не сердитесь!—шепчетъ онъ, подымая на нее покорные глаза.

Она молчитъ, стиснувъ зубы. Она не смотритъ Взглядъ его снова становится хищнымъ.

— Послушайте, Николай Львовичъ вы отлично знаете, что я не васъ люблю, а Гаральда.

— О... знаю!.. Но вѣдь Гаральдъ.. подъ сѣнью пирамидъ.

— Пустите! Вы мнѣ противны...

— И потомъ Гаральдъ любитъ Marion А я обожаю васъ. Дѣточка, не сердитесь!—вдругъ срывается у него съ обезоруживающей искренностью.—Вѣдь, право же, нѣтъ ни малѣйшей обиды въ томъ, что я люблю васъ.. Если-бъ я былъ циникомъ и наглецомъ, какъ Мировъ, Козловъ, Луковниковъ и tutti quanti, „ухаживающіе“ за вами, вы имѣли бы основаніе гнѣваться! Но вѣдь я же не разъ предлагалъ вамъ бракъ.. рабство мое

— Неправда!. Мое рабство!—страстно перебиваетъ она.

Съ улыбкой превосходства и сожалѣнія онъ качаетъ головой

— Какое же это рабство быть обожаемой женой, хозяйкой дома, обезпеченной женщиной... счастливой матерью, наконецъ?

— Вотъ, вотъ... Договорились!. Отлично вижу, куда вы ведете!. Вы семитъ, Валицкій... Вы настоящій семитъ!

— Мы, кажется, одной расы,—ядовито улыбается онъ И, если не ошибаюсь, то и Гаральдъ.

— Онъ аріецъ въ душѣ,—пылко перебиваетъ она.—И онъ уважаетъ женщину и любовь. Онъ цѣнитъ личность... А для васъ выше всего родъ Ваша любовь имѣетъ одну цѣль—дѣторожденіе... Это вы первые унизили женщину... Будьте вы прокляты!.

Захвативъ зубами платокъ, она прячетъ лицо въ спинку дивана. Страстныя рыданія сотрясаютъ ея тѣло.

Валицкій встаетъ, блѣдный. Его поражаетъ этотъ порывъ всегда сдержанной Доры. Чувствуется за нимъ не истерическая взвинченность, а что-то большое и страстное, что-то выстраданное, отчаянной борьбой добытое у жизни.

— Кого вы проклинаете, Дора?—шопотомъ спрашиваетъ онъ, боясь подойти къ ней, ярко сейчасъ чувствуя ея органическую враждебность, которую онъ смутно сознавалъ всегда.

— Васъ... васъ, семитовъ, съ вашей узкой, утилитарной моралью, съ вашей мертворожденной душой... Это вы сдѣлали женщину вашей собственностью и наложницей... Это вы отдѣлили ее отъ молящихся въ храмѣ, какъ нечистое животное...

— Дора, успокойтесь!—побѣлѣвшими губами говоритъ Валицкій.—Вотъ выпейте воды... Ваши нервы...

— При чемъ тутъ нервы?.. Что можете вы мнѣ возразить?.. Есть семиты и есть арійцы... Можно родиться евреемъ, но быть эллиномъ, какъ Гаральдъ... Преклоняться передъ искусствомъ... Любить любовь... Да... да... Не зачѣмъ строить гримасы... Дайте воды!

Зубы ея стучатъ о край стакана.

— Можно цѣнить личность и уважать жизнь во всѣхъ ея проявленіяхъ... Но на это способны только арійцы, только эллины, какъ говоритъ Гейне... Вы этого не умѣете... Вы органически неспособны на это... Кто первый бросаетъ камнемъ въ женщину, поднявшую голову, требующую и въ жизни и въ любви одинаковыхъ съ мужчиной правъ и свободы? Вы!.. Вы всегда боялись свободы... Вы сами всегда жаждали подчиненія: церкви, государству, роду, семьѣ... Вы ненавидите жизнь... Для васъ важенъ только догматъ... Изъ-за него вы готовы затоптать живую душу... Что вы смотрите на меня такъ? Я не говорю, что только евреи—семиты. Они всюду, во всемъ мірѣ... Я говорю о складѣ души... Но это міросозерцаніе человѣчеству первые дали евреи... О, сколько мрака, злобы, нетерпимости, деспотизма внесли вы въ жизнь!.. Вся наша современная мѣщанская мораль создана только вами. Это вы научили людей стыдиться любви и презирать женщину... Это вы усадили ее въ дѣтскую и кухню и вопите: „Развратъ! Распущенность!..“ какъ только женщина дерзнетъ познать себя, смѣло выйти на улицу изъ вашей клѣтки, смѣло взять свою долю счастья!.. Каждая изъ насъ, которая проснулась и рванулась къ свободѣ,—должна проклинать васъ, какъ это дѣлаю я...

Наступаетъ долгое молчанье. Дора пьетъ воду, изрѣдка всхлипывая. Валицкій, сумрачный и подавленный, весь съежился въ креслѣ... Она никогда еще не высказывалась такъ ошеломляюще откровенно. „Что можетъ связать ее со мною?“ думаетъ онъ. „Разсчетъ или чувственность?“

— Я ухожу, Дора,—мягко говоритъ онъ, видя, что она свернулась въ комочекъ на диванѣ.

Она молчитъ, и онъ чувствуетъ, что наступаетъ реакція.

— Долженъ ли я уйти?—вкрадчиво спрашиваетъ онъ, твердо рѣшивъ остаться и использовать этотъ моментъ.

— Какъ знаете,—вяло бросаетъ она.

— Не почитать ли что-нибудь?

— Читайте...

Онъ вынимаетъ изъ кармана газету и читаетъ ей фельетонъ. Она слушаетъ, закрывъ глаза, этотъ кокетливо-женственный голосъ, эти мягкія интонаціи. И странный покой разливается въ ея душѣ. Точно кошечка бархатной лапкой проводитъ по ея лицу... Заснуть бы такъ... Забыть лицо Гаральда и все, что потеряно навсегда... Но кто сказалъ, что навсегда? Развѣ онъ не вернется? Да... Но все должно пойти иначе, если и вернется. Не слабой, растерявшейся женщиной пойдетъ она навстрѣчу этой дивной дружбѣ-любви, а гордой и сильной, нашедшей себя и свое мѣсто въ мірѣ, съ ясной головой и удовлетворенной жаждой тѣла.

Дора открываетъ расширенные, разомъ потемнѣвшіе глаза. Кто сдѣлалъ за нее этотъ выводъ сейчасъ? Кто приподнялъ завѣсу скрытаго отъ насъ подсознанья, гдѣ невидимо для насъ самихъ зрѣютъ наши рѣшенія и наши поступки?.. Утолить жажду тѣла, эту невыносимую жажду, гнетущую ее такъ давно. Такъ позорно глядѣвшую изъ ея глазъ и голоса при встрѣчахъ съ Гаральдомъ. Такъ обезсиливающую ее въ объятіяхъ Валицкаго... Да... Смѣло взять себѣ эту радость. И тогда она вновь найдетъ себя.

— Вы не слушаете, Дора?

— Нѣтъ...

По тону ея и выраженію лица онъ видитъ, что гнѣвъ ея и протесты угасли; что немолчная половая борьба между ними потеряла сейчасъ свою остроту.

— О чемъ же вы думаете?

Онъ опять тихонько садится на коврѣ, у ея ногъ.

И она отвѣчаетъ, какъ въ бреду, глядя вверхъ:

— Мудры тѣ, кто, какъ Гаральдъ, отдѣлилъ желаніе отъ любви. Потому что это двѣ разныя силы. Это духъ и плоть. И цѣли у нихъ разныя. И міръ переживаній другой. И если случайно встрѣтятся эти двѣ силы въ одномъ чувствѣ, то мятежное, грубое желанье всегда убьетъ хрупкую и нѣжную любовь.

— Это изъ *Сказки*,—насмѣшливо подсказываетъ Валицкій.— Въ жизни мы видимъ другое.

— Видимъ *Крейцерову сонату*. Это чаще всего. Тамъ уже нѣтъ никакой любви, а одно только желанье. Нашъ языкъ слишкомъ бѣденъ, Валицкій. Душа человѣка выросла и утончилась. А рѣчь его все такъ же ограниченна... Что только ни называютъ у насъ

любовью?.. Да и многимъ ли, въ сущности, она нужна? Кто тоскуетъ о прекрасной и высокой любви?.. И оскорбленная и униженная, она отлетѣла отъ міра. Рѣдко приходитъ она теперь на землю. И бродитъ здѣсь, поруганная и неузнанная... Я жалѣю, что не родилась въ средніе вѣка.

Она опирается локтемъ на подушку и, чуть-чуть приподнявшись, смотритъ на Валицкаго потемнѣвшими глазами.

— Какъ это ни странно, а вѣдь они, эти грубые люди, эти полуварвары были ближе къ истинѣ въ вопросахъ любви, чѣмъ вы, мѣщане-утилитаристы. Потому что они были религіозны. Любовь—это стремленіе ввысь. Это предчувствіе вѣчности... Спросите не влюбленнаго, конечно, а полюбившаго: „Какъ долго будешь ты ее любить?" И онъ безъ колебанія отвѣтитъ вамъ: „Вѣчно"!..

— И все-таки онъ въ свое время перестанетъ любить.

— Да... да... конечно... Но знаете почему, Валицкій? Потому что онъ, слѣдуя мѣщанскому завѣту семитовъ, все утилизирующихъ въ жизни, беретъ въ наложницы любимую женщину и самъ того не зная, безжалостно убиваетъ свое благоухающее чувство... Любовь это гостья небесъ. И ей нечего дѣлать въ постели человѣка... Для дѣторожденія, для семьи и государства нуженъ бракъ. Любви онъ не нуженъ... И она рветъ цѣпи, какъ только она проснулась въ душѣ закрѣпощеннаго... Но скажите, почему Данте вѣчно любилъ Беатриче? Почему Шатобріанъ обожалъ Рекамье? И почему Гете разлюбилъ Шарлотту Штейнъ? Я отвѣчу вамъ: Гете прожилъ съ своей любовницей десять лѣтъ. И уже черезъ годъ перестал брать съ собой въ разлукѣ съ нею ея корсетъ и покрывать его пламенными поцѣлуями... А Данте ни словомъ не обмолвился съ недоступной ему Беатриче...

— Легенда о ней уже давно разрушена, милая Дора. Она жила еще цѣлыя двѣнадцать лѣтъ послѣ встрѣчи съ Данте, вышла замужъ и имѣла кучу дѣтей...

— Боже мой, Валицкій!.. До чего вы плоски!.. Неужели вы не чувствуете, какъ безразлично было все это для Данте? Онъ сохранилъ въ душѣ только трепетъ первой встрѣчи. Искру перваго взгляда. Бурю, что вызвала она въ его сердцѣ, пройдя мимо... Для него она умерла, какъ женщина. И вѣчно жила, какъ греза... И думаете ли вы, что эту радость своей безплотной любви онъ промѣнялъ бы на возможность сойтись съ Беатриче? Никогда! Иначе онъ не былъ бы поэтомъ...

— Но знаете ли вы, что Шатобріанъ былъ женатъ, и притомъ страшно деспотично обращался съ своей кроткой женой?

— О, да!.. Когда мнѣ было пятнадцать лѣтъ, и я прочла объ

этомъ, я возмутилась этой двойственностью. Я спрашивала себя, какъ могла Рекамье допустить его признанье? Какъ она не потребовала развода?

Валицкій ядовито смѣется.—Легенда о Рекамье тоже рухнула. Эта неприступность ея была чисто анатомической.

Дора устало машетъ рукой.—Ахъ, я и это знаю!.. Но вѣдь это была великая тайна между нею, ея отцомъ и мужемъ. И даже Наполеонъ не могъ въ нее проникнуть. Для Шатобріана Рекамье была недосягаемымъ божествомъ... И теперь, когда мнѣ уже за тридцать лѣтъ, я прекрасно поняла цѣну такой именно любви...

Мягкая бородка Валицкаго щекочетъ руку Доры. И невольная дрожь пробѣгаетъ по ея тѣлу.

— Ахъ, Дэзи! Дэзи... У насъ одна только жизнь. И въ этой жизни вы для меня все! Все, поймите... Я не могу отдѣлить желанья отъ любви... Но если вы меня спросите, и я отвѣчу вамъ чистосердечно: „Я никого не любилъ до этого дня. А васъ буду любить вѣчно"...

Стоя на колѣняхъ у дивана, онъ осторожно обнимаетъ ее и кладетъ голову на ея грудь. Къ его удивленію она не отстраняется.

— Но вы не средневѣковый рыцарь. Вы только... журналистъ...

— У васъ есть рыцарь... Гаральдъ,—уязвленно возражаетъ онъ, не измѣняя все-таки позы.

— Средневѣковой рыцарь никогда не оскверняль свою даму вожделѣніемъ. У каждаго изъ нихъ была въ замкѣ жена, покорная, терпѣливая, пассивная... И когда бунтующая плоть заявляла свои права, рыцарь поднимался по винтовой лѣстницѣ въ покои супруги. Но только въ честь дамы сердца, далекой и недоступной, рыцарь бился на турнирѣ, а менестрель слагалъ свои пѣсни... Мы женщины—безумны... Чувственность толкаетъ насъ оскорбить любовь... сдѣлать далекое доступнымъ... будничнымъ то, что полно тайны. Но я хочу быть мудрой. Если желанію принадлежитъ весь міръ, то у любви остается свое царство... Царство дивнаго вымысла. И всѣ шедевры на землѣ созданы тѣми, кто грезилъ, молился, плакалъ. И не зналъ удовлетворенія.

Она закрываетъ вѣки. Наступаетъ долгая пауза.

Вдругъ Дора чувствуетъ поцѣлуй Валицкаго на своей груди. Но, какъ онъ ни робокъ, Дора вздрагиваетъ и мгновенно открываетъ потемнѣвшіе глаза. Она видитъ измѣнившееся лицо Валицкаго, вспухшую на его бѣломъ лбу жилку, его чувственныя губы семита, его чувственный взоръ, манящій ее къ давно забытому наслажденію... Она кладетъ руку на его плечо.

— Я сдаюсь,—неожиданно и твердо говоритъ она.—Да, я сда-

юсь... Безполезно бороться съ желаньемъ. Но вы должны знать, на что идете, и что я предлагаю вамъ...

— Я на все... на все согласенъ!

— Слушайте меня внимательно... Дѣтей я не хочу... Ихъ не должно быть... Я не затѣмъ бросила своихъ и разрушила семью, чтобы сызнова съ вами переживать старое... Нѣтъ возврата! Но я пойду дальше теперь. Вы мечтаете жить вмѣстѣ? Я буду жить одна. Не стану заботиться о вашихъ обѣдахъ, о вашихъ вкусахъ и привычкахъ. На это у меня не будетъ времени. Я должна развить мою личность и оставить слѣдъ по себѣ. И если въ концѣ жизни я почувствую, что обманулась и переоцѣнила себя, я утѣшусь тѣмъ, что жила въ мірѣ чистаго вымысла, что жила для борьбы и достиженія... Отъ васъ я прошу нѣжности... Я изголодалась безъ этой нѣжности, Валицкій. Обѣщаю вамъ дружбу, ласку. Но не жертвы, нѣтъ!.. Я всегда останусь сама собой. Повторяю: я не затѣмъ боролась эти годы, голодала, мучилась, доходила до самоубійства, чтобы опять раствориться въ любви и въ семьѣ. Я свой путь нашла. И ничто уже не свернетъ меня съ него!

— Вы обопретесь на мою руку, Дора...

— О нѣтъ!.. Не вы сказали мнѣ, что писатель долженъ знать то, надъ чѣмъ онъ смѣется...

— Это сказала Marion, ненавидящая васъ...

— Стало быть, ненависть даетъ намъ лучшіе уроки, чѣмъ любовь... Нѣтъ, другъ мой... Вы—какъ всѣ журналисты—рабъ улицы. И мнѣ вы обѣщаете только уличный успѣхъ. Мой путь будетъ одинокимъ, какимъ онъ былъ до сихъ поръ. Вы будете для меня землей съ ея мимолетными, милыми, жгучими радостями. Но душа моя видитъ небо. И въ этомъ небѣ сіяетъ мнѣ звѣзда...

— Не говорите о немъ! — мучительно молитъ Валицкій. — Чудная, жестокая Дора!.. Хоть въ эту минуту не думайте о Гаральдѣ! Не отравляйте мнѣ моего счастья... Я такъ долго... такъ долго ждалъ его...

Она безмолвно роняетъ руки на его голову. Глубокое удивленіе отражается въ ея лицѣ. Что это значитъ?.. Онъ не спѣшитъ приблизить мигъ обладанія. Онъ робко цѣлуетъ складки ея блузы. И плачетъ, плачетъ. Счастливый и благодарный.

VII.

Всѣ спектакли *Студіи* въ Москвѣ проходятъ съ аншлагомъ, несмотря на тройныя цѣны, и съ колоссальнымъ успѣхомъ.

Особенный успѣхъ выпалъ на долю Нильса въ новомъ бале-

тѣ „Призракъ Розы“. Молодая дѣвушка (Marion), вернувшись съ бала, грезитъ о любви. Полуодѣтая передъ сномъ, она все еще танцуетъ съ блаженной улыбкой на губахъ. И разбитая падаетъ въ кресло, когда въ открытое окно уже глядитъ заря. Она засыпаетъ, цѣлуя розу, которая была въ ея вѣнкѣ.

И грезится ей, что въ открытое окно влетѣла душа увядающаго цвѣтка. Призракъ дивной красоты (Нильсъ) рѣетъ передъ нею, безплотный и непостижимый, недоступный земнымъ объятіямъ, чуждый всѣмъ печалямъ земли. Или это богъ танца, волнующаго душу? Онъ словно колдуетъ надъ нею, беззвучно скользя подъ музыку, которая все еще звучитъ въ ея упоенномъ сердцѣ... И въ ритмѣ этого танца ея наивная душа инстинктивно угадываетъ ритмъ любви. Зовъ таинственной, огромной жизни.

Она просыпается, не въ силахъ вынести остраго блаженства, когда уста призрака касаются ея устъ.

Но греза улетаетъ. Она опять одна...

Нильсъ дѣйствительно казался полубогомъ въ этой сценѣ. Такъ гармоничны, легки и широки были всѣ его движенія; такъ плѣнителенъ былъ его танецъ. Когда же, при пробужденіи дѣвушки, онъ однимъ прыжкомъ, какъ вихрь, перелетѣлъ сцену и исчезъ въ окнѣ, театръ весь замеръ на мгновеніе, а потомъ разразился несмолкаемыми апплодисментами.

Встрѣча Новаго Года назначена въ Эрмитажѣ. Директоръ *Студіи* Евтихьевъ уже давно снялъ одну изъ залъ и заказалъ роскошный ужинъ для труппы.

Людмила изъ театра хочетъ зайти домой—взглянуть на Тасю. Здѣсь близко. Только площадь перейти.

— Ты скоро? — спрашиваетъ ее мужъ, снимая гримъ передъ зеркаломъ. — Ждать тебя?

— Нѣтъ, къ чему?.. Я скоро пріѣду,—не глядя на него, какъ всегда теперь, отвѣчаетъ она.

— Ну, пойдемъ вмѣстѣ!—говоритъ Полли, сталкиваясь съ нею на лѣстницѣ. — Я знаю, что ты застрянешь, а сейчасъ четверть двѣнадцатаго. Да шлейфъ подними, шлейфъ! Вотъ рохля-то!.. Такое дивное платье волочитъ по грязи...

Людмила повинуется, какъ лунатикъ. За эти два дня созрѣло ея рѣшеніе. Она возьметъ Тасю и сойдетъ съ его пути. Пусть ростетъ его талантъ на радость людямъ! А для нея радости уже нѣтъ. Она унесетъ съ собой священную память о прекрасномъ чув-

ствѣ, соединившемъ ихъ когда-то... Уходя теперь, она докажетъ ему, какъ велика ея любовь.

— Вамъ письмо,—говоритъ швейцаръ.

Полли поднимается въ бельэтажъ. Людмила въ передней разрываетъ конвертъ и читаетъ.

Уже прошло десять минутъ. Полли успѣла сбросить ротонду, припудриться и выкурить папироску. А Людмилы все нѣтъ... Должно быть, въ дѣтскую прошла. Напѣвая, бродитъ она по номеру.

Часы бьютъ... Половина двѣнадцатаго... Куда же она дѣвалась? Уже пора ѣхать... Вотъ копуша!

Тася спитъ въ комнатѣ, рядомъ съ англичанкой. На ципочкахъ входитъ туда Полли и съ порога шепчетъ:

— Ну, что же ты?.. Иди скорѣе!.. Навѣрно насъ ждутъ...

Вытянувъ шею, она оглядываетъ комнату.

Никого...

Все еще не понимая, Полли возвращается въ номеръ Людмилы. Оттуда выходитъ въ коридоръ. И вдругъ блѣднѣетъ отъ безотчетнаго ужаса. Людмила стоитъ, прислонясь у двери.

Одно долгое-долгое мгновеніе смотритъ на нее Полли, все также вытянувъ шею.

— Милочка, ты?.. Почему ты тутъ стоишь?

Молчаніе.

Полли чувствуетъ, что ноги у нея начинаютъ дрожать. Она подходитъ и дотрогивается до холодной руки.

Неожиданно Людмила отдѣляется отъ стѣны и входитъ въ номеръ. Кружевной шарфъ упалъ съ головы. Блеснули блѣдно-золотые локоны и остановившіеся на восковомъ лицѣ, расширенные и какіе-то мертвые глаза.

„Совсѣмъ, какъ кукла“, думаетъ Полли, и сердце ея падаетъ.

— Что случилось?.. Господи!.. Да говори ты скорѣй!

Людмила молча разжимаетъ ладонь и протягиваетъ Полли скомканную бумажку. Машинально Полли развертываетъ ее и читаетъ:

„ Вы не умѣете разбираться въ людяхъ. Честныхъ женщинъ, „которыхъ вашъ мужъ безполезно преслѣдуетъ гнусными предло-„женіями, вы третируете, какъ горничныхъ. А дружите съ продаж-„ными тварями. Весь кордебалетъ знаетъ, что Дунька Коровина и „Полли были любовницами вашего мужа. И не дальше какъ вчера „онъ развлекался съ неутѣшной вдовой Коровиной, которую бро-„силъ ея эсъ-декъ. И мы всѣ видѣли, какъ они укатили въ авто-„мобилѣ со спектакля. Вы же слѣпы и довѣрчивы, и всѣ смѣ-„ются надъ вами. Онъ первый. Кто выкупилъ вещи Полли? На „чьи деньги у нея бѣлая ротонда? Спросите вашего мужа. У него

„цѣлый гаремъ. Изъ Петербурга пріѣхала его генеральша, ко-„торая посылала ему каждый день цвѣты. И купчиха опять си-„дитъ въ первомъ ряду. Не будьте такъ надменны! Кичиться вамъ „нечѣмъ“.

Письмо безграмотно и, конечно, безъ подписи.

— Мерзость какая!—Полли швыряетъ листокъ наземь.

— И все-таки это правда,—беззвучно говоритъ Людмила, смотря въ упоръ въ ея смущенное лицо.

— Ни одного слова правды! — робко протестуетъ Полли, избѣгая мертваго взгляда кукольныхъ глазъ. — Я тебя предупреждала, что она отомститъ. Но я никогда не думала, что ты повѣришь...

— Не ей вѣрю... Лицу твоему,—такъ же тихо и устало отвѣчаетъ Людмила. И вдругъ садится, не снимая ротонды.

— Довольно!—говоритъ она, подымая руку усталымъ жестомъ, когда Полли лепечетъ что-то.—Не надо словъ! Я вѣрю чувству моему... Все кончено...

Полли долго молчитъ, дрожащими руками чиркая спичкой.

— Ну... если такъ... если ужъ дѣло пошло на то... я лгать не стану,—говоритъ она глухо.—И съ меня довольно!.. Сошлась съ нимъ, правда... Увлеклись оба... И жили-то всего недѣлю... А потомъ... Ну, да все равно, съ кѣмъ онъ потомъ путался!.. Дѣло въ томъ, что онъ всегда былъ путаникъ, а ты, какъ слѣпая, въ него вѣрила... Господи! Вспомни: сколько разъ я тебѣ глаза на него открыть пыталась... потому что полюбила я тебя, Милочка, всей душой!.. И обидно мнѣ стало за ложь, среди которой ты живешь... А потомъ... страшно было тебя въ эту грязь окунуть... такую чистую... такую...

Горло Полли сжимается. И она смолкаетъ разомъ.

Людмила неподвижно сидитъ въ углу, въ своемъ парчевомъ платьѣ съ треномъ, обшитымъ мѣхомъ, съ ротондой на плечахъ. И смотритъ передъ собой въ одну точку мертвыми глазами.

Полли тихонько переходитъ комнату и опускается на колѣни передъ подругой. Та чуть-чуть отодвигается. Но Полли съ страстнымъ крикомъ обхватываетъ ея ноги.

— Прости ты меня грязную... подлую... прости!.. Развѣ я знала тебя тогда? Развѣ придаемъ мы этому значеніе? Сколько разъ съ тѣхъ поръ, какъ я съ тобой подружилась, онъ звалъ меня кутнуть!.. Я никогда не соглашалась и только одно твердила ему: „Подлецъ!..“ Если-бъ я знала... если-бъ я когда-нибудь предполагала, что ты такъ любишь, такъ вѣришь въ него...

Всхлипнувъ, она роняетъ голову въ колѣни Людмилы.

Восковое лицо вздрагиваетъ на мгновеніе, и гримаса отвращенія поводитъ тонкія, крѣпко сжатыя губы.

Но отчаяніе Полли быстро стихаетъ. Не о себѣ надо думать... Надо дѣйствовать... спасать...

— Людмила, послушай... образумься! Не одна вѣдь ты страдаешь. Назови ты мнѣ артиста, который не измѣнялъ бы женѣ... И всѣ мирятся съ этимъ... И всѣ живутъ... Не это, значитъ, главное въ жизни, коли всѣ съ этимъ мирятся... И онъ навѣрное всегда былъ такимъ... И въ Парижѣ... Онъ мнѣ такія штучки разсказывалъ...

Людмила вдругъ встаетъ.

— Довольно!.. Уходи!

— Милочка... я только къ тому, что вотъ жила же ты эти годы обманутая, и счастливой себя считала. И права была, потому что онъ одну тебя любилъ... А остальное все было только свинство и любопытство...

— Уходи! — говоритъ Людмила, повышая голосъ и сверкая живыми на этотъ разъ, гнѣвными глазами.

Все оцѣпенѣніе ея исчезло сразу. И Полли видитъ передъ собою опять женщину съ громадной волей и неженской выносливостью.

Полли быстро накидываетъ свою бѣлую ротонду и повязываетъ голову шарфомъ. Метнувъ тоскливымъ взглядомъ въ лицо потеряннаго друга, она выходитъ въ коридоръ.

— Гдѣ у васъ телефонъ? Въ первомъ этажѣ?—слышитъ Людмила ея голосъ.

„Теперь скорѣй! Скорѣй!"

Она кидается въ дѣтскую. И, не снимая ротонды, опускается у постели дѣвочки на колѣни. Смотритъ на нее, потомъ осторожно цѣлуетъ ея лобикъ. И, вставъ съ колѣнъ, все креститъ и креститъ беззвучно...

Все равно! Слова забыты... Бога нѣтъ...

Она входитъ въ свою комнату и останавливается на мигъ, потирая лобъ холодными пальцами. Потомъ снимаетъ кольца, браслеты, колье. Все прячетъ въ шкатулку. И шкатулку тихонько ставитъ у постели Таси.

Теперь все... Надо спѣшить... Каждый мигъ дорогъ... Полли тамъ звонитъ по телефону, вызывая мужа... Нѣтъ!.. Съ нимъ встрѣтиться нельзя... Еще это пережить она уже не можетъ... Все рухнуло. Все втоптано въ грязь.

Она выходитъ въ коридоръ. И тяжелый шлейфъ волочится за нею... Здѣсь, за поворотомъ, есть лѣстница. Запасный ходъ.

Съ Полли она теперь не столкнется на дворѣ, куда выходитъ этотъ подъѣздъ.

На одно мгновеніе, когда она выходитъ на воздухъ, у нея темнѣетъ въ глазахъ. Она прислоняется плечомъ къ мерзлой стѣнѣ. Огромный колодезь двора пустыненъ. Рѣдко откуда падаетъ внизъ свѣтъ. Всѣ окна темны, какъ глаза мертвеца. Всѣ номера опустѣли. Люди собрались въ трактирахъ, чтобы встрѣтить Новый Годъ и пережить новые обманы...

„Довольно съ меня!" шепчутъ ея губы.

Она смотритъ вверхъ... И вдругъ сердце ея расширяется. Электрическій свѣтъ съ площади не доходитъ сюда, въ тѣсный колодезь, гдѣ встаютъ темныя, голыя, холодныя стѣны. И Людмила ясно видитъ въ высокомъ небѣ, надъ крышей дома, огромную синюю звѣзду.

Она смотритъ вверхъ, и горло ея сжимается. Вѣчностью вѣетъ на нее отъ этого чернаго неба, отъ далекой звѣзды. Уходитъ злоба. Гаснетъ ненависть...

„Не надо засыпать съ злобой въ душѣ", говоритъ ей кто-то. „Да не зайдетъ солнце въ гнѣвѣ твоемъ!.."

„...Это ты, нянечка?.."—„Я, болѣзная... я... Не серчай на мать! Прости... Гордость—грѣхъ тяжкій... Всѣ люди слабы, всѣ люди слѣпы... Надо прощать..."

Какъ въ кинематографѣ мелькнула жизнь: дѣтство въ суровомъ старообрядческомъ домѣ, любимое лицо отца и улыбки маленькихъ братьевъ... Огнистой лентой сверкнули бульвары Парижа. Бѣлымъ пятномъ всталъ фонтанъ С. Мишель. Вотъ лицо мужа, его глаза, когда въ первый разъ онъ поцѣловалъ ее, нѣжно держа ее за подбородокъ... Ахъ, эти жалкіе, виноватые и страдающіе глаза, какими онъ вчера взглянулъ на нее, здороваясь...

„Прощай!.." шепчутъ ея губы. „Ты былъ ничтоженъ. Мечта моя высока. Но ты не виноватъ, что родился ничтожнымъ. И я не виновата, что любить могу только высокое..."

Въ послѣдній разъ глядитъ она вверхъ... Все замерло, все отболѣло въ душѣ, куда волной вливается нездѣшній холодъ. Жизнь—колодезь, откуда нѣтъ выхода. Съ тоской глядятъ изъ него люди вверхъ, чтобъ не видѣть голыхъ стѣнъ и грязи подъ ногами. И ей кажется теперь, что изъ мрачнаго колодца жизни, жестокой и безпощадной,—ей, какъ эта звѣзда, горѣла любовь. Свѣтлая, высокая, прекрасная, какой понимала она ее. И какъ эта звѣзда, случайно заглянувъ въ колодезь и порадовавъ очи, уходитъ за громады каменнаго города, оставляя за собой еще большій мракъ и пустоту,—такъ ушла любовь изъ ея жизни. И жить уже нечѣмъ.

Пора!..

Подобравъ шлейфъ платья, она идетъ къ воротамъ. Беззвучно скользитъ подъ темную арку. Выходитъ на другую сторону площади. Прямо передъ нею, скрещиваясь во всѣхъ направленіяхъ, мчатся трамваи.

Одну секунду она стоитъ въ нерѣшимости, держа тяжелый шлейфъ слабѣющей рукой... Вонъ сверкнулъ красный глазъ сквозь морозный туманъ. Съ ужасающимъ грохотомъ катятся вагоны... Ближе... ближе... Дико воетъ кто-то тамъ, вверху, не то съ угрозой, не то предостерегая...

„Господи, прости меня!..“ шепчутъ ея губы. И мгновенно, обернувъ свои ноги шлейфомъ, чтобъ отрѣзать себѣ отступленіе, она падаетъ плашмя на рельсы, подъ вынырнувшее изъ тумана чудовище.

VIII.

Заснулъ?—шопотомъ спрашиваетъ Маня фрау Кеслеръ въ передней, хотя цѣлый этажъ отдѣляетъ ее отъ больного Нильса. Она только что вмѣстѣ съ Полли вернулась съ репетиціи.

— Заснулъ... Мученье съ нимъ! Теперь тамъ „сестра“ сидитъ...

— Я смѣню ее,—говоритъ Полли, снимая шляпу передъ зеркаломъ.—Вы намъ пришлите завтракъ и кофе туда...

Маня жметъ ей руку и идетъ къ дядѣ.

Теперь за болѣзнью Нильса весь репертуаръ лежитъ исключительно на Marion. Маня рада этой работѣ. Это спасительное забвеніе отъ ужасной дѣйствительности.

Когда въ ночь подъ Новый годъ Людмила покончила съ собой, Полли позвонила Манѣ только въ семь утра, чтобы сообщить, что тѣло найдено. Она умоляла Маню пріѣхать, потому что не ручалась за Нильса. Его отчаяніе приняло такія острыя формы, что каждую минуту можно было опасаться самоубійства.

Весь этотъ скорбный путь поздняго раскаянія и страстнаго самобичеванія Нильсъ прошелъ, опираясь на руку Мани. По ея настоянію въ ту же ночь онъ съ Тасей и Полли переѣхалъ въ домъ Штейнбаха, на половину Мани. Нильсъ не могъ теперь обойтись безъ Полли. Не она ли была свидѣтельницей послѣднихъ минутъ Людмилы, слышала ея послѣднія слова, видѣла ея глаза, изъ которыхъ уже глядѣла Безконечность?

Старикъ удрученъ. Послѣ тишины, дорогой сердцу меланхолика, послѣ дивныхъ часовъ, которые онъ привыкъ проводить до обѣда въ будуарѣ Мани,—домъ наполнился чужими людьми, суе-

той и звуками, зловѣщими и предостерегающими. Все полно символовъ и угрозъ... Горе вошло въ тихій домъ. Горе съ криками, слезами, истериками... Маня никогда не бываетъ одна съ тѣхъ поръ, какъ привезли этого страннаго бритаго человѣка, рыдавшаго, какъ ребенокъ... Съ нимъ появилось еще дитя, плачущее, перепуганное, и рыжая женщина съ шумной рѣчью и размашистыми движеніми... Всѣ они какъ хозяева поселились наверху Весь день грохотъ надъ головой, глухіе вскрики, торопливые шаги, хлопающія двери, звонки телефона... Съ біеніемъ сердца прислушивается старикъ къ этимъ звукамъ. Съ затаеннымъ въ зрачкахъ ужасомъ. Съ предчувствіемъ бѣды. Откуда она придетъ онъ не знаетъ. Но она уже гдѣ-то недалеко...

И видъ Марка его пугаетъ. Горе, которому нѣтъ имени и утѣшенія, глядитъ изъ его осунувшагося лица. Его померкшіе глаза полны тайны. Что-то случилось... Отъ него скрываютъ.

Единственная радость—прогулки. Бездумное, безцѣльное стремленіе.

— А, наконецъ! Какъ долго!—говоритъ онъ, беря въ руки голову Мани и цѣлуя ее въ глаза.

— Бѣдный дядя, тебѣ скучно?

— Когда же *они* всѣ исчезнутъ, и мы будемъ вмѣстѣ?

— Мы скоро поѣдемъ за границу, дядя...

Онъ берется за голову и качается, полный ужаса, полный трепета передъ жизнью.

— Опять люди... толпа?.. Опять шумъ?.. Зачѣмъ они тебѣ, Маня? Пусть уѣзжаютъ!

— Дядя, дорогой... Не могу... Онъ погибнетъ безъ меня теперь Это великій артистъ. Онъ другъ мой!.. Я не могу покинуть его въ горѣ. Я должна сберечь его талантъ...

Нильсъ въ бархатной нечищенной курткѣ, небритый, огрубѣвшій и худой, сидитъ на кушеткѣ, на которой только-что спалъ. Сидитъ, облокотившись на колѣни, весь согнувшись. Черезъ комнату, у окна, Полли куритъ, вся растрепанная.

Маня, подойдя къ двери, слышитъ его грубый, страстный крикъ:

— Отвѣчай, тварь! Ты меня обманываешь... Припомни, что она тебѣ сказала!.. Не повѣрю, чтобъ ничего больше не говорила...

Маня входитъ, не стучась.

— Господи!.. Да что такое еще?.. Здравствуй, Нильсъ!

Она цѣлуетъ его въ лобъ и садится рядомъ. Воспаленный полубезумный взглядъ Лихачева враждебно скользитъ по ея лицу.

— Опять ты волнуешься, Нильсъ? Вы давали ему брому?

— Къ чорту бромъ!.. Вы меня тутъ всѣ обманываете...

— Просто замучилъ,—дрогнувшимъ голосомъ обрываетъ его Полли и бросаетъ окурокъ въ вазонъ.—Его не за границу везти, а въ сумасшедшій домъ отдать надо... Вы поглядите въ его глаза... Онъ скоро бить меня будетъ...

— И убью, если дознаюсь... Помни, убью!

Полли садится въ кресло и плачетъ.

Съ ненавистью глядитъ на нее Нильсъ. Ему пріятны эти слезы.

— Плачь, не плачь, Людмилы не вернете!..

— Самъ, мерзавецъ, виноватъ... а на лю...дей ва...литъ...

— Господи!.. Да говорите толкомъ!

— Истерзалъ онъ меня, проклятый... День и ночь изводитъ допросомъ: „Что она сказала... да какъ она тебѣ это сказала? Нѣтъ, ты вспомни... ты что-нибудь забыла... Повтори, какъ ты ее встрѣтила въ коридорѣ... Не говорила ли она еще чего-нибудь?“

— Полли! Да вѣдь это такъ понятно... Вѣдь вы послѣдняя говорили съ ней... Вѣдь это все-таки какъ бы частица души ея трепещетъ въ вашихъ разсказахъ.

— Вотъ... Вотъ... ты поняла... а она, подлая...

— Марья Сергѣевна... да вѣдь это въ сотый разъ... день и ночь разсказывать... Что ему отъ меня нужно?

— Ага!.. Видишь?.. Видишь?.. Выдала себя, тварь...

— Нильсъ, замолчи же!

— Она что-то отъ меня затаила...

Манѣ кажется жуткимъ и страннымъ, что Полли такъ блѣдна.

— Я сама скоро помѣшаюсь,—срывается у Полли.

А Нильсъ, прикладывая къ груди руки съ грязными ногтями, говоритъ Манѣ:

— Понимаешь... я не вѣрю, чтобы она рѣшилась умереть отъ анонимнаго письма... Не вѣрю! Религіозные люди такъ не умираютъ...

— Аффектъ, Нильсъ...

— Нѣтъ, не аффектъ... Она должна была спросить меня... ее, наконецъ.—Онъ указываетъ на заплаканную, угрюмую Полли.— И ты скажешь, что она тебя не допрашивала?.. Ты посмѣешь это сказать? Если-бъ ты поклялась, что все это ложь, она бы тебѣ повѣрила... Маничка, я это ночью какъ-то надумалъ... точно стукнула мнѣ эта мысль въ голову. А эта тварь сознаться не хочетъ... Навѣрно выдала и меня, и себя съ головой. Людмила не ушла бы такъ, не простившись со мной, если-бъ ей было за что зацѣпиться... Боже мой!.. Боже мой!.. Я съ ума сойду...

Онъ падаетъ ничкомъ на кушетку. Плечи его трясутся.

Маня дѣлаетъ знакъ Полли. Та осторожно, съ лицомъ уличенной преступницы, крадется къ двери и ускользаетъ.

— Маничка, ты здѣсь?—послѣ долгой, мучительной паузы, спрашиваетъ онъ, не подымая головы.—Мы одни?

— Да, Нильсъ,—грустно и нѣжно говоритъ она.—Вотъ, прими бромъ... Пусть Полли уѣзжаетъ! Вамъ вредно встрѣчаться.

— Да... пусть уходитъ!.. Я чувствую, что это она выдала меня и убила Милочку правдой... Правда слишкомъ страшна такимъ натурамъ, какъ Людмила. Она не для жизни... Я это вѣрно сказалъ, Маничка? Я разучился говорить...

— Нѣтъ, Нильсъ! Невѣрно... Если бы насъ не воспитывали во лжи и научили глядѣть въ лицо жизни, какъ бы ни была она страшна,—твоя Людмила была бы жива. Она простила бы тебѣ твои увлеченія. Развѣ не было у нея высшей цѣнности: твоей любви?

Со вздохомъ Нильсъ обнимаетъ Маню. Онъ, какъ ребенокъ къ матери, прижимается головой къ ея плечу.

— Не уходи, Маничка! Мнѣ легче съ тобой. Ты все понимаешь... Ты одна не осуждаешь меня. Вотъ ты—артистка. Скажи... развѣ могъ я съ моей натурой не увлекаться? Быть только добродѣтельнымъ супругомъ? Если-бъ я ломалъ себя, развѣ я былъ бы тѣмъ, что я есть? Вѣдь я слинялъ бы, Маничка... Мнѣ нужны... необходимы были эти пьяныя минуты!.. Сознаюсь тебѣ: какъ часто въ такія именно мгновенія у меня вдругъ мелькали новые жесты, движенія, образы... Мои лучшіе образы... Ты не вѣришь?

— О, вѣрю, Нильсъ! Вѣрю... Мнѣ это знакомо... Музыка и ласка...

— Вотъ, вотъ именно: музыка и ласка... Они вызываютъ въ нашей душѣ ключи творчества... которые—кажется иногда—изсякли... Какъ не цѣнить мнѣ такія минуты?.. Но вѣдь это были только минуты... А вся жизнь моя принадлежала Людмилѣ...

— Не ей, Нильсъ! Не ей... Тебѣ одному... Вотъ въ этомъ ошибка... Желанія твоего тѣла и порывы твоей души—все принадлежитъ тебѣ одному. Кто смѣетъ взнуздать эти желанія? Кто смѣетъ ограничить нашу фантазію? Въ этомъ краски жизни. Безъ нихъ мы нищіе... скопцы... Не мучай себя, — продолжаетъ она, гладя его жесткія кудри. — Ты не виноватъ, что былъ самимъ собой. Это высшій законъ жизни, Нильсъ: быть самимъ собой... Рожденный для радости и смѣха, ты долженъ остаться такимъ Не ты виноватъ въ этой драмѣ... Она...

— Почему *она*?—шепчетъ Нильсъ, отодвигаясь.

— Она требовала у жизни того, что жизнь дать безсильна... Она жаждала неизмѣнной, вѣчной любви. Но развѣ есть такая,

Нильсикъ, на землѣ? Жизнь мчится безъ оглядки къ своимъ цѣлямъ, невѣдомымъ намъ. Она увлекаетъ насъ въ этомъ бѣгѣ... Тщетно пробуемъ мы уцѣпиться за что-нибудь... удержать дорогой образъ... Потокъ мчитъ... Онъ не знаетъ пощады. Онъ уноситъ наши иллюзіи, нашу вѣру, жаръ души, ея свѣжесть. Все разрушаетъ онъ по пути. Что уцѣлѣетъ въ этомъ водоворотѣ?.. Это жизнь, Нильсъ... Вѣчно только то, что не реально, что живетъ лишь въ нашемъ мозгу. Міръ вымысла.

Что-то капнуло на руку Мани. Онъ плачетъ. Голова его еще довѣрчивѣе прижалась къ ея груди. Маня боится двинуться. Неужели она нашла путь къ его сердцу? Это первыя тихія слезы послѣ двухъ недѣль, похожихъ на кошмаръ.

— Еще говори!..—шепчетъ онъ.

Поднявъ глаза къ алѣющему вечернему небу, Маня продолжаетъ тихо и проникновенно:

— Людмила жила для мечты. И жизнь была ей враждебна. Мечты гибнутъ въ столкновеніи съ дѣйствительностью. А что было у нея для борьбы и самозащиты?.. Міросозерцаніе? О!.. Оно-то и погубило ее... Такія, какъ Людмила, обречены погибнуть. Знаешь, что я тебѣ скажу? Когда я въ первый разъ увидала васъ рядомъ... въ коридорѣ, у Изы,—помнишь?.. Я смутно поняла и тогда, что она кончитъ драмой рано или поздно...

— Почему?.. Почему?

— Она всю душу отдала любви. И когда любовь ушла, и вѣра въ этого бога пошатнулась, Людмила оказалась банкротомъ. Не плачь, Нильсъ!.. Эта наша общая доля. Не всѣ мы кончаемъ такъ трагически. Но и жить съ опустошенной душой—не значитъ ли быть мертвой?

— Ты не такая,—убѣжденно говоритъ онъ.—Ты сила...

Она блѣдно улыбается.

— Спасибо тебѣ за такую высокую оцѣнку!.. Я тоже страдала, Нильсъ. Я тоже наложила на себя руки, когда меня отвергъ...

— Ты?.. Ты могла это сдѣлать?.. Возможно ли?.. Сама радость...

— Видишь? Ты этого не зналъ...

— Значитъ баронъ не первый...

— Нѣтъ... нѣтъ... другой... Но я жизни не побоялась. Я ей бросила вызовъ... Не скажу, чтобы мнѣ легко далась эта борьба и побѣда... Я, конечно, не пойду умирать, какъ Людмила, изъ-за того, что тотъ, кто цѣловалъ меня нынче, завтра поцѣлуетъ другую. Но видишь ли? Я въ этой борьбѣ потеряла всѣ цѣнности... растратила всѣ силы... всю мою радость... Я надломилась, Нильсъ Иногда... скажу тебѣ по секрету... мнѣ кажется, что, ища свою

дорогу въ мірѣ, я заблудилась. Иногда мнѣ кажется, что я не создана для сцены, какъ ты и Иза... Моя доля, быть можетъ, была въ томъ, чтобы остаться безвѣстной, въ далекомъ углу Россіи. Быть женой помѣщика. Родить ему дѣтей. Услаждать его смѣхомъ и лаской. Цѣловать руку, которая бьетъ... Цѣловать землю, по которой *онъ* прошелъ...

— Маничка... Ты плачешь?

— Ничего, ничего... Это пройдетъ... Это нервы... Замучилъ ты меня, Нильсикъ... И Людмилу мнѣ до безумія жаль. Въ ней была такая красивая цѣльность. Такая стильная была она вся, съ этими глубокими глазами, съ этимъ упорнымъ подбородкомъ...

У него вырывается рыданье.

— Плачь... плачь!.. Тебѣ будетъ легче... Скоро все пройдетъ, Нильсъ, и горе твое поблѣднѣетъ... Такихъ, какъ ты, жизнь не побѣждаетъ. Ты ее съ бою возьмешь. Ты самъ—жизнь!

— Никогда! Никогда!

— Ты скоро вернешься на сцену. И она дастъ тебѣ забвенье и новое счастье... Да, да!.. Ты это сдѣлаешь для Людмилы. Она такъ цѣнила твой талантъ! Черезъ недѣлю мы поѣдемъ въ Вѣну. И тамъ оба выступимъ въ *Сказкѣ*...

— Нѣтъ! Это невозможно...

— Слушай, Нильсъ! Ты былъ слишкомъ земнымъ. Ты былъ слишкомъ счастливымъ. У твоей души есть крылья, но ни разу не подняли они тебя высоко надъ землей... Ты только смутно чувствовалъ ихъ трепетъ... Теперь, переживъ страсть ко мнѣ,— неудовлетворенную страсть... узнавъ всѣ эти перегорѣвшія желанья, всѣ эти жгучія и злыя слезы ревности, ты сталъ богаче душой и тоньше... Ради Бога, не возражай! Выслушай меня до конца... Скажу тебѣ больше, Нильсъ: я глубоко убѣждена, что только теперь, потерявъ Людмилу, познавъ высшую скорбь, какую мы можемъ испытать на землѣ, ты станешь великимъ артистомъ...

— Молчи!.. Молчи... Какой ужасъ!

— Не бойся словъ, Нильсъ! Скажи: развѣ ты не задрожалъ впервые, почувствовавъ Вѣчность, когда увидалъ мертвую Людмилу? Развѣ думалъ ты когда-нибудь о смерти? Ахъ, Нильсъ! Все это нужно было пережить и выстрадать. Гаральдъ правъ. Кто не плакалъ, кто не зналъ трагизма жизни, тотъ и въ искусствѣ не зналъ орлинаго размаха крыльевъ. Тотъ не достигнетъ высотъ.

— Маничка... Какъ она была благородна!.. Маничка... Меня... понимаешь... убиваетъ мысль, что она умерла пре... презирая меня... что въ послѣднюю минуту она уже не лю...била меня... ра...зо...чаро...валась... Милочка... Какимъ негодяемъ... Простишь ли ты меня?

Онъ опять падаетъ лицомъ внизъ. И все его сильное тѣло содрогается отъ рыданій. Но Маня уже не боится его отчаянія. Она знаетъ, что его непосредственная цѣльная натура съ ея стихійными инстинктами сильнѣе всѣхъ словъ, которыя она ему сказала. И если онъ не все понялъ умомъ, не освободившимся еще отъ чужихъ, наносныхъ вѣяній, то сила этихъ инстинктовъ вѣрнѣе всего направитъ его путь. Но сейчасъ ея слова это именно то, что нужно, чтобы вызвать спасительный кризисъ. Это факелъ, который она зажгла во тьмѣ его души.

Онъ уже дремлетъ, когда полчаса спустя Маня выходитъ изъ его комнаты. Сестра милосердія идетъ по коридору.

— Тише!.. Не стучите... Онъ далъ мнѣ слово, что больше не будетъ гнать васъ. Не отлучайтесь, пожалуйста... И когда стемнѣетъ, зажгите всѣ огни. Онъ боится темноты...

Соня поднимается ей навстрѣчу.

— Милая! Какая неожиданность! Когда вернулась?

— Только что съ вокзала. Нарочно вернулась раньше, чтобы видѣть *Сказку*... А вотъ фрау Кеслеръ говоритъ... Какое несчастье!

— Зато нынче увидишь меня въ моихъ лучшихъ номерахъ. Я интерпретирую *Орфея въ Аду*. Пантомима... Очень трудно. Но это-то меня и захватило... Обрати вниманіе, когда я изображаю злого духа, стерегущаго входъ въ Адъ. Орфей играетъ на лирѣ и смягчаетъ душу демона... Но какая это трагическая борьба!.. Ахъ, Соня!.. Я только и живу, только и отдыхаю на сценѣ. И какая страшная, какая дивная музыка этого Глюка! Милая, пріѣзжай нынче непремѣнно! У Марка своя ложа. Я буду играть для тебя... Для тебя, Агаты и для Пети... Знаешь? Я его совсѣмъ околдовала... Да! Да!.. И горжусь... горжусь этой побѣдой...

— Еще бы!.. Воображаю... Какъ я счастлива, что увижу тебя, наконецъ! Третій годъ мечтаю... А завтра напишу дядюшкѣ. Какъ онъ рвался со мною сюда! Но у него дочка тамъ скарлатиной заболѣла... Лика съ села принесла заразу. Ну, конечно, онъ и мечетъ и рветъ... И никому не довѣряетъ ухода за Лизанькой...

— Милый дядюшка!—грустно улыбается Маня.—Такая тусклая его жизнь! О томъ ли онъ мечталъ?

Фрау Кеслеръ встаетъ.

— Я пойду въ дѣтскую. Пора дѣтямъ гулять. Эти ребята у Полли ужасны! До того грязны... до того распущенны!.. Мальчишка вчера ударилъ Ниночку...

— Это ничего,—смѣется Маня.—Пора ей перестать быть принцессой... Это первые уроки жизни.

— Я тоже ничего не имѣю противъ демократическаго элемента,—улыбается фрау Кеслеръ, сверкая бѣлыми зубами.—Хлопотъ только много съ этими дѣтьми. А общество Таси даже полезно Ниночкѣ. Она слишкомъ эгоистична... Мнѣ ихъ дружба нравится...

— А ты видѣла Марка, Соня?

— Гдѣ-жъ его увидать?—вызывающе съ порога перебиваетъ фрау Кеслеръ.—Онъ совсѣмъ какъ дядя сталъ. Только тотъ вечеромъ бродитъ, а этотъ днемъ.

— Что это значитъ?—тревожнымъ полушопотомъ спрашиваетъ Соня, когда онѣ остаются вдвоемъ.

Маня пожимаетъ плечами.

— Онъ, дѣйствительно, измѣнился, хотя причинъ къ враждебности Агаты я совсѣмъ не вижу... Пусть бродитъ, если ему это легче!.. У насъ въ домѣ слишкомъ тяжело. И мы почти не видимся... Я то въ театрѣ, то съ Нильсомъ... Ахъ, Соничка, устала я, должно быть, безконечно!.. И почувствую это только потомъ... когда все кончится, и Нильсъ станетъ на ноги... Сейчасъ я вся точно на пружинахъ.

— Это хорошо, Маничка. Многое тебѣ простится за эти дни.

Маня странно и чуждо глядитъ въ лицо подруги.

— Не знаю, на что ты намекаешь... Но я, помни: ничьего суда надъ собой не признаю. Моя жизнь, мое тѣло и душа—все это мое! Только мое.

— А если ты идешь къ своему счастью черезъ чужія страданья и смерть?.. Вотъ какъ этотъ Нильсъ...

— Все равно!—съ силой говоритъ она.—Нильсъ былъ правъ. Жизнь могуча и стихійна. А наша мораль убога. Это мораль рабовъ и лицемѣровъ... Не надо никого судить! Что знаемъ мы о душѣ человѣка?

Слова Сони замираютъ на ея губахъ.

— Я вѣрю, Соничка,—грустно продолжаетъ Маня,—что наступитъ когда-нибудь время, когда всѣ путы спадутъ съ человѣка, съ колыбели связаннаго по рукамъ и ногамъ—религіей и моралью; претензіями близкихъ, цѣпляющихся за его жизнь; общественнымъ мнѣніемъ, готовымъ всегда превратиться въ судъ Линча и растерзать мятежнаго и дерзкаго... Но тѣ, счастливые и свободные, узнаютъ ли они когда-нибудь о мукахъ, съ какими мы—современники—боролись за свободу и расцвѣтъ личности? И какъ мы гибли, ища нашъ путь...

Она съ тоской смотритъ въ потемнѣвшее небо.

„Какъ измѣнилась!“ думаетъ Соня. „Маркъ страдаетъ... Но и

у нея нѣтъ счастья... Что раздѣлило ихъ? И неужели разрывъ возможенъ?"

— Ну, что новаго на Украйнѣ?—другимъ тономъ спрашиваетъ Маня, тряхнувъ головой знакомымъ Сонѣ милымъ жестомъ. Только теперь кудри не падаютъ на ея лобъ. Ея прическа верхъ изящества и искусства. „Какъ и подобаетъ такой звѣздѣ", думаетъ Соня съ юморомъ.

— У дядюшки очень бравый видъ съ тѣхъ поръ, какъ Маркъ Александровичъ сдѣлалъ его главнымъ управляющимъ надъ Липовкой. Онъ, конечно, полезенъ... Да и пріятно имѣть заработокъ... Живетъ онъ отдѣльно отъ Лики... Она этого хочетъ... Но всѣ вечера проводитъ у нея.

— Ты думаешь, она его любитъ?

— Ну, конечно... Иначе изъ-за чего бы имъ жить вмѣстѣ? Дядюшка ее обожаетъ и... кажется, ревнуетъ...

— Къ кому же?—смѣется Маня.

— А вотъ ты ни за что не отгадаешь!.. Къ Нелидову.

Это такъ неожиданно, что Маня вздрагиваетъ.

— И онъ, въ сущности, правъ... Какъ это ни дико, но я сама убѣждена, что Лика... увлечена Нелидовымъ. И... такъ наивна эта женщина, что—я готова голову дать на отсѣченіе,—она сама себя не понимаетъ! Вотъ разберись въ душѣ человѣческой!.. Революціонерка, фанатичка непримиримая. Идеалъ ея Марія Спиридонова... И вдругъ монархистъ самый убѣжденный!.. И какъ ненавидѣла его сначала!.. Даже губы побѣлѣютъ, когда о немъ заговорятъ! Маничка... Что это за загадки такія бросаетъ намъ жизнь? Неужели же для нея такъ обаятельна его внѣшность? Или это навожденіе отъ скуки? Впрочемъ, какая скука,—когда она весь день въ амбулаторіи или ѣздитъ по больнымъ?.. Удивительная выдержка у этой женщины! Климовъ прямо преклоняется передъ нею. Деревня вся боготворитъ ее... Право, скажи она только слово, всѣ встанутъ, какъ одинъ человѣкъ, и пойдутъ за нею... И вдругъ такое ничтожество...

— Нелидовъ никогда не былъ ничтожествомъ, — враждебно перебиваетъ Маня.

Соня вдругъ густо краснѣетъ, даже уши у нея загораются.

— Прости... я совсѣмъ забыла, что ты любила его когда-то... Но теперь онъ тебѣ не страшенъ. Ты настолько выше его!.. Ты выросла. Онъ остался тѣмъ же.

Маня опять отворачивается и глядитъ въ небо.

— Но какъ же это случилось?—спрашиваетъ она тихонько.

— У него, видишь ли, заболѣла мать... Ты знаешь, что Анна Львовна умерла? Нѣтъ?.. А вѣдь я писала Марку...

Маня оборачивается всѣмъ корпусомъ.

— Онъ это скрылъ отъ меня. .

— Да, несомнѣнно, для Нелидова это большое горе... Странныя, право, эти повѣрія! Старухѣ очень не хотѣлось перебираться въ новый домъ... Помнишь, онъ строилъ себѣ новый домъ?.. Дѣйствительно, замокъ... Немногимъ хуже и меньше, чѣмъ въ Липовкѣ... Анна Львовна все шутила. „Какъ переѣду, такъ—помру... Новый домъ съ покойникомъ крѣпче стоитъ...“ Такъ и сбылось...

— Когда это было? Когда они переѣхали въ новый домъ?

— Осенью. Нелидовъ по этому случаю далъ банкетъ. Былъ губернаторъ. Пригласили всѣхъ помѣщиковъ. И наши всѣ были...

— И Лика?

— Ну, конечно.. И Климовъ.. И даже я была. Только Розочка бѣдная не пошла Не было у нея свѣтлаго платья. Катя такъ и сіяла.. Въ бѣломъ шелковомъ платьѣ, съ фамильнымъ жемчугомъ на шеѣ.. Она очень красива сейчасъ. Точно выросла и расцвѣла.. А черезъ недѣлю Анна Львовна уже слегла... Лика ѣздила туда ежедневно. Цѣлыя ночи просиживали они съ Нелидовымъ вдвоемъ у больной. Должно-быть,это ихъ и сблизило... Ахъ, уморительный этотъ дядюшка!.. Когда старуху схоронили, Нелидовъ прислалъ Ликѣ письмо... Я его читала. Прекрасно написано! Такъ просто и трогательно. Онъ благодарилъ ее. А при письмѣ деньги. Что-то около двухсотъ рублей... Боже мой, какъ вспыхнула Лика! Швырнула деньги. Разволновалась. Велѣла дядюшкѣ отвезти деньги назадъ... А письмо спрятала въ комодъ. Даже конвертъ съ полу подобрала... Ну... а на другой день дядюшка привозитъ ей деньги обратно. И на конвертѣ стоитъ: „Прошу принять въ пользу ссыльныхъ...“ Понимаешь? Обезоружилъ... Взяла и отослала.

Маня подходитъ къ кушеткѣ.

— Я лягу, Соничка... Я страшно устала...

— Конечно, лягъ... Какое у тебя измученное лицо!.. На Рождество Нелидовъ прислалъ Ликѣ корзину цвѣтовъ. Изъ Кіева выписалъ. Такая роскошь!.. Лика, конечно, забывала ихъ поливать... А дядюшка ревнуетъ и поливаетъ. Ревнуетъ и поливаетъ... И все язвитъ, что не въ коня кормъ.

Соня смѣется такъ искренно, что и у Мани невольно раздвигаются губы.

— Напрасно дядюшка мучится. Онъ не понимаетъ, что увлеченіе Нелидовымъ — это краски въ жизни Лики. Дядюшкѣ она дала то, что онъ искалъ въ ней... Остальное его не касается.

Соня сердито качаетъ головой.

— Слишкомъ мудрено, Маничка, для такихъ глупыхъ, какъ я! Вѣдь онъ-то ее любитъ?.. У нихъ дѣти...

— Значитъ она не отказываетъ ему въ ласкѣ? Что же нужно ему еще?

— Что за дурацкіе вопросы! А душа ея? А любовь? А поэзія?

— Онъ самъ убилъ ее... Гдѣ явились дѣти, пеленки, дрязги, кухня, мелочи жизни, тамъ нечего искать поэзіи. Она боится шума и бѣжитъ отъ суеты... Какъ хорошо выразилъ это Гейерстамъ въ одной изъ своихъ новеллъ! Хочешь, разскажу?

— Да, да... Пожалуйста...

— Юная Каренъ полюбила незнакомаго человѣка. Кто-то ранилъ его на большой дорогѣ. И полумертваго его принесли въ старую, строгую усадьбу ея отца. Каренъ ухаживала за больнымъ. Онъ поправился и уѣхалъ, тоже влюбленный въ Каренъ. Онъ обѣщалъ писать, и они даже обручились тайно отъ отца ея. Но годы шли... Она ждала его напрасно. Отецъ потребовалъ, чтобъ Каренъ вышла замужъ за сосѣда. Она покорилась. И прошло чуть ли не тридцать лѣтъ... Она была примѣрной женой и образцовой матерью. И безмятежно-счастливо прожила всю свою жизнь, какъ будто забывъ бредъ молодости, свои страданія и слезы. Потомъ схоронила мужа. И какъ будто конченъ романъ... Правда? И я такъ думала... Но главное впереди... Случайно... ея старшій сынъ-художникъ встрѣтился за границей съ тѣмъ, кого Каренъ когда-то любила. Тотъ тоже уже состарился, но остался холостякомъ. Узнавъ, что мать художника—та маленькая Каренъ, съ которой онъ когда-то обручился, старикъ передалъ художнику свой портретъ и попросилъ отослать его матери... И вотъ тутъ, Соня, начинается самое важное, самое прекрасное въ новеллѣ...

— Ну... ну...—шепчетъ Соня. И придвигается, вся захваченная какъ въ дѣтствѣ, когда Маня разсказывала ей „свои“ сказки.

— Каренъ умираетъ. И сама знаетъ, что конецъ ея близокъ. Но она никого не зоветъ: ни дѣтей, ни родственниковъ. Она велитъ поставить передъ нею портретъ того, кому она отдала душу... Ее отдаютъ только разъ, Соня (вдругъ падаютъ значительныя и странныя слова. И Соня выпрямляется невольно)... И на этотъ портретъ умирающая глядитъ, не отрываясь... И кажется ей, что вся ея жизнь съ мужемъ, всѣ эти тридцать лѣтъ, отданныя семьѣ, были сномъ... Что мужъ, дѣти, долгъ, обязанности, повседневныя заботы—все это призраки... А жизнь была только въ любви и въ стремленіи... Реаленъ только этотъ портретъ, это лицо ея мечты и все, что она пережила въ тѣ годы... И замѣть, Соня!.. Въ страшную

минуту, когда смерть растворяетъ двери нашей спальни, Каренъ не позвала дѣтей. На чужого и далекаго глядѣла она потухающими глазами и говорила себѣ: „Я жила, потому что любила...“

Наступаетъ долгая пауза. Въ темнотѣ онѣ не видятъ своихъ лицъ. Но обѣ чувствуютъ, что сильнѣе забились ихъ сердца.

— Ты поняла меня сейчасъ, Соня?—шепчетъ Маня.

— Кажется, да... Но это такъ странно...

Маня встаетъ, зажигаетъ электричество.

— Ну, а еще что дѣлается у васъ?

— Еще новость... очень печальная... Умерла Анна Васильевна... Помнишь Аттиллу? Она покончила съ собой.

Вытянувъ шею, Маня глядитъ съ ужасомъ. Потомъ садится рядомъ.

— Помню... какъ-то... мы говорили о ней. Маркъ ничего не сдѣлалъ?

— Ничего нельзя было сдѣлать... Это приходило и уходило... И она опять была на высотѣ.. Вѣдь ты знаешь, что дѣло свое она вела превосходно... и дѣтей любила... Но было въ ней что-то надорванное... Знаю, что въ дни революціи душа ея расцвѣла и заискрилась вся... И всѣхъ насъ она заражала своей вѣрой... Но... какъ это ни странно... эта вѣра угасла раньше, чѣмъ во мнѣ, напримѣръ... Я все еще твердо вѣрю... все еще упорно жду... И чувствую... понимаешь ли... чувствую, что недалекъ разсвѣтъ... Знаешь, какъ это ночью бываетъ въ степи? Я ѣхала разъ на станцію и дремала. Все было черно вокругъ. Даже глядѣть жутко. Какія-то чудовища выплывали изъ мрака. Какіе-то призраки бѣлѣли вдали. А ѣздимъ мы съ факелами теперь... И это такой зловѣщій свѣтъ!.. Вотъ я и заснула. Вдругъ чувствую: кто-то дуетъ мнѣ въ лицо и такъ тихонько дергаетъ мою тальму... Открываю глаза... Никого... Все также ѣдемъ... Только ночь изъ черной стала темно-сѣрой... Всѣ призраки, всѣ чудовища скрылись. Вмѣсто нихъ все реальные, знакомые предметы: *фигура* на перекресткѣ, одинокая груша, или заросль конопли. А вѣтеръ дуетъ въ лицо такъ ласково, ласково и такъ упорно... Точно шепчетъ: „Не спи... Скоро разсвѣтъ... Скоро солнце...“

— Ты это и сейчасъ чувствуешь?—горячимъ шопотомъ срывается у Мани.

Соня киваетъ головой.

Ихъ руки незамѣтно потянулись и нашли другъ друга. Внезапно поникло и скрылось все, что разъединило ихъ за эти годы. Внезапно встала передъ ними ихъ ранняя юность и всѣ ея прекрасные сны.

И какъ будто нарочно, чтобъ усилить и продлить этотъ чарующій обманъ чувствъ, человѣкъ, о которомъ онѣ — дѣвочки-подростки—такъ страстно и скорбно думали,—стучится въ дверь.

— Можно войти?—звучитъ его глубокій басъ.

Вся встрепенувшись, Маня идетъ навстрѣчу Петрову. Она беретъ его руку и подводитъ его къ Сонѣ.

— Это та самая,—говоритъ она, поднимая лѣвую бровь и вся искрясь радостью.—Въ ту ночь это съ нею я слышала ваше пѣніе... Съ нею мы говорили о васъ... нашъ сказочный герой...

Соня встаетъ, изумленная.

Они трое радостно смѣются. И, несмотря на собственное волненіе, Соня поражена перемѣной въ лицѣ и голосѣ Мани. Другіе глаза. Другая улыбка.

— Вы меня помните?—спрашиваетъ Соня. — У Лики... Лидіи Яковлевны, въ имѣніи Штейнбаха... Вы привезли пальму въ Лысогоры... въ подарокъ моей матери...

Послѣ обмѣна радостныхъ воспоминаній Петровъ говоритъ, скользя своимъ острымъ взглядомъ по лицу Мани:

— А вы похудѣли... Вы очень измѣнились...

— Немудрено... Я пережила кошмаръ.

— Я все это слышалъ отъ Марка Александровича на-дняхъ... Какъ же! Я уже былъ у него... Дней черезъ десять выпускаемъ здѣсь газетку... Все на-мази... Минутки не было, чтобъ урваться къ вамъ... Но васъ все-таки видѣлъ въ *Сказкѣ*... Дайте ручку! Волшебница!—говоритъ онъ, глядя на Маню горячими глазами.—Весь соръ съ души однимъ движеніемъ рѣсницъ своимъ смахнула. Счастливцы вы, артисты! Вамъ принадлежитъ міръ!

— Ахъ, зачѣмъ я не знала, что вы были въ театрѣ! Приходите нынче непремѣнно въ ложу Марка... Придете?

— Приду...

Но Соня шокирована.

— И это говорите вы?... Но вѣдь съ классовой точки зрѣнія...

— Ахъ, знаю... знаю!.. Всѣ мы непослѣдовательны... Но вѣдь то теоріи, а здѣсь... (застѣнчиво говоритъ онъ, дотрагиваясь рукой до груди) неистребимая мечта о счастьи... А вы почему-то считаете насъ какими-то глыбами гранитными, а не просто людьми со всѣми человѣческими слабостями... Впрочемъ... мое увлеченіе театромъ вамъ станетъ понятно, если я скажу, что самъ былъ въ консерваторіи и, кончая юридическій, мечталъ о сценѣ...

— А!—восклицаетъ Маня. И этотъ человѣкъ сразу становится какъ-будто меньше въ ея глазахъ. Меньше, но ближе. И ей еще легче дышится рядомъ съ нимъ.

— Гдѣ вы были всѣ эти годы?.. Помните, вы говорили тогда лѣтомъ, что уѣзжаете за границу?

— Да... съ помощью Штейнбаха я эмигрировалъ тогда...

— Интересно жилось?

— Не скажите... Убивало бездѣйствіе. Да и нужда тоже... Я, напримѣръ, на кладбищахъ мылъ памятники за два франка въ день. Служилъ на метрополитенѣ... И другіе тоже приспособлялись... Полировщиками служили за четыре франка въ день, витрины въ магазинахъ протирали... Одинъ докторъ молоко въ телѣжкѣ развозилъ. Жалко? Нѣтъ, это ничего... Надо выживать и приспособляться... Вѣдь неизвѣстно еще, сколько ждать. А жизнь на чужой счетъ деморализуетъ... Тѣ же изъ насъ, которые обезпечены были, искусствомъ занялись... Есть и такіе, что теософіей заинтересовались и спиритизмомъ...

Потирая руки, онъ бѣгаетъ по комнатѣ.

— Ну, а все-таки... публика-то эмигрантская интересна?—спрашиваетъ Соня.—Или и тамъ уже упадокъ духа сказался?

— Въ смыслѣ удѣльнаго вѣса эта публика нуль!.. И въ средѣ рабочей и въ интеллигенціи... Оно и понятно! Если хочешь дѣлать что-нибудь... жить, словомъ, а не существовать только,—живи и дѣйствуй здѣсь!

— Но что же можно дѣлать?—перебиваетъ Маня.

— А вотъ я немного поболтался здѣсь и въ Петербургѣ, потолкался кое-гдѣ... поговорилъ, понаблюдалъ... И знаете? Интересные выводы... Реакціонная форма жизни миновала. Это фактъ.

Соня съ Маней переглядываются.

— Это фактъ,—убѣжденно повторяетъ онъ, встряхивая кудрями.

Въ дверь стучатъ.

— Маркъ вернулся,—говоритъ Маня. Встаетъ и идетъ навстрѣчу.

Соня тоже поднимается. Ея круглое личико зардѣлось.

— Маркъ, смотри, кто здѣсь... Соня...

— Откуда?.. Надолго?—съ блѣдной улыбкой поверхностной радости спрашиваетъ Штейнбахъ, сжимая ея маленькія руки.

— Какъ надолго? Вѣдь я же нынѣшній годъ кончаю медицинскій... Вы совсѣмъ забыли обо мнѣ,— съ кроткимъ укоромъ добавляетъ Соня, лаская глазами его лицо. „Какъ похудѣлъ!.. И волосы наполовину сѣдые...“ думаетъ она, и сердце ея сжимается.

— Простите, Соня... мы всѣ тутъ словно ошеломлены катастрофой... Курить можно? Я помѣшалъ вашей бесѣдѣ, господа?

— Я вотъ тутъ дѣлился моими наблюденіями надъ молодежью...

— Это интересно!—Штейнбахъ садится въ кресло, въ самый темный уголокъ, чтобы пытливые взгляды Сони не достигали до него.

— Я повторяю, что реакція уже отживаетъ. Та эпоха, которая характеризуется „отъ соціализма къ футболизму“, уже кончается... Мы стоимъ передъ новымъ... Сказать что-нибудь опредѣленное? Трудно... Жизнь распылилась. Но... на мѣстѣ она не стоитъ... Получается нѣчто безформенное. Какое-то смутное движеніе...

— Но впередъ все-таки?—вскрикиваетъ Соня.

— Несомнѣнно... Въ смыслѣ организованности?—какъ бы спрашиваетъ онъ себя, теребя русый пухъ на подбородкѣ. И потомъ увѣренно отвѣчаетъ:—Полное отсутствіе... Въ смыслѣ идеаловъ?.. Никакихъ пока... Къ политикѣ какъ будто и равнодушіе... И яркое стремленіе къ саморазвитію. Не только мертвый академизмъ... но какая-то стихійная—я бы сказалъ—жажда развить всѣ возможности, использовать все, что даетъ жизнь... И, тѣмъ не менѣе, я вижу какое-то накопленіе энергіи и недовольства... Развивается какая-то новая форма оппозиціи...

— Любопытно, что Семенъ Николаевичъ пришелъ совершенно къ тѣмъ же выводамъ,—добавляетъ тихонько Штейнбахъ.

— И замѣтьте: нѣтъ оппозиціонной школы, нѣтъ многолѣтней выдержки. Нѣтъ партій. Нѣтъ даже фракцій... Все растаяло!.. Но есть безформенныя группы. У нихъ нѣтъ прошлаго. Нѣтъ преемственности. Но онѣ безспорно оппозиціонны. И въ этомъ все!.. Понимаете? У этихъ группъ есть душа. Есть мысль. Въ какихъ формахъ теперь дать ей движенье?

— Вамъ книги въ руки,—улыбается Штейнбахъ.—Развѣ газета не великое орудіе?

— Да... Мы будемъ бороться и съ правыми, и съ кадетами. Но этимъ не исчерпывается борьба... Надо вѣру поднять. Раздуть потухшій огонь. Указать ближайшія цѣли...

— Вы думаете, и у рабочихъ нѣтъ вѣры?—дрогнувшимъ голосомъ спрашиваетъ Соня.

— Въ нашего брата? Конечно, нѣтъ... И роль интеллигенціи, какъ авангарда, кончена... Въ этомъ я увѣренъ... А вѣра въ боговъ? Она есть, несомнѣнно, въ душѣ. Только нѣтъ у рабочаго былого огня. И это естественно... Но зато нѣтъ той апатіи, ни той безнадежности, ни того озлобленія, что мы видѣли даже три года назадъ... Вотъ мои наблюденія...

— А трагедія въ душѣ интеллигента?—спрашиваетъ Штейнбахъ.

Петровъ выразительно встряхиваетъ головой.

— Эти вѣрны себѣ... И культурную работу и искусство они сумѣли заразить ядомъ своихъ сомнѣній... Для многихъ прошедшее только кровавый сонъ, который они стараются забыть. Пять лѣтъ назадъ, помню, это была какая-то вакханалія ренегатства. Они

всенародно, съ цинизмомъ и съ какимъ-то сладострастіемъ отрекались отъ всѣхъ цѣнностей, за которыя мы боролись и гибли... Теперь и это „обнаженіе“ души, слава Богу, кончилось!.. Послѣ растерянности и молчанія понемногу принимаются за маленькія дѣла. Опять всюду съѣзды, родительскіе комитеты, споры о школѣ... топтаніе на мѣстѣ... И нелѣпыя надежды. И нелѣпые вопли журналистовъ... Какъ будто изъ Назарета можетъ выйти что-нибудь доброе!

— Но вѣдь молодежь не такая,—горячо вступается Соня.—Среди насъ, курсистокъ...

— Я и не думаю нападать на молодежь, Софья Васильевна. И въ томъ, что они учатся для диплома, что устраиваютъ личную жизнь, что создаютъ себѣ семью, я ничего плохого не вижу... Это жизнь... Правда, какимъ-то чернымъ вихремъ пронесся надъ всѣми нами новый психозъ—половыхъ переживаній... Но онъ уже промчался... Индивидуализмъ торжествуетъ по всей линіи... И все-таки это не плохо. Нѣтъ!.. Это даже хорошо... Я радуюсь, когда вижу, что молодежь и рабочіе свергаютъ съ себя опеку интеллигентовъ и хотятъ идти своимъ путемъ. Безъ указки и безъ шоръ. Я радуюсь, когда они бѣгутъ на лекціи и слушаютъ молчаливо, вдумчиво то, что предподносятъ имъ кадетскіе профессора и лекторы. Ихъ уже не такъ легко подчинить себѣ безъ критики. Ихъ мысль проснулась. Я радъ, что рабочіе и молодежь стремятся въ концерты, въ театры... Эта тяга къ знанію и красотѣ очень интересна. Пусть учатся! Пусть наслаждаются! Пусть живутъ для себя!.. Паровозъ выпустилъ пары и стоитъ на станціи. Сколько простоитъ, неизвѣстно. А машинистъ и кочегаръ пошли въ лѣсъ вздохнуть полной грудью. Реакція даже полезна. Тѣмъ интенсивнѣе въ свое время, когда задрожитъ паровозъ, готовый въ путь, будетъ работа команды. Крѣпче будутъ ея мускулы. И зорче глазъ.

— Многіе отстанутъ,—шепчетъ Соня.

— Такихъ и не жаль, Софья Васильевна! Они недорого стоили. Другіе придутъ на смѣну... „Время творитъ людей“, сказалъ Шекспиръ. Пускай теперь партіи и организаціи идутъ изъ *жизни*, а не изъ книги. Отъ этого онѣ будутъ только устойчивѣе... Понимаете, у нихъ будетъ фундаментъ... Нельзя русскую жизнь строить по нѣмецкой программѣ... Пусть они читаютъ, учатся и думаютъ! Въ *нихъ* я вѣрю... Дѣло журналистовъ,—ставить имъ задачи. А они пусть рѣшаютъ ихъ по-своему на этотъ разъ! И рѣшатъ навѣрное. Только у этихъ новыхъ кадровъ работниковъ будетъ свой грузъ, такъ сказать. Свой багажъ, который удержитъ ихъ отъ вредной романтики прошлаго: это политическій опытъ,

память о прежнихъ ошибкахъ, умѣніе разсчитывать... Словомъ, то,—чего не было у насъ...

Андрей стучитъ и входитъ.

— Докторъ пріѣхалъ, Маркъ Александровичъ.

Штейнбахъ встаетъ.

— Я пройду къ Нильсу, Маня... Сиди...

— Скажи доктору, что Нильсъ опять не спалъ ночью...

— Бѣдняга!—говоритъ Петровъ, когда они остаются втроемъ.— Такой дивный артистъ!.. Встрѣть, кажется, я эту Тинскую...

— Ее исключили изъ труппы.

— Да... Но вѣдь это не вернетъ къ жизни жену Нильса...

— Я понимаю ее,—тихо говоритъ Маня, вертя и разглядывая свои кольца.—Такъ вѣрить и съ неба упасть въ грязь... Надо большую силу, чтобъ подняться.

— Это ты ее понимаешь? Ты, которая сама...

— Не умомъ понимаю, конечно,—поспѣшно перебиваетъ Маня, сверкнувъ глазами на Соню.—Умомъ я ее давно осудила. Но умъ одно, а чувство другое...

— А я никогда не пойму ее,—сурово перебиваетъ Соня.— Тяжело, конечно, разочароваться и вычеркнуть человѣка изъ своей жизни, когда онъ оказался кумиромъ на глиняныхъ ногахъ... Но у нея былъ свой долгъ. Была дочь... Часовые не покидаютъ свой постъ.

— Вы это хорошо сказали, Софья Васильевна,—тихо бросаетъ Петровъ.—У всякаго изъ насъ свой постъ. И если приходится погибать, то ужъ надо погибать съ честью...

— Не для одной же любви живемъ мы на свѣтѣ,—подхватываетъ Соня, всплеснувъ худенькими ручками.—Какой слѣпорожденной надо быть, чтобъ не видѣть въ этомъ мірѣ ничего, кромѣ своего маленькаго счастья!

— Ахъ, Соня!.. Стоитъ ли жить безъ этого счастья?

— Однако ты не покончила съ собой, когда Нелидовъ женился...

— Ни слова объ этомъ!—враждебно перебиваетъ Маня.

Дергая себя за пухъ подбородка, Петровъ на другомъ концѣ комнаты перебѣгаетъ острыми глазами съ одного лица на другое.

— Нѣтъ, отчего же! — упрямо тряхнувъ головой, споритъ Соня.—Тебя такъ много ругаютъ, такъ много кричатъ о томъ дурномъ, что ты дѣлала, что я не считаю возможнымъ замалчивать о хорошемъ... Вѣдь вотъ нашла же ты въ искусствѣ выходъ?

— Довольно обо мнѣ, пожалуйста!

— Нѣтъ, это хорошо, Маничка... Глядѣть назадъ нѣтъ смысла. Надо жить и работать. И строить жизнь...

— Да, Софья Васильевна. И строить жизнь,—подхватываетъ Петровъ, размашисто шагая по комнатѣ.—Вся мудрость въ томъ, чтобъ согласовать наши чувства съ убѣжденіями... И поступать согласно этимъ убѣжденіямъ. Знаю, что это нелегко. Наши чувства слишкомъ стары, и корни ихъ вросли глубоко. Но это должно стать нашей ближайшей задачей... Хотите, mesdames, я разскажу вамъ исторію одного увлеченья?

— Да, пожалуйста!—проситъ Соня.

Маня насторожилась. Почему такъ дрогнулъ его голосъ?

— Это было... Впрочемъ... не все ли равно когда?.. Мой пріятель встрѣтился въ самый разгаръ революціи съ одной дѣвушкой. Встрѣтился на работѣ... Она была такая маленькая, хилая, какъ цыпленокъ. Съ большими, жадными глазами на блѣдномъ и неправильномъ личикѣ. Но душа у нея была властная. И темпераментъ былъ, который она вносила во все, за что бралась, и этимъ заражала другихъ. А вы знаете, что такое темпераментъ въ нашемъ дѣлѣ? Половина успѣха...

Онъ долго молчитъ, разсѣянный и далекій.

— Ну, вотъ... они влюбились другъ въ друга... Безумно... какъ можно любить только передъ лицомъ смерти... Потому что каждаго изъ насъ въ тѣ дни смерть могла настигнуть на каждомъ перекресткѣ. Вы сами помните это время?—кидаетъ онъ, словно обжигая молодыя лица своими блестящими глазами.—Наканунѣ они... объяснились и... были счастливы... А на другой вечеръ... или, вѣрнѣе, на другую ночь... онъ шелъ почти на вѣрную смерть, чтобъ выручить товарищей. И все пѣло въ его душѣ. Любовь и Смерть шли рядомъ. И обѣ были прекрасны... И не было въ его жизни ни раньше ни послѣ высшей точки горѣнья...

Маня и Соня, внезапно понявъ, переглядываются. Та декабрьская ночь опять встаетъ въ памяти каждой, какъ будто это было вчера. Звучатъ упругіе шаги. Звучитъ весь искрящійся страстью и жизнью голосъ-вѣстникъ. И слова, полныя особаго значенія: „И будешь ты царицей міра...“

— Какъ это ни странно,—упавшимъ звукомъ послѣ долгой паузы продолжаетъ Петровъ,—но товарищъ мой уцѣлѣлъ въ ту ночь. То-есть, уцѣлѣлъ, да не совсѣмъ... Живъ остался... Но былъ захваченъ... и въ качествѣ члена *Совѣта рабочихъ депутатовъ* сосланъ въ Средне-Колымскъ... Оттуда ему удалось бѣжать... Какъ? Это неинтересно и отвлекло бы насъ далеко... А дѣло въ томъ, что жена его жила у сестры и безъ него родила дѣвочку... Курить еще можно?—вдругъ перебиваетъ онъ себя дрогнувшимъ голосомъ.

— Пожалуйста...

— Ну-съ... На чемъ я остановился?.. Да... Дѣвочка у нихъ родилась... Онъ, конечно, перешелъ на нелегальное положеніе. Нашелъ мѣсто и выписалъ ихъ въ Москву. Но нужда была страшная... Дѣло въ томъ, что онъ поступилъ техникомъ на одинъ заводъ. Жили они на окраинѣ города. Снимали комнату... Онъ, конечно, агитировалъ. И вотъ его прослѣдили... Къ счастью, онъ узналъ объ этомъ. У него хватило времени только на то, чтобъ примчаться на извозчикѣ на квартиру, захватить жену и ребенка и скрыться,бросивъ все пріобрѣтенное на произволъ судьбы... Только одинъ узелокъ дѣтскихъ пеленокъ успѣли захватить. А черезъ полчаса нагрянула полиція... Но скрылись они ловко... На Бутыркахъ у нихъ было много друзей, среди рабочихъ. Жену пріютили съ дѣвочкой. А онъ былъ въ бѣгахъ около мѣсяца. Нынче тамъ ночевалъ, завтра тутъ...

— Какая ужасная жизнь!

— Эхъ, Марья Сергѣевна! Ничего тутъ ужаснаго не было. Тогда обыватель былъ другимъ. Всѣ за честь считали выручить нашего брата. Этого страха іудейскаго не было въ душахъ... Ну-съ... Когда выправили они себѣ новые паспорта и убѣдились, что слѣжка затихла, онъ черезъ знакомыхъ получилъ уже другой заработокъ совершенно въ новомъ кругу: сталъ репетиторомъ. И опять, конечно, продолжалъ работать... Тогда организаціи одна за другой уже проваливались, но еще держались... Итакъ, стало быть, шла двойная жизнь: то̀ на работѣ, въ тайнѣ и опаскѣ; то среди благодушныхъ, обывателей. И вкусные обѣды, и пѣніе послѣ обѣда, и споры о литературѣ... все, какъ слѣдуетъ..

— А эти... обыватели знали, кто ихъ репетиторъ?

— Пришлось имъ открыться, Софья Васильевна, когда раза два явилась надобность мѣнять свое обличье... Ничего... Люди оказались порядочными. Мѣсто репетитора осталось за нимъ. Цѣлый годъ такъ протянулся. А дѣвочка между тѣмъ росла... И отецъ полюбилъ ее безумно. И она его, какъ это ни странно, любила больше чѣмъ мать. Ну-съ... такъ вотъ... Разнѣжился мой пріятель, размечтался: хорошо бы вздохнуть, отойти отъ работы. Ужъ очень нервы издергались!.. Хорошо бы даже какъ-нибудь устроиться на болѣе прочномъ мѣстѣ, чтобы дѣвочкѣ и воздухъ былъ и солнце, и пища приличная... и все такое... А тамъ, впереди, уже и гимназія грезилась, и курсы... Ослабѣлъ, словомъ, человѣкъ... Вредно нашему брату семьей обзаводиться... Прямо рана въ душѣ открытая... Ну-съ... а тутъ весна наступила. И переѣхали они подъ Москвой на дачку. За пятьдесятъ рублей сняли помѣщеніе. Двѣ комнаты, да терраса, да крохотный садикъ. Прямо рай!.. Умирать

не надо... И выписали они тутъ къ себѣ еще такого же бездомнаго товарища, только вдобавокъ безъ всякаго заработка, кромѣ случайной партійной поддержки. Три года почти они не видѣлись!.. Было что разсказать другъ другу! Вѣдь вмѣстѣ въ 1905 г. работали... Ну, и пріѣхалъ этотъ пріятель на подножный кормъ тоже съ женой и съ ребенкомъ. И началась идиллія... Всѣ отдыхаютъ. Ходятъ въ лѣсъ, купаются. До зари вспоминаютъ и спорятъ. А когда дожди пошли, стали читать вслухъ. Даже въ библіотеку записалась богема наша. Всѣ отъѣлись, отоспались, помолодѣли точно. А у дѣтей даже щечки налились и румяныя стали... И вдругъ грянулъ громъ... И всей идилліи насталъ конецъ. Точно въ феерiи, все рухнуло и провалилось. Не осталось ничего отъ счастья.

— Какъ печально!—шепчетъ Маня.

— Надо вамъ сказать, что пріятелю моему предложили одно опасное порученіе... Онъ долженъ былъ принять грузъ нелегальной литературы, шедшій изъ-за границы. И доставить его по мѣсту назначенія... Тутъ его и сцапали.

Насупившись, онъ раскуриваетъ погасшую папиросу.

— Удивительныя бываютъ предчувствія! Онъ за недѣлю до этого видѣлъ точь въ точь такой же сонъ. И не могъ отдѣлаться отъ него. Но женѣ не сказалъ ни слова... И вотъ, когда онъ уходилъ и въ послѣдній разъ поцѣловалъ ее и дѣвочку, онъ уже навѣрное зналъ, что все кончено... Вышелъ за калитку и опять вернулся. Вызвалъ пріятеля. Отдалъ ему свой паспортъ и говоритъ: „Если не приду къ ночи, значитъ, не ждите. Постарайтесь немедленно выѣхать изъ Москвы... А я буду крѣпко держаться. Когда вы дадите мнѣ знать, что вы внѣ опасности, тогда только я свое имя открою.“

— Ну, и что же?—вся подаваясь впередъ, торопитъ Соня.

— Попался, конечно... Слѣжка, оказывается, давно уже была налажена. И очутился онъ въ тюрьмѣ.

— Воображаю, что чувствовала его жена!—шепчетъ Соня.

— И не говорите! Всѣ тогда удивились ея малодушію... До того духомъ пала, что смотрѣть на нее было больно!

— Она была въ него чувственно влюблена...

Петровъ останавливается и растерянно смотритъ на Маню.

— Да... должно быть... да... Какъ это вы догадались?.. Ревнива, по крайней мѣрѣ, она была ужасно!.. Онъ не смѣлъ ни одной женщинѣ оказать ни малѣйшей любезности...

— Противныя эти бабы!—говоритъ Соня.—Какъ бы ни былъ крупенъ человѣкъ, онѣ всегда сумѣютъ его опошлить!

— А мнѣ ее было жаль!—горячо срывается у Петрова.—Она переживала тогда то, что называется бабьимъ лѣтомъ... Ей было уже подъ сорокъ. А ему всего тридцать... Она всегда дрожала за свое счастье. И жалѣя ее, онъ уступалъ.

— Хорошо счастье, за которое надо дрожать!—бурчитъ Соня.

— Доходило до того, что когда онъ и товарищъ его, Семенъ Николаевичъ, сидѣли въ тюрьмѣ, а Маріула...

— Кто это Маріула?—перебиваетъ Маня.

— Товарищъ мой. Потомъ она стала подругой Семена Николаевича. Удивительная была дѣвушка! Прямо алмазъ. Твердости души необычайной... И вотъ мы... онъ (перебиваетъ онъ себя, краснѣя)—работалъ вмѣстѣ съ Маріулой. И она прислала ему конспиративное письмо. Извинялась, что не пришла на свиданье... Назначала встрѣчу тамъ-то. Нарочно пересыпала письмо нѣжностями. И кончала: „Цѣлую тебя. Твоя Маріула...“ Все это заранѣе было условлено... А Надя прочла письмо... Боже мой, что это была за сцена! Она почти до припадка дошла. Вѣрить не хотѣла, что это для отвода глазъ... И даже когда онѣ обѣ являлись на свиданіе, такъ онъ не смѣлъ поклониться Маріулѣ.

— Какое униженіе! И это герой, державшій въ рукахъ Москву?

— Что будешь дѣлать, Софья Васильевна! Страсть деморализуетъ душу. А жалость еще больше... И когда мой пріятель видѣлъ за рѣшеткой блѣдное, исхудавшее лицо жены, а рядомъ гордое, прекрасное и юное личико Маріулы, какъ больно было ему за жену! Кажется, полжизни онъ отдалъ бы съ радостью, чтобы вернуть ей покой!

— Значитъ онъ все-таки любилъ ее?—перебиваетъ Маня.

— И любилъ. И любитъ, Марья Сергѣевна... Только она не понимаетъ, что онъ изъ породы „однолюбовъ“. И что бояться ей нечего...

Онъ бросаетъ папиросу и садится.

— Удалось имъ все-таки бѣжать тогда?

— Все удалось, какъ въ сказкѣ. Прекраснодушная обывательница, у которой мой пріятель давалъ уроки, имѣла тамъ же дачу. На ея деньги всѣ трое спаслись... Вполнѣ корректно... За дачу расплатились... кухарку отпустили... Телеграмму придумали о смерти бабушки... И никому въ носъ не кинулось... Мой пріятель, получивъ объ этомъ свѣдѣнія, рѣшилъ сохранить для будущаго паспортъ, подъ которымъ жилъ, и раскрылъ свое настоящее имя... За нимъ была ссылка въ Средне-Колымскъ... Вотъ и вторично онъ направилъ туда свои стопы... Не надоѣло слушать?

— Что вы?.. Что вы?.. Говорите!

— Тутъ-то и начинается самое интересное, mesdames... Прошло

полгода. Пріятель мой рѣшилъ бѣжать изъ Сибири. Онъ такъ стремился къ женѣ и дѣвочкѣ! Онъ такъ живо представлялъ себѣ тоску страстной, ревнивой, одинокой женщины... Ну, словомъ, онъ бѣжалъ... Какія трудности, какія опасности преодолѣлъ онъ при этомъ, разсказывать я не буду... Чуть не замерзъ... Это было зимою и страшно рискованно... Зато менѣе опасно... Потому что бѣгутъ обыкновенно весной... Сколько настрадался!.. Но... все миновало, какъ страшный сонъ. И онъ очутился въ Москвѣ. Два мѣсяца не получалъ онъ извѣстій изъ N***, куда жена уѣхала на подножный кормъ, къ сестрѣ замужней. Даетъ туда телеграмму. Молчанье. Вторую телеграмму... Опять ничего... Что онъ пережилъ тогда?.. Ну-те-съ... Приходитъ на четвертый день письмо отъ ея сестры... Такъ и такъ... Надя влюбилась... И уѣхала съ своимъ избранникомъ туда-то... И дѣвочку увезла, конечно...

— Вотъ вамъ и женщины!—съ презрѣніемъ срывается у Сони.

Прежде чѣмъ отвѣтить, онъ нѣсколько разъ пробѣгаетъ по комнатѣ. Потомъ останавливается на другомъ концѣ ея.

— За что, собственно говоря, вы ее осуждаете?

— Да какъ же?.. Онъ стремился къ ней, рискуя жизнью и свободой... а пришелъ на пустое мѣсто? Когда онъ вернулся?

— Черезъ семь мѣсяцевъ,—угрюмо отвѣчаетъ Петровъ.

— Хороша любовь!.. Семи мѣсяцевъ она не могла подождать!

— Она была чувственной женщиной,—тихо говоритъ Маня.

Петровъ поднимаетъ на нее свои свѣтлые глаза.

— Это не преступленіе, Марья Сергѣевна.

— Я и не говорю, что это преступленіе... Я ее хорошо понимаю...

— Это низость!—вспыхиваетъ Соня.

— Это жизнь, — тихо, но твердо перебиваетъ Петровъ. Заложивъ руки назадъ и скрестивъ ноги, онъ прислоняется къ стѣнѣ и задумчиво смотритъ передъ собой.—Страсть стихія... И мой пріятель понялъ, что борьба безполезна. Онъ написалъ женѣ. Просилъ вѣрить въ дружбу. Просилъ изрѣдка свиданія съ дочкой...

Онъ проводитъ рукой по разомъ вспотѣвшему лбу. Жуткое молчаніе воцарилось въ комнатѣ. Маня вся словно съежилась, откинувшись въ уголокъ дивана.

— Что я говорилъ?—вдругъ послѣ долгой паузы спрашиваетъ онъ, поднимая голову.—Можно еще покурить, Марья Сергѣевна?

— Да, да,—нѣжно, невыразимо-ласково шепчетъ она. И другое, совсѣмъ другое слышитъ онъ въ ея голосѣ. И ему становится какъ будто легче. „Милая, чуткая...“ думаетъ онъ.

— Ну-съ, mesdames... Мой разсказъ почти конченъ. Эпилогомъ было вотъ что: Въ одинъ прекрасный день, когда мой пріятель

вернулся съ фабрики, гдѣ онъ пристроился, въ свою комнату отъ жильцовъ,—первое, что кинулось ему въ глаза, было личико его дѣвочки. Она спала въ бѣльевой корзинѣ, на полу... А съ постели поднялась Надя... Нѣтъ!.. Не она... Тѣнь ея стояла передъ нимъ... Во всемъ лицѣ, постарѣвшемъ, пожелтѣвшемъ, казалось, одни глаза остались... И вотъ она безмолвно глянула на него этими огромными глазами побитой собаки. Глазами униженной, страдающей женщины. Онъ ахнулъ. Обхватилъ ее руками, какъ мать свое дитя... Счастливѣе его не было человѣка въ этотъ вечеръ!

— И все простилъ?!

— А что было прощать, Софья Васильевна?.. Онъ считалъ тогда, что его личная жизнь кончена. И ошибся... Онъ думалъ, что Надя его разлюбила. И тоже ошибся...

— Но вѣдь онъ же страдалъ, когда она его бросила?

— Страдалъ... страдалъ!—злобно передразниваетъ онъ, передергивая плечами.—Хотите, Софья Васильевна, я разскажу вамъ, какія бываютъ страданія?.. И о чемъ плачемъ *мы?*

Онъ стоитъ передъ ними, раскачиваясь на каблукахъ. Лицо его красно, и блескъ его глазъ до странности силенъ.

— Это было въ декабрьскіе дни... Я былъ депутатомъ изъ Замоскворѣчья. И вотъ подожгли одинъ домъ, гдѣ мы скрывались... Вамъ это навѣрное извѣстно изъ газетъ?.. Мы держались цѣлый день, отстрѣливаясь. Наконецъ, надо было спасать свои шкуры... Подъ утро мы спрятались на стройкѣ, недалеко отъ дома. Насъ побоялись искать. Было темно еще. Никто не зналъ, сколько насъ... А осталось-то насъ всего четверо, и всѣ заряды мы разстрѣляли, защищая ворота. Холодъ былъ ужасный. Мы чуть не замерзли... А когда разсвѣло, оказалось, что за домомъ, шагахъ въ трехстахъ поставили солдатъ. И они палятъ вдоль улицы. А улица широкая и длинная. Длинная и прямая... Ни изгибовъ, ни выступовъ въ стѣнахъ... Скрыться невозможно... Сунулись мы было на другую сторону, за стройку, а тамъ тоже угостили насъ залпомъ. Одного положили на мѣстѣ... другого ранили. Такъ мы все коченѣли... Потомъ, не замерзать же въ самомъ дѣлѣ? Рѣшились на вылазку. Одинъ изъ товарищей—рабочій—перекрестился и кинулся черезъ улицу... Надо вамъ сказать, что напротивъ былъ проходной дворъ... А на слѣдующей улицѣ квартира, гдѣ можно было спастись и переждать... Не успѣлъ онъ добѣжать до середины улицы, какъ грянулъ залпъ. Товарищъ упалъ... Даже не забился... Наповалъ, стало быть... Опять ждемъ... А тотъ, который раненъ... мой лучшій другъ... вижу, слабѣетъ отъ потери крови... Подождали мы такъ съ полчаса еще... „Замерзаю"... говоритъ...

„Пойду... одинъ конецъ... Можетъ и успѣю перебѣжать...“ Обнялись мы тутъ крѣпко... Поползъ онъ къ панели... Смотримъ... бѣжитъ... До середины ужъ добѣжалъ... Еще немного... Вдругъ залпъ... И онъ свалился.

Петровъ останавливается и глотаетъ слюну.

— Думали: умеръ... Нѣтъ... Перевернулся и руку поднялъ... „Живъ, значитъ, живъ... Спасите!..“ Я голову потерялъ. Хочу кинуться къ нему, была не была... схватить и доволочь до панели. Вѣдь замерзнетъ... А товарищъ, рабочій-типографъ, не пускаетъ. „Куда?“—говоритъ.—„Безуміе... Вы намъ нужны... Его не спасете, а сами погибнете...“ А я гляжу на того... Вѣрите ли? Завылъ отъ ужаса. За часъ показалась мнѣ минутка эта. Рука у него упала, не двигается... Умеръ... Кончено... Слава Богу! Одинъ конецъ... безъ мученій... Вдругъ...

Петровъ смолкаетъ. Маня видитъ, что онъ поблѣднѣлъ.

— Точно сейчасъ передо мной этотъ кошмаръ,—измѣнившимся голосомъ продолжаетъ онъ. — Вдругъ рука поднялась опять. Поднялась и замерла въ воздухѣ... Понимаете?.. Зоветъ... Понимаете? Точно онъ крикнуть хотѣлъ: „Живъ... Живъ... Подойдите!..“ Точно сказать хотѣлъ что-то... Что?.. Послѣднія мысли... Послѣднюю волю... Зналъ, конечно, что и меня ждетъ за это гибель... Но... умираетъ... понимаете? Можетъ, ему дороже жизни его и моей эта послѣдняя воля была?.. У меня духъ захватило! Кинулся впередъ. Не успѣлъ сдѣлать десяти шаговъ... Залпъ... Я... стыдно сказать... упалъ... И поползъ назадъ... И вотъ тутъ...

Онъ смолкаетъ внезапно.

Маня и Соня невольно опускаютъ глаза.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Можно все завѣтное покинуть,
Можно все безслѣдно разлюбить.
Но нельзя къ минувшему остынуть,
Но нельзя о прошломъ позабыть!

Бальмонтъ.

I.

Vite... Vite!—торопитъ Маня шоффера, когда автомобиль сворачиваетъ съ шумныхъ парижскихъ бульваровъ въ мирный кварталъ, гдѣ живетъ Иза.

Она бѣжитъ вверхъ по лѣстницѣ, изступленно звонитъ и ждетъ съ замирающимъ сердцемъ... Вотъ послышались торопливые шаги негритянки. Дверь распахивается. Маня вскрикиваетъ и въ темной передней обхватываетъ шею ошеломленной Мими. Собачки съ визгомъ кидаются Манѣ подъ ноги и разомъ стихаютъ, когда она садится на корточки и цѣлуетъ расчесанныя головки.

— Милыя вы мои... Милыя... здравствуйте! Узнали меня... Трогательныя звѣрушки! — смѣясь и плача, лепечетъ она. Потомъ вдругъ вскакиваетъ, не слушая радостныхъ причитаній Мими.

— Иза... Иза!—кричитъ она, мчась черезъ желтый салонъ въ спальню креолки. За нею бѣгутъ Мими и собачки. Перепуганный попугай оглушительно оретъ что-то по-испански.

— Вотъ Содомъ!—говоритъ Нильсъ, останавливаясь на порогѣ и стягивая перчатки.

А Маня уже въ объятіяхъ Изы. Оторвется, взглянетъ на нее сіяющими сквозь слезы глазами и опять обниметъ. И цѣлуетъ мокрыя рѣсницы креолки, ея глаза, жесткую гривку волосъ. И обѣ безсвязно что-то лепечутъ. И смѣются... смѣются...

Иза въ блузѣ, нечесаная, босоногая, только успѣла умыться.

— Пустяки! Ты во всемъ прелесть! Пойдемъ къ Нильсу скорѣе!

— Что ты это? Такому красавцу показаться въ неглиже?.. Ми-

ми, живѣе! Не копайся!—сердито кричитъ креолка горничной, которая натягиваетъ ей на ногу шелковый чулокъ

— Да не дергай ногой! Ха!.. Ха!! Какъ же она тебя обуетъ?

— Сеньора всегда такъ,—улыбается Мими.

— Не эти туфли... Другія давай! И блонду на голову...

— Персидскій капотъ прежде,—напоминаетъ Мими.

— Ну, что онъ? Какъ? Утѣшился?

— Не говори съ нимъ о женѣ! Ты получила газеты изъ Вѣны?

— Ну, еще бы!.. Какой успѣхъ!—говоритъ креолка, качая головой, и серьги ея звенятъ.—А у меня тоже горе было, Мань-я... Моя Лэди чуть не умерла воспаленіемъ легкихъ... Я голову потеряла... Стонетъ, лижетъ руки... сказать ничего не можетъ... Только глядитъ съ такимъ мученьемъ!.. Двѣ недѣли болѣла... А потеряла десять фунтовъ.. Видишь? Все пляшетъ на мнѣ.

Мими сверкаетъ бѣлками и зубами, оборачиваясь къ Манѣ:

— Сеньора побила доктора...

— Что такое?

— Сеньора побила доктора, который лѣчилъ собачку... Ударила по рукѣ такъ больно... Вотъ такъ!.. Докторъ испугался.

Маня хохочетъ.—Неужели? За что?

— Представь!. Негодяй смѣялся, что я плачу надъ животнымъ!.. Да развѣ собачки хуже людей? „Вы, говоритъ, мадамъ, очень сентиментальны.. “ А я ему въ лицо сказала: „Если-бъ вы завтра умерли, monsieur, повѣрьте, я не пролила бы ни одной слезы!..“ Ахъ, Мими!.. Ну, что ты копаешься?.. Вотъ тутъ застегни... Да не такъ.. Опять забыла про кнопку? Ахъ, черномазая дура!

Маня опять звонко хохочетъ. Иза переводитъ на нее гнѣвные глаза. И сама начинаетъ смѣяться

— Ты все та же, моя прелестная, моя дорогая Иза...

— Съ чего бы мнѣ мѣняться?.. Намъ, старухамъ, лишь бы все шло по старому, день за днемъ, не нарушая привычекъ... Правда, Мими?—ласково спрашиваетъ Иза, обнимая за шею служанку.

Мими скалитъ зубы и радостно киваетъ головой.

Изъ салона доносится радостно-испуганный нервный лай и тревожный крикъ попугая.

— Что тамъ такое?—шепчетъ Иза.

— Готово!—говоритъ Мими, торжественно отступая и любуясь своей сеньорой.

Когда онѣ входятъ въ салонъ, Нильсъ пробуетъ играть въ чехарду съ собачками. Онѣ немножко испуганы этими странными прыжками, но заинтересованы чрезвычайно. Какаду, шокированный поведеніемъ незнакомца, сердито трясетъ хохломъ, переби-

раетъ лапками по бронзовымъ прутьямъ и выкрикиваетъ всѣ бранныя слова, имѣющіяся въ его несложномъ лексиконѣ.

— Нильсъ, милый... Гордость моя... Радость! Здравствуй! — говоритъ Иза, гладя его голову, пока онъ по очереди цѣлуетъ всѣ ея пальцы, унизанныя кольцами. — Какъ я счастлива!.. Какъ я слѣдила за вами обоими, сидя здѣсь, въ своемъ углу... за вашимъ полетомъ слѣдила... Я точно утка, которая вывела орлятъ... Сижу въ болотѣ и смотрю въ небо... Вы дѣти мои... Вы оба мои милыя дѣти... Развѣ неправда?—спрашиваетъ она, обнимая ихъ обоихъ.

— Иза... Я сейчасъ разревусь...

— И я за компанію,—дрогнувшимъ голосомъ подхватываетъ Нильсъ... А Мими уже плачетъ, стоя въ дверяхъ.

— Дай платокъ, Мими!—сердито кричитъ креолка, тщетно пошаривъ въ карманѣ.—Ахъ, дура!.. Никогда ничего не помнитъ...

Они сидятъ втроемъ въ желтомъ салонѣ, передъ круглымъ столомъ, на которомъ дымится шоколадъ въ китайскихъ драгоцѣнныхъ просвѣчивающихъ чашкахъ.

Маня оглядывается съ сладкимъ и мучительнымъ чувствомъ. Вспоминается первый вечеръ, когда она вошла сюда съ Маркомъ и танцовала передъ Изой. Та же пыль на вѣнкахъ, тѣ же выцвѣтшія ленты, тѣ же портреты глядятъ на нее со стѣнъ... Ни одинъ стулъ не сдвинутъ съ мѣста. Только въ ея собственной душѣ прошелъ вихрь... Выросла она съ того дня?.. Или стала бѣднѣе?..

— А ты похудѣлъ, Нильсъ, и сталъ еще лучше... Глаза у тебя другіе... Не надо вспоминать! Глядѣть назадъ безполезно,— ласково говоритъ Иза, гладя дрогнувшую руку Нильса. — Надо жизнь встрѣчать лицомъ къ лицу и принимать стойко ея удары. Она коварна, эта жизнь, и жестока... правда... Но развѣ она не прекрасна? И потомъ знаешь, что я тебѣ скажу?.. Твоему таланту не доставало главнаго штриха: страданья... Я это знаю по себѣ. Для таланта скорбь то же, что пламя для меча. Только пламя куетъ сталь... Ты теперь дамасскій клинокъ, который легче разбить, чѣмъ согнуть при ударѣ... Ахъ, когда увижу я васъ въ *Сказкѣ!* Я и сейчасъ волнуюсь. А что далъ вамъ импрессаріо?

Она всплескиваетъ руками, узнавъ о цѣнѣ.

— Въ мое время не платили такихъ денегъ,—задумчиво говоритъ она, прихлебывая остывшій шоколадъ.—Теперь всѣ увлеклись балетомъ. Это какое-то безуміе... Ну, а когда же въ Америку, Мань-я? *Figaro* пишетъ, что вы оба приглашены въ турнэ?

— Я еще не рѣшила,—отвѣчаетъ Маня, словно просыпаясь.— Мы проживемъ здѣсь до марта, потомъ поѣдемъ въ Лондонъ, оттуда въ Монте-Карло... Дальше не знаю... Я, видишь ли... ужасно устаю... Должно-быть это старость...

— Ха!.. Ха!.. Чудачка... А твой баронъ? Ты его еще не бросила?

Маня смотритъ на Изу широко открытыми глазами.

Нильсъ съ злой усмѣшкой отвѣчаетъ:

— Они навѣрно кого-нибудь вдвоемъ зарѣзали...

— Неужели замужъ за него выйдешь? Ахъ, не дѣлай этой глупости, Ман-ья!.. Артистка должна быть всегда свободной... Вотъ Нильсъ никогда уже не женится... Ну, ну!.. Не хмурься, Нильсъ!

Подъ шумокъ бесѣды Маня опять оглядывается, вся зачарованная настроеніемъ, охватившимъ ее въ этихъ стѣнахъ. Вспоминаются вечера, которые она проводила здѣсь вдвоемъ съ Изой, бесѣды объ искусствѣ, мечты о будущемъ... эти безпредметныя грезы надъ экзотическими cartes-postales, изображавшими Востокъ и Египетъ; мечты о сфинксѣ, озаренномъ луной; о безмолвіи пустыни; о перистыхъ пальмахъ, столпившихся надъ Ниломъ... Тогда она была бѣдна и стремилась ко всѣмъ этимъ недоступнымъ ей чудесамъ. Теперь весь міръ открытъ передъ нею... И Гаральдъ тамъ, на этомъ таинственномъ Востокѣ. Одинокій, больной. Быть можетъ, угасающій Гаральдъ... Но душа ея уже не рвется ни къ сфинксу, ни къ пустынѣ, ни къ пальмамъ. Не рвется даже къ любимому когда-то человѣку... Равнодушно думаетъ она о томъ, кѣмъ недавно еще были полны ея сны и желанья... Все миновало... Она была богата, какъ Крезъ, когда ходила въ рваныхъ башмакахъ. Теперь у нея жемчугъ на шеѣ, а руки унизаны брилліантами. Но душа ея пуста.

— Никакихъ перемѣнъ въ школѣ?—разсѣянно спрашиваетъ она, вставая.—Пойду, взгляну на классы.

Они идутъ за нею. Иза разсказываетъ, какъ выросла ея школа послѣ успѣховъ Нильса и Marion. Она повысила цѣны. Но нѣтъ отбоя отъ учениковъ. Особенно одолѣли американки.

— Но вы устаете навѣрно?—заботливо спрашиваетъ Нильсъ.

— Ужасно, до обмороковъ!

— Но почему же вы не бросите?.. Не уѣдете на покой?

Она гнѣвно сверкаетъ глазами. — Покой!.. Скажите, пожалуйста! Развѣ мнѣ шестьдесятъ лѣтъ, чтобъ уходить на покой? Я служу искусству... Я дарю міру такихъ артистовъ, какъ ты и Marion? Развѣ это не заслуга?.. Это мой постъ,—гордо говоритъ она, ударяя себя въ грудь рукой, отчего зазвенѣли ея браслеты, и закачались серьги.—И на этомъ посту я умру...

Маня безмолвно обходитъ всѣ классы. Здѣсь она работала, грезила, стремилась, боролась... И ей чудится, что только въ этой борьбѣ и въ этомъ достиженіи была вся прелесть жизни.

И опять день бѣжитъ за днемъ, торопливо и лихорадочно, среди репетицій, спектаклей, напряженной работы дома, передъ зеркаломъ; у костюмера и парикмахера; среди фотографовъ и художниковъ; среди льстивыхъ журналистовъ, уже допускаемыхъ теперь въ уборную... Они безсильны повредить ея славѣ. Ей не надо унижаться до подкуповъ и заискиванія предъ ними.

И творить теперь легко... Образъ Гаральда померкъ въ душѣ Мани. И она вся отдается работѣ... Создаетъ новыя роли... Изучаетъ Глюка, Вагнера... Выступаетъ съ громаднымъ успѣхомъ въ драматической пантомимѣ... Она читаетъ всѣ либретто, предлагаемыя ей. Совѣтуется съ Нильсомъ и Маркомъ. Предлагаетъ авторамъ передѣлать то, „чего она не чувствуетъ..." И грезитъ написать свое...

И странно! Эта лихорадочная работа и напряженное творчество точно убили въ ней женщину. Спятъ ея желанья. Не дразнятъ сны...

Съ той ночи, когда она простилась съ Гаральдомъ, ни разу губы ея не коснулись устъ Марка. И они встрѣчаются, какъ товарищи. Они опять живутъ врозь, хотя видятся ежедневно. Маня осуществила свою мечту. Въ отелѣ, который она сняла себѣ на три года, Агата съ Ниной теперь живутъ внизу, и тамъ же спальня Мани и ея будуаръ и столовая. А весь верхъ съ огромными окнами раздѣленъ на ея пріемную и мастерскую. Она учится ваянію, какъ мечтала объ этомъ когда-то въ Неаполитанскомъ музеѣ, стоя передъ Венерой *Callipigi*... Всѣ свободныя минуты она проводитъ въ своей мастерской. Это ея святилище. И все здѣсь, какъ было въ ея дѣвичьихъ грезахъ: и каминъ съ брошенной передъ нимъ тигровой шкурой; и дорогія, мраморныя статуи вдоль стѣнъ... И цвѣты, цвѣты, цвѣты... Здѣсь бываютъ только знаменитый скульпторъ Шапелэнъ, занимающійся съ Маней, Нильсъ изрѣдка,—и Маркъ.

II.

Музыка!—кричитъ Ниночка, сходя съ высокаго стульчика и кидаясь къ окнамъ столовой. За окномъ играетъ шарманка.

Фрау Кеслеръ спѣшитъ за Ниной, чтобъ отнять у нея ложку, вымазанную шоколадомъ.—Взгляни, Маня... Какой красавецъ!

Итальянецъ съ блѣднымъ лицомъ и каштановыми кудрями до плечъ играетъ, привлекая общее вниманіе. Его большіе глаза подымаются вверхъ на стукъ отворяемыхъ оконъ. Онъ снимаетъ шляпу и ловитъ деньги. Какъ граціозны его движеія!н Какъ ловки и разсчитанны его жесты!.. Онъ улыбается Ниночкѣ.

— Я никогда не видала такого красавца,—говоритъ Агата.— Сейчасъ дамъ ему два франка... Какъ ему холодно, бѣдняжкѣ, въ его бархатной курткѣ!

Рука Мани конвульсивно сжимаетъ плечо фрау Кеслеръ. Та удивленно оглядывается.

— Агата, позови его... Сейчасъ позови его сюда!

— Что за фантазія?.. Дай ему пять франковъ...

— Я такъ хочу!—кричитъ Маня, топая ногой.

Она звонитъ и велитъ слугѣ привести шарманщика.

— Агата... слушай!.. Онъ сейчасъ придетъ... Покорми его... напой его кофе... И скажи ему вотъ что... Ты слушаешь меня?

— Ну... ну... Что ты тамъ еще надумала, безумная женщина?

— Онъ долженъ мнѣ позировать... Пусть броситъ свое ремесло!.. Спроси его, что онъ выручаетъ? Я дамъ ему въ десять разъ больше... Молчи!.. Молчи!.. Это тебя не касается... Онъ долженъ два часа въ день позировать мнѣ... Узнай его адресъ... запиши... Не забудь!.. Я никогда не прощу тебѣ, если ты его забудешь!

— Ну, еще бы!.. Выгони меня изъ-за шарманщика!

Маня кидается ей на шею.

— Агата!.. Не сердись!.. Вѣдь онъ похожъ на Лоренцо..

— Какого Лоренцо?

— Ахъ, ты не помнишь!.. Въ Венеціи портретъ... который я любила... Я сдѣлаю изъ него статую..

— Вотъ дура!.. О чемъ же ты плачешь?

— Нѣтъ... нѣтъ!.. Я смѣюсь... Видишь? Я смѣюсь... Я счастлива..

Слышатся шаги за дверью. Входятъ Жюль и сконфуженный шарманщикъ. Маня убѣгаетъ.

Фрау Кеслеръ сердится. Она услала Нину съ бонной.. Мало ли какую заразу въ своихъ лохмотьяхъ можетъ принести этотъ нищій? Она угощаетъ его. Онъ сперва конфузится, пораженный добротой синьоры, потомъ жадно ѣстъ. Фрау Кеслеръ жаль его.. Такой здоровый, сильный парень слоняется безъ дѣла... Такой великолѣпный экземпляръ человѣчества бродитъ по улицамъ, снискивая нищенское пропитаніе... Онъ одинъ здѣсь, въ Парижѣ?

Нѣтъ... У него мать и двѣ сестры, еще подростки. Онѣ тоже ходятъ по городу. Одна играетъ на мандолинѣ. Другая поетъ.

Онъ жадно глядитъ на пирожное.

Фрау Кеслеръ подвигаетъ ему вазу, наливаетъ вина и кофе.

Онъ еще совсѣмъ молодъ. Его волосы вьются. Зубы сверкаютъ въ застѣнчивой улыбкѣ. Глаза полны блеска, который исчезаетъ съ годами... Только двадцать?.. Агата дала бы ему больше, такъ мужественна его фигура. Но лучше всего его профиль, подборо-

докъ и линія губъ, изящныхъ, утонченныхъ и чувственныхъ. Можно побожиться, что онъ незаконный сынъ какого-нибудь римскаго аристократа: такъ гордо его лицо, съ высокимъ, чистымъ лбомъ; такъ хороши его руки, несмотря на грязную каемку ногтей; такъ малы его ноги. Въ его лицѣ и манерахъ странно сочетались женственная грація и мягкость съ мужскимъ темпераментомъ. Его тонкія ноздри дрожатъ, и глаза искрятся, когда въ рамкѣ двери онъ видитъ Маню. Но, кивнувъ ему головой, она тотчасъ скрывается и манитъ фрау Кеслеръ.

— Условились? Онъ доволенъ платой?

— Еще бы!.. Но и жадные же эти итальянцы! Въ его глазахъ я поймала точно сожалѣніе о томъ, что онъ мало запросилъ...

— Вели ему придти завтра... Завтра я свободна...

— Почему же ты не выйдешь къ нему?

— Нѣтъ... Нѣтъ... Я не могу видѣть его въ этихъ лохмотьяхъ!

И въ лицѣ Мани и въ игрѣ ея въ этотъ вечеръ отразилось новое смятеніе, охватившее ея душу, которая дремала такъ долго... Опять заискрился ея талантъ. Опять зазвучало ея тѣло въ пламенномъ танцѣ. Всѣ газеты дали восторженные отзывы.

Въ эту ночь ей снится мрачный дворецъ въ Венеціи, куда она пріѣхала больная, униженная жалостью окружающихъ, раздавленная презрѣньемъ Нелидова. И жизнь безъ любви и рабства казалась ей безконечной пустыней.

И вотъ она съ роковымъ упорствомъ женщины вновь пожелала этого рабства въ любви къ Марку. На развалинахъ этой любви она строила свое будущее. И въ новомъ храмѣ опять стоялъ старый кумиръ. Что видѣла она тогда въ мірѣ кромѣ любви къ Марку?.. Но мимо прошла женщина съ рыжими волосами и бѣлой кожей. И храмъ рухнулъ.

Она и сейчасъ помнитъ ту ночь, когда рыдала у пустой постели Штейнбаха. Какой жалкой, всѣмъ ненужной, какой лишней въ мірѣ чувствовала она себя тогда!.. И въ этотъ страшный мигъ со стѣны стараго дворца ей улыбнулся портретъ графа Лоренцо... Онъ улыбнулся ей жестокой, чувственной улыбкой. Онъ загадочно поглядѣлъ въ ея страдающіе глаза холоднымъ, твердымъ взглядомъ человѣка, знающаго куда онъ идетъ и чего онъ хочетъ... И передъ нею вдругъ открылся новый, невѣдомый ея современникамъ міръ. Тамъ люди не боялись жизни. Они брали ее съ бою, какъ добычу. Они брали любовь, какъ свое право. Личность не растворялась въ обществѣ а, расцвѣтая, играла всѣми красками, достигала всѣхъ цѣлей, осуществляла всѣ стремленія, развертывала всѣ возможности. Человѣкъ былъ самоцѣлью. Его пе-

реживанія стояли въ центрѣ жизни. И на ея скорбный вопросъ: „Кого любить? Кому отдать душу? Кому нести жертвы?..“—онъ всѣмъ своимъ обликомъ отвѣтилъ ей: „Себя люби... Потому что ты цѣлый міръ... И нѣтъ ничего внѣ этой краткой жизни, изъ которой нужно создать поэму или гимнъ...“

На другой день шарманщикъ звонитъ въ ранній часъ, назначенный синьорой. Фрау Кеслеръ велитъ Жюлю сдѣлать ему ванну и переодѣть въ новое бѣлье. Жюль не спрашиваетъ, а только тонко улыбается, видя сконфуженное и сердитое лицо баварки.

„Ни съ чѣмъ, рѣшительно ни съ чѣмъ не считается, сумасбродная женщина!“ съ сердцемъ думаетъ она. „И въ дѣтствѣ была такой... Что подумаютъ о ней? Конечно, гадости...“

Въ столовой она поитъ шарманщика кофе, кормитъ завтракомъ. И сердито смотритъ на его ногти.

— Какъ васъ звать?

— Энрико, синьора...

— Почему вы не вычистили ногтей?

Тотъ растерянно глядитъ на свои руки и краснѣетъ.

— Идите за мной... вотъ сюда!.. Вотъ щетка, вотъ мыло... горячая вода въ этомъ кранѣ... Мойтесь!.. И уши тоже... Вымойте уши... Вы должны всегда быть чисты, когда приходите въ этотъ домъ. Синьора прогонитъ васъ, если замѣтитъ грязь...

— Я постараюсь, синьора,—испуганно и покорно отвѣчаетъ онъ.

Черезъ часъ Агата привозитъ Энрико въ автомобилѣ отъ парикмахера и костюмера. И Жюль не можетъ подавить изумленнаго восклицанія. Неужели этотъ красавецъ въ бѣломъ атласномъ костюмѣ XVI столѣтія, съ длинными волосами, падающими на высокій воротникъ Валуа, въ красной, короткой бархатной мантіи на плечахъ и со шпагой на боку—грязный шарманщикъ?

Его ведутъ наверхъ, въ мастерскую.

Маня увидала ихъ изъ окна столовой.

— Ну, ступай!—говоритъ фрау Кеслеръ, входя.—Лѣпи свое сокровище... Господи! Вотъ чудачка!.. Поблѣднѣла даже...

— Агата... Пойдемъ вмѣстѣ!.. Скажи ему, чтобы онъ не смѣлъ говорить со мной! Понимаешь?.. Ни одного слова!.. Онъ убьетъ всю иллюзію, если раскроетъ ротъ...

— Да какъ же объяснить ему?

— Скажи, что я глухо-нѣмая... сумасшедшая... Все, что хочешь!

— Скажу. И не солгу на этотъ разъ,—усмѣхается Агата.

Жюль приноситъ свѣжую глину и уходитъ. И только тогда Маня отворяетъ дверь мастерской. Она останавливается на порогѣ.

Боже, какъ онъ прекрасенъ!.. И этотъ жестъ, съ какимъ онъ ей поклонился! Этому не научишь. Только итальянцы могутъ быть такъ пластичны... И такое странное, загадочное сходство...

Она знаками показываетъ ему, чтобы онъ сѣлъ въ кресло съ высокой спинкой... Страхъ и любопытство поминутно мѣняютъ его черты. Она смотритъ на него издали, серьезная, почти мрачная. Потомъ подходитъ вплотную, стройная и суровая, какъ весталка, въ своемъ бѣломъ балахонѣ. Мягкими но сильными руками поворачиваетъ она его голову почти въ профиль. Беретъ его напряженныя руки и укладываетъ ихъ на налокотники кресла. Касается его пальцевъ. Они дрожатъ. Его пугаютъ и радуютъ эти прикосновенія... Синьора красива. Отъ нея такъ сладко пахнетъ!

Маня работаетъ цѣлый часъ, совсѣмъ забывъ, что передъ нею живое и примитивное существо... Онъ таращитъ глаза, чтобы не заснуть. Руки его затекли и пальцы дергаются... Какая скука!.. На улицѣ лучше. Конечно, здѣсь тепло и сидѣть нетрудно. Но зато какъ свободно шагалъ онъ еще утромъ по бульварамъ! Какъ хорошо было зайти въ bouillon, переглянуться съ Жаннетой...

Рѣзкій стукъ... Онъ вздрагиваетъ и открываетъ отяжелѣвшія вѣки. Синьора сердится... Она дѣлаетъ ему знакъ уйти и звонитъ. Потомъ выходитъ, не оглядываясь.

Внизу онъ тревожно спрашиваетъ Жюля, гдѣ его плисовая куртка, старая шляпа и заплатанная обувь? Жюль передаетъ ему картонъ съ новымъ костюмомъ и ведетъ въ свою комнату.

— Вамъ легко даются деньги,—съ завистью говоритъ онъ.

— Я боюсь проснуться, синьоръ,—отвѣчаетъ Энрико.

Но, одѣтый съ иголочки въ готовый костюмъ, онъ все еще робко ощипывается и шепчетъ Жюлю:

— Я хотѣлъ бы получить назадъ мою бархатную куртку и вещи...

— Зачѣмъ? Madame велѣла сжечь ихъ.

— Какъ сжечь?—возмущенно вскрикиваетъ шарманщикъ.—Я хочу отослать ихъ дядѣ Андреа... Вѣдь это мои вещи... Подумайте?.. Мои... Я ихъ самъ купилъ... Самъ заработалъ, чортъ возьми!

Онъ топаетъ ногой. Ноздри его дрожатъ.

— Что такое?—спрашиваетъ Агата, растворяя дверь передней и невольно любуясь красавцемъ.—Ахъ... это о вещахъ? Вы ихъ не получите... Отъ нихъ скверно пахнетъ... Мы ихъ сожжемъ.

— Отдайте мнѣ мои вещи, синьора!—кричитъ онъ, жестикулируя.—Вы не смѣете... Я самъ заплатилъ за нихъ...

— Сколько?—перебиваетъ фрау Кеслеръ, вынимая кошелекъ.

Онъ смолкаетъ, ошеломленный. Но тотчасъ жадный огонекъ сверкаетъ въ его глазахъ.

— Пятьдесятъ франковъ... Одна только куртка стоила...

— Вотъ вамъ шестьдесятъ... Ступайте! Завтра ровно въ одиннадцать будьте тутъ!

Жюль гнѣвно захлопываетъ за нимъ двери.

Энрико идетъ по тротуару, посвистывая, заломивъ на бекрень свою новую, модную шляпу, какъ онъ это видѣлъ у синьоровъ на Итальянскомъ бульварѣ. Поминутно оглядываетъ онъ свое новое пальто... Сонъ... прямо сонъ!.. Сейчасъ надо зайти въ Пале-Ройяль, купить перчатки и тросточку. Матери онъ купитъ косынку на голову. Она такъ мечтала о ней. А сестрамъ шарфы.

Вдругъ ругательство срывается съ его губъ, и онъ экспансивно хлопаетъ себя по лбу... Глупецъ!.. Почему онъ не запросилъ ста франковъ за свои вещи?.. Ему дали бы... Онѣ не знаютъ счетъ деньгамъ, эти женщины... Ахъ, онъ оселъ!

Но въ мозгу уже всплываетъ другая мысль... Онъ зайдетъ сейчасъ въ знакомое bouillon, на бульварѣ С. Мишель, и проѣстъ три франка. И столько же пропьетъ. И Жаннетѣ дастъ цѣлый франкъ. О, теперь она влюбится въ него, эта лукавая Жаннета!

Онъ идетъ, весело насвистывая и бренча деньгами въ карманѣ.

Сеансы бываютъ раза три, четыре въ недѣлю... И теперь Энрико уже самъ ждетъ этихъ дней.

Вся его жизнь измѣнилась внезапно. Точно палочка волшебницы коснулась его плеча. Синьора Агата явилась въ его мансарду и приказала удивленной безобразной старухѣ, матери Энрико, бросить всѣ пожитки и переѣхать на новую квартиру. Въ ней салонъ, столовая, двѣ спальни, ванна и кухня. Мать тотчасъ поселилась на кухнѣ и отказалась взять прислугу.

Съ почтеніемъ и страхомъ прикасается она къ красивымъ новымъ вещамъ, къ мебели, къ постелямъ, къ буфету съ посудой. Удивленно стоитъ передъ гардеробомъ сына и качаетъ головой. Она обходитъ ковры, боясь ихъ запачкать, и никого не пускаетъ въ салонъ. Столовая тоже пустуетъ. Они всѣ ѣдятъ на кухнѣ, безъ столоваго бѣлья и часто безъ посуды, изъ одного блюда, ложкой доставая свое скудное ризотто. Сынъ гордо занялъ постель въ хорошенькой комнатѣ, а сестры помѣстились въ другой. Но онѣ все еще ходятъ по улицамъ, зарабатывая хлѣбъ. Старуха суевѣрна. Счастье такъ капризно, и людямъ нельзя довѣрять! Она по-своему поняла поведеніе синьоры. Совсѣмъ она

не сумасшедшая. Просто у нея горячая кровь, и она любитъ красивыхъ молодыхъ людей...

— Это она? — спрашиваетъ она сына, въ первый разъ проводивъ Агату, и цинично усмѣхается.

— О, нѣтъ! Синьора молода и прекрасна... У нея такія мягкія руки... Отъ нея такъ дивно пахнетъ...

И онъ мечтательно глядитъ передъ собой.

— Не будь дуракомъ! Бери деньги, пока даютъ. Бери больше! У этихъ женщинъ скоро проходятъ ихъ капризы.

И каждый разъ послѣ сеанса она отбираетъ деньги у сына и прячетъ ихъ въ завѣтное мѣсто. Но онъ сердится и требуетъ, чтобъ ему дали два франка на bock пива или бокалъ гренадина. Изъ-за чего же тогда ему работать?

— Бездѣльникъ!—ворчитъ мать.—Это онъ называетъ работать?

Да... Вся жизнь измѣнилась... Энрико спитъ до восьми и долго еще нѣжится въ мягкой постели, когда мать уходитъ на рынокъ, а сестры спѣшатъ на работу. Потомъ онъ беретъ ванну и любуется своимъ тѣломъ. У него уже явились культурные навыки. Онъ часто мѣняетъ бѣлье, хотя мать ворчитъ. Она сама стираетъ его бѣлье по ночамъ. Онъ раскрываетъ комнаты и любуется галстухами и носками, отъ которыхъ пахнетъ ирисомъ. Но часто онъ забываетъ бриться...

И вотъ разъ синьора Марія прогнала его съ сеанса. Съ пылающими глазами показала она ему на его синѣющія щеки. Ахъ, чортъ возьми! Какъ досадно! Онъ лишился денегъ... Положимъ, ему по-княжески платятъ за трудъ... Но все-таки... бриться каждый день? Вѣдь это непредвидѣнный расходъ... Онъ ловитъ синьору Агату въ столовой и проситъ прибавки.

— Ну, ужъ и паразитъ же этотъ твой Энрико!— смѣется фрау Кеслеръ.—Пришлось дать ему еще денегъ...

— Бѣдное дитя!—шепчетъ Маня, радостно улыбаясь.— Я хочу, чтобъ онъ былъ счастливымъ...

— Предвижу, что это „дитя“ будетъ сосать тебя какъ піявка...

— Что такое деньги?.. Вздоръ! Я не могу быть неблагодарной, Агата... Онъ даетъ мнѣ такъ много! Однимъ поворотомъ головы, однимъ взмахомъ рѣсницъ... А ты замѣтила его губы? Эти уголки, чуть приподнятые... Я иногда забудусь и гляжу на него...

— Воображаю, что этотъ дуракъ думаетъ о тебѣ! Онъ еще не признался въ любви?

— Агата! Ты съ ума сошла?.. Да мы никогда не говоримъ... Мы объясняемся жестами.

Фрау Кеслеръ хохочетъ, запрокинувъ голову.

— Любовь не требуетъ словъ...

— Циникъ! — сердито говоритъ Маня. И щеки ея медленно загораются. — Впрочемъ... ты меня никогда не понимала... Я закричала бы отъ отвращенія, если бы онъ дотронулся до меня...

Но фрау Кеслеръ мудра и знаетъ жизнь. Она „не ходитъ надъ землей“, какъ безумная Маня. Близость двухъ красивыхъ, юныхъ и полныхъ жизни людей, интимность прикосновеній и экстазъ встрѣчающихся взглядовъ, вся необычность обстановки— можетъ ли быть болѣе благодарная почва для увлеченія? И въ горячей крови юноши скоро вспыхиваетъ желанье.

Статуя подвигается... Приходитъ скульпторъ и хвалитъ работу. Онъ исправляетъ ее, даетъ указанія. Онъ съ восторгомъ глядитъ на красавца-натурщика. Онъ предлагаетъ ему позировать у него. Но Маня съ загорѣвшимися глазами обрываетъ:

— Нѣтъ!.. Онъ мой!.. Этого я не позволю.

Скульпторъ смѣется и пожимаетъ плечами.

„Чортъ знаетъ, что вообразилъ!“ думаетъ Агата.

Въ этотъ день впервые Энрико слышитъ голосъ Мани. Богатый, страстный, горячій голосъ, согрѣвшій его сердце... Такъ это неправда, что она глухонѣмая? Почему же она никогда не говоритъ съ нимъ?

Но онъ не забылъ предложенія скульптора. Завтракая, какъ всегда въ одиночествѣ, передъ молчаливой Агатой, онъ на своемъ ломаномъ отвратительномъ жаргонѣ объясняетъ ей, что синьора Марія лишила его заработка. А онъ бѣдный человѣкъ. И у него на рукахъ семья.

Агата дорожитъ настроеніями Мани. Съ тѣхъ поръ какъ этотъ красавецъ появился въ ихъ отелѣ, Маня стала точь-въ-точь такой, какой она знала ее въ юности. Вернулись смѣхъ и жизнерадостность. Она поетъ и мечтаетъ... Она ѣдетъ въ театръ точно на праздникъ. Возвращается съ счастливой, усталой улыбкой. И крѣпко спитъ всю ночь... А какъ ласкова со всѣми! Слава Богу!.. Чѣмъ бы дитя ни тѣшилось... Очевидно, этой женщинѣ грезы нужны, какъ воздухъ.

Лишь бы Маркъ Александровичъ не приревновалъ!.. Онъ такъ странно, такъ сурово поглядѣлъ на бѣднаго Энрико, встрѣтивъ его въ столовой!.. И когда слушалъ объясненія Агаты, губы его кривились... Ахъ, противная у него улыбка!.. Впрочемъ... Не вправѣ онъ развѣ дрожать за свое счастье?

Не торгуясь, она удваиваетъ итальянцу цѣну за его сеансы.

Маня не должна касаться этой стороны. И даже объ этомъ новомъ проявленіи алчности у Энрико она ей не говоритъ. Къ чему отравлять ей ея радость?.. Точно солнце вошло въ ихъ домъ вмѣстѣ съ этимъ кудрявымъ красавцемъ.

Маня отошла отъ статуи, зорко оглядѣла ее, потомъ оглянулась на Энрико. И сердце ея сжалось.

Нѣтъ, никогда не передать ей того, что плѣнило ее въ этомъ лицѣ!.. Это онъ, онъ, кудрявый шарманщикъ въ костюмѣ XVI-го вѣка. И всѣ черты его она передала вѣрно... Скульпторъ правъ. Она сдѣлала большіе успѣхи... Но развѣ *это* нужно было ей?.. Улыбку Лоренцо хотѣла она запечатлѣть. Эту улыбку гордости, вѣры въ себя и презрѣнія къ смерти... На это у нея нѣтъ силъ... И нѣтъ этого въ лицѣ Энрико... И откуда бы взяться у него такому выраженію? Исчезнувшая индивидуальность не повторяется въ мірѣ.

Нѣсколько дней она бродитъ разочарованная, грустная... Энрико удивленъ... Синьора не работаетъ на сеансахъ... Она только притворяется... Повернувъ его голову то въ три четверти, то въ профиль, она ходитъ около, дразня его шелестомъ платья и жгучими взглядами. О, какъ горячи и, въ то же время, какъ печальны эти глаза!.. Право, можно подумать, что синьора влюблена... И голова кружится у Энрико. Онъ хочетъ заговорить... Но она гнѣвно топаетъ ногой. Кладетъ палецъ на губы и садится поодаль.

Положивъ локти на спинку кресла и взявъ подбородокъ въ руки, она глядитъ-глядитъ на него, не отрываясь... Потомъ, скорбно сдвинувъ брови, смотритъ вверхъ...

Проходитъ десять минутъ, пятнадцать... О чемъ она думаетъ? Точно застыла вся... Точно молится... Энрико нетерпѣливо кашляетъ. Она вздрагиваетъ и смотритъ на него... Такъ странно.. Съ отвращеніемъ, съ гнѣвомъ... „Удивительно! Какъ будто человѣкъ не смѣетъ ни кашлянуть, ни чихнуть!“ думаетъ онъ возмущенно. На этотъ разъ его отпускаютъ очень быстро.

Но Энрико недоволенъ... Почему сеансы стали такъ рѣдки? Онъ меньше приноситъ домой денегъ. Мать ворчитъ и безпокоится... А главное... Ему нужно видѣть синьору... Вся жизнь уже теряетъ для него радость, когда нѣтъ сеанса... Такъ хорошо еще недавно было бродить подъ солнцемъ, какъ знатный баринъ по бульварамъ; заходить въ кафе; спрашивать итальянскія газеты, а вечерами просиживать въ кинема или въ café-concert... Одинъ разъ днемъ онъ лицомъ къ лицу столкнулся съ сестрами, пѣвшими подъ окнами ресторана.

— Гляди... Это нашъ Энрико!—сказала одна, толкая другую. И обѣ радостно разсмѣялись и экспансивно закивали ему. Но онъ сдѣлалъ видъ, что не знаетъ ихъ. На него пристально глядѣла какая-то шикарная дама... Вечеромъ онъ хорошо отчиталъ ихъ за безтактность... И мать была всецѣло на его сторонѣ.

Увы! Теперь по цѣлымъ днямъ Энрико бродитъ подъ окнами отеля и стережетъ минуту, когда Маня поѣдетъ на репетицію. И если она кивнетъ ему, онъ счастливъ... Теперь онъ знаетъ, кто синьора Марія... Онъ даже побывалъ въ театрѣ. И плакалъ отъ блаженства. И охрипъ, вызывая ее... Цѣлые дни дома онъ говоритъ о ней съ матерью и съ сестрами. А тѣ качаютъ головами.

Онъ дивно сложенъ. Лѣпите съ него,—говоритъ скульпторъ Манѣ.—Такую натуру не скоро сыщете.

Вздохнувъ, Маня соглашается. И вотъ сконфуженный Энрико стоитъ, весь обнаженный, опершись локтемъ на мраморную колонну... Хорошо, что онъ каждый день беретъ ванну...

Черезъ недѣлю мастерская полна этюдами... Онъ узнаетъ свои руки... ногу свою... Странная эта синьора! Почему ей-то не стыдно?.. Она угрюмо, сосредоточенно работаетъ... И почему она такъ старается? Должно быть, ей много заплатятъ за ея статуи.

Одинъ разъ, когда, одѣвшись за перегородкой, онъ спускается по лѣстницѣ, съ нимъ сталкивается высокій красивый брюнетъ съ слегка сѣдѣющими волосами... О, какимъ недобрымъ взглядомъ провожаютъ его эти темные глаза!

— Твоя натура очень хороша!—говоритъ Штейнбахъ Манѣ.

— Да?.. Но ему далеко до оригинала.

Штейнбахъ не понялъ. Но предпочитаетъ не спрашивать.

— Покажи мнѣ твои работы,—говоритъ онъ.

Увидавъ обѣ начатыя статуи, онъ мѣняется въ лицѣ.

— Онъ поразительно хорошо сложенъ...

— Какъ греческій богъ,—спокойно отвѣчаетъ Маня.—Шапелэнъ хочетъ лѣпить съ него *Фавна* для весенней выставки.

— А тутъ онъ на кого-то похожъ...

— Правда?—такъ и дрогнулъ голосъ Мани.

— Что-то припоминаю... Очень красивъ и стиленъ...

— Маркъ... Милый... Какъ я счастлива!.. А я-то мучусь, что не умѣю передать... О, поцѣлуй меня, Маркъ!

Маркъ цѣлуетъ, но очень холодно. Онъ догадывается, что эти поцѣлуи не для него.

И вотъ Энрико опять получаетъ синюю пневмограмму...
Онъ мчится наверхъ, въ мастерскую.

— Надѣвайте костюмъ,—ласково говоритъ ему Маня.

А онъ даже не зналъ, что она говоритъ по-итальянски. О, милая! Сердце его бьется... Она никогда раньше не глядѣла на него съ такой нѣжностью.

Когда онъ садится въ привычной позѣ въ свое кресло, Маня подходитъ къ нему и мягко поворачиваетъ его голову, беря въ свои душистыя ладони его лицо. У Энрико вдругъ темнѣетъ въ глазахъ, и онъ цѣлуетъ ладонь синьоры. Потомъ, схвативъ ее за руку, смотритъ на нее потемнѣвшими глазами.

„Какъ онъ прекрасенъ!“ думаетъ Маня, не отымая руки и спокойно глядя на него сверху внизъ. „Даже желанье не безобразитъ и не старитъ эти дивныя черты.. “

Робко пробуетъ онъ обнять ея талію. Его пылающіе глаза спрашиваютъ: „Можно?“ Она гордо и печально качаетъ головой и отстраняется. Какъ грустно!.. Образъ жестокаго и надменнаго Лоренцо отодвинулся еще дальше... Непохожъ на него этотъ молящій и жадный взглядъ юноши.

Она работаетъ очень разсѣянно на этотъ разъ. Энрико подавленъ. Руки его безсильно упали. Но синьора не подходитъ, чтобъ исправить позу. Она не хочетъ видѣть первыхъ слезъ любовной муки, повисшихъ на его рѣсницахъ.

Развязка не заставляетъ себя ждать. Въ душѣ юноши, особенно такого непосредственнаго и некультурнаго, какъ Энрико, любовь — всегда желанье. И все настойчивѣе звучатъ совѣты матери быть посмѣлѣе, потому что женщины это любятъ.

На слѣдующій день, когда Маня подходитъ къ Энрико, чтобъ выправить его кудри, упавшія ему за высокій воротникъ камзола, юноша съ отчаяніемъ обхватываетъ руками эту женщину, изъ-за которой онъ не спалъ всю ночь.

— Пусти!—говоритъ она съ холоднымъ гнѣвомъ.

— Нѣтъ... Нѣтъ... Прежде поцѣлуй!—шепчетъ онъ, инстинктивно игнорируя все соціальное неравенство, видя въ ней въ это мгновеніе только желанную женщину.

— Хорошо... я поцѣлую тебя,—спокойно говоритъ она.—Но ты долженъ молчать и не двигаться... Даешь слово?

— Да,—какъ крикъ срывается у него.

Она отходитъ и, отвернувшись, проводитъ рукой по лицу. Ей жаль его. Какой ужасъ—это желаніе, которому нѣтъ исхода! Она вспоминаетъ свою страсть къ Гаральду. Какое счастье, что она

наконецъ свергла съ себя это иго!.. Что никогда, никогда больше она не узнаетъ этой тоски и слезъ...

— Ну, что же? Я жду!!—вскрикиваетъ онъ, топнувъ ногой. И что-то дѣтское и трогательное въ этомъ крикѣ.

Она оборачивается и печально глядитъ на него.

— Нѣтъ, carino... ступай домой!—говоритъ она съ какой-то материнской лаской. И Энрико блѣднѣетъ.

— Когда же?—жалобно спрашиваетъ онъ, опять робѣя.

— Когда-нибудь потомъ... Быть можетъ, завтра...

Ну, такъ я и знала!—говоритъ фрау Кеслеръ.—Съ первой минуты я это уже предвидѣла... Остается одно: отказать ему... Пригласи натурщицу, а онъ пусть идетъ къ Шапелэну...

— Ты точно боишься чего-то?—усмѣхается Маня.—По-твоему, я способна въ него влюбиться?

— Почему бы нѣтъ? На день? На два? Отдаться такому красавцу во всякомъ случаѣ не трудно... Я знала прославленныхъ артистокъ, которыя швыряли деньги на пьяныхъ матросовъ или кельнеровъ. Знала аристократокъ, которыя жили съ лакеями. У васъ, русскихъ, есть хорошая поговорка: „Чортъ горами качаетъ...“

— Замолчи! Не люблю поговорокъ... Охъ, Агата! Какъ мало ты меня понимаешь! Мнѣ просто жаль себя и его...

— Вотъ... вотъ... я и боюсь, что ты его пожалѣешь. Ну, что смотришь?.. Говорю, ничего тутъ нѣтъ мудренаго... Онъ похожъ на твоего Лоренцо, а ты живешь, какъ монахиня... Только добромъ это не кончится, Маня... Конечно, ты артистка... У тебя свои фантазіи... Ты вольна дѣлать, что хочешь... Но помяни мое слово: вся семья его, какъ пьявка, присосется къ тебѣ. Твой капризъ пройдетъ скоро, а шантажировать тебя они будутъ годами.

— Моя мудрая Агата, успокойся!.. Я уже рѣшила отказать ему. Теперь нарушена прелесть этихъ сеансовъ. Я уже не угадываю моего холоднаго Лоренцо въ возбужденныхъ чертахъ Энрико. А самъ по себѣ онъ мнѣ не нуженъ...

— Gott sei dank!

— Но знаешь, Агата? Мнѣ дѣйствительно жаль этого мальчика!.. Конечно, его горе пройдетъ скоро... Но его порывъ такъ прекрасенъ! Его непосредственность такъ трогательна!.. Онъ сразу заговорилъ со мной на *ты*... какъ будто любовь дала ему на это право... какъ будто страсть разрушила всѣ искусственные барьеры...

— Вотъ видишь... Онъ послѣдовательнѣе тебя...

— Ну, конечно, Агата! Вѣдь онъ же влюбленъ. А я равнодушна. Я съ содроганьемъ думаю, что онъ...

— Истеричка!

— Возможно,—покорно соглашается Маня.—Я никогда не понимала героини Генриха Манна, герцогини Ассійской, которая отдавалась потному, алчному, грязному пастуху... Она, быть можетъ, стояла на вѣрномъ пути, признавая одно наслажденіе безъ рабства души... Но я глупа, Агата... Меня это уже не манитъ сейчасъ... Не потому ли, что когда я сама этого добивалась, я не знала удовлетворенія? Душа моя была вѣчно голодна...

— ...и жаждала жертвы?—насмѣшливо подхватываетъ Агата. Нѣтъ ужъ, милая!.. Лучше глупи и грѣши!.. Поступай, какъ эта герцогиня! Только будь госпожой себѣ всегда и во всемъ! Больше всего на свѣтѣ боюсь твоей любви... какъ ты ее понимаешь... Со слезами, съ ревностью, съ жертвами, съ самоубійствомъ, въ концѣ-концовъ... Фуй!.. Даже вспомнить страшно...

— Я уже неспособна на этотъ прекрасный бредъ,— печально говоритъ Маня. — Это свойственно юности... А моя душа состарилась... Неужели ты этого не видишь, Агата?

Энрико опять не спалъ всю ночь. Онъ похудѣлъ. Подъ глазами его легли тѣни. Губы запеклись. Но зато въ его лицѣ явилась духовность, которой ему не доставало. И эта новая черточка такъ повышаетъ его красоту, что Маня поражена. Теперь она не ищетъ сходства съ Лоренцо. Не ищетъ въ собственной душѣ отзвука былого. Ей хотѣлось бы только запечатлѣть эту красоту, дающую ей такія красивыя эмоціи. Она работаетъ цѣлый часъ.

— Синьора!—вдругъ слышитъ она робкій голосъ.—Синьора...

Она нетерпѣливо оборачивается и видитъ его умоляющій взглядъ. Ахъ... Обѣщаніе... Она бросаетъ работу и вытираетъ руки.

Онъ ждетъ, весь замирая. Онъ даже закрылъ глаза и поблѣднѣлъ. Вся кровь ушла съ его лица. Какъ онъ прекрасенъ!

Она садится въ десяти шагахъ отъ него и смотритъ, вытянувъ шею, охвативъ колѣни руками, вся подавшись впередъ, открывъ губы... Ея собственное лицо блѣднѣетъ отъ всплеска знакомой волны, поднявшейся внезапно. Вдругъ точно раздвинулись и ушли стѣны. Пахнуло сыростью... Волосы шевельнулись на вискахъ. Поблекшее золото вышитой портьеры коснулось щеки. Метнулось пламя свѣчи... Она спускается по лѣстницѣ дворца. Входитъ въ темный залъ, гдѣ дремлютъ портреты кардиналовъ и рыцарей. Высоко несетъ она свѣчу въ дрожащей рукѣ. Вотъ онъ...

Изъ мрака ей сіяетъ навстрѣчу блѣдное пятно его лица... Его улыбка... Она опускается на табуретъ и смотритъ.

И тонетъ ея печаль. И гаснетъ ея горе. Губы ея шепчутъ:

„Люблю тебя, Лоренцо... Всей силой моего отчаянія, всей неутолимой жаждой души, несогласной смириться передъ Жизнью,— люблю тебя, моя Мечта!..“

О, коснуться еще разъ этихъ губъ съ чуть приподнятыми уголками. . . . .

Съ гнѣвнымъ крикомъ Маня пробуетъ вырваться... О, отвращеніе! Это исказившееся лицо... Это горячее дыханье... Это животное и чуждое ей желанье въ его глазахъ... Какъ онъ смѣлъ нарушить такой мигъ?

— Оставь меня!.. Слышишь?

— Нѣтъ!.. Нѣтъ!.. Ты меня любишь... Я видѣлъ твои глаза...

Она съ послѣднимъ усиліемъ вырывается изъ его рукъ и ударяетъ его по лицу.

Онъ вскрикиваетъ, схватившись за щеку. Дѣлаетъ шага два за нею. Она уже у двери и смотритъ оттуда, вся дрожа отъ гнѣва. И глаза ея пылаютъ, какъ у оскорбленной богини.

Онъ падаетъ на полъ. И какъ дитя, непосредственный въ своемъ горѣ или желаніи, онъ громко рыдаетъ и катается по полу.

Дверь затворяется за Маней.

Конецъ идилліи!—говоритъ Маня на другое утро, здороваясь съ фрау Кеслеръ.—Нѣтъ... Разсказывать не стоитъ... Я одна, конечно, во всемъ виновата... Только онъ не вернется больше... И вотъ моя просьба, Агата... Съѣзди туда, объяснись! Дай ему адресъ Шапелэна. Онъ можетъ много заработать, какъ натурщикъ. За квартиру его я уплатила за весь годъ... И дай ему еще пятьсотъ франковъ... Пусть онъ только никогда не показывается мнѣ на глаза!

Черезъ часъ фрау Кеслеръ уже въ „салонѣ“. Безобразная старуха, грязная какъ неаполитанская нищая, вытирая о юбку жирныя руки, шепчетъ ей, что Энрико еще спитъ. Вчера вернулся пьяный... Этого съ нимъ еще никогда не случалось... Онъ плакалъ и говорилъ, что синьора жестоко обидѣла его... И если онъ теперь начнетъ пить...

Фрау Кеслеръ вынимаетъ пачку денегъ и показываетъ ее старухѣ. Та разомъ перестаетъ хныкать.

— Вы эти деньги будете получать по частямъ, но съ условіемъ, что вашъ Энрико на версту не подойдетъ къ синьорѣ Маріи... А вотъ адресъ скульптора, который его ждетъ.

Черезъ недѣлю мать Энрико звонитъ у подъѣзда и проситъ Жюля вызвать пожилую синьору.

— Что вамъ угодно?—сурово спрашиваетъ Агата.

Старуха плачетъ. Энрико не хочетъ идти къ скульптору. Онъ пьетъ.

— Онъ навѣрное опустится,—говоритъ фрау Кеслеръ Манѣ за утреннимъ кофе.

Та слушаетъ задумчиво. Потомъ звонитъ Полину.

— Куда ты?.. А завтракъ?

— Не ждите. Проѣду прямо на репетицію.

Когда она входитъ въ квартиру Энрико, уже часъ дня, и семья обѣдаетъ на кухнѣ. Перепуганная старуха загораживаетъ ей дверь.

— Его нѣтъ дома, синьора.

Маня показываетъ на пальто и шляпу, валяющуюся на столикѣ.

— Я хочу его видѣть!

Сестры лукаво и сконфуженно переглядываются. Старуха растерянно бормочетъ, что онъ спитъ.

— Это ничего. Я разбужу его... Я хочу его видѣть.

Старуха съ перекошеннымъ лицомъ хватаетъ Маню за край ея собольяго палантина.

— Ради Бога... синьора... пощадите его!.. Вѣдь онъ... Боже мой!

Не слушая, Маня отпираетъ дверь рядомъ съ салономъ.

Она съ порога видитъ Энрико. Онъ спитъ, какъ невинное дитя, раскинувъ руки по подушкамъ, весь обнаженный и прекрасный, какъ богъ. Но на стукъ двери съ постели приподнимается другая голова и тотчасъ съ испуганнымъ восклицаніемъ прячется подъ одѣяло. Все же Маня успѣваетъ разглядѣть женское миловидное личико, разгорѣвшуюся щеку, прядь бѣлокурыхъ волосъ... Женщина лежитъ, вся свернувшись въ клубокъ.

Маня подходитъ на цыпочкахъ къ постели и смотритъ на блѣдный профиль, на губы Энрико съ приподнятыми уголками... Нѣтъ, такая красота не должна пропасть безслѣдно! Красота великій даръ. И кто знаетъ, какую дивную статую вылѣпитъ изъ этой модели Шапелэнъ? Она будетъ стоять въ Люксембургскомъ музеѣ, когда всѣ они исчезнутъ съ лица земли. И никому изъ тѣхъ, кто будетъ благоговѣйно любоваться дивнымъ мраморомъ, не придетъ въ голову, что жилъ когда-то безвѣстный шарманщикъ. Алмазъ, который она—Маня—подняла въ пыли большой дороги... „Теперь хорошо... Теперь все хорошо", думаетъ Маня. „Не надо совѣтовъ, упрековъ, увѣщаній. Жизнь сама ведетъ его вѣрнымъ путемъ... Не все ли равно тому, кто ищетъ только наслажденія въ любви? Въ его примитивной душѣ утолено желаніе. И онъ опять будетъ здоровъ и радостенъ, какъ дитя."

Она тихонько цѣлуетъ его рѣсницы. Вѣки Энрико вздрагиваютъ. Но онъ не просыпается. Маня видитъ, что изъ-подъ одѣяла лукаво смотритъ темный глазъ.

Она ласково улыбается этой женщинѣ, киваетъ ей на прощанье и уходитъ неожиданно и беззвучно, какъ явилась. Совсѣмъ какъ сонъ.

Въ салонѣ старуха съ воплемъ кидается ей въ ноги. Маня подаетъ ей стофранковый билетъ и адресъ скульптора.

— Не горюйте!—ласково говоритъ она, выходя на крыльцо.— Теперь вашъ сынъ здоровъ. Пусть бродитъ подъ солнцемъ, не зная потемокъ конторъ и грохота фабрикъ! Пусть поетъ, любитъ и радуется!.. Онъ избранникъ... О чемъ вы плачете?.. Богъ далъ ему несравненный и самый рѣдкій даръ — красоту. На радость намъ онъ былъ рожденъ вами... Но красота исчезаетъ такъ же быстро, какъ и юность... Вы поняли меня? Не теряйте этой бумажки... Въ ней будущность вашего сына.

— Ему дадутъ мѣсто, синьора?

Маня съ грустью глядитъ въ это лицо, тщетно ища въ немъ слѣдовъ былой красоты... Нужда и забота стерли всѣ слѣды того, что будило желанія и давало радость.

— Вы были когда-нибудь въ музеяхъ, синьора?

— Si, signora, si... Я была въ Національномъ музеѣ... Вѣдь мы сами изъ Неаполя.

— Тогда вы поймете меня. Статуя вашего сына тоже будетъ когда-нибудь стоять въ музеѣ... Но не потеряйте адреса скульптора... Желаю вамъ счастья!

Какъ это грустно!—говоритъ Маня Штейнбаху. Она заѣхала къ нему съ репетиціи и, не снимая шляпы и мѣха, съ муфтой въ рукахъ, присѣла на тахту.—Приходится теперь забросить его статую и опять лѣпить мою *Нимфу*.

— Я ждалъ другого конца, — усмѣхается онъ своей кривой, недоброй улыбкой, стоя на другомъ концѣ комнаты, у камина.

— А именно?—рѣзко перебиваетъ она, и щеки ея загораются.

— Онъ такъ красивъ!

Она ждетъ, строго глядя на него.

— Развѣ у женщинъ не бываетъ чувственныхъ капризовъ?

— До сихъ поръ, насколько мнѣ это извѣстно, это было привилегіей мужчинъ.

— Но развѣ ты не поднялась надъ этими предразсудками? Ты, кажется, давно освободилась отъ тѣхъ узъ, которыя на женщину налагаютъ наша мораль и гнетъ общественнаго мнѣнія?

— Къ сожалѣнію, нѣтъ,—отвѣчаетъ она, облокачиваясь на вышитую подушку и нервно ударяя концомъ туфли по ковру.—Ты переоцѣнилъ меня, Маркъ... Я очень жалѣю, что не оказалась достойной тебя ученицей...

— Меня?..

— Тебя ли... другихъ-ли... Я говорю о мужчинахъ, которые пишутъ законы, которые даютъ намъ примѣръ добродѣтели и которые создали двѣ правды: одну для себя, другую для насъ, женщинъ... Вѣдь когда вы вопите о нашей измѣнѣ, то васъ всегда пугаетъ призракъ разрушающейся семьи и незаконныхъ дѣтей, которыхъ вамъ приносятъ невѣрныя жены... Но мы—артистки—независимы. Мы стоимъ на своихъ ногахъ, и часто у насъ нѣтъ законныхъ мужей... А что же вы можете выставить еще противъ нашего права располагать собой?

— Я развѣ когда-нибудь осуждалъ?—перебиваетъ Штейнбахъ.

Она машетъ рукой, и по лицу ея пробѣгаетъ злая усмѣшка.

— Ты не осуждалъ... но... Оставимъ этотъ разговоръ!.. Я чувствую, что ты мнѣ еще не простилъ Гаральда...

— Прощать?.. По какому праву?

— Не играй комедіи, Маркъ!—вскрикиваетъ она, ударяя рукой по подушкѣ. И онъ слышитъ, что голосъ измѣнилъ ей.—Я буду откровеннѣе тебя... Я тебѣ тоже не простила... моихъ разбитыхъ иллюзій... хотя мнѣ слѣдовало бы благодарить тебя и... Нелидова (съ трудомъ выговариваетъ она),—за воспитаніе, которое вы мнѣ дали. Въ любви и во всемъ моемъ міросозерцаніи, конечно, я ваша креатура...

— Ты меня сравниваешь съ Нелидовымъ?—дрогнувшимъ голосомъ спрашиваетъ онъ.

— Нѣтъ... Не сравниваю. Ему не дорости до тебя... И своимъ великодушіемъ ты насъ обоихъ втопталъ въ грязь... Но это потомъ... потомъ... Я хочу только сказать... Нелидовъ хорошо научилъ меня, какъ можно довольствоваться малымъ въ любви... И какъ легко утѣшиться, потерявъ любимую женщину...

— Но... насколько тебѣ извѣстно... я-то не женился на другой...

Она гнѣвно отбрасываетъ муфту.

— Зачѣмъ тебѣ жениться? Когда тебя ждутъ любовницы во всѣхъ городахъ?.. Скажешь нѣтъ?—истерически срывается у нея.

Онъ зорко смотритъ на нее, стараясь догадаться о затаенной причинѣ этой вспышки. Онъ старается быть хладнокровнымъ, но сердце его уже бьетъ тревогу. Онъ все-таки предпочитаетъ выждать. Пусть она выскажется хоть на этотъ разъ!

— Ты тоже знаешь, какъ ищутъ забвенія, когда измѣняетъ

любимая женщина. И знаешь, что любя одну, можно съ наслажденіемъ цѣловать другую. Вѣдь это любви не мѣшаетъ... Вѣдь это совсѣмъ изъ другой области... Вотъ ваша двойная правда, которой вы отравляете наши души... и въ жизни... и въ книгахъ... Я думала, что умру съ горя, когда прочла Кнута Гамсуна... его *Пана*... Цѣлая волна грязи залила мою душу. Одну любить, обладать другою... одновременно... и *не любя*, не любя эту другую!.. Если-бъ была безумная страсть, безумное влеченье, какъ у Бальзака въ его *Lys de la Vallée*—на ряду съ духовной любовью къ другой,—это я еще поняла бы... Боже мой! Я это сама пережила, любя васъ обоихъ одновременно... Но дѣлать это безъ любви, какъ вы... изъ одного чувственнаго каприза? Какъ просто вы, мужчины, рѣшаете всѣ любовныя дилеммы!

— Я ничего не понимаю, — перебиваетъ онъ, испуганный ея изступленіемъ.—Что съ тобой, Маничка? Можно сѣсть рядомъ?

— Садись! Садись!.. Но отъ этого мнѣ не будетъ легче...

Онъ не можетъ удержать улыбки. Голосъ прежней дѣвочки-Мани на мгновеніе какъ бы слышится ему въ этомъ страстномъ крикѣ. И это согрѣваетъ его душу. Колеблется высокая стѣна, вотъ ужъ три мѣсяца раздѣляющая ихъ. Онъ обнимаетъ ее.

— Маничка, за что ты сердишься?

Но она уже плачетъ и сердито толкаетъ его въ грудь рукой.

— Лучше-бъ ты ударилъ меня... чѣмъ такъ оскорблять... Какъ смѣлъ ты думать, что я отдамся Энрико?

— Какое-жъ въ этомъ оскорбленіе, Маня?.. Красота дѣлаетъ людей избранниками. А страсть не справляется о родословной того, для кого забилось наше сердце?

— Это у васъ!.. У васъ!.. Мы этого не умѣемъ... Мы до этого не доросли!.. Намъ все-таки нужны иллюзіи. . Намъ нужно любить, чтобы отдаться... И я тоже этого не умѣю... Я все еще не могу перешагнуть черты... Проклятая женственность мѣшаетъ... Нашъ глупый идеализмъ...

Онъ кривитъ губы, улыбаясь.

— О, нѣтъ!.. Это тоже предразсудокъ... Женщины всегда матеріалистки, всегда разсчетливы... Этотъ „идеализмъ“ вашъ есть не болѣе, какъ атавизмъ.

Она слушаетъ, вся затихнувъ на его груди.

— Мы—мужчины—по-царски даемъ нашу любовь. Мы не торгуемся съ чувствомъ... И если красота крестьянки зажгла нашу душу, мы эту женщину подымаемъ до себя. Мы знаемъ, что можемъ это сдѣлать, что этимъ признаніемъ не уронимъ ни себя,

ни любви. И потому общественное положеніе избранной насъ не тревожитъ... Кафешантанная пѣвица, цыганка, прачка, фабричная работница... не все ли равно, если она прекрасна? Пожелавъ ее, мы не пройдемъ мимо. Общественнаго мнѣнія мы не испугаемся. И если капризъ перейдетъ въ страсть, мы дадимъ ей имя, и общество приметъ ее съ распростертыми объятіями... Вы же неизбѣжно должны спуститься въ такой связи и не получаете отъ нея никакихъ осязательныхъ выгодъ. Надо быть королевой или владѣтельной особой, чтобы заставить людей поклониться конюху... Такъ и дѣлали женщины, сидѣвшія на тронѣ. Имъ нечего было бояться. Но вамъ, простымъ смертнымъ, эти связи невыгодны. Въ нихъ вы всегда теряете, ничего не пріобрѣтая взамѣнъ... Вотъ тайна вашего идеализма, который вы возводите въ добродѣтель... И если-бъ ты была послѣдовательна...

— ...То я отдалась бы этому Энрико—хочешь ты сказать?.. Нѣтъ!.. Нѣтъ!.. Нѣтъ!.. Не онъ нуженъ былъ мнѣ, а настроеніе, которое онъ создавалъ... Но ты и этого не понималъ никогда... Ты по себѣ судишь... Пусти меня!.. Мнѣ жарко... И мнѣ пора... Я не люблю тебя, Маркъ! Я пріѣхала къ тебѣ, какъ къ другу... а ты...

Ея губы дрожатъ. Она вынимаетъ платокъ.

— Маня... Клянусь тебѣ!.. Я не хотѣлъ тебя обидѣть... Я тебѣ высказалъ искренно мой взглядъ... Для меня желаніе всегда священно и прекрасно... Это искра божественнаго огня, разсѣяннаго въ мірѣ... Какіе могутъ быть тутъ законы или преграды? Гаральдъ или Энрико?.. Не все ли равно, отчего вспыхнетъ священная искра? Что вызоветъ трепетъ въ человѣческой душѣ? Прекрасный ли профиль или звучный сонетъ? Жизнь сама по себѣ есть цѣль. И страсть не требуетъ оправданій.

— А зачѣмъ же ты ревнуешь?—жалобно спрашиваетъ она. И безпомощно плачетъ.

— Съ этимъ не надо считаться, Маня,—съ горькой улыбкой отвѣчаетъ онъ.—Это тоже одинъ изъ презрѣнныхъ предразсудковъ, мѣшающихъ жизни. Нельзя сердиться на человѣка, который кричитъ, когда ему отпиливаютъ раздробленную ногу...

— Но онъ мнѣ не нуженъ, твой Энрико!—страстно говоритъ она, тщетно стараясь освободиться изъ его объятій.—Я никогда его не желала... Я никогда о немъ не мечтала... Зачѣмъ ты мнѣ его навязываешь? Какія у тебя цѣли?

Онъ вдругъ смѣется. Это такъ неожиданно для нея... Она растерянно смолкаетъ. Закрывъ глаза, она чувствуетъ его губы, прижавшіяся къ ея губамъ.

О, наконецъ!.. Наконецъ!.. Она обхватываетъ его голову и при-

жимается къ нему въ страстной жаждѣ забвенія всего, что истерзало ихъ, что раздѣлило ихъ за эти долгіе, долгіе дни...

О, какая радость быть вмѣстѣ опять!.. Слышать стукъ его сердца... Чувствовать ласку его рукъ... Все уйдетъ... Все минуетъ... Но пусть этого счастья судьба не отнимаетъ у нея!

Отъ Мани Ельцовой къ Сонѣ Горленко.

Лондонъ.

„Я опять въ Англіи, на родинѣ Байрона и Джорджа Эллiотъ. Помнишь, какъ мы плакали, читая въ пансіонѣ *Мельницу на Флоссѣ*? Помнишь легкомысленную и трагически гибнущую героиню *Адама Бида*? Ты всегда говорила, что я похожа на нее...

„Когда я была здѣсь въ первый разъ, стояло зеленое, свѣжее лѣто. Это былъ разгаръ сезона. Всѣ съѣхались изъ колоній, чтобъ насладиться жизнью. И каждый вечеръ, изо дня въ день, въ теченіе мѣсяца я должна была исполнять одну и ту же программу... Это было ужасно!.. Я обратилась въ ремесленницу. Я съ отвращеніемъ ждала вечера. Но какъ хороши были дни!.. Мы съ Маркомъ въ автомобилѣ дѣлали далекія прогулки по окрестностямъ Лондона. Онѣ полны поэзіи, мира и тишины. Когда ѣдешь мимо этихъ цвѣтущихъ садовъ и коттеджей, увитыхъ плющомъ, или мимо старинныхъ замковъ съ мшистыми угрюмыми стѣнами, гдѣ въ глубокихъ рвахъ дремлетъ стоячая вода, не вѣрится, что и въ этой благодатной странѣ ежегодно умираетъ голодной смертью нѣсколько десятковъ человѣкъ.

„Самъ Лондонъ тогда произвелъ на меня огромное впечатлѣніе. Я часами бродила по узкимъ уличкамъ Сити, мимо старинныхъ, угрюмыхъ домовъ, гдѣ въ теченіе пятисотъ лѣтъ копились богатства, и ковалась власть націи. Безмолвно съ стариннаго моста, висящаго надъ грязной Темзой, я глядѣла на силуэтъ мрачнаго Тоуэра... Здѣсь все осталось неприкосновеннымъ, какъ было при Елизаветѣ. Здѣсь умѣютъ чтить прошлое... А, быть можетъ, это косность?.. Съ какимъ трепетомъ шла я рядомъ съ Маркомъ по гулкимъ переходамъ Вестминстерскаго аббатства! Опять молчаливые камни дали мнѣ больше, чѣмъ могутъ дать люди.

„Теперь уже не звучитъ душа моя. Городъ окутанъ желтымъ туманомъ и копотью. Ею дышешь, она проникаетъ всюду. Черезъ каждые два часа я беру зеркальце... Ноздри черны. Ногти черны... Гадость! Тоска... Я нигдѣ не могу согрѣться, хотя цѣлый день топятъ камины. Я хандрю. Я спрашиваю себя: что гонитъ меня изъ города въ городъ, отъ одной чужой толпы къ другой? Зачѣмъ я покинула Парижъ, гдѣ сейчасъ грѣетъ весеннее солнце,

гдѣ зеленѣютъ бульвары, гдѣ подъ соборомъ, на цвѣточномъ рынкѣ, сейчасъ цѣлая оргія красокъ и ароматовъ?.. Зачѣмъ покинула я мою мастерскую и начатыя работы? Я не могу жить безъ солнца, Соня! Какіе демоны погнали меня въ этотъ туманъ?.. Алчность?.. Но деньги у меня уже есть... Есть все, что можно имѣть за деньги. И будущее Нины обезпечено, если даже завтра я умру... Мамѣ я устроила жизнь, полную комфорта, до конца ея дней. А прожить она можетъ долго... На имя сестры Ани, уѣзжая изъ Россіи, я положила десять тысячъ... Слава?.. Она меня никогда не манила. Мнѣ, съ моей потребностью къ созерцанію, съ моей любовью къ природѣ, съ моимъ страхомъ передъ людьми — надо было бы жить безвѣстно и одиноко, отгородившись высокой стѣной отъ жизни. А судьба бросила меня въ самый котелъ, гдѣ кипятъ чуждыя мнѣ страсти. Какъ завидую я художникамъ или писателямъ, которые не соприкасаются ежедневно съ толпой; которые не чувствуютъ такой тяжелой зависимости отъ нея, какъ мы, артисты!

„Мы здѣсь уже двѣ недѣли. Маркъ отправилъ дядюшкѣ въ Лысогоры всѣ отзывы о Нильсѣ и обо мнѣ и наши cartes-postales въ новыхъ роляхъ. Добрый Маркъ! Это все старанія его реабилитировать меня въ глазахъ мѣстнаго общества, гдѣ я все еще считаюсь „содержанкой Штейнбаха и развратной женщиной, съ которой нельзя познакомить жену“... Маркъ не понимаетъ тщеты этой борьбы за мое имя. Люди косны. Трудно заставить ихъ признать свою ошибку.

„Здѣсь, Соня, меня больше чѣмъ гдѣ-либо поражаетъ людская стадность. Ты думаешь, что англичане понимаютъ что-нибудь въ балетѣ?.. Рѣшительно-таки ничего! Но міръ охваченъ балетоманіей, и англичане не хотятъ отстать отъ другихъ.

„На дняхъ я представлялась королевѣ въ ея ложѣ, въ Ковентгарденскомъ театрѣ. Замѣть, что это оперный театръ, который закрытъ обычно до осенняго сезона. Но успѣхъ русскаго балета заставилъ англичанъ отступить отъ традиціи. Королева подарила мнѣ чудесное колье изъ сапфировъ, а Нильсу кольцо съ голубымъ бриллiантомъ. Теперь мы засыпаны цвѣтами и подношеніями. Путь нашъ съ Нильсомъ по Европѣ—это путь тріумфаторовъ. Но нигдѣ мы не видѣли такого поклоненія, какъ здѣсь, въ чопорномъ Лондонѣ. Въ нашу честь даютъ банкеты. Изъ-за насъ соперничаютъ и ссорятся. Если мы согласимся выступить въ живыхъ картинахъ у герцогини Лестеръ, то на другой день лэди Литтльтонъ пускаетъ въ ходъ все, чтобы заручиться нашимъ согласіемъ протанцовать на ея домашнемъ спектаклѣ.

„Ты, можетъ быть, думаешь, что мнѣ льститъ это поклоненіе?.. О!.. Я злюсь здѣсь съ утра до вечера. И даже въ театрѣ не могу отдохнуть... Въ глубинѣ своей души эти люди, конечно, презираютъ насъ. Надо видѣть, какъ они разглядываютъ насъ съ Нильсомъ! Точно передъ ними какія-то экзотическія обезьянки... Они считаютъ насъ—и вполнѣ правильно—созданными для ихъ забавы. Ни одинъ изъ этихъ мужчинъ, засыпающихъ насъ цвѣтами и склоняющихся передъ нами, какъ передъ принцами крови, — не сдѣлался бы нашимъ другомъ; не пришелъ бы запросто посидѣть у нашего камина и не раскрылъ бы намъ причины своего горя или своихъ заботъ... Ни одна изъ этихъ женщинъ, горделиво приглашающихъ фешенебельное общество на вечеринку съ участіемъ Marion и Nils'а, не введетъ насъ, какъ равныхъ, въ кругъ своей семьи. Шуты при дворахъ средневѣковыхъ королей были въ большой цѣнѣ. Но развѣ они не оставались шутами, за гримасами которыхъ никто не видѣлъ и не искалъ души?.. Несмотря на всю ихъ показную любезность, холодомъ вѣетъ отъ этихъ людей, считающихъ себя владыками міра и презирающихъ всѣхъ, кто не они. Такой мощной, обособленной, кристаллизовавшейся касты я не видала нигдѣ. Маркъ говоритъ, что только въ Римѣ аристократія еще замкнутѣе чѣмъ здѣсь.

„А я плачу имъ той же монетой. Я капризна, надменна, дерзка и разсѣянна до неприличія. Вчера меня ждали на дневной концертъ къ одной графинѣ, гдѣ я обѣщала танцовать. За полчаса до начала я послала записку, что не буду. Не объясняя причинъ... Я представляю себѣ досаду хозяйки, вытянутыя лица этихъ пресыщенныхъ людей. И смѣюсь, смѣюсь... Мелко?.. Ну, и пусть мелко!.. Я съ радостью обдумываю планъ скандала, который устрою на дняхъ... Я дала слово герцогинѣ Файфъ (это мать лорда Файфа, съ которымъ дружилъ Нелидовъ когда-то), что буду танцовать въ благотворительномъ концертѣ въ пользу бѣдныхъ ея прихода. Но въ послѣднюю минуту я обману и не пріѣду, а они будутъ говорить: „Дикарка“... Пусть!.. Я ихъ ненавижу... Но я знаю, что они мнѣ все простятъ. Развѣ я не знаменитость?.. Ахъ, Соня, все это пошло! Но я не хочу казаться лучше чѣмъ я есть.

„Нелидовъ дружилъ со всѣми этими людьми и былъ здѣсь „какъ свой“... И если онъ привезетъ сюда жену, ее тоже встрѣтятъ, какъ свою, эту вульгарную Катю Соллогубъ. А весь мой талантъ и вся геніальность Нильса не спасутъ насъ отъ униженій.

„Маркъ... Съ нимъ тоже любезны. Но его только терпятъ. Милліоны импонируютъ даже аристократіи. И потомъ онъ уже сталкивался съ этими людьми во всѣхъ курортахъ міра, куда они не-

сутъ тоску и холодъ своихъ пустыхъ душъ... Но „своимъ“ Марка здѣсь не признаютъ. Я даже не интересуюсь, извѣстно здѣсь что-нибудь о нашей близости? Мы живемъ врозь, насъ приглашаютъ врозь. Но онъ умудряется всегда быть тамъ, гдѣ я. Мои злыя выходки его шокируютъ. Онъ не хочетъ меня понять. Мы ссоримся.

„Меня утѣшаетъ одинъ Нильсъ. Онъ всюду остается самимъ собою. Но при этомъ онъ гордъ до заносчивости и восхитительно дерзокъ. Я чувствую, что его боятся. Я знаю: если онъ добьется взаимности двухъ красивыхъ лэди, которыя кокетничаютъ съ нимъ, какъ королевы съ конюхомъ, небрежно, съ сознаніемъ своей безнаказанности,—о, какъ зло сумѣетъ онъ ихъ унизить! Онъ всегда останется господиномъ положенія.

„Ты спросишь, зачѣмъ я вернулась сюда, гдѣ все меня раздражаетъ? Зачѣмъ подписала контрактъ? Милая Соня... Это тайна моя... Можетъ быть, скажу тебѣ потомъ...

Дневникъ Мани.

„Нѣтъ! Никому не скажу...

„Старая тетрадка, которая всюду путешествуетъ со мною на днѣ моего коффра... я не открывала тебя такъ долго... Съ того момента, когда изъ тихаго домика въ Нельи, ставъ въ одинъ вечеръ знаменитостью, я переѣхала въ Парижъ.

„Что дала мнѣ жизнь за эти годы? Чѣмъ подарила она меня? Славой? Но я ее не искала. Счастіемъ? Но его не было. Творчествомъ?.. Но оно горѣло во мнѣ сильнѣе всего, когда я училась, добивалась, работала. Когда я искала подняться надъ грязью большой дороги, куда втопталъ меня тотъ...

„Не надо вспоминать...

„Но нашла ли я удовлетвореніе?.. Нѣтъ!.. Нѣтъ!.. Нѣтъ!..

„Я похожа на путешественника, которому послѣ долгаго плаванія на пароходѣ, переполненномъ людьми, мерещится вдали берегъ съ перистыми пальмами, съ дымкой горъ, съ лаской беззвучной ночи, съ радостью одиночества, съ роскошью звѣзднаго неба, незнакомой сѣверянамъ. А на берегу онъ видитъ курортъ, запыленныя пальмы, какъ на Quai de l'Impératrice въ Ниццѣ. Слышитъ пошлую музыку, видитъ электрическіе фонари, petits-chevaux... Faites votre jeu, messieurs... Faites votre jeu... И та же толпа, бездушная, тупая и косная, отъ которой онъ бѣжалъ, покидая пароходъ, встрѣчаетъ его тутъ, на берегу его мечтаній.

. . . .

„Я видѣла *ее*... Наконецъ! Наконецъ!.. Теперь я могу умереть спокойно. Моя страстная мечта сбылась.

„Когда нынче лэди Файфъ назвала ея имя, я чуть не упала. Но развѣ я не ждала этой встрѣчи? Каждый день? Каждый часъ...

„Когда я ѣхала по этимъ кварталамъ; когда я всходила по этимъ лѣстницамъ и оглядывалась въ этихъ великолѣпныхъ залахъ, одна только мысль стучала въ мозгу: „Они были здѣсь вмѣстѣ. Николенька и *она*. Они обмѣнивались улыбками. Ихъ руки касались этихъ предметовъ. Здѣсь они встрѣчались, шопотомъ назначая другъ другу свиданіе“.

„Среди толпы, чуждой и чопорной, мы стояли съ нею нынче лицомъ къ лицу. И пристально—знаю, до странности пристально глядѣли въ глаза другъ другу. Что думала она? Что она знаетъ? Ничего, конечно... Или ее удивило мое волненіе, съ которымъ я не могла справиться? На насъ навѣрно глядѣли всѣ... Въ ушахъ звучалъ голосъ хозяйки: „Лэди Гамильтонъ жаждетъ говорить съ вами...“ Но мнѣ казалось, что все рухнуло, все исчезло. И мы съ нею вдвоемъ въ мірѣ. А между нами тотъ, кого мы обѣ любили, кто далъ намъ обѣимъ такія жгучія страданья.

„Я вспоминаю одну ночь. Незабвенную іюльскую ночь въ Лысогорахъ. Бесѣдку въ паркѣ. Сѣтку деревьевъ вверху и межъ ними мерцающія звѣзды... Онъ пришелъ въ бесѣдку. Въ эту ночь онъ полюбилъ меня. Я это знаю теперь. Тогда я этого не понимала. Неужели это было когда-то?.. Неужели это когда-то было?

„Я не буду плакать... Ахъ, впрочемъ, кого мнѣ бояться сейчасъ? Весь отель спитъ. Маркъ не узнаетъ. Нильсъ не догадается. Завтра я опять буду надменной и капризной Marion. Сейчасъ я маленькая, бѣдная, никому неизвѣстная, но счастливая дѣвочка, которую ты любилъ. Слышишь ты? Которую ты любилъ... И изъ груди моей рвется крикъ. Ты его услышишь, хотя насъ раздѣляютъ тысячи верстъ. Ты его почувствуешь и проснешься... И чужой и ненужной покажется тебѣ женщина, спящая съ тобой рядомъ, твоя законная жена...

„Слушай, Николенька! Я достигла всего, къ чему рвалась, чего можетъ достигнуть женщина на землѣ. И всѣ эти блага: талантъ, славу, богатство и поклоненіе—я все отдала бы съ восторгомъ, чтобы пережить съ тобой еще одну такую ночь, чтобы услышать изъ твоихъ устъ великое слово „люблю!..“

. . . .

„Она хороша, эта женщина. Она не такая красавица, какъ лэди Гамильтонъ, увѣковѣченная Генсборо, эта знаменитая авантюристка и любовница Нельсона. Но она англичанка. А этотъ типъ считается самымъ красивымъ на землѣ. Она выдѣляется среди другихъ изяществомъ и породой. Овалъ ея лица, шея, плечи,

руки—все безукоризненно. Но что поразительно—это блѣдность ея. Живая, горячая блѣдность... Я замарашка передъ нею съ моимъ неправильнымъ профилемъ. Какъ могъ онъ забыть ее? И любить меня? За что? Боже! Какая загадка...

„Мы что-то говорили... Не помню что... Но я сразу потеряла весь задоръ, всю мою надменную позу...

„Она слѣдила за мной въ лорнетъ все время. И старалась это сдѣлать незамѣтно. „Что съ тобой?“ спросилъ Нильсъ. „Почему ты такъ подавлена?“ А я съ трудомъ удерживалась отъ слезъ.

„Они что-то говорили съ Маркомъ, уединившись. Почему мнѣ кажется, что они говорили обо мнѣ? Но... мнѣ кажется еще что-то другое... Я поймала ихъ взгляды, которыми они обмѣнялись... Я убѣждена теперь, что они были близки... Говорилъ мнѣ это кто-то? Или я это видѣла во снѣ?..

„Неужели я ревную?

„Я ненавижу Марка... Когда онъ заговорилъ со мной на раутѣ, я молча повернулась къ нему спиной. Всѣ были сконфужены. Пусть! Мнѣ все равно...

„Завтра я буду у нея... Теперь только я понимаю, что я страстно ждала этого приглашенія. Мнѣ надо своими глазами видѣть тотъ домъ, тѣ комнаты, гдѣ . . . .

. . . .

„Боже мой! Когда все это кончится? Когда мы уѣдемъ, наконецъ?

„Я была у нея. Съ первыхъ шаговъ по лѣстницѣ я вбирала въ себя всѣ впечатлѣнія. Закрывъ глаза, я могла бы сейчасъ нарисовать каждую фреску на ея потолкѣ, каждый портретъ въ старомъ залѣ. „Вотъ здѣсь“, подумала я, садясь въ глубокое кресло, у камина. „Это ея интимный уголокъ. Вотъ здѣсь она слушала его признанія. Они цѣловались тутъ“.

„Я отвѣчала невпопадъ. Что подумала она обо мнѣ?

„Она выспрашивала меня о Маркѣ. Такъ вкрадчиво, осторожно... Правда ли, что я его невѣста?.. Я рѣзко отвѣчала: „Нѣтъ...“ Мнѣ противно думать, что... Ненавижу Марка!

„Она вскользь сказала мнѣ, что они были вмѣстѣ въ Египтѣ... Теперь я увѣрена, что онъ былъ ея любовникомъ.

„Что мнѣ сдѣлать? Что мнѣ сдѣлать?.. Я сейчасъ укусила свою руку, чтобы не закричать... Волна печали и отвращенія къ жизни опять заливаетъ мою душу. Куда бѣжать отъ тоски? Есть ли здѣсь, на землѣ, что-нибудь прочное? Что-нибудь цѣнное? Чему можно повѣрить? Что стоитъ любить? . . . .

А вѣдь есть люди, которые мнѣ завидуютъ . . . .

„Лордъ Литтльтонъ приглашалъ нынче поѣхать съ нимъ въ его замокъ, осмотрѣть фарфоръ и картинную галлерею. Ѣду... Почему нѣтъ? Я сдѣлала бы гораздо больше, лишь бы Маркъ страдалъ!

„Вчера я обѣщала обѣдать съ Маркомъ вдвоемъ... Нѣтъ, не хочу его видѣть! Зачѣмъ я отдалась ему опять? Мы такъ долго были чужими... О, проклятая чувственность! Какъ трудно съ нею бороться!

Отъ Мани Ельцовой къ Сонѣ Горленко.

Лондонъ.

„Соня, я пережила великій день. Случилось что-то, отъ чего будетъ зависѣть моя дальнѣйшая судьба. Все это смутно пока въ моей душѣ... Но я разберусь потомъ. Я пойму...

„Мы уже собирались покинуть Лондонъ, потому что мои гастроли кончились. Чемоданы были уложены. Билеты куплены. Я сидѣла вся продрогшая у камина, съ заплаканными глазами, съ распухшимъ носомъ. Я только что угостила Марка жестокой сценой ревности. Ты удивлена? Это не логично. Тѣмъ не менѣе, это такъ. Мои мысли новы, но чувства стары. Я не могу ихъ побѣдить. Не хочу ни съ кѣмъ дѣлиться его чувствомъ и лаской... Словомъ, послѣдняя недѣля—это былъ адъ. И у Марка начались сердечные припадки. Но развѣ это можетъ остановить женщину, когда она ревнуетъ?

Вошелъ лакей и подалъ карточку. Я закричала, какъ изступленная: „Никого не хочу видѣть. Никого не приму!“—„Это невозможно!“—отвѣтилъ Маркъ.—„Просите...“

Вошелъ журналистъ N***. Маркъ знаетъ его. Это очень образованный и талантливый публицистъ. Онъ эмигрантъ и уже немолодъ. У него такіе прекрасные, лучистые глаза, кроткіе и печальные, какіе я видѣла только у евреевъ. Эти глаза смягчили меня, но я сидѣла, вся сжавшись въ комокъ, злая и неприступная.

„— Вы знаете, что въ Лондонѣ стачка рабочихъ?—спросилъ меня N***.

Я дѣйствительно видѣла наканунѣ демонстрацію на улицѣ, и это произвело впечатлѣніе. Но скоро забылось. Газетъ я не читаю. А физіономія города ничуть не измѣнилась оттого, что пять тысячъ безумцевъ, возмущенные несправедливостью, кинули вызовъ каменнымъ сердцамъ и каменнымъ конторамъ Англіи. Все также тысячи заводовъ покрываютъ копотью сумрачный Лондонъ Все также въ Сити и на биржѣ циркулируютъ милліоны, а знатные веселятся въ своихъ кварталахъ.

„— Нынче ихъ пять тысячъ,—говорилъ N***,—черезъ недѣлю будетъ уже десять. Сейчасъ у насъ есть средства. А въ сердцахъ

забастовщиковъ горитъ энтузіазмъ и вѣра въ свою правоту. Надо, чтобъ дѣти не голодали, чтобъ жены не теряли мужества... Вы сейчасъ и вашъ товарищъ Нильсъ—кумиры Лондона. Дайте намъ два спектакля въ пользу стачечниковъ!

„— Я уѣзжаю,—оборвала я его.—Мнѣ все надоѣло. Меня не трогаютъ чужія бѣдствія. Я жажду отдыха.

Маркъ сконфузился. Но N***, должно быть, тонкій человѣкъ. Онъ угадалъ, что я несчастна. Или меня выдалъ звукъ голоса?

Маркъ отвѣтилъ:

„— Вы выбрали дурную минуту. Marion устала и хандритъ.

„— Вовсе нѣтъ!—крикнула я.—Это не капризъ. Я ненавижу мою публику. Мнѣ опостылѣла моя профессія. Да... потому что здѣсь я профессіоналка, а не артистка. Нельзя быть артисткой, играя каждый день одно и то же.

„— Что-нибудь другое, сударыня... Это соберетъ еще больше публики...

„— Но кто вамъ сказалъ, что я соглашусь лишній разъ позабавить эту публику?

„— А цѣль?—возразилъ онъ кротко.—Она дастъ вамъ удовлетвореніе.

„— Ничто не дастъ мнѣ удовлетворенія!—враждебно отвѣтила я.—Ничто не вознаградитъ меня за это насиліе надъ собой... Довольно съ меня! Довольно!..

Онъ хотѣлъ уже уйти. Онъ весь съежился, сгорбился. Его длинные желтые пальцы отчаянно теребили его мягкую шляпу.

Къ счастью, Маркъ не далъ ему уйти. Онъ зналъ, что я скоро раскаюсь въ моемъ порывѣ. Онъ предложилъ слѣдующее: снять громадное music-hall, вродѣ парижскаго Трокадеро, помнишь? Половину билетовъ за тройныя цѣны пустить въ продажу. А остальные безплатно предложить русскимъ эмигрантамъ и забастовщикамъ.

„— Они случайно свободны теперь,—сказалъ Маркъ.—Пусть память о забастовкѣ будетъ связана съ воспоминаніемъ о волшебномъ вечерѣ, единственномъ въ ихъ убогой жизни!

Я кинулась на грудь Марку. Вся моя злоба растаяла. Но онъ нарушилъ это настроеніе. „Marion—моя невѣста!“ сказалъ онъ журналисту, точно извиняясь за мой порывъ. А я отвѣтила:

„— Онъ лжетъ. Я просто его любовница. И мнѣ странно, почему онъ думаетъ, что быть ею хуже, чѣмъ быть невѣстой? Соціалъ-демократы не должны такъ думать!

Тогда уже они оба сконфузились. А я убѣжала въ спальню. До того взвинтились мои нервы, что я становлюсь невозможной.

N*** уѣхалъ, передавъ мнѣ черезъ Марка живѣйшую благодарность. Маркъ сказалъ: „Если будетъ дефицитъ, я беру его на себя“.

Но билеты были всѣ расписаны за три дня до спектакля. Мы съ Нильсомъ дали свои лучшіе №№.

Я только что вернулась изъ театра. Тамъ была публика, никогда не бывавшая въ балетѣ, никогда не видавшая меня и Нильса, для которой этотъ вечеръ будетъ сіять какъ звѣзда во тьмѣ ихъ убогой жизни... Завтра Маркъ пошлетъ тебѣ отзывы прессы. Ты прочтешь, какія оваціи были сдѣланы мнѣ и Нильсу. Но изъ этихъ газетныхъ отзывовъ ты никогда не узнаешь, съ какимъ подъемомъ играла я! Ты никогда не узнаешь, какими счастливыми слезами плакала я, выходя на вызовы. И какъ волновалась я, стоя за кулисами, въ ожиданіи моего выхода... Это я, владѣющая собой всегда и всюду, потому что не уважаю моего зрителя и не боюсь его! Не уважаю прессу и не боюсь ее... Передъ началомъ спектакля въ уборную пришелъ Маркъ и сказалъ мнѣ: „Въ ложѣ сидитъ N*** съ семействомъ. Тутъ много эмигрантовъ. И если такая публика тебя не удовлетворитъ...“

Соня, это тотъ самый N***, учитель Яна, тотъ самый, котораго чтитъ суровый Ксаверій, чье имя мы не смѣли громко произносить въ стѣнахъ гимназіи. Онъ никогда не увидитъ родины и, какъ Герценъ, умретъ въ изгнаніи. Его книга запрещена у насъ. Его міросозерцаніе — кошмаръ для всѣхъ государственниковъ, правыхъ и лѣвыхъ безразлично.

Но когда Маркъ предложилъ насъ познакомить, я закричала: „Нѣтъ!.. Нѣтъ!..“ Я убѣжала въ уборную и разрыдалась. Ты удивлена?.. Но почему же? На этотъ разъ я чувствовала и поступала логично. Это былъ инстинктъ самосохраненія. Ксаверій сказалъ мнѣ годъ назадъ: „Чѣмъ можете вы оправдать вашу жизнь?..“ И я не нашла ничего въ отвѣтъ. И мнѣ тяжело съ нимъ встрѣчаться. И всякій разъ, когда я вспоминаю эти слова, въ моей душѣ поднимается прежній разладъ.

Что сказала бы я этому человѣку, который былъ вѣренъ себѣ всю жизнь, у котораго дѣло не разошлось съ чувствомъ? Какъ могла бы я взглянуть ему въ глаза? Деликатный, какъ всѣ аристократы, онъ конечно благодарилъ бы меня за радость, которую я случайно бросила бѣднякамъ. Онъ не сталъ бы въ бѣглой бесѣдѣ раскрывать передо мной все убожество моей жизни, все то унизительное, что кроется въ дѣятельности современнаго артиста. Ксаверій это сдѣлалъ за него и за всѣхъ моихъ вчерашнихъ зрителей. И съ меня довольно, Соня, одной пощечины!.. Я сама знаю, что радость и красота, которыя я расточаю на

службѣ у сытыхъ, должны быть общимъ достояніемъ. Художникъ принадлежитъ народу. И творчество, не имѣющее въ немъ корней, гибнетъ. И если раньше я имѣла оправданіе, ища подняться изъ грязи, куда меня втоптали тѣ, кому я предлагала тѣло и душу, и занять мѣсто въ обществѣ, меня отвергавшемъ,—то гдѣ же оправданіе для меня сейчасъ?

Я какъ въ лихорадкѣ... Пишу тебѣ ночью, вернувшись съ спектакля. А передо мною стоитъ огромная корзина красной гвоздики. Это поднесли мнѣ мои безплатные зрители. Они по грошамъ собирали деньги за эту корзину. Я разрыдалась и поцѣловала цвѣты. Я сохраню ихъ, какъ реликвію.

Завтра пошлю N***. письмо Признаюсь ему во всемъ. Онъ долженъ понять меня. Онъ пойметъ...

Соня, сердце говоритъ мнѣ, что если моя жизнь до этой минуты была подъемомъ на высокую башню, то я уже стою на послѣдней ступени. И скоро лучезарныя дали раскроются передо мною. Не знаю, какъ это будетъ? Что это будетъ?.. Но сердце бьется отъ сладкаго предчувствія. И хочется крикнуть: „Наконецъ!“

Пиши мнѣ, Соня. Отсюда ѣду на гастроли въ Монте-Карло. Ѣду съ отвращеніемъ. Но Нильса бросить не могу. Онъ слишкомъ много потеряетъ, если я нарушу контрактъ. Боже, дай мнѣ силы дотянуть! Какъ я мучительно жажду отдыха!

III.

Маня волнуется, подъѣзжая къ квартирѣ Глинской. Автомобиль она оставляетъ у тротуара, а сама идетъ подъ арку воротъ. Квартира все та же. Оттого Маня и волнуется. Неотразимую власть имѣетъ надъ ней прошлое.

Глинская сама отворяетъ дверь.

— Марья Сергѣевна! Вотъ неожиданность!

— Вчера только вернулась изъ Лондона...

— И надолго?

— Нѣтъ... Ѣду въ Монте-Карло...

— Пойдемте въ кабинетъ! Кого я вамъ покажу...

Маня останавливается въ столовой.

— Если Ксаверій, я не пойду...

— Что такое?.. Развѣ вы ссорились?

— Нѣтъ... но мнѣ тяжело съ нимъ встрѣчаться...

— Вы слышали когда-нибудь о Надеждѣ Петровнѣ Стороженко? Неужели нѣтъ?.. Это она здѣсь...

— Постойте,—у самой двери говоритъ Маня, задерживая руку

Глинской своей затянутой въ перчатку рукой.—Стороженко?.. Та самая, которая въ Россіи... Мнѣ страшно...

— Почему?

— Я чувствую себя такимъ ничтожествомъ передъ нею!

— Что за вздоръ! Она такая милая...

Въ креслѣ сидитъ полная и красивая женщина. Ей никто не далъ бы ея шестидесяти лѣтъ. Въ черныхъ волосахъ ни одной сѣдины. Щеки румяны. А темные и большіе какъ спѣлая вишня глаза совсѣмъ еще молоды и горячи. Она съ любопытствомъ глядитъ на дверь, за которой шепчутся.

— Ну, скорѣе, Нина Петровна!—груднымъ голосомъ кричитъ она.—Кого вы тамъ прячете? Идите...—И она смѣется, показывая бѣлые зубы, когда взволнованная Маня поднимаетъ портьеру.

Одну секунду пораженная ея внѣшностью Стороженко молчитъ.

— Кто вы такая, моя прелесть? Подойдите сюда,—ласково говоритъ она, какъ королева улыбаясь и протягивая руку.

Маня съ порога склоняется низко. Гораздо ниже чѣмъ дѣлала это передъ англійской королевой. Волненіе ея невольно передается хозяйкѣ.

— Позвольте вамъ представить: Marion, гордость русскаго балета...

— А!—срывается у старухи. Она идетъ навстрѣчу Манѣ, протягивая руки.—Милая какая! Позвольте васъ поцѣловать!.. Читала, читала въ газетахъ... Какъ жаль, что я не была тамъ!.. А Маркъ Александровичъ съ вами?

— Вы развѣ знаете его?—робко спрашиваетъ Маня, садясь на кончикъ стула и пряча въ муфтѣ захолодѣвшіе пальцы.

Надежда Петровна смѣется.—Мы съ нимъ старые пріятели. Онъ много для меня сдѣлалъ, когда я на югѣ работала... помните?—оборачивается она къ Глинской.

— Ахъ, это прямо сказка, Марья Сергѣевна!.. Да и вся жизнь Надежды Петровны—волшебная сказка.

— Но отнюдь не для дѣтей,—смѣется старуха.—У меня, моя милая,—говоритъ она, ласково дотрогиваясь до муфты Мани,—положительно призваніе къ сценѣ. Имитаторша я—на рѣдкость!.. Кажется, пошла не по своей дорогѣ... Была бы, какъ и вы, прославленной артисткой...

Глинская тоже смѣется, качая головой.

— Меня, видите ли, лѣтъ восемь тому назадъ на всѣхъ станціяхъ курской дороги стерегли. Знали, что я ѣду въ ваши края... Вы вѣдь тоже черниговская?

— Я?.. Нѣтъ!.. Я москвичка.

— Ну, все равно!.. Маркъ Александровичъ—сосѣдъ по имѣнію сестеръ моихъ... Къ нимъ ѣхать я не рѣшалась... И меня бы сцапали, и сестеръ по головкѣ не погладили бы... И вотъ тутъ я черезъ одного человѣчка... хорошій былъ хлопецъ, дай Богъ ему царство небесное!.. дала знать Марку Александровичу, чтобъ онъ выѣхалъ меня встрѣтить на станцію... Какое обличье у меня будетъ, Янъ ему не могъ сказать, конечно. Онъ самъ того не зналъ...

— Кто?.. Какъ вы сказали? Янъ?!

— Ну, да... Янъ... или вѣрнѣе, князь Сицкій... Вы его знали?

— Ну, дальше... дальше!—торопитъ Глинская, удивленная волненіемъ Мани.

— Вотъ поѣздъ подходитъ. Жандармъ, урядникъ, становой, всѣ налицо! Вижу, и Маркъ Александровичъ тутъ. Такъ любезно разговариваетъ съ кѣмъ-то изъ публики. А глаза такъ и рыщутъ по толпѣ... Ну, много ли тамъ пассажировъ выходитъ?.. Два-три пана, да студентъ иногда. Остальные все третій классъ... богомолки да рабочіе, да бабы, да евреи... Его спрашиваютъ. „Кого встрѣчали?“—„Родственницу.“—„Не пріѣхала, стало быть?..“—„Очевидно, нѣтъ...“ Еще разъ глазами онъ по толпѣ скользнулъ и пошелъ въ коляску садиться. Тутъ ему подъ ноги богомолка кидается. Онъ даже шарахнулся... „Отецъ родной“, говоритъ. „Будь благодѣтелемъ!.. Подвези... ноги старыя не служатъ... батюшка...“ Поднялъ онъ ее, а она прямо шатается отъ усталости. Вся сгорбатилась. За спиной котомка биткомъ набита. Въ рукѣ клюка... Остро онъ такъ поглядѣлъ на нее... Вы его глаза вѣдь знаете? Ха!.. Ха!.. „Полѣзай, говоритъ, садись!.. Тебѣ до Ржавца?“—„До Ржавца, родимый, до Ржавца...“ Тронули кони... Отъѣхали верстъ пять. Онъ молчитъ. А старуха на передней лавкѣ дремлетъ, носомъ киваетъ. Мимо все возы ѣдутъ. Хохлы глаза на старуху таращатъ. Ишь, въ самомъ дѣлѣ куда забралась! Наконецъ, миновали село. Кругомъ степь. На горизонтѣ балочка и лѣсокъ. Маркъ Александровичъ нагнулся къ богомолкѣ. Она глаза открыла и смѣется...

— Это были вы?—догадывается Глинская.

— Это была я. Онъ такъ и ахнулъ... Ну, потомъ все ужъ какъ по маслу пошло... Довезъ онъ меня до Липовки почти. Я слѣзла и въ лѣсу темноты дождалась... За мной Янъ пришелъ и черезъ паркъ меня провелъ къ себѣ. И никто насъ, кромѣ звѣздъ въ небѣ да липъ въ паркѣ, въ ту ночь не видалъ. Пока всѣ спали, на зарѣ изъ флигеля вышла „бабуся“... И пошла эта бабуся Христовымъ именемъ по селамъ. Гдѣ поѣстъ, гдѣ переночуетъ. А уходя забудетъ хусточку. А въ хусточкѣ — „царская грамота“...

— Такъ это были вы?—спрашиваетъ Маня.—Боже мой!

— А вы, значитъ, слышали? Да, голубчикъ... Награду какую за меня обѣщали!.. Рыскали по всѣмъ селамъ... Облаву устроили на станціяхъ. А я себѣ преспокойно во флигелѣ у Яна двѣ недѣли прожила. Днемъ береглась, а ночью по парку гуляла, наслаждалась. И у насъ тамъ компанія славная подобралась: фельдшерица да учительница...

— Лика?

— Не помню ихъ именъ теперь. Ахъ, ужъ и люблю я эти ночи украинскія! Звѣзды эти огромныя... Нигдѣ луна такъ не свѣтитъ, какъ у насъ! Правда, милая?—спрашиваетъ она, заглядывая въ печальное лицо Мани. — Бывало, гуляю и пою... До сихъ поръ люблю хохлацкія пѣсни. (Вздохъ срывается у нея.) Хоть бы однимъ глазкомъ еще повидать тѣ края! Кажется, умерла бы спокойно...

— Нѣтъ, не рискуйте!—говоритъ Глинская.

— Сестра у меня тамъ живетъ... Постарше меня будетъ, да хворая,—печально говоритъ старушка.—Пишемъ другъ другу рѣдко... Иногда взгрустнется... Свидимся ли еще когда-нибудь?.. Вмѣстѣ мы съ ней дѣвушками росли... Вмѣстѣ о жизни грезили...

Вся сжавшись и затаивъ дыханіе, глядитъ на нее Маня. Неужели и она была молода и наивна когда-то?.. О чемъ она грезила? О чемъ могла грезить такая?.. О подвигахъ, о власти, о безсмертіи, о толпѣ, повторяющей ея имя?.. Неужели и она была жизнерадостной дѣвочкой и просила у судьбы самаго скромнаго, самаго маленькаго женскаго счастья? Любви? Мужа? Дѣтей?

Вы пишете книгу?—спрашиваетъ Маня Глинскую, усаживаясь въ ея кабинетѣ и снимая свои соболя.

— Откуда вы знаете?—Глинская краснѣетъ и становится женственной.

— Читала въ *Journal des Débats*... Меня удивило заглавіе *La Crise de l'amour*. Васъ очевидно интересуетъ этотъ вопросъ?

— Кого же можетъ онъ не интересовать? Согласитесь, что разрѣшеніе полового вопроса въ тысячу разъ важнѣе для человѣчества, чѣмъ политическое равноправіе женщинъ, о которомъ такъ много кричатъ! На дняхъ Ксаверій... вы знаете?.. Самъ онъ аскетъ... Такъ вотъ онъ сказалъ мнѣ: „Изъ-за чего такъ много шума? Вы придаете слишкомъ большое значеніе современной морали. Не подавляйте инстинктовъ, и вся ваша задача будетъ рѣшена...“ Вы улыбаетесь?

— Да... Ксаверій слишкомъ упрощаетъ эту задачу. Самъ онъ, значитъ, никогда не любилъ?

Свѣтлые глаза Глинской темнѣютъ. Она беретъ со стола карандашъ и нервно бьетъ имъ по лежащей передъ нею рукописи.

— Жизнь его, Марья Сергѣевна, окружена тайной... Но... если-бъ онъ хотѣлъ... (Закусивъ губы, она глядитъ на карандашъ.) Нѣтъ! Такой человѣкъ не пожертвуетъ чувству ни однимъ часомъ изъ своей короткой жизни... слишкомъ, по его мнѣнію, короткой, чтобы довести до конца большое дѣло, которому онъ отдалъ себя...

— Это дѣло?

— Ксаверій анархистъ. Но онъ строитель жизни, а не разрушитель. Онъ и друзья его,—какъ и Робертъ Овенъ когда-то,—хотятъ создать свой міръ на землѣ. Хотятъ, здѣсь, рядомъ съ развратнымъ, чудовищнымъ, жестокимъ Парижемъ,—основать идеальный городъ будущаго. Городъ будущаго въ настоящемъ, гдѣ нѣтъ преступленія, насилія, суда, тюрьмы, полиціи, проституціи. Гдѣ нѣтъ униженныхъ женщинъ и валяющихся въ канавахъ дѣтей. Гдѣ нѣтъ бродягъ и фабричныхъ рабовъ. Городъ, гдѣ всѣ равны, всѣ свободны. Гдѣ никто не клянетъ труда. Гдѣ этотъ трудъ является и необходимостью и наслажденіемъ... Вы слышали что-нибудь о Говардѣ? Эта идея принадлежитъ ему.

— Говардъ? Постойте... Это новая соціальная утопія? Ею заинтересованъ Маркъ.

— Да... Его идея соціализма безъ политики и національзаціи земли безъ революціи—прежде многимъ казалась утопіей. Но теперь его мечта стала дѣйствительностью...

— Какимъ образомъ?

Глинская звонитъ и велитъ подать чаю.

— Видите ли? По идеѣ Говарда, всѣ богатства, всѣ земныя блага создаются трудомъ человѣка. Для приложенія его нужна только земля. А землю можно купить за деньги. А разъ земля будетъ собственностью общины, эта община можетъ произвести тысячи соціальныхъ экспериментовъ. Съ этой цѣлью Говардъ собралъ въ Англіи акціонерный капиталъ и построилъ городъ. Теперь тамъ уже восемь тысячъ жителей... Вы удивлены?.. А Ксаверій агитируетъ, чтобы направить на постройку его города здѣсь, подъ Парижемъ, — синдикальные капиталы... Вы, вѣдь, знаете, что Ксаверій пользуется громаднымъ вліяніемъ на синдикалистовъ? Поэтому его боятся здѣсь и притѣсняютъ... Капиталы эти и сейчасъ хранятся въ буржуазныхъ банкахъ... И сколько разъ они служили для эксплоатаціи рабочихъ!.. Въ Летчвордѣ Говардъ основалъ пока только общественныя кухни, о которыхъ грезилъ еще Бебель въ своей знаменитой книгѣ *О женщинѣ*... А Ксаверій въ своемъ городѣ хочетъ устроить въ широкомъ масштабѣ

общественные дѣтскіе „Ульи“... какъ это уже сдѣлалъ Себастіанъ Форъ...

— Новый міръ? — задумчиво говоритъ Маня. — Свѣтлый и радостный, о которомъ грезилъ Янъ... Боюсь, что мнѣ въ немъ не будетъ мѣста! Презрѣніе Ксаверія къ артистамъ кажется безграничнымъ...

— О! Что вы!? Напротивъ... Когда онъ васъ увидѣлъ въ театрѣ...

— Онъ меня видѣлъ?

— Въ послѣдній вашъ пріѣздъ сюда... Онъ говоритъ, что вашъ талантъ... какъ онъ это сказалъ?.. волшебный...

Отбросивъ муфту, Маня нервно ходитъ по комнатѣ.

— Поговоримъ о вашей книгѣ, — говоритъ она, наконецъ, слабо улыбаясь. И присаживается къ столу.

Глинская беретъ со стола рукопись и перелистываетъ ее.

— Я увѣрена, что большинству моя книга покажется безнравственной, и будутъ требовать ея конфискаціи и уничтоженія... Меньшинству, наоборотъ, она покажется сентиментальной, утопичной, ненужной... Первому я буду очень рада. Шумъ о безнравственной книгѣ создастъ ей извѣстность. Ее прочтутъ. А прочитавъ, задумаются и навѣрно оцѣнятъ то смѣлое, честное и правдивое, что я вложила въ нее... Потому что — вы понимаете, конечно, — эта книга — не афера, не желаніе разбудить „нездоровые“, какъ у насъ говорятъ, „инстинкты“... какъ будто инстинкты могутъ грѣшить?.. Это дѣло моей жизни, это проявленіе моего *я*, это залогъ моего безсмертія. Когда я писала ее, передо мной проходила моя собственная юность... Не разъ я бросала перо, чтобъ оплакать вновь эти мертвыя иллюзіи, дорогія сердцу каждой женщины. Я была очень несчастна, Марья Сергѣевна, въ замужествѣ. И надо было мою силу воли, чтобъ выбраться изъ этого болота.

Маня съ удивленіемъ глядитъ въ это раскраснѣвшееся лицо. Точно внутреннимъ свѣтомъ озарено оно въ эту минуту.

— Но я съ ужасомъ думаю о томъ меньшинствѣ, которое скептически пожметъ плечами, прочитавъ заглавіе: *Кризисъ любви*... „Дамское писанье... женская философія“, скажутъ они. „А и такъ слишкомъ много у насъ любви... Всюду развратъ, распущенность, флиртъ... И наряду съ этимъ легкомысленно заключающіеся и также быстро расторгающіеся браки. А въ придачу любовныя драмы съ убійствами и самоубійствами...“ Такъ скажутъ они, не горячіе, и не холодные, въ лучшіе дни юности даже не знавшіе ничего, кромѣ голаго полового инстинкта... И это они называютъ *любовью*! И вотъ съ такими слѣпорожденными мнѣ предстоитъ борьба.

Она придвигается къ Манѣ и беретъ ея руку.

— Слушайте, Марья Сергѣевна!.. Не приходило ли вамъ въ голову, что *Любви* нѣтъ мѣста въ нашемъ культурномъ мѣщанскомъ обществѣ? Я говорю не о половомъ инстинктѣ, не о чувственномъ любопытствѣ, не о стремленіи создать себѣ семью... Я говорю о любви, какую навѣрно знали вы... какую знаю я... да, я... несмотря на мои сорокъ лѣтъ... или вѣрнѣе (она нервно смѣется и краснѣетъ) именно потому, что мнѣ уже сорокъ лѣтъ. Въ эти годы перестаешь цѣнить чувственность, которая избыткомъ неизжитыхъ силъ туманитъ головы юности. И начинаешь видѣть красоту высокаго, безкорыстнаго... я бы сказала: безплотнаго чувства...

— О, я поняла васъ! Я поняла...

— ...чувства, ничего не домогающагося и ни къ чему не обязывающаго обѣ стороны... въ себѣ самомъ несущаго цѣлый міръ...

— Цѣлый міръ!—повторяетъ Маня съ далекими глазами.

— Такая любовь даритъ насъ необычайными, ни съ чѣмъ несравнимыми переживаніями. Она даетъ лучшія поэмы поэту, дивныя симфоніи артисту, вдохновенные образы писателю... Теперь, Марья Сергѣевна, скажите мнѣ, гдѣ кругомъ вы видите эту любовь? Въ современномъ бракѣ, въ этой торговой сдѣлкѣ, въ этомъ стремленіи передать наслѣдникамъ накопленныя богатства? Или въ жаждѣ дѣвушки продать себя подороже подъ эгидой закона, чтобы наслаждаться жизнью? Въ лучшемъ случаѣ, въ бракѣ, описанномъ Л. Толстымъ въ *Крейцеровой сонатѣ*, гдѣ говоритъ одна чувственность? Или въ домахъ терпимости, куда юноша несетъ свои первые, самые красивые порывы? О, любовь, неизмѣнная и вѣрная... Долгій путь рука объ руку черезъ всю жизнь навстрѣчу радости и горю... Гармоничный союзъ двухъ душъ и двухъ тѣлъ въ идеальномъ моногамномъ бракѣ... Вотъ о чемъ грезитъ каждая дѣвушка. Вотъ золотой сонъ человѣчества... Но что сдѣлали мы изъ этой грезы? Оглянитесь!.. Грязной волной разлилась по землѣ проституція. И не только какъ торговля голодныхъ своимъ тѣломъ, но я беру это слово въ самомъ широкомъ смыслѣ, включая сюда всѣ принудительныя формы половыхъ отношеній...

— Но, позвольте... для того чтобы женщина смѣла любить, для того чтобы она отдавалась по влеченію, а не продавалась по разсчету, ей должны быть открыты всѣ отрасли труда! Надо, чтобъ женщина умѣла и хотѣла стоять на своихъ ногахъ...

— Конечно, конечно... Это первое условіе ея духовной свободы.

— Но развѣ теперь это возможно?

— Теперь — нѣтъ... Но развѣ это *теперь* будетъ длиться вѣчно?.. Развѣ не настало время воспитывать умы и души людей для воспріятія новаго? Развѣ мы не должны встрѣтить это *новое* силь-

ными, убѣжденными, а не растерявшимися передъ катастрофой банкротами?.. Думаете ли, вы что когда Жанъ Жакъ Руссо, сидя подъ дубами проѣзжей дороги, подъ Парижемъ, обдумывалъ схему своего *Общественнаго Договора*,—люди, пировавшіе въ Версали, не считали своей неотъемлемой прерогативой только праздновать и наслаждаться? Это было при Людовикѣ XV, когда впервые великія идеи энциклопедистовъ были брошены въ міръ. А при Людовикѣ XVI старый строй уже рухнулъ... И посмотрите, какія завоеванія уже сдѣланы, какія бреши пробиты въ морали, считавшейся незыблемой, когда пушкинская Татьяна отвѣчала Онѣгину съ непоколебимымъ сознаніемъ своей правоты: „Но я другому отдана, и буду вѣкъ ему вѣрна?“ Въ какой странѣ, въ какой литературѣ вы не встрѣтите теперь критики современнаго брака? Ропотъ растетъ, и лѣтъ черезъ тридцать раздастся грозный вопль: „Такъ жить больше нельзя!“ Все сгнило, все омертвѣло, все пропиталось ядомъ обмана и лицемѣрія. Посмотрите, что читаютъ теперь, о чемъ спорятъ? Что волнуетъ современника? Половыя проблемы. Это сейчасъ самый наболѣвшій, самый жгучій вопросъ... И волна растетъ. Давно ли мы слышали, что къ одной писательницѣ-дѣвушкѣ, осмѣлившейся родить и воспитывать незаконнаго ребенка, шли какъ на паломничество поклониться дерзающей—самыя развитыя нѣмецкія женщины? А теперь Грета Мейзель-Хессъ выпускаетъ книгу о *Сексуальномъ кризисѣ*, требуя за женщиной признанія наравнѣ съ мужчиной всѣхъ свободъ, а прежде всего свободы чувства и полового выбора, и всѣ избранные умы Германіи ей рукоплещутъ... А театръ? Это самое архаическое учрежденіе, въ которомъ лицемѣрный мѣщанинъ всегда требовалъ, чтобъ торжествовала добродѣтель, и былъ наказанъ порокъ? Теперь даже въ Англіи идутъ пьесы Бернарда Шоу, потрясающія всѣ основы, вскрывающія двуличіе нашей морали...

Она встаетъ и ходитъ по комнатѣ крупными шагами, по-мужски заложивъ руки за спину. Между бровей ея залегла вертикальная морщинка, дѣлающая ея лицо еще болѣе значительнымъ.

— Знаете ли? Человѣчеству грозитъ худшее зло, чѣмъ вырожденіе отъ сифилиса и алкоголизма... Это омертвѣніе души, это огрубѣніе ея... Моральный ядъ, которымъ проституція заражаетъ душу юноши (не говоря уже объ униженной женщинѣ)—не менѣе страшенъ, чѣмъ чахотка или сифилисъ, съ которыми мы боремся. Человѣкъ, начавшій „любить“ въ объятіяхъ продажной женщины и заплатившій этой несчастной за ея ласки, никогда уже не будетъ здоровымъ и чистымъ морально человѣкомъ. Онъ никогда не будетъ уважать женщину. Онъ никогда не почувству-

етъ въ ней товарища. Грязь, которой онъ коснулся въ минуту пробужденія самыхъ красивыхъ, творческихъ инстинктовъ,—будетъ пачкать всѣ его отношенія къ невѣстѣ и женѣ... Въ этомъ проклятіе нашей жизни и естественная расплата. Природа мститъ за себя! Согласитесь, что все уродливо въ нашей современности, если возможность брака даже съ любимой дѣвушкой отодвигается на неопредѣленный срокъ, потому что жену надо *содержать*, а семью ставить на ноги... И тамъ, гдѣ семья является роскошью, проституція становится необходимостью... Не ужасно ли видѣть, что несчастный юноша, цѣлуя невѣсту, весь горя жаждой обнять ее и дать міру здоровое и одаренное дитя, какимъ бываютъ только дѣти любви, — долженъ изъ дома любимой дѣвушки бѣжать на бульваръ, чтобъ утолить пылъ желаній въ объятіяхъ проститутки?.. Но не думайте, чтобъ здѣсь теряли только женщины—любимая и купленная—обѣ!.. Нѣтъ, больше всѣхъ за это извращеніе платится мужчина! Его душа грязнится и черствѣетъ. И когда онъ женится, наконецъ, о, какъ много приходится выстрадать чистой дѣвушкѣ! Развѣ мужъ ея понимаетъ красоту постепеннаго и медленнаго завоеванія ея души? Благоговѣйной нѣжности? Уваженія къ женскимъ иллюзіямъ? Онъ, нищій духомъ, этотъ современный мужъ, хотя онъ быть можетъ и ученый, или талантливый художникъ, или крупный и безупречный общественный дѣятель... Въ своей любви онъ дикарь. Онъ насилуетъ любимую дѣвушку, не взирая на ея отвращеніе и слезы. Онъ быстро развращаетъ ее, перенося на нее всѣ тѣ ласки, къ которымъ пріучили его въ домахъ терпимости... Ему, привыкшему платить за любовь, такъ мало, въ сущности, нужно отъ женщины! Только физическое наслажденіе...

— Но за что вы вините мужчинъ, если женщины сами ничего не заслуживаютъ, кромѣ презрѣнія?—враждебно спрашиваетъ Маня, думая въ эту минуту о Нелидовѣ и Катѣ, женѣ его.

— Я никого не виню. Но развѣ вы не видите, какимъ банкротствомъ грозитъ въ будущемъ это оскудѣніе мужской души, это презрѣніе къ женщинѣ, это отсутствіе порывовъ и душевнаго трепета,—всего, что создаетъ поэзію и красоту жизни?.. Мнѣ скажутъ: когда рухнетъ старый строй, новыя формы жизни принесутъ и новыя чувства... Нѣтъ!.. Нѣтъ!.. Революція въ Европѣ свергнула троны, перемѣстила сословія, но ничего не измѣнила въ людскихъ предразсудкахъ и нравахъ. За двѣ тысячи лѣтъ падали и нарождались государства, исчезали народности. Но формы половыхъ отношеній стары, какъ міръ. Попрежнему мужчина покупаетъ. Женщина продается. И въ этомъ упрощеніи, въ этомъ

обнищаніи взаимныхъ отношеній кроется гибель всей нашей культуры. Нѣтъ интереса къ душѣ, къ личности. Нѣтъ уваженія, бережливаго отношенія другъ къ другу. Вопросы пола покрыли все грязной волной. Любовь вырождается и исчезаетъ. Та любовь, что создала миѳъ о Геро и Леандрѣ...

— Но вѣдь это только чувственная любовь! Развѣ знали иную древніе греки?

— А *Филемонъ* и *Бавкида*?—тонко улыбается Глинская.—Нѣжность и вѣрность, пережившія страсть? Этотъ идеалъ, который человѣчеству подарила Греція? А гетеры, блестящія, образованныя, утонченныя? Развѣ бесѣды и общеніе съ ними не были самыми красочными часами въ жизни эллина? Какъ жалки были передъ ними жены!.. Бракъ имѣлъ откровенно одну цѣль—дѣторожденіе. Ребенка воспитывала школа. Вспомните Перикла и Аспазію! Развѣ одной чувственностью исчерпывались эти красивыя отношенія?.. Но, допустимъ даже, что вы правы, и древній міръ зналъ одну чувственную любовь. Но уже въ пѣснѣ менестреля и въ подвигахъ рыцаря во имя далекой Дамы—звучитъ иная нота. Душа человѣка утончается постепенно. Въ эпоху Возрожденія расцвѣтаетъ личность. И какими полнозвучными становятся всѣ ея переживанія! И если трагическое чувство Антонія къ Клеопатрѣ поражаетъ своей глубиной насъ, людей XX столѣтія; если насъ волнуетъ страсть Ромео, не пожелавшаго пережить смерть Джульеты,—то и легенда о Данте и Беатриче трогаетъ насъ до слезъ и будитъ въ нашей душѣ грезы о вѣчности... Въ волшебныхъ садахъ XVIII вѣка, на картинахъ Ватто, мы видимъ граціозно улыбающіяся парочки. Эротическія переживанія—были какъ бы основой всей этой праздной, легкомысленной жизни. „Ахъ! Они умѣли только любить, эти люди", съ презрѣніемъ говорятъ о нихъ. Нѣтъ. Они умѣли потомъ и умирать на эшафотѣ.

— Мнѣ нравится то, что вы говорите,—перебиваетъ Маня.

— Глубочайшую ошибку совершаетъ тотъ, кто думаетъ, что любовь обезсиливаетъ и разслабляетъ душу. Вспомните Наполеона, безумно влюбленнаго въ Жозефину! Ради нея... Да... да... онъ это подтвердилъ въ своихъ письмахъ къ ней... ради нея онъ совершалъ свои подвиги въ этомъ феерическомъ итальянскомъ походѣ... Вспомните его въ Египтѣ, когда онъ сгоралъ отъ неудовлетворенной страсти и между двумя битвами находилъ время писать въ Парижъ письма, дышавшія ревностью! Прочтите описаніе его жизни, и вы увидите, какъ много и ярко, какъ тонко и нѣжно любилъ этотъ человѣкъ, свергавшій троны и чуть не плакавшій отъ неприступности очаровательной Валевской. И этотъ человѣкъ, увлекавшійся

безсчетное число разъ,—до конца своей жизни любилъ одну только Жозефину! Онъ любилъ ее высочайшей, всепрощающей любовью, совершенно непонятной многимъ и многимъ изъ нашихъ современниковъ. Вы вѣрите ли, что я плакала, читая объ этомъ?

Маня ласково улыбнулась. „Она много тоньше, чѣмъ я думала...“

— А Робеспьеръ? А Дантонъ? А Мирабо? До насъ дошли имена женщинъ, которыхъ они боготворили, къ которымъ неслась ихъ мысль въ конвентѣ, въ страшные дни революціи, въ тюрьмѣ, на эшафотѣ... Эти люди не знали *безсилія любви*, характеризующаго нашъ мѣщанскій вѣкъ. А почему? Они выросли въ великой школѣ любви, какой была тогда Франція послѣ садовъ Ватто. Эта изящная игра въ любовь обогатила душу француза, привила ей новые запросы... И вѣкъ романтизма, вѣкъ Мюрже, описанный въ его *Богемѣ*, съ трогательной привязанностью гризетки къ студенту — былъ только отблескомъ великой эпохи, когда умѣли плакать отъ любви и умирать съ улыбкой. А что мы видимъ теперь?

И тутъ, какъ бы въ подтвержденіе того, что эти мысли рѣютъ въ воздухѣ, Глинская высказываетъ Манѣ тѣ же идеи, какія— никогда не слышавшая о Глинской — Дора говорила Валицкому въ далекомъ отъ Парижа Петербургѣ — и почти въ тѣхъ же выраженіяхъ:

— Въ нашемъ торгашескомъ и развратномъ мірѣ нѣтъ уже мѣста великой любви. Поэтъ ищетъ вдохновенія на бульварѣ, а жизнь прекрасной женщины рядомъ съ практичнымъ мужемъ, никогда не знавшимъ безпредметной сладкой тоски о любви, ему ненужной,—полна горечи и разочарованія. И если она въ другомъ мѣстѣ ищетъ удовлетворенія своего душевнаго голода,—ее ждетъ только плоскій, унижающій душу адюльтеръ. Что можетъ предложить тоскующей въ одиночествѣ женской душѣ — современный мужчина, который *никогда не зналъ потребности въ любви*? Когда проснулись его первые эротическіе порывы, онъ угасилъ ихъ въ объятіяхъ проститутки. Затѣмъ онъ учился. Добивался своего мѣста въ жизни. Дѣлалъ себѣ карьеру или имя. Когда тутъ любить?.. Флиртовать?.. „Ухаживать“? Вдумайтесь въ это опошленное слово,—*ухаживать*! А вѣдь оно очень значительно. Мы *ухаживаемъ* за тюльпаномъ, иначе онъ не выраститъ. Мы *ухаживаемъ* за землей, иначе она не дастъ урожая. Но ухаживать за женщиной, культивируя свое и ея чувство?.. О, нѣтъ! Некогда! Мужчина боится большой, серьезной любви, требующей жертвъ. Любовь и страсть берутъ массу времени. А современный дѣлецъ и ученый не считаетъ возможнымъ тратить время на „глупости“. Его отъ рожденія плоская душа не *ищетъ*. И когда въ немъ про-

сыпается смутная тоска, онъ не въ силахъ понять цѣнность и значеніе этого момента. Онъ бѣжитъ къ первой попавшейся женщинѣ и въ случайной, ничего не говорящей душѣ чувственной связи безсознательно убиваетъ прекрасное стремленіе, которое дало бы его убогой жизни радости и краски... А если онъ человѣкъ чувственный, то онъ спѣшитъ жениться. За имя, столъ и квартиру онъ получаетъ женщину. Слава Богу! Выходъ найденъ. Можно пропадать цѣлыми днями, накопляя богатства, играя на биржѣ, или создавать умственныя цѣнности, работая въ университетѣ или лабораторіи... Все равно! Жена не уйдетъ. Женѣ принадлежитъ ночь... А тоскуетъ ли жена его въ этой обстановкѣ, гдѣ сыто одно тѣло ея,—развѣ онъ спрашиваетъ?.. Но допустимъ, что она сама сказала ему о своей тоскѣ? Вы думаете, онъ ее пойметъ?

Горько улыбнувшись, Глинская ходитъ по комнатѣ. И морщинка между ея бровей становится еще рѣзче.

— Это наша общая трагедія, Марья Сергѣевна. Я не говорю о дѣвушкахъ, продающихся въ бракѣ. Я говорю о тѣхъ, кто ищетъ въ замужествѣ съ любимымъ человѣкомъ полнаго гармоничнаго аккорда этой пѣсни любви, которая звучитъ въ каждой дѣвичьей душѣ... Для дѣвушки бракъ—это начало половой жизни. Моментъ прекрасный и роковой зачастую... Представьте себѣ—страстную женщину и мужчину, истощеннаго ранней половой распущенностью! Сколько драмъ на одной этой почвѣ! Сколько болѣзней! Сколько разбитыхъ жизней! Мужчина привыкъ подходить къ проституткѣ съ эгоистичной жаждой собственнаго наслажденія. Отвѣтнаго волненія онъ не ждетъ. И требовательность жены его пугаетъ и возмущаетъ даже. „Это безнравственно!“ говоритъ онъ ей. „Порядочная женщина не должна быть чувственной“. И эти чудовищныя обвиненія неопытная женщина глотаетъ какъ заслуженное оскорбленіе. Что можетъ она возразить опытному мужчинѣ? Въ ней говоритъ голосъ крови. А въ немъ инстинктъ собственника, которому грозитъ призракъ измѣны.

Она поднимаетъ заледенѣвшія руки къ пылающимъ щекамъ.

„Бѣдняжка!“ думаетъ Маня. „Ты все это пережила...“

— И вотъ уже намѣчены первыя причины вражды... Есть мягкосердечныя женщины, которыя прощаютъ мужу страданія неудовлетворенной чувственности... Но взамѣнъ онѣ требуютъ нѣжности, вниманія... Онѣ такъ одиноки!.. Онѣ плачутъ... Мужъ опять возмущенъ. Отъ него слишкомъ многаго требуютъ. А ужъ онъ далъ все, что могъ... Имя, обезпеченіе, положеніе въ свѣтѣ, дѣтей, наконецъ... Откуда эта тоска? Она опасна... Пахнетъ адюльтеромъ. Скорѣй, скорѣй! Дать ей еще ребенка! Подарить ее новою беремен-

ностью. Новыми заботами угасить этотъ пылъ души. Тогда самому можно бѣжать въ маскарады, въ клубы, на скетингъ-ринкъ...

Дрожащими руками Глинская раскуриваетъ папиросу. Брови ея все нахмурены, и нервически дергается уголокъ рта.

— Но не всѣ женщины такъ пассивны, Марья Сергѣевна! Есть такія, что безсознательно протестуютъ противъ унизительной роли, какую мужчина отводитъ женщинѣ въ своей жизни. Физіологическій половой актъ, лишенный какихъ бы то ни было иллюзій, такимъ утонченнымъ натурамъ кажется оскорбленіемъ любви... Онѣ отъ него отказываются... И вотъ бракъ уже разрушенъ. Безъ адюльтера, замѣтьте!.. Онъ уже потерялъ свое raison d'être. И кто виноватъ? Мужчина, который съ пустой душой, съ пониженными требованіями, съ упрощенной схемой брачныхъ отношеній подошелъ къ женщинѣ, жаждавшей отдаться ему душой и тѣломъ, и въ бракѣ видѣвшей цѣль своей жизни...

Она садится въ кресло и задумчиво докуриваетъ папиросу.

— Да, Марья Сергѣевна... Развѣнчанной царицей бродитъ среди насъ эта великая любовь. Учатъ стыдиться ее. Учатъ бояться. Она унижена и опозорена. Тщетно стучится она въ людскія сердца!

— Какъ странно! — перебиваетъ Маня. — Я считала, что мы, женщины, слишкомъ много отдаемъ этой любви. И что съ нею надо бороться, какъ съ хищникомъ.

— О, да! Въ этомъ вы правы!.. Наше уродливое, нелѣпое воспитаніе поставило въ центрѣ женской жизни любовь... Между тѣмъ, какъ любовь ни для мужчины ни для женщины не должна быть основой жизни. Она лишь ступень въ стремленіи человѣка ввысь. Лишь возможность проявить себя ярко и всесторонне. Дайте любви какое хотите мѣсто въ вашей жизни: второе, третье, десятое... Но не изгоняйте ее изъ храма души... Потому что безъ нея погаснетъ огонь на алтарѣ. Сорныя травы выростутъ между мраморными плитами. И наступитъ мерзость запустѣнія... Потому что только въ любви, Марья Сергѣевна, я вижу осуществленіе всѣхъ гибнущихъ сейчасъ возможностей и возрожденіе вырождающагося человѣчества... Повѣрьте мнѣ: если бы любовь не считалась грѣхомъ или запретнымъ плодомъ, она никогда не поглощала бы такъ всецѣло наше женское сознаніе... И бороться съ нею будетъ смѣшно, когда она получитъ въ обществѣ права гражданства. Теперь же любовь, это величайшее благо, этотъ прекраснѣйшій даръ природы, какъ все у насъ, въ нашемъ мѣщанскомъ обществѣ — является удѣломъ избранныхъ. Дѣвушки не смѣютъ любить внѣ брака. Онѣ ждутъ жениха. А потомъ старятся съ разбитой душой и съ искалѣченнымъ тѣломъ. Юноша

тоже не смѣетъ любить. Онъ не смѣетъ обнять свою любимую невѣсту и съ нею пережить экстазъ души и плоти. Онъ этого не смѣетъ, пока не станетъ на ноги. А это случается не раньше тридцати лѣтъ. За границей и позже. Боже, какъ уродлива жизнь! Сколько гибнетъ ежедневно мощныхъ и красивыхъ порывовъ! Сколько поэзіи уходитъ изъ міра ежечасно!

— Но, постойте... Есть же иная любовь... Свободная...

— Ахъ, оставьте!.. Мы все это знаемъ... Когда-то въ этомъ видѣли панацею... Жизнь доказала, что надо измѣнить въ корнѣ всю психику человѣка, надо перевоспитать его душу, чтобы онъ доросъ до пониманія, что такое *свободная любовь*! Въ какую иронію обращаютъ это великое слово наши современники, воспитанные прежде всего на уваженіи къ собственности!.. Я виню въ этомъ не только мужчину, Марья Сергѣевна, но и женщину... Всѣ виноваты. Въ любимомъ существѣ всѣ видятъ прежде всего собственность... Не смѣешь интересоваться другимъ, говорить съ другимъ, искать чужой симпатіи, дружбы. Все это оскорбленіе. Даже думать о другомъ—это измѣна! На тѣло и душу любимаго существа и мужчина и женщина накладываютъ свою лапу. Насъ такъ воспитали. Съ молокомъ матери мы всосали эти старыя чувства пещернаго человѣка. За каждый поцѣлуй мы требуемъ, чтобы мужчина платилъ намъ своей свободой, жизнью и будущимъ... И за одну ночь любви, за нашъ добровольный и прекрасный даръ—мужчина вмѣсто благодарности—готовъ взять насъ за горло и кричать: „Теперь ты моя! Убью, если поцѣлуешь другого"... И общественное мнѣніе ему апплодируетъ. И потомъ эта ужасная жизнь вдвоемъ, подъ одной кровлей! Не имѣть потребности въ своемъ углѣ. Въ одиночествѣ. Я еще понимаю, когда нужда заставляетъ людей жить въ одной комнатѣ! Но многіе ли обезпеченные люди, сойдясь, надумаютъ жить врозь! Эта вѣчная обнаженность нашей внѣшней и внутренней жизни... Наивное или наглое требованіе не имѣть тайнъ... Я содрогаюсь, когда вижу, что *она* распечатываетъ письма, адресованныя *ему*. А многія ли меня поймутъ! Въ свободномъ союзѣ мужчины тѣ же собственники, тѣ же насильники. Они такъ же мало удѣляютъ времени женщинѣ. Такъ же мало берегутъ чужія настроенія. Такъ же безцеремонно вторгаются съ грязными ногами въ цвѣтущіе сады чужой души и топчутъ его нѣжные ростки. Въ свободный союзъ они вносятъ всю тиранію законнаго брака. И откуда имъ стать другими? Развѣ изъ Назарета можетъ быть что-нибудь доброе?

Глинская звонитъ и велитъ подать еще чаю.

— Въ свободной любви есть одна хорошая сторона: болѣе лег-

кая расторжимость узъ, чѣмъ въ легальномъ бракѣ... Зато здѣсь есть страдающія дѣти, которыхъ не охраняетъ законъ. И вотъ причина антипатіи женщины къ гражданскому браку и страхъ ея передъ свободной любовью. Инстинктивно желая сохранить свое потомство и обезпечить ему жизнь, она отвергаетъ нелегальныя узы и крѣпко держится за цѣпи, которыми и ее и ея избранника связалъ законъ. Это понятно... Это не требуетъ доказательствъ... Но я настаиваю на томъ, что и въ свободномъ сожительствѣ двухъ влюбленныхъ такъ же быстро улетаетъ любовь, оскорбленная прозой постоянной, откровенной близости, этимъ внѣшнимъ и внутреннимъ обнаженіемъ, исключающимъ всякую тайну... Намъ, женщинамъ, тоже нечѣмъ кичиться! Въ свободной любви мы также беззастѣнчиво эгоистичны, какъ и мужчины... Развѣ мы ищемъ понять душу любимаго человѣка? Его міросозерцаніе, его индивидуальность? Мы хотимъ любить его такимъ, какимъ создала его наша фантазія, воспитанная на романахъ. Его *я* мы игнорируемъ. Мы съ нимъ не считаемся. А когда оно проявляетъ себя, мы кричимъ: „Обманъ!.. Низость... Насъ обокрали... Убиты наши иллюзіи"... Развѣ подходимъ мы съ уваженіемъ къ его труду и творчеству, къ его высокимъ стремленіямъ? Не требуемъ мы развѣ, чтобы онъ пожертвовалъ всѣмъ для насъ? А если для этого онъ долженъ пренебречь своей диссертаціей, своей книгой, своей поэмой или картиной, что дѣлать! Все, что не несетъ матеріальныхъ благъ, враждебно женѣ и любовницѣ, особенно, если она стала матерью.

— Но что же предлагаете вы?—спрашиваетъ Маня, вся подаваясь впередъ, глубоко захваченная.

— Культъ любви. Самой возвышенной, тонкой, безполой, если хотите, любви... Но объ этомъ потомъ, потомъ,—улыбается Глинская, видя удивленный жестъ Мани.—Я перейду къ практическимъ мѣрамъ... Дѣти обоего пола должны воспитываться и обучаться вмѣстѣ. И не въ далекомъ будущемъ, а теперь, сейчасъ!.. Тогда они съ дѣтства пріучатся видѣть другъ въ другѣ товарищей и равныхъ... Общее ученье и общія игры, благотворное вліяніе одного пола на другой, уничтоженіе предразсудковъ, мѣшавшихъ сближенію половъ, мѣшавшихъ дружбѣ и интересу къ личности... Развѣ вамъ не приходилось слышать десятки разъ ироническіе возгласы: „Дружба между мужчиной и женщиной? Да это насмѣшка! Или же она совсѣмъ безобразна и ее нельзя желать"?.. Надо такъ воспитать людей, чтобы вытравить изъ ихъ душъ понятіе о собственности въ любви и дружбѣ. Надо научить бережливому отношенію къ душѣ другого. Только мальчики и

дѣвочки, растущіе вмѣстѣ, рядомъ, смогутъ видѣть въ другомъ прежде всего личность, а потомъ уже полъ... Конечно, наступитъ моментъ, когда проснутся инстинкты...

— Вотъ это самое важное... Что тогда?

— Да, это трудная задача. Исторія не даетъ намъ примѣровъ...

— А Спарта?

Глинская берется за виски.

— Ради Бога, только не Спарта! Развѣ тамъ считались съ личностью? Развѣ тамъ было право выбора и естественнаго подбора? Какъ всякое государство, Спарта накладывала свою лапу на жизнь индивидуума, принося ее въ жертву отвлеченному понятію. Тамъ, какъ на конскихъ заводахъ, улучшали породу людей. Тамъ убивали дѣвочекъ и хилыхъ младенцевъ. Не говорите мнѣ о Спартѣ! А Кампанилла съ его *Солнечной республикой* еще ужаснѣе. Онъ откровенно смотрѣлъ на юношей и дѣвушекъ, какъ на племенныхъ самцовъ и самокъ. И назначалъ для *любви* извѣстные часы и дни!

— Какой ужасъ! Какой цинизмъ!

— Только соціалисты могутъ дойти до такихъ абсурдовъ! Только государственники въ своемъ стремленіи укрѣпить власть могутъ такъ жестоко топтать въ грязь и игнорировать безсмертную душу человѣка съ ея божественными желаніями! Знаю твердо одно... Въ тотъ день, когда юноша прижметъ къ груди безъ страха и оглядки ту, которая пробудитъ впервые въ душѣ его трепетъ желанья,—а дѣвушка отдастся своему порыву, не спрашивая о томъ, на что будетъ онъ содержать ее, и будетъ ли онъ любить ее вѣчно,—этотъ день будетъ величайшей эрой въ жизни человѣчества... Исчезнетъ кошмаръ проституціи, этой семиголовой гидры, которой мы несемъ неисчислимыя жертвы, ядъ которой отравляетъ даже невинныхъ дѣтей... Природа, какъ Іегова, мститъ до седьмого колѣна человѣку, поправшему божественное право любви!

— Постойте... Но вѣдь для этого нужно...

— То, надъ чѣмъ работаетъ Ксаверій: общественное воспитаніе дѣтей и охрана материнства.

— Боже мой! Какъ мы далеки отъ этого!

— Да. Это идеалъ. Это золотая греза человѣчества... Но согласитесь, что это единственное, что освободитъ женщину; что дастъ ей возможность развивать свой умъ и способности; что позволитъ ей заниматься общественной работой наравнѣ съ мужчиной и получать равное съ нимъ вознагражденіе; что избавитъ ее отъ экономическаго и моральнаго рабства. О, я предвижу цѣлый

рядъ драмъ!.. Новый міръ строятъ только на развалинахъ стараго, и подъ обломками гибнутъ тѣ, кому дорого было это старое. Но знаете повѣрье? Крѣпки тѣ стѣны, что стали на костяхъ человѣческихъ. И въ этой ломкѣ настоящаго во имя грядущаго счастья будетъ много слезъ и мукъ. Все это неизбѣжно. Всякій шагъ къ свободѣ залитъ кровью. Но кого это можетъ остановить? Въ битвѣ всегда гибнетъ авангардъ. Но развѣ война этимъ кончается? Новаторы всегда непоняты, всегда несчастны. Но развѣ вы видѣли когда-нибудь, чтобы рожденные борцами возвращались назадъ, признавъ себя побѣжденными? Они падаютъ, но не сдаются.

— Я завидую вашей вѣрѣ!—говоритъ Маня.

— Марья Сергѣевна, все, о чемъ мы говорили сейчасъ, касается только половой любви. Но есть другая... И вы это знаете, какъ и я... Можно обладать женщиной и наслаждаться ею, не любя. И можно любить, не обладая. И мы тоже получаемъ наслажденіе съ людьми, чуждыми намъ по духу, хотя и связанными съ нами узами брака... И дѣтей родимъ отъ нихъ. Но это не мѣшаетъ намъ душу отдавать другому. Любить безмолвно и безкорыстно. Гете это очень ярко выразилъ въ своей *Wahlverwandschaft*... Помните? Два друга женаты. Постепенно каждый изъ нихъ увлекается женой другого. И жены чувствуютъ то же. Всѣ остаются вѣрны долгу. Никто не разрываетъ связи, въ основѣ которой лежитъ чувственность. Но въ объятіяхъ мужа душа одной изъ этихъ женщинъ рвется къ любимому и недоступному существу. И въ результатѣ—ребенокъ похожъ не на отца, а на того, о комъ грезила мать въ моментъ экстаза...

— Какъ это тонко!—шепчетъ Маня.

Глинская беретъ со стола иллюстрированный нѣмецкій журналъ.

— Вы видите этотъ портретъ? Это знаменитая Грета Мейзель-Хессъ... Послѣ Отто Вейнингера ни одна книга не возбуждала такого шума, какъ ея *Sexuelle Cryse*...

— Ахъ!.. Ваша тема...

— Эти идеи вѣютъ въ воздухѣ, Марья Сергѣевна... Вся наша моральная атмосфера пропитана ими. Эти вопросы наболѣли у всякаго тонко чувствующаго человѣка. И надо быть лицемѣромъ или трусомъ, чтобы ихъ замалчивать. Въ моей пьесѣ *Amour Libre* три года тому назадъ—помните?—я высказала тѣ же мысли...

— Да... да... вспоминаю...

— Эту книгу я послала Гретѣ Мейзель-Хессъ и получила отъ нея прелестное письмо... Она предлагаетъ мнѣ работу въ журналѣ *Frauenzukunft*, издающемся въ Мюнхенѣ. Хочетъ напечатать мой портретъ и автобіографію... Но не это важно. Меня радуетъ, что

мы единомышленники, и что ея книга строитъ новое прекрасное зданіе будущаго на развалинахъ нашей морали... Моя задача теперь сводится къ тому, чтобы, развивая собственныя мысли, пропагандировать одновременно и ея идеи. Моя книга—это критика и комментаріи къ ея книгѣ. Какъ всякая критика, она будетъ цѣнна постольку, поскольку она выявитъ истинное *я* разбираемаго автора и отразитъ міросозерцаніе критика, т.-е. мое собственное... Мало того: книгу Греты я переведу на другіе языки... Я такъ захвачена этой работой сейчасъ!

— Счастливица!.. Но что же сама Грета говоритъ о любви?

— Она исходитъ изъ той точки зрѣнія, что наша буржуазная мораль совершенно игнорируетъ счастье индивидуума и интересы расы въ угоду интересамъ собственности... Знаете. Марья Сергѣевна? Я часто думаю, что символомъ нашего вѣка можетъ служить громадный висячій замокъ на двери, и песъ, стерегущій входъ... Потому что нашъ кумиръ это—*Собственность.* Все ему подчинено, и личность, и счастье ея, и любовь... Отсюда и нерасторжимость брака, которая, въ сущности, противорѣчитъ всѣмъ законамъ психологіи. Нельзя ошибаться въ выборѣ,—говоритъ наша мораль! Найди свое счастье сразу, навсегда—среди милліоновъ людей! Поиски новаго счастья являются уже развратомъ. И общество караетъ преступившаго законъ. Особенно если это женщина... А Мейзель-Хессъ говоритъ: „Бракъ подобенъ квартирѣ. Ея темныя стороны выступаютъ только, когда въ ней обживешься"... И она требуетъ, чтобы общество признало нормальнымъ смѣну любовныхъ союзовъ на протяженіи всей жизни.

— Это смѣло.

— Не правда ли? Ей безразлично, насколько пострадаютъ отъ этого интересы собственности. Ей важно счастье индивидуума. Ей важна гигіена расы и возрожденіе человѣчества—задачи, которыя совершенно забыты въ настоящее время.

— Она, значитъ, совсѣмъ отвергаетъ бракъ?

— Напротивъ! Она, какъ и я, признаетъ его какъ идеалъ. Но какъ и я, она думаетъ, что даже въ будущемъ длительный союзъ двухъ гармонично звучащихъ тѣлъ и душъ останется только мечтой! И гдѣ же эта великая любовь? Ждать ее? Она такъ рѣдко встрѣчается на нашихъ перепутьяхъ... И даже когда встрѣтится, то люди второпяхъ проходятъ мимо этой прекрасной богини, не оглядываясь, не подозрѣвая, что счастье всей жизни стояло рядомъ съ ними! Что же остается тѣмъ, кто никогда не видѣлъ даже вдали свѣтлое лицо Большой любви? Проституція? Или бракъ по разсчету? Мейзель-Хессъ пропагандируетъ „Любовь-игру"... „Необхо-

димо—говоритъ она—накопленіе *любовной потенціи* въ душѣ человѣка". Это не будетъ трагической любовью, которая беретъ такъ много жертвъ среди женщинъ. Но это и не будетъ голой чувственностью. Въ этой „школѣ любви" отъ обоихъ партнеровъ потребуется бережливое, вдумчивое отношеніе другъ къ другу. То, чего, повторяю—нѣтъ сейчасъ даже въ свободной любви. Но есть еще одно еще болѣе цѣнное преимущество въ этой *дружбѣ-любви*...

— Какъ вы сказали? Дружба-любовь?.. „То, что мнѣ предлагалъ Гаральдъ, и что я отвергла", грустно думаетъ Маня.

— Да, дружба-любовь. Мейзель-Хессъ говоритъ, что современное человѣчество живетъ подъ темнымъ знакомъ страсти... Я сказала бы: чувственной... Эта страсть всегда стремится поглотить другое *я*... Она всегда борьба. А побѣду одерживаетъ не тотъ, кто любитъ глубже и сильнѣе, а кто любитъ примитивнѣе и эгоистичнѣе... И ужасъ этой страсти въ томъ, что оба теряютъ себя и совершаютъ этимъ величайшій грѣхъ. У женщины это даже введено въ догматъ. Отказаться отъ себя—высшее доказательство любви... Какъ вы глядите на меня, Марья Сергѣевна! Вы пережили когда-нибудь этотъ ужасъ?

— Да... да... Это самое страшное желаніе... Это самая темная волна, которая всегда можетъ встать со дна нашей души...

— ...и смыть мгновенно все зданіе, которое мы строили... Любовь-игра и любовь-дружба не порабощаютъ личности. Не отнимаютъ свободы внутренней и внѣшней. Только пройдя эту школу, человѣкъ научится любить...

— ...радостно и легко? Это то, чему училъ Янъ?

— Да, да, конечно,—изумленно соглашается Глинская.—Теперь я вспоминаю, что, читая *Сексуальный кризисъ*, я все время думала, гдѣ я раньше—много раньше—встрѣчала уже эти самыя мысли? Это книга Яна... Любить легко и радостно? Это та же игра-любовь, которая не опустошаетъ человѣческую душу,—какъ это думаютъ наши догматики, — а, напротивъ, обогащаетъ ее утонченными переживаніями... И кто поручится, что изъ этой *игры* не выроститъ Большая любовь?

Маня задумчива. Ей снова вспоминается Гаральдъ.

— Но Грета Мейзель-Хессъ идетъ дальше... Признавая, какъ идеалъ, моногамный союзъ, основанный на Большой любви, она не считаетъ „безсмѣнность" его неизбѣжнымъ атрибутомъ. Она говоритъ, что чѣмъ сложнѣе психика человѣка, тѣмъ неизбѣжнѣе смѣны... Отсюда вытекаетъ необходимость „послѣдовательной моногаміи"... Интереснѣе всего, Марья Сергѣевна, что соціалъ-демократъ Богдановъ въ своемъ утопическомъ романѣ *Красная звѣзда* идетъ

еще дальше: онъ признаетъ возможность одновременной любви къ двумъ. Онъ тоже находитъ, что душа человѣка слишкомъ многогранна, чтобы можно было удовлетвориться любовнымъ общеніемъ съ одной. *Одна* безсильна дать то, что даетъ *другая.* А человѣку для счастья нужны *обѣ*... Вы смѣетесь? Вы понимаете, какъ шокированы были этими мыслями многіе изъ его товарищей? Всѣ они читали Бебеля *Женщина и соціализмъ*, а въ своей любви они остаются тѣми же мѣщанами... Видите, какъ трудно перевоспитать себя!.. Сколько лѣтъ надо, чтобъ въ корнѣ измѣнить психику! Особенно трудно перевоспитать женщину, которая сейчасъ въ любви видитъ...

— ... Альфу и Омегу жизни,—подсказываетъ Маня, вспоминая о *Завѣщаніи* Яна.

— Надо, чтобъ въ любви она видѣла не лицо Медузы, а великую творческую силу, обогащающую нашу жизнь и возрождающую человѣчество... Добавлю отъ себя, что, слѣдя за русской и иностранной беллетристикой и наблюдая жизнь вокругъ, я замѣчаю тутъ и тамъ, какъ блестки золота вкрапленныя въ кварцъ, этихъ новыхъ женщинъ... Онѣ интуитивно идутъ путемъ, о которомъ говоритъ Грета Мейзель-Хессъ... Онѣ бредутъ ощупью, впотьмахъ. Онѣ не знаютъ еще, гдѣ и когда покажется солнце, къ которому тянутся онѣ черезъ дремучую чащу жизни... Но онѣ уже свернули съ проторенной поколѣніями большой дороги... Онѣ не повторятъ печальной драмы Софьи Ковалевской... Пожелаемъ имъ выбраться скорѣе на просторъ!

Она задумчиво глядитъ въ окно. А въ ушахъ Мани звучатъ слова Яна:

„Привѣтъ вамъ, новыя женщины!..

„Вамъ, дерзнувшія!

„Вамъ, свергнувшія иго любви!..“

IV.

Весело и содержательно течетъ жизнь въ Липовкѣ, жизнь полная труда, умственныхъ интересовъ и эстетическихъ наслажденій. За паркомъ, на выгонѣ, поднялось новое величественное зданіе. Это театръ на семьсотъ человѣкъ. Это народный домъ. Мечта Мани, осуществленная Штейнбахомъ.

Кромѣ сцены—тамъ еще двѣ залы и шесть жилыхъ комнатъ. Когда начинается весенняя и осенняя распутица, дядюшка изъ Лысогоръ переселяется въ этотъ домъ. Сношенія съ міромъ становятся затруднительными, особенно благодаря холмистой мѣстности

Липовки, а дядюшка, какъ главноуправляющій имѣніемъ Штейнбаха, долженъ быть au courant всего. Но зимой и лѣтомъ Федоръ Филипповичъ попрежнему живетъ въ Лысогорахъ. Вѣра Филипповна огорчилась бы его переѣздомъ. Она ревнуетъ брата къ Ликѣ.

Рабочіе подъ режиссерствомъ дядюшки играютъ въ театрѣ, учатся пѣнію и музыкѣ. Много хорошихъ голосовъ. Много музыкально одаренныхъ людей. Образовался приличный хоръ, поющій въ церкви села. Налаживается оркестръ. Искусствомъ замѣтно увлекаются.

Одинъ изъ учителей кончалъ консерваторію, когда его захватила революція. Въ тюрьмѣ онъ познакомился съ Ликой. Они изрѣдка переписывались. Это она подала мысль Федору Филипповичу выписать Соколова. Это цвѣтущій красивый шатенъ. Онъ увлекается работой, вноситъ въ нее жаръ души, не истраченной по мелочамъ. Вѣдь онъ не женился, не размножился, какъ презрительно о себѣ выражается Лика. Сѣрая паутина заботъ не затянула еще его пылкую душу. Все восторгаетъ его въ Липовкѣ: палацъ, цѣнная библіотека Штейнбаха, роскошныя оранжереи, паркъ, южныя ночи Украйны, пѣсни хохловъ, ихъ языкъ. Онъ поэтъ въ душѣ, но стихи его, которыя онъ пишетъ по ночамъ, посвящая ихъ Ликѣ, никуда не годятся. Такъ сказалъ ему дядюшка, подъ любезностью удачно скрывшій свою желчь. И это очень огорчаетъ добродушнаго Соколова. На вечеринкахъ онъ плѣняетъ всѣхъ своей скрипкой и гордится, когда глаза Лики туманятся печалью... Онъ знаетъ, что она безумно любитъ музыку, хотя стыдится въ этомъ признаться.

Регентъ хора, Алмазовъ, изъ поповичей, кончилъ консерваторію свободнымъ художникомъ, добившись этого званія не столько дарованіемъ, сколько трудомъ и врожденнымъ упорствомъ, присущимъ его сословію. Съ Штейнбаха онъ заломилъ огромную цѣну. Дѣло свое ведетъ со вкусомъ и добросовѣстно. Женился онъ еще въ консерваторіи. Жену держитъ въ черномъ тѣлѣ. Ревнивъ и подозрителенъ и совершенно лишенъ общественныхъ инстинктовъ.

Въ „Домѣ искусствъ", какъ назвалъ его дядюшка, самъ онъ по праздникамъ учитъ рисованію желающихъ. А затѣмъ тамъ читаются лекціи для служащихъ Липовки и для рабочихъ. Дядюшка знакомитъ ихъ съ исторіей искусства. Соколовъ съ исторіей музыки. Общеобразовательные воскресные классы ведутъ Лика, Роза, завѣдующая теперь школой вмѣсто покойной Анны Васильевны, и ея новая помощница, педагогичка — Вѣра Яковлевна Сторожева. Лекціи объ иностранной и русской литературѣ читаетъ Василій Петровичъ, новый бухгалтеръ и агрономъ.

Дядюшка въ безсонныя ночи, когда въ распутицу болитъ его нога, тщетно бьется надъ рѣшеньемъ загадки, что за птица этотъ Василій Петровичъ?.. Что онъ не то, за что выдаетъ себя, съ вѣдома Штейнбаха, дядюшка готовъ прозакладывать голову. Онъ увѣряетъ Федора Филипповича, будто кончилъ коммерческое, и потому свободно владѣетъ тремя языками. Но дядюшкѣ хочется ему въ лицо смѣяться. Развѣ въ коммерческомъ институтѣ можно научиться такому безукоризненному произношенію? Это дается только тѣмъ, кто съ дѣтства привыкъ говорить по-французски. Алмазову Василій Петровичъ сказалъ, будто онъ кончилъ петровскіе сельскохозяйственные курсы въ Москвѣ. Но ни тамъ, ни тутъ не наберешься такихъ свѣдѣній о заграничной литературѣ. Агрономъ носитъ блузу, высокіе сапоги, простой картузъ. Но, тѣмъ не менѣе, онъ баричъ съ головы до ногъ, какъ и Нелидовъ.

Эмигрантъ? Революціонеръ?.. Навѣрно такъ... И Ликѣ это извѣстно... Чортъ знаетъ, откуда!.. Иногда невзначай они такъ переглянутся, что у дядюшки духъ захватитъ... А надо послушать, какъ въ интимномъ кружкѣ, на квартирѣ Лики, этотъ агрономъ начнетъ разсказывать о Шотландіи, Норвегіи, Исландіи, о Новой землѣ... Онъ альпинистъ и страстный охотникъ. Исходилъ пѣшкомъ Швейцарію и Тироль. Знаетъ Парижъ, какъ Москву... „Авантюристъ въ душѣ и бродяга", опредѣляетъ дядюшка. „Вотъ почему и до эмиграціи доигрался и сталъ нелегальнымъ. Съ сильными страстями человѣкъ, но неуравновѣшенный... какъ всѣ они..."

Да, ему есть что разсказать и помимо этихъ заграничныхъ впечатлѣній... Дядюшка чувствуетъ, что у этого всегда корректнаго, сдержаннаго человѣка—богатый жизненный опытъ, романическое прошлое и... органическая жажда власти... „Вотъ уже кончикъ ослинаго уха показался", съ торжествомъ думаетъ дядюшка. „Игралъ навѣрное видную роль въ тѣ годы. Отсюда и знакомство съ нашимъ милымъ барономъ, который, въ сущности, такой же соціалъ-демократъ, какъ я—анархистъ..."

И спорить умѣетъ этотъ агрономъ превосходно. Онъ не ругается, не отвлекается въ сторону и не переводитъ разговора на личности, какъ это дѣлаютъ большинство русскихъ. Нахмуривъ убѣгающій высокій лобъ, онъ зорко слѣдитъ своими холодными глазами за нитью спора, не теряя ее никогда изъ виду, какъ не теряетъ изъ виду ни одной кочки, ни одного косогора по дорогѣ въ темныя іюльскія ночи, когда онъ ѣдетъ съ своей тройкой, самъ правя за кучера...

Вотъ еще эта странность! Штейнбахъ изъ-за границы извѣщалъ дядюшку, что, недовольный архаическими пріемами Ермо-

ленка, онъ приглашаетъ новаго агронома. Тотъ привезетъ съ собой новую тройку имъ самимъ объѣзженныхъ лошадей.

Дядюшка руками развелъ... Агрономъ и тройка... Но когда онъ увидалъ Василія Петровича, словно приросшаго къ сѣдлу, и бѣсившуюся подъ нимъ лошадь; когда на глазахъ всѣхъ этотъ Василій Петровичъ на широкомъ дворѣ Липовки показалъ удивительное искусство управлять нервнымъ и капризнымъ животнымъ, дядюшка забылъ свою враждебность.

— Да вы навѣрное кавалеристомъ были!—крикнулъ онъ.—Нелидовъ хорошо ѣздитъ. Но куда ему до васъ!

— Свой заводъ имѣлъ, — обронилъ Василій Петровичъ, небрежно усмѣхаясь.—Люблю лошадей...

„Вотъ, вотъ, вотъ... Кончикъ другого уха показался", думалъ ошеломленный дядюшка. „И свой заводъ, и свое имѣнье... А теперь по чужимъ полямъ гоняетъ. И какая роковая случайность толкнула влѣво этого человѣка, которому предназначено было идти вправо и, быть-можетъ, достигнуть власти? Изъ предводителя дворянства въ губернаторы, а оттуда и еще выше... И крутенько было бы всякому подъ его началомъ. По лицу видно. Какія шутки играетъ жизнь съ людьми!"

А потомъ этотъ шрамъ на лицѣ его отъ щеки почти до подбородка... „Богъ шельму мѣтитъ", думаетъ дядюшка. Этотъ шрамъ интригуетъ его. Дуэль на шпагахъ была несомнѣнно... Теперь агрономъ носитъ густую бороду, закрывающую щеки. Но когда что-нибудь взволнуетъ его или озлитъ, онъ замѣтно блѣднѣетъ. И тогда ярче выступаетъ эта темная полоса.

Не любитъ его дядюшка. За что? Трудно объяснить... Не любитъ и боится. Онъ всегда ежится подъ взглядомъ этихъ сѣрыхъ, острыхъ глазъ. Его смущаетъ холодная корректность этого человѣка, за которой чудится ему надменная, недобрая усмѣшка.

Вѣрочка (какъ зоветъ ее дядюшка) Сторожева—миловидная брюнетка. Она кокетлива, всегда изысканно одѣта. Полна жажды жизни. Климовъ увлеченъ ею, и дѣло навѣрно кончится свадьбой.

— И прекрасно сдѣлаетъ, если выйдетъ замужъ,— говоритъ Лика.—Нечего ей въ школѣ болтаться! Ей до народа, какъ до прошлогодняго снѣга... Пусть идетъ на готовые хлѣба! Дѣвица практичная. А Климовъ прокормитъ. Онъ тоже забылъ, съ какой буквы Марксъ пишется. И созрѣлъ для хомута.

Вѣра полтора года высидѣла въ тюрьмѣ. Она была ярой соціалъ-демократкой, задорной, нетерпимой, невыносимой, какими могутъ быть только женщины. Всѣ были буржуями въ ея глазахъ. Всѣ были презрѣнными. Въ то время она была влюблена

въ одного члена своей партіи и на все глядѣла его глазами. Ее арестовали, когда она печатала прокламаціи у себя въ квартирѣ. Ей грозила ссылка на поселеніе. Тюрьма разбила ея нервы въ конецъ. Она плакала, ревновала своего жениха, ко всѣмъ придиралась. На свиданьяхъ съ родными оскорбляла ихъ. Ее пугало будущее. У нея не хватало силъ бороться. Адвокатъ Вѣрочки очень ловко защищалъ ее на судѣ. Когда она явилась на засѣданіе въ локонахъ и шелковой кофточкѣ, блѣдная, худая, но кокетливая, онъ явно издѣвался надъ нею и надъ тѣми, кто могъ принять за опаснаго члена общества эту барышню, у которой нѣтъ ничего своего... Нынче подъ вліяніемъ господина *A* она будетъ соціалъ-демократкой, завтра подъ вліяніемъ *B* пойдетъ на драматическіе курсы... „Вы посмотрите на нее! Развѣ это не настоящая *Ж*,—о которой говорилъ Вейнингеръ? Что ей Гекуба? Была въ модѣ революція—она стала революціонеркой. Теперь въ модѣ балетъ—она станетъ босоножкой... Карать такихъ несознательныхъ людей—значитъ совершать глубочайшую несправедливость!..“ И т. д. въ томъ же духѣ. Публика смѣялась. Сословные представители недоумѣвали. Сидѣвшіе въ толпѣ *товарищи* негодовали. А Вѣрочка не знала, что и думать, растерянная, красная...

Ее оправдали... Адвоката окружили студенты.

— Послушайте, товарищъ! Что за возмутительная рѣчь!

— А вы хотѣли бы, чтобъ я изъ нея героиню сдѣлалъ, а ее закатали бы въ Сибирь?

Его острые глазки смѣялись. И такъ никто не понялъ, говорилъ онъ искренно или только въ цѣляхъ защиты.

Молодая компанія любитъ собираться у Лики. Тонкій вкусъ Федора Филипповича выгодно отразился на всей обстановкѣ... Ковровъ нѣтъ, потому что Лика не выноситъ пыли. Но противъ тяжелыхъ плюшевыхъ шторъ она ничего не имѣетъ. Это хорошо отъ любопытныхъ глазъ. Есть и мягкая мебель, и цѣнныя гравюры, которыя Федоръ Филипповичъ перевезъ изъ Лысогоръ. И буфетъ есть съ посудой, и никелированный самоваръ, и даже салфетки къ чаю, которыя Лика всякій разъ забываетъ подать. Тогда Федоръ Филипповичъ звонитъ и демонстративно приказываетъ Гапкѣ вынуть ихъ изъ коммода „барыни“...

Онъ всегда подчеркиваетъ это слово, всегда сердится, когда хохлы зовутъ Лику панночкой.—Идіоты!.. Двое дѣтей у женщины. А у нихъ все панночка! Какъ ты это позволяешь?

— А мнѣ рѣшительно все равно! — хохочетъ Лика. — Пусть меня хоть паномъ зовутъ! Ни тепло, ни холодно...

У Лики на стѣнѣ виситъ портретъ хорошенькой гимназистки.

Большіе пытливые глаза, прямой носикъ, короткая верхняя губа. Наивное выраженіе... Думала ли эта дѣвочка, что имя ея прогремитъ по Россіи, будетъ окружено легендой, станетъ святыней для молодежи? На простенькой рамкѣ виситъ вѣнокъ изъ иммортелей. „Ахиллесова пята...“ язвитъ дядюшка Лику.

Когда на Рождество Нелидовъ прислалъ цвѣты, дядюшка поставилъ корзину на видное мѣсто, въ гостиной. Но Лика молча переставила корзину подъ портретъ гимназистки.

Въ карты здѣсь совсѣмъ не играютъ. Когда почта приноситъ новые журналы для библіотеки Штейнбаха, ключъ отъ которой находится у дядюшки, всѣ какъ на праздникъ собираются къ Ликѣ. Гапка подаетъ самоваръ, абрикосовое варенье изъ Лысогоръ, коржики и домашній хлѣбъ. Послѣднимъ всегда приходитъ Василій Петровичъ. „Какъ гастролеръ!..“ язвитъ дядюшка. Читаютъ вслухъ обыкновенно или онъ или Василій Петровичъ. Но дядюшка конкуренціи не выноситъ. А тутъ еще Лика почему-то вдругъ стала такъ любезна съ агрономомъ... Даже удивительно!.. Часто глядитъ на него подъ шумокъ разговора такъ пристально, такъ проникновенно... Дядюшкѣ не по себѣ. Онъ чувствуетъ, что Нелидовъ нравится Ликѣ, хотя ни разу они не обмолвились объ этомъ... И все-таки—его онъ не боится... Нелидовъ—рыцарь. Не позволитъ себѣ мимолетной интрижки... А этотъ „каторжанинъ“... Чортъ его знаетъ что у него на умѣ! Почему каторжанинъ? Дядюшка самъ не знаетъ. Но идетъ къ нему это слово. И конецъ!

— Что за чудная компанія подобралась!—какъ-то воскликнулъ Соколовъ. На что Алмазовъ глубокомысленно замѣтилъ:

— Ну, еще бы не отборная публика! Небось не кто-нибудь у насъ съ вами хозяинъ, а первый богачъ во всей губерніи!

Лика свѣтлыми глазами поглядѣла на краснѣющаго Соколова и расхохоталась злымъ, колючимъ смѣхомъ.

— О, святая простота!—прошипѣла Лика, маша рукой на обиженнаго Алмазова. И стала похожа на змѣйку.

Иногда вмѣстѣ съ Розой приходитъ и Зяма. Онъ только что вернулся изъ Парижа къ умирающему отцу. Но онъ никогда не принимаетъ участія въ спорахъ. Худой, черный, съ запавшими и сверкающими глазами, жуткій какой-то въ своей черной блузѣ, онъ молча сидитъ въ своемъ уголку. Всѣмъ чужой. Всѣмъ враждебный. Съ нескрываемымъ любопытствомъ слѣдитъ за нимъ Василій Петровичъ, какъ будто передъ нимъ невиданный звѣрь.

Какъ-то разъ читали въ *Альманахѣ* повѣсть изъ революціонныхъ дней. Вѣрочка Сторожева затуманилась, потомъ стала зѣвать, потомъ швырять хлѣбными шариками въ Климова и Соколова. Лика оглянулась на нее.

— Если вамъ неинтересно, уходите. Но другимъ не мѣшайте!

— Tenez vous droite, Вѣрочка!—усмѣхнулся дядюшка.—Не забывайте, что вы здѣсь въ пансіонѣ благородныхъ дѣвицъ.

Лика скользнула по немъ холоднымъ взглядомъ и отвернулас

— Читайте, Василій Петровичъ!

Повѣсть была небольшая. Потомъ стали чай пить и, какъ всегда, обмѣниваться мыслями.

— Какъ все это надоѣло! — крикнула Вѣрочка, заранѣе вся ощетинившись, словно въ ожиданіи стычки.—Погромы, деревня, казаки, баррикады... Тошно слушать!

— Безъ любви скучно? — подхватилъ Василій Петровичъ и „нагло“ (какъ опредѣлилъ дядюшка) посмотрѣлъ Вѣрочкѣ въ глаза.

— Конечно, скучно! Развѣ это беллетристика? А главное, сами ничего не испытали. Сидятъ въ четырехъ стѣнахъ и выдумываютъ. И людей подстрекаютъ: „Ахъ, какъ хорошо на баррикадахъ!“ А небось когда возстаніе было, по угламъ жались, и носъ на улицу не смѣли показать!

— Какія вы пошлости говорите!—замѣтила Лика.

— Почему пошлости?—такъ и закипѣла Вѣрочка. — Почему пошлы всѣ, кто думаютъ не по-вашему?

— Мнѣ кажется, мы еще недавно обѣ одинаково думали. У васъ короткая память...

— Довольно съ меня!—истерично, вдругъ блѣднѣя, выкрикнула Вѣрочка.—Не хочу въ шорахъ идти! Не хочу съ чужихъ словъ повторять!.. Хочу быть самой собою!.. Да... Увлекалась революціей, а теперь обидно вспомнить, что полтора года жизни потеряла въ тюрьмѣ. Здоровье потеряла („жениха потеряла“, хочетъ она сказать, но смолкаетъ внезапно)... И за что? За что? Кому отъ этого легче?.. Теперь мнѣ противно, когда заспорятъ о программахъ, о партіяхъ... Зажала бы уши и убѣжала бы на край свѣта... Столько горечи въ душѣ! Столько разочарованія!

— Это у васъ разочарованіе... Но къ чему же обобщать?—язвительно спросила Лика.

— А я знаю, навѣрное знаю, что и другіе такъ же чувствуютъ!.. Вотъ вы, Соколовъ... Зачѣмъ артисту понадобилась революція?.. И неужели вы не раскаиваетесь?

— Говорите за одну себя,—оборвала ее Лика.—Вы оказались накипью на волнѣ. Такихъ много. Но что это доказываетъ?

— Но вѣдь волна упала... упала... Чего же вы всѣ топорщитесь? Зачѣмъ отворачиваетесь отъ дѣйствительности?.. Зачѣмъ обманываете себя, или играете комедію? Всѣ принимаются за дѣло. Хотятъ нормальной жизни...

— Пожалуйста! Кто мѣшаетъ?

— Вы! Вы! Вотъ такіе фанатики. И незачѣмъ смотрѣть на меня съ презрѣніемъ, Лидія Яковлевна! Хоть вы здѣсь и первая скрипка, а подпѣвать я вамъ не буду... Я хочу быть искренней прежде всего. Я имѣю право говорить и думать по-своему. И буду, буду, буду, говорить! Слышите? Буду!..

— Вѣрочка, другъ мой...—вступился дядюшка.

Но она уже забилась въ истерикѣ. Климовъ кинулся за каплями. Дядюшка за водой.

— Настоящая *Ж*,—усмѣхнулся Василій Петровичъ, прощаясь съ Ликой.—Охота вамъ бисеръ метать!

Его пожатіе всегда крѣпко, а взглядъ горячъ. И невольно всегда вспыхиваютъ блѣдныя щеки фельдшерицы.

Черезъ два дня Вѣрочка, встрѣтивъ Лику, извинилась передъ нею за „скандалъ"... И скоро сама забыла объ этомъ порывѣ откровенности. Не забыла Лика. И никогда уже не могла скрыть холодка въ обращеніи съ Вѣрой. Теперь это былъ для нея отщепенецъ, хуже чѣмъ Галаганы, Горленко, Нелидовъ и К°. Тѣ были враги. Эта—перебѣжчикъ.

Памятенъ всѣмъ остался одинъ вечеръ. Заговорили о трагедіи современности, объ этомъ массовомъ уходѣ изъ жизни. Вѣдь всѣ газеты полны этими скорбными, загадочными фактами. Вспоминали Анну Васильевну... Спорили. Кто говорилъ, что жизнь уперлась въ тупикъ, и надѣяться не на что... Кто знаетъ, сколько продлится реакція? Въ Германіи она тянулась пятнадцать лѣтъ... Есть ли у пламенной души сила пятнадцать лучшихъ лѣтъ тянуть лямку въ мѣщанской обстановкѣ, дѣлать карьеру, создавать себѣ семью, содержать ее и т. д.? Дядюшка говорилъ о неумѣніи приспособиться, о повышенной или развинченной психикѣ революціонера. Климовъ шелъ даже дальше. Онъ предполагалъ, что волна революціи смыла съ берега жизни всѣхъ неустойчивыхъ, всѣхъ вырождающихся...

— Подумаешь, одни только „идейные" люди кончаютъ съ собой!—перебила Лика.—А „барышни", отравляющіяся ежедневно уксусной эссенціей! Какое отношеніе имѣли онѣ къ революціи? Развѣ онѣ-то ждали чего-нибудь?

— Василій Петровичъ, — не вытерпѣлъ дядюшка, глядя на агронома, прислонившагося къ кафелямъ печи съ заложенными за спину руками.—Что же вы-то ничего не скажете?..

И онъ отвѣтилъ словами Ницше:

— „Падающаго толкни!"

Взрывъ негодованія былъ ему отвѣтомъ. А онъ слушалъ, надменно улыбаясь, такой сильный и широкоплечій, въ своей темной блузѣ, въ накинутомъ поверхъ пиджакѣ. Особенно волновался дядюшка. Онъ до сихъ поръ простить себѣ не могъ своей мелочной вражды къ погибшей Аннѣ Васильевнѣ.

— Возмутительно!—воскликнулъ онъ.

— Почему?—холодно спросилъ Василій Петровичъ.

— Кто изъ насъ въ юности не пережилъ этого стремленія къ смерти, къ самоуничтоженію? Довольно иногда одного участливаго слова, счастливой встрѣчи, чтобы навязчивая идея исчезла, и жизнь опять показалась полной прелести и смысла! Я возмущаюсь литературой, пьесами, картинами, лекціями, гдѣ затронуты эти вопросы... Какъ всякая тайна, смерть волнуетъ насъ. И, какъ всякая тайна, манитъ... Это опасное чувство, съ которымъ надо бороться. И когда я читаю въ газетахъ, что была лекція: „Объ уходящихъ изъ жизни", меня беретъ ужасъ. Мнѣ хочется крикнуть лектору изъ моего угла: „Да почемъ вы знаете, что среди вашихъ слушателей нѣтъ человѣка, готоваго сорваться въ пропасть, который только ждетъ толчка извнѣ? И ваше неосторожное слово можетъ стать этимъ толчкомъ?" И писателямъ мнѣ хочется крикнуть: „Дайте вѣру! Укажите цѣли! Поддержите мужество... Утверждайте жизнь! Горе соблазнившему хоть одну мятущуюся душу!"

— Вы кончили? — вѣжливо спросилъ Василій Петровичъ.— Позвольте мнѣ теперь возразить вамъ... Вы придаете слишкомъ большое значеніе и лекторамъ и литераторамъ!.. Если-бъ власть слова и власть книги была дѣйствительно велика, то ужъ давно бы измѣнилось лицо жизни. Сколько лѣтъ проповѣдывалъ Толстой отреченіе отъ собственности, дѣятельную любовь къ людямъ, протестъ противъ войны и насилія... А гдѣ они, раздавшіе свое имѣніе? Отмѣнилась ли хоть одна казнь? Смягчилось ли хоть одно сердце отъ проповѣди новаго пророка? И развѣ послѣднія войны не ужаснули міръ своей жестокостью? Я самъ воевалъ съ японцами и видѣлъ человѣка въ его первобытной кровожадности, какъ будто тысячелѣтняя культура была однимъ сномъ... Все это романтика, господа! А жизнь жестока... У нея свои законы! Ей нужны войны, чума, голодъ, эпидеміи, самоубійства, гибель цѣлыхъ городовъ отъ землетрясеній. Зачѣмъ?.. Понять это мы безсильны. Но я вѣрю въ жизнь. Я вѣрю въ прогрессъ. И буря для меня всегда символъ. „Духъ разрушенія это созидающій духъ..." Природа не знаетъ сентиментальности... Она отметаетъ старое и слабое, чтобы дать дорогу молодому и жизнеспособному.

Это дивная работа смерти, которой мы такъ боимся. Это творческая великая сила, которую мы еще не научились цѣнить. Мы видимъ въ смерти только врага. Потому что за личнымъ мы не умѣемъ разглядѣть общаго. Если-бъ я былъ художникомъ, я изобразилъ бы смерть не въ банальномъ образѣ скелета съ косой, а прекрасной женщиной. Она идетъ среди раскрытыхъ могилъ и пригоршнями бросаетъ въ нихъ сѣмена.

Дядюшка тревожно слѣдилъ за Ликой. Какъ горѣли ея глаза!

— Вы значитъ ни во что не цѣните личность? — спросила Роза, почти съ ужасомъ глядя въ это лицо съ темнымъ шрамомъ.

— Какъ убѣжденный соціалистъ, я долженъ отвѣтить вамъ, что для меня общество всегда выше индивида. И чего стоитъ личность безцвѣтная, безвольная, вырождающаяся, неспособная отражать удары судьбы и овладѣть жизнью? Пусть такіе гибнутъ!

— Это варварство! Вы разсуждаете, какъ дикарь!

— А вы, Федоръ Филипповичъ, какъ институтка. Вы боитесь словъ. Вы боитесь конечныхъ выводовъ. Впрочемъ, не терзайте ваши нѣжные нервы!.. Повѣрьте, что всѣ прекрасныя слова безсильны измѣнить желѣзный законъ необходимости, который я чувствую въ этихъ массовыхъ самоубійствахъ,—какъ безсильны всѣ наши вопли и жалобы предотвратить надвигающійся смерчъ.

Спорили страстно. Но онъ уже ни слова не прибавилъ. И скоро ушелъ.

„Мягкотѣлый!",—думалъ онъ о дядюшкѣ, выходя на крыльцо и глядя въ беззвѣздное весеннее небо, гдѣ мчались и сталкивались въ беззвучной битвѣ цѣлыя полчища тучъ. „И такая женщина, какъ Лика, живетъ съ нимъ и родитъ ему дѣтей..."

Онъ пошелъ въ паркъ. Тополя гнулись подъ порывами вѣтра. Надвигалась весенняя буря. Какъ любитъ онъ эти стихійные грозные голоса! Бороться и побѣждать. Вотъ въ чемъ прелесть жизни!.. Скоро двинется ледъ. Скоро вздохнетъ проснувшаяся земля... И самъ онъ пойдетъ отсюда къ новому и невѣдомому, чтобы опять разрушать тайно и терпѣливо всѣ твердыни, созданныя людской косностью и невѣжествомъ, и на ихъ мѣсто строить новое, создавать въ душѣ человѣческой прекрасныя и вѣчныя цѣнности. Онъ уйдетъ...

Онъ вытянулся всѣмъ тѣломъ. Онъ чувствовалъ силу напряженныхъ мышцъ. И съ жаждой счастья глянулъ онъ пристально во мракъ, гдѣ чудилось ему лицо Лики.

„А эта останется здѣсь...

Неужели не уйдетъ, если позвать?.."

Теперь Федоръ Филипповичъ не пропускаетъ ни одного сборища. „Совсѣмъ отъ рукъ отбился“,—съ горечью говоритъ о немъ Вѣра Филипповна. Дядюшка ревнуетъ. Не нравятся ему хищные взгляды, которыми украдкой Василій Петровичъ точно обнимаетъ тѣло Лики. Соколовъ молодъ и красивъ. Но его дядюшка не боится. Онъ наивенъ въ своемъ увлеченіи Ликой. Онъ органически... честенъ, что ли? А этотъ?.. Чортъ его знаетъ, на что онъ только не способенъ! Такой и убьетъ хладнокровно, если понадобится... А волненіе Лики дядюшка угадываетъ безошибочнымъ чутьемъ опытнаго ловеласа.

Часто въ разгаръ спора рядомъ, въ спальнѣ, заплачетъ младшая дѣвочка. Лика и вниманія не обращаетъ...

Тогда дядюшка на цыпочкахъ идетъ въ ея спальню и беретъ изъ корзины дочку. Съ отчаяніемъ въ лицѣ онъ трясетъ ее, чмокаетъ губами и щелкаетъ пальцами, стараясь успокоить. Но дѣвочка блажная. Къ тому же проголодалась.

Дядюшка сконфуженно отворяетъ дверь и манитъ къ себѣ Лику.

— Да что такое?—съ нетерпѣніемъ спрашиваетъ она.

Дядюшкѣ хотѣлось бы обругаться, „пославъ къ чорту“ обычную корректность. Но онъ боится быть смѣшнымъ. Онъ поджимаетъ губы, бѣлыми отъ злобы глазами глядя на Лику. И дѣлаетъ ей неестественно любезные, немного странные жесты.

— Да ты оглохла, что ли?—свистящимъ шопотомъ спрашиваетъ онъ ее, больно держа за локоть, когда она затворяетъ за собой дверь.—Дѣвчонка оретъ, а ей хоть бы что!.. Уставилась на этого каторжанина... Точно никого лучше не видала...

Лика беретъ мгновенно смолкнувшаго младенца на руки, смотритъ въ лицо дядюшки одно мгновеніе и начинаетъ звонко хохотать. Точно льдистыя сосульки на панель падаютъ.

Дядюшка разомъ теряетъ почву подъ ногами. Ну, что будешь дѣлать съ женщиной, которая такъ смѣется!

— Я у тебя за няньку,—говоритъ онъ шипящими звуками,—и за экономку... И чаемъ пою твоихъ идіотовъ-гостей... И на кухню бѣгаю... и закуски приготовляю... Ты бы рада была, чтобъ я и грудью кормилъ... если-бъ это было возможно.

— Ха!.. Ха!.. Ха!..—заливается Лика.

— И зачѣмъ только такія родятъ?—съ ненавистью говоритъ онъ на другомъ концѣ комнаты, хрустя пальцами.

— А ты бы объ этомъ раньше подумалъ,—вдругъ насмѣшливо бросаетъ она.—Развѣ я тебя объ этомъ просила?

Федоръ Филипповичъ обожаетъ дѣтей. Эта нѣжность убила

словно и обезцвѣтила его страсть къ Ликѣ. Но привязанность растетъ. Жизни безъ нея онъ представить себѣ не можетъ...

Но почему ему всегда кажется, что Лика только случайно встрѣтила его на трудной, глухой дорогѣ? Почему ему кажется, что только случайно она поддалась искушенію отдохнуть и прижалась къ его груди, чтобъ вздремнуть немного? А потомъ разбудитъ ихъ разсвѣтъ... И встанетъ она внезапно и уйдетъ дальше къ невѣдомой цѣли. А онъ останется здѣсь доживать ненужную, тусклую, безсмысленную жизнь?

Вмѣсто Анны Васильевны — школу ведетъ Роза. Она попрежнему молчалива, и та же покорность въ ея блѣдномъ лицѣ. Она трогательно привязана къ Штейнбаху и дружитъ съ Ликой. Она поражается живучестью и гибкостью ея души. Вотъ про эту не скажешь, что она идетъ въ шорахъ! Сошлась по любви. Дѣтей имѣетъ. Увлекается своимъ дѣломъ. Какъ самоотверженно работала во время эпидеміи! Народъ ее обожаетъ. Вотъ такимъ людямъ жизнь, какъ кладъ, дается въ руки.

Роза печально озирается въ комнатѣ, гдѣ страдала и боролась съ своей тоской бѣдная „Аттила"... Все измѣнило. Жизнь обманула. И не нашлось ничего, что удержало бы ее на землѣ... Или это потому, что она была уже обречена съ дѣтства? И эта непримиримость, и этотъ пессимизмъ были признаками ненормальности?.. Неужели Василій Петровичъ правъ?

Въ старый зловѣщій лѣсъ пошла Анна Васильевна за смертью и тутъ, въ послѣдній мигъ, думая о другихъ,—о тѣхъ, кто послѣ нея будетъ жить въ этомъ веселомъ домикѣ, полномъ солнца и цвѣтовъ. Но тоска ея осталась здѣсь. Она отравила весь воздухъ. И когда дѣти уходятъ, и наступаетъ тишина; когда спускаются надъ землей темныя, долгія, зимнія ночи, Розѣ чудятся вздохи погибшей. Зловѣщее молчаніе смерти крадется къ ней изъ темноты и ложится камнемъ на ея собственное сердце. И она какъ бы слышитъ голосъ покойницы: „Ждать?.. Чего?.. Сколько?.. Развѣ не все придушено? Не все убито?"

Роза боится себя и своего одиночества. У нея тоже нѣтъ умѣнія приспособиться и найти свое мѣсто въ этой новой, тусклой жизни *безъ лица.* Все вспоминаются ей прекрасныя черты той, что ушла, бросивъ въ душу тѣхъ, кто остались,—порывы, которымъ нѣтъ осуществленія, тоску, для которой нѣтъ просвѣта.

И еще одна печаль прибавилась: Зяма вернулся. И былъ у нея не разъ. Но, годы, проведенные имъ за границей, еще сильнѣе разъ-

единили ихъ. Ей страшно отъ его рѣчей, отъ его взгляда. Онъ говоритъ, что соскучился по родинѣ. Но она не вѣритъ ему... Она его боится.

Закатъ горитъ въ небѣ, когда Нелидовъ верхомъ на своей любимой лошади Лэди ѣдетъ шагомъ по просохшей дорогѣ.

Фыркая, вся дрожа и осторожно переступая точеными ножками, Лэди спускается съ крутого откоса къ греблѣ. На одно мгновеніе, приподнявшись въ стременахъ передъ спускомъ, Нелидовъ пристально и мрачно глядитъ на ту сторону ставка, гдѣ на солнцѣ горитъ шпиль. Это палацъ въ Липовкѣ...

Внизу сырость охватываетъ его разгоряченное тѣло. Скорѣе миновать болото и туманъ!.. Дробно стучатъ копыта Лэди по мосту, и она галопомъ выѣзжаетъ на дорогу.

Кто-то ѣдетъ навстрѣчу. Тоже верхомъ. И на прекрасной англійской лошади. Кто бы это могъ быть?.. Прищурившись Нелидовъ старается припомнить, гдѣ видѣлъ онъ это лицо съ убѣгающимъ лбомъ, эти сѣрые глаза и широкую чувственную челюсть?

Всадникъ тоже смотритъ на Нелидова. Внезапно онъ пришпориваетъ лошадь. Она даетъ скачокъ и мчится въ галопъ. Но Нелидовъ замѣтилъ шрамъ на щекѣ всадника. И вспомнилъ.

Дмитрій Верхотурскій... Сынъ губернатора и братъ его близкаго друга по лицею, недавно умершаго. Дмитрій былъ въ пажескомъ корпусѣ. Горячій, увлекающійся, романтичный—онъ былъ полной противоположностью сдержаннаго и трезваго Нелидова. Это, должно быть, ихъ и сблизило. А онъ сильно измѣнился! Если-бъ не его удивительные глаза, твердые и жесткіе, такъ противорѣчившіе его безразсуднымъ выходкамъ, и не этотъ шрамъ... Онъ получилъ его на дуэли. И чуть не лишился глаза. Дуэль была изъ-за извѣстной петербургской красавицы. И Верхотурскій, великолѣпно дравшійся на шпагахъ, убилъ-таки своего противника. Изъ гвардейцевъ его перевели въ армію, куда-то на югъ. Объ этомъ много говорили. Но Нелидовъ вскорѣ уѣхалъ въ Англію, и не встрѣчался больше съ Верхотурскими.

Николай писалъ ему, что Дмитрій отличился на войнѣ съ японцами, былъ раненъ и, выйдя въ запасъ, поселился въ деревнѣ... Недавно Николай умеръ.

Нелидовъ вдругъ останавливаетъ лошадь, поднимается въ сѣдлѣ и оглядывается. Онъ вспомнилъ... Теперь онъ вспомнилъ все...

Въ Лондонѣ онъ читалъ, чѣмъ сталъ во время революціи этотъ Митя Верхотурскій, ярый охотникъ, спортсменъ и любитель жен-

щинъ. Больше всѣхъ кошмаровъ нашей дѣйствительности поразилъ его тогда этотъ фактъ... Романтизмъ? Опять жажда авантюры? Ну, конечно... Какія убѣжденія могли быть у Мити? Безразсудный порывъ... И карьера разбита, и жизнь испорчена. Его мать тогда пустила въ ходъ всѣ связи, чтобы смягчить его участь и каторгой замѣнить казнь... И вотъ финалъ... Скрываться подъ чужимъ именемъ, скитаться безъ своего угла...

Куда же, однако, онъ ѣдетъ?

Рыжая издали кажущаяся игрушечной лошадь карабкается по крутому склону въ Липовку.

„Ну, конечно...“ думаетъ Нелидовъ, брезгливо улыбаясь. „Куда же, какъ не въ это революціонное гнѣздо?“

V.

Пожалуйте, барыня, самоваръ готовъ,—фамильярно-ласково говоритъ, входя въ будуаръ Кати, нарядная Одарка, одѣтая какъ столичная горничная. Катя лежитъ на кушеткѣ въ свѣтломъ платьѣ, въ корсетѣ и локонахъ. Этого всегда требуетъ Николенька. Она дочитываетъ желтый томикъ французскаго романа. Но тутъ она быстро встаетъ.

— Какъ готовъ? А который часъ?.. Уже девятый? Что же это такое? Гдѣ же это Николенька?

— Мы и то дивимся. Не проѣхалъ ли баринъ къ Горленку?

— Нѣтъ... Нѣтъ... Онъ обѣщалъ вернуться.

Катя беретъ ключи и выходитъ въ обширную столовую.

Все здѣсь напоминаетъ залы англійскихъ эсквайровъ, съ которыми дружилъ Нелидовъ. Огромный каминъ ярко пылаетъ. Вся мебель дубовая, тяжелая, стильная. Ничего показного, бьющаго на эффектъ. И въ томъ же стилѣ выдержана вся обстановка новаго дома, кромѣ свѣтлой спальни и кокетливаго будуара Кати. Весь низъ занятъ гостиной, бильярдной, курильной, библіотекой, кабинетомъ хозяина и парадной столовой, гдѣ предводитель дворянства даетъ званые обѣды. Наверху столовая для семьи, общая спальня супруговъ, будуаръ Кати, дѣтская, комната бонны, рабочій кабинетъ Николеньки, гдѣ стоитъ верстакъ, и гдѣ всегда пахнетъ стружками и клеемъ,—и угловая комната покойной Анны Львовны. Тамъ все осталось попрежнему. Катя боится проходить мимо по вечерамъ.

Заваривъ чай и оглядѣвъ прекрасно сервированный по-англійски столъ, Катя подходитъ къ окну и распахиваетъ его.

Чрезъ тополи парка днемъ далеко видна дорога, поля, балка

съ темной зеленью, изъ-за которой бѣлѣетъ величественный палацъ Штейнбаха. Но сейчасъ ночь кажется непроглядной. На дорогѣ тихо. Только издали несется лай собакъ и гоготъ гусей, встревоженныхъ чѣмъ-то у ставка.

Пахнуло весенней сыростью, и заколебалось пламя свѣчей.

— Простудитесь, барыня,—строго замѣчаетъ Одарка, затворяя окно.—Съ болота такой туманъ идетъ! Ничего не видно за нимъ.

— Дай мнѣ платокъ бѣлый и тальму!—говоритъ Катя.

Уже съ четверть часа стоитъ она у калитки парка, кутаясь въ свою тальму. Рядомъ Шарикъ потихоньку визжитъ.

Почему Николеньки нѣтъ?.. Вѣдь поѣхалъ ненадолго... Онъ всегда говоритъ, когда вернется. Онъ знаетъ, что она боится разлуки, боится темныхъ ночей, боится каждаго шороха съ тѣхъ поръ какъ, двѣ недѣли назадъ, ограбили винную лавку въ сосѣднемъ селѣ. А воры скрылись, и найти ихъ не могутъ... Николеньку не любитъ народъ... Она слышала объ этомъ намеками отъ Натали Галаганъ. Онъ справедливъ, а народъ избаловался послѣ революціи... Боже мой!.. Что же онъ не ѣдетъ?

И вдругъ томительное предчувствіе неминуемой бѣды всплываетъ со дна души. Она не можетъ унять внутренней дрожи. А тутъ еще этотъ Шарикъ визжитъ.

— Молчи... тубо!.. Слышишь?.. Тубо...

Она прислушивается, пристально вглядываясь въ темную даль... Какъ будто... Да... да!.. Знакомый галопъ... А!.. Наконецъ!!

Шарикъ съ лаемъ кидается на дорогу. Топотъ все ближе...

— Николенька - а... Ты-ы? — звенитъ тревожно - радостно ея крикъ... Галопъ все ближе... Ахъ, этотъ глупый Шарикъ!

— Николень-ка-а!..

Она уже бѣжитъ навстрѣчу. Вотъ и Лэди... О, милая!..

Вдругъ лошадь останавливается.

Катя широко открываетъ глаза, полные ужаса. Въ сѣдлѣ никого нѣтъ. Лошадь тихонько ржетъ... Она вся въ пѣнѣ.

Катя кричитъ такъ дико и пронзительно, что ее слышатъ даже на службахъ, за паркомъ. Лошадь дрогнула, шарахнулась и мчится ко двору. Шарикъ съ лаемъ кидается за нею.

— Спасите! Спасите! — кричитъ Катя.

Все поднято на ноги. Забѣгали огни въ усадьбѣ. Поднялся гулъ голосовъ. Катя бьется въ истерикѣ на крыльцѣ. А надъ нею причитаетъ Одарка. Бабы сбились въ кучу и дрожатъ.

Черезъ полчаса кучеръ, конюхъ и лакей—двое верхами, третій въ шарабанѣ, съ факелами въ рукахъ, выѣзжаютъ на дорогу, по которой долженъ былъ вернуться Нелидовъ.

Лика только что успѣла переодѣться и поужинать послѣ обхода больныхъ, какъ входитъ Гапка съ самоваромъ.

— А у насъ бѣда, барыня... Въ Лихомъ Гаѣ стрѣляли...

Лика ищетъ на этажеркѣ книгу, которую обѣщала Розѣ:

— Ну, такъ что-жъ? Пусть стрѣляли! Чего намъ съ вами бояться? Денегъ у насъ нѣтъ.

— Охъ, Боже жъ мой!.. Говорятъ, барина изъ Дубковъ убили...

Книга падаетъ изъ рукъ Лики.

— Съ факелами поѣхали оттуда. По дорогѣ къ Лихому Гаю...

Лика безсильно опускается на стулъ. Слышны быстрые шаги и стукъ двери. Вбѣгаетъ Роза въ одной кофточкѣ, безъ платка.

— Боже мой!.. Боже мой!.. Какое несчастіе!

— Убитъ?—шопотомъ спрашиваетъ Лика.

— Нѣтъ! Живъ, къ счастью... Живъ... только раненъ... Я сейчасъ Грицка видѣла. Онъ шéлъ со станціи на село... О, Боже мой!.. Дайте воды, Гапка...

Она пьетъ, стуча зубами о стекло. Лика вдругъ встаетъ.

— Такъ онъ живъ? Кто говоритъ, что онъ живъ?.. Гапка, давайте скорѣе пальто!

— Его нашли на дорогѣ... понимаете?.. Безъ чувствъ...

— Раненъ?.. Платокъ, Гапка... Скорѣй!.. Скорѣй... Гдѣ нашли?

— Онъ ѣхалъ мимо лѣса... Упалъ... О Боже! Какое несчастіе!

— О чемъ вы плачете?—вдругъ опомнившись, рѣзко спрашиваетъ Лика, быстро перебиравшая что-то въ своемъ большомъ саквояжѣ. — Гапка, бѣгите къ кучеру. Чтобы сію минуту подали мнѣ шарабанъ! Слышите?.. Сію минуту! Пусть догонитъ меня на дорогѣ! Я иду въ Дубки. А вы, Роза, перестаньте плакать... Я не могу... Я не могу больше...

— Я боюсь... боюсь... Лика... если бы вы знали...

— Господи! Да что вы всѣ одурѣли? Кто васъ тронетъ?

— Ахъ, не за себя!.. Вы не понимаете... Если-бъ вы знали...

— Ну, теперь некогда! Надо спасать человѣка. Бѣгите къ Климову, Роза! Пусть онъ захватитъ инструменты и догоняетъ меня! Пусть кабріолетъ возьметъ... Ахъ, Федоръ... Ты?..

Дядюшка тоже взволнованъ.

— Ну, идите же, Роза! — властно кричитъ Лика, и глаза ея сверкаютъ, останавливаясь на блѣдномъ лицѣ Розы, изъ котораго словно ушла вся мысль, послѣ страстнаго взрыва отчаянія.

— Куда ты?

— Въ Дубки, конечно.

— Ночью? Одна?..

— Такъ иди со мной.

— Конечно, пойду... Я и самъ хотѣлъ туда ѣхать. Бѣдняжка Катя навѣрно голову потеряла... Боже мой!.. Что это опять началось?

— Я выхожу, Федоръ!

— Почему не подождать экипажа?

— Онъ насъ догонитъ. Вотъ, бери сумку... Револьверъ съ тобой?

— Конечно... Опять какъ тогда будемъ спать вооруженные...

— Не скули, ради Бога!.. И такъ тошно... Видишь дорогу?

— Лучше свѣти... Фонарикъ съ тобой? Я тоже захватилъ... Какая сырость!.. Лика, ты не простудишься? Ты надѣла калоши?

Она бѣжитъ впередъ, не слушая и не отвѣчая. Горло сжалось. Отчего она не одна въ эту страшную минуту? Здѣсь, среди мрака и молчанья полей, подъ равнодушнымъ, высокимъ небомъ, она дала бы волю слезамъ, которыя душатъ ее.

Скорѣй! Скорѣй!.. Если можно спасти, если можно бороться съ судьбой, она будетъ бороться!.. Она...

— Не иди такъ скоро!—кричитъ Федоръ Филипповичъ.

Она слышитъ, какъ за нею чмокаютъ по весеннимъ лужамъ высокіе сапоги дядюшки. Но слова его не доходятъ до ея сознанія.

— Мы оба съ ума сошли!—говоритъ онъ ей въ догонку.—Теперь Гапка удеретъ на кухню. Дѣти одни остались. А тамъ лампа горитъ... Ты слышишь что ли, Лика?

— Слышу... слышу... Вернись... Я одна...

— О, Господи!—срывается у дядюшки.

Они дошли уже до конца липоваго проспекта, когда издали къ нимъ доносится топотъ. Причудливыя, страшныя тѣни отъ факеловъ бѣгутъ по дорогѣ и колеямъ, полнымъ воды, по оттаявшимъ черноземнымъ полямъ. И еще враждебнѣе и гуще кажется мракъ отъ этихъ зловѣщихъ, бѣглыхъ бликовъ огня.

— Го!.. Го!.. Го!..

— Гей... Гей!—кричитъ дядюшка.—Откуда?

— Изъ Дубковъ, за дохторомъ. Здравствуйте!

— Здравствуйте...

— Живъ? Живъ?—истерически кричитъ Лика. И этотъ крикъ, выдавая ея тайну, врѣзается въ сердце дядюшки.

— Слава Богу!.. Живъ...

Лика рыдаетъ, упавъ головой на плечо Федора Филипповича. Рухнуло все въ одно мгновеніе: гордость, самообладаніе, стремленіе скрыть свое увлеченіе, твердая рѣшимость побороть это наважденіе. Плачетъ слабая, обыкновенная женщина, впервые сознавшая, что она любитъ.

— Тише!.. Тише!—испуганно лепечетъ дядюшка, обнимая Лику. И тихонько цѣлуетъ ея платокъ. Странная логика сердца!

Онъ не ревнуетъ сейчасъ. Онъ ошеломленъ. Болѣе того: онъ растроганъ. И эта плачущая женщина становится ему теперь ближе и понятнѣе, чѣмъ за всѣ годы ихъ связи.

Уже разсвѣтъ глядитъ въ окна, когда Нелидовъ наконецъ забывается тревожнымъ, лихорадочнымъ сномъ.

Климовъ уѣхалъ, промывъ и перебинтовавъ вмѣстѣ съ Ликой раненое плечо.—„Рана сквозная“, говоритъ онъ. „Какъ пуля не задѣла сердце или легкое?.. Удивительно счастливая случайность!“

Разбитую отъ истерики Катю уложили рядомъ, въ будуарѣ. Она заснула, кажется. Но Лика не можетъ спать...

Переступивъ порогъ этого дома, она стала опять прежней фельдшерицей съ стальными нервами, не знающей устали. Но теперь и она измучена. Если-бъ заснуть хоть на четверть часа!.. Она съ ужасомъ думаетъ о томъ, что въ десять утра ее отвезутъ на прiемный пунктъ. Нѣтъ уже никакихъ силъ... Если бы заснуть...

Нелидовъ начинаетъ бредить.

Она встаетъ и кладетъ ему на голову пузырь со льдомъ. Онъ затихаетъ. Еще одну секунду она смотритъ въ его осунувшееся лицо съ тѣнями у рѣсницъ. Такой онъ безпомощный и слабый... Нѣжная улыбка смягчаетъ колючiя черты Лики. Она садится и закрываетъ глаза... Если бы заснуть!

Ей вспоминается прошлая зима, болѣзнь и смерть Анны Львовны. Какiя это были странныя переживанiя!.. Памятна осталась ей одна ночь, когда они вдвоемъ дежурили у постели умирающей. Больная спала... Лика въ креслѣ, рядомъ, тоже дремала. А по другую сторону, у изголовья, сидѣлъ Нелидовъ. Лампа подъ синимъ абажуромъ давала мягкiй полусвѣтъ. Лика была въ тѣни.

Вдругъ она открыла глаза и увидала лицо Нелидова. Весь выпрямившись въ своемъ креслѣ, онъ глядѣлъ вверхъ. И такъ необычно, такъ прекрасно было его лицо, такой экстазъ былъ въ широко открытыхъ глазахъ, такъ скорбно сдвинулись брови и безпомощно полуоткрылись губы его, что Лика мгновенно поняла. Онъ молился... Особенно поразилъ ее этотъ напряженный взглядъ, какъ бы стремившiйся проникнуть чрезъ стѣны и преграды—и сорвать завѣсу, отдѣляющую отъ насъ будущее.

Ей стало стыдно и страшно. Она зажмурилась. Почти перестала дышать. И открыла глаза только, когда Нелидовъ шевельнулся. Но лица его и всего того, что она перечувствовала въ это мгновенiе; того большого и сложнаго, не укладывавшагося во всѣ рамки и футляры ея собственнаго мiропониманiя,—она уже никогда не забыла.

Еще одно воспоминаніе...

Старуха умирала въ полной памяти, просто и безстрашно. И здѣсь она оставалась вѣрной себѣ. Въ послѣднюю минуту она выслала всѣхъ и осталась наединѣ съ сыномъ. Катю она не позволила будить, хотя Нелидовъ настаивалъ. Катя была беременна и даже стоя засыпала, такъ измучили ее предыдущіе дни. Нелидовъ надѣялся, что мать проживетъ еще до утра. Ликѣ одной было ясно, что конецъ наступилъ.

Все короче и быстрѣе становилось дыханіе умирающей. Лика сѣла у окна, рядомъ съ дверью. Каждый звукъ былъ ей слышенъ.

„Мамà... милая мамà..." разслыхала она нѣжный, плачущій голосъ.

Умирающая уже не отвѣчала. Только выше и громче сталъ звукъ ея дыханья, какъ будто она хотѣла сказать: „Слышу, слышу... Я еще съ тобой..."

Лика знала, что болѣзнь старухи осложнилась воспаленіемъ сердца, которое каждую секунду можетъ остановиться. Поэтому она не удивилась, когда короткіе, быстрые, полные страшнаго напряженія звуки вдругъ оборвались, и за дверью настала зловѣщая тишина. Но Нелидовъ понялъ не сразу. Онъ поднялъ голову матери, увидалъ ея остановившіеся глаза, струйку крови, сбѣгавшую по уголку искривленнаго рта...

— Сюда... Скорѣй!.. — крикнулъ онъ. — Помогите... Что съ нею?

Лика вошла, взяла умершую за плечи, осторожно положила на подушку качнувшуюся тяжелую голову и тихонечко пальцами опустила вѣки на остановившіеся, но полные еще жизни глаза. И только тутъ Нелидовъ понялъ... Совершенно забывъ о Ликѣ, онъ упалъ на колѣни передъ постелью и отчаянно зарыдалъ.

У Лики сжалось горло. Она кинулась было къ двери. Взялась за ручку... Нѣтъ... Она не могла уйти. Эти безпомощныя какія-то дѣтскія слезы задѣли какую-то новую струну въ ея душѣ.

Какъ это случилось? Она и сама не помнитъ... Осталось въ памяти только, что она коснулась губами его волосъ и погладила его голову... Почувствовалъ ли онъ эту ласку? Онъ зарыдалъ еще страстнѣе. А она беззвучно вышла, разбудила Катю и послала ее къ мужу... Вотъ и все...

Они встрѣтились только на похоронахъ. И онъ издали поклонился ей какъ-то особенно почтительно. Или ей это почудилось?

Ей вспоминается, какъ подъ Рождество въ первый разъ Григорій, слуга Нелидова, вошелъ въ квартиру съ корзиной цвѣтовъ и визитной карточкой.

„— Мнѣ? — дрогнувшимъ голосомъ спросила она, пока Федоръ Филипповичъ снималъ рогожу. — Съ ума онъ сошелъ, что ли?

Дядюшка поперхнулся, покраснѣлъ, закашлялся. Сдѣлалъ страшные глаза и далъ на чай Григорію.

„— Какая роскошь!.. Благодари барина... Очень благодари...

Дядюшка накинулся на нее. „До чего ты безтактна! До чего невоспитанна... Человѣкъ въ Кіевъ посылалъ за цвѣтами, а она...“

Запахъ нарциссовъ и гіацинтовъ не давалъ ей спать ночью. Она тихонько вставала и выходила въ гостиную. Невинно бѣлѣли благоухающія чашечки. Она наклонялась къ нимъ лицомъ. И что-то опьяняющее, разслабляющее вливалось въ суровую душу. И мечтательными дѣлались колючіе глаза.

Вотъ и все... Счастье, маленькое, хрупкое и цѣломудренное, какъ эти цвѣты, не имѣющіе будущаго... Но что до того?.. И развѣ нужно что-нибудь другое?

И вотъ она опять въ этомъ домѣ.

Странно связала ихъ судьба! Не съ женой, этой избранной и любимой Катей—переживаетъ онъ всѣ трагическія минуты своей жизни, а рядомъ съ нею, съ женщиной, чуждой ему всѣмъ складомъ души, всѣми стремленіями, всѣмъ прошлымъ.

Больной открываетъ мутные глаза. Долго смотритъ на Лику, словно силясь понять. Потомъ пробуетъ улыбнуться.

— Это вы?.. Спасибо!

— Не говорите... Ради Бога, не говорите!.. Постарайтесь заснуть... Удобно ли вамъ лежать?.. Кстати, примите капли... И я поставлю градусникъ.

Онъ слѣдитъ за ея движеніями. Ни одного лишняго жеста. Ни одного ненужнаго шага. Ни суетливости, ни растерянности. Все разсчитано, цѣлесообразно... Невольная увѣренность вливается въ душу.

Когда, поблѣднѣвъ отъ боли, онъ опускаетъ на подушки голову, она медлитъ у постели, закусивъ губы, не сводя съ него глазъ.

Онъ поднимаетъ рѣсницы. Опять блѣдно улыбается. И протягиваетъ ей горячую руку. Еле замѣтно его пожатіе.

— Вотъ мы опять вмѣстѣ,—говоритъ онъ шопотомъ.

Черезъ пять минутъ онъ уже дремлетъ.

Лика сидитъ неподвижно, глядя въ одну точку.

Съ этой памятной ночи Лика потеряла себя. Въ смятенной душѣ все стало ясно. Онъ могъ умереть.. Что значили передъ этимъ ужасомъ всѣ суровые догматы, всѣ идейныя разногласія? Передъ страстью, охватившей ее, она стояла такая безпомощная, такая маленькая...

Опасность миновала. И Лика опять замкнулась въ себѣ. Страшно и стыдно ей теперь за взрывъ отчаянія. И она не можетъ простить Федору Филипповичу, что въ ту ночь онъ былъ свидѣтелемъ ея слабости.

Но съ того дня началась ея странная и двойственная жизнь Амбулаторный пріемъ и обходъ больныхъ на селѣ, заботы о дѣтяхъ, ласки Федора Филипповича. Споры и встрѣчи, жизнь, полная труда и кипучей энергіи... Это для всѣхъ... А для себя вотъ эти короткіе часы въ Дубкахъ, когда два раза въ день она ѣздитъ на перевязку. Она ждетъ ихъ... И когда лошадиный топотъ доносится къ ней, она знаетъ:—началась другая жизнь. Ея губы розовѣютъ, когда она выходитъ на крыльцо съ большимъ саквояжемъ въ рукѣ. Шарабанъ, мягко покачиваясь на косогорахъ, везетъ ее куда-то. Куда?.. Не все ли равно! Весеннее солнце заливаетъ поля. Она озирается, удивленная, радостная. Почему раньше она не чувствовала тишины этихъ полей, красоты этой дали, этого мира и радости, разлитыхъ кругомъ? Почему, какъ слѣпая, жила она, не умѣя цѣнить жизнь, какъ таковую? Не умѣя непосредственно наслаждаться своей молодостью?

И весь этотъ недолгій переѣздъ полонъ для нея неизъяснимой прелести. Уходитъ настоящее. Исчезаетъ прошедшее... Неужели когда-то была тюрьма, споры о партіяхъ, разговоры о долгѣ?.. Неужели одной ненавистью питалась душа?.. Все забыто... Она чувствуетъ себя дѣвочкой. Она вспоминаетъ лѣто въ деревнѣ, куда мать ея прачка, харкавшая кровью, уѣзжала на поправку послѣ тяжкой зимней работы. Вспоминаетъ лѣсъ, ландыши, таинственный зеленый полумракъ и молчанье какъ въ храмѣ. Тогда она умѣла непосредственно радоваться, безотчетно наслаждаться... Что-то общее есть между этими воспоминаніями и тѣмъ, что переживаетъ она теперь, подъ этимъ весеннимъ солнцемъ.

А потомъ есть у нея еще міръ новыхъ ощущеній, куда никому не дано проникнуть... Ночная тишина, когда съ закрытыми глазами не спишь, а грезишь... Губы тихо улыбаются, и печаль гдѣ-то глубоко звенитъ такъ нѣжно и сладко...

А потомъ еще сны... которые никому не разскажешь. Отъ нихъ просыпаешься съ бьющимся сердцемъ. Ихъ вспоминаешь съ краской въ лицѣ... И сердишься на себя. И гонишь эти мысли.

Но развѣ виноваты мы въ нашихъ снахъ?

Отъ Мани Ельцовой Сонѣ Горленко.

Beaulieu.

„Я удивлю тебя неожиданностью, дорогая Соня. Я покидаю сцену. „Почему?“ крикнешь ты... Этотъ возгласъ я читаю во всѣхъ

лицахъ, во всѣхъ газетахъ... „Несчастная!“ сказалъ мнѣ Нильсъ. „Да ты совсѣмъ больна?“ Маркъ молчитъ, но думаетъ то же самое... Воображаю гнѣвъ Изы! Отсюда слышу упреки Агаты... О, Боже мой! Кто пойметъ меня? Гдѣ же тотъ, кто протянетъ мнѣ руку въ эту трудную минуту моей жизни?

„Если ты думаешь, что это аффектъ, капризъ, истеричная выходка, ты ошибешься, какъ и всѣ. Если ты скажешь, что я не люблю искусство, — это будетъ клеветой. Оно дало мнѣ высшія радости въ моей жизни, и я рождена артисткой. Но гдѣ зритель, для котораго бьется мое сердце?

„Я его видѣла разъ, этого родного мнѣ зрителя, для котораго искусство—праздникъ, а артистъ—волшебникъ, несущій забвеніе, дающій силу мириться съ дѣйствительностью. И воспоминаніе о немъ преслѣдуетъ меня... Даже во снѣ я вижу его. Встрѣчу съ нимъ я смутно предчувствовала давно-давно... И если не приснилось мнѣ то, что я пережила въ Лондонѣ...

„Слушай, Соня! Этотъ кризисъ назрѣвалъ во мнѣ не со вчерашняго дня. Когда я ѣхала въ театръ, я всегда утѣшалась мыслью, что есть дешевыя мѣста (болѣе или менѣе, конечно), и что эти мѣста заняты бѣдняками-поэтами, студентами, курсистками, приказчиками, портнихами... О нихъ я думала, играя. Для этой маленькой горсти людей я жила и горѣла на сценѣ. Выходя на вызовы, я всегда глядѣла вверхъ... Но чѣмъ извѣстнѣе я становилась, тѣмъ шире разверзалась пропасть между мной и этими людьми только потому, что у нихъ нѣтъ бѣшеныхъ денегъ на развлеченія... Вспомни, Соня, мою публику: этихъ пышныхъ дамъ съ муфтами въ рукахъ; этихъ скучающихъ лысыхъ молодыхъ людей въ смокингахъ; этихъ вылощенныхъ военныхъ; этихъ плѣшивыхъ, обрюзглыхъ меценатовъ... Пьесы Чехова, сказки Меттерлинка, вдохновенная музыка Скрябина, геніальный танецъ Айседоры Дункапъ, игра Моисси, кровью сердца писанныя строки Горькаго—все для нихъ забава!.. А наглыя лица журналистовъ? Могутъ ли эти люди проникнуть въ душу творившаго? Съ уваженіемъ подойти къ чужому труду? Оплевать, унизить, освистать, втоптать въ грязь—вотъ что могутъ они. Вотъ единственное, чего они хотятъ.

„Сколько горечи!“ думаешь ты. „Неблагодарная Маня!..“ Да, я удачница... Но я только недавно отъ Изы узнала, чего стоила Марку (приблизительно, по ея подсчету. Онъ все отрицаетъ изъ деликатности)—реклама обо мнѣ во всѣхъ городахъ, гдѣ я играла. Безъ этой рекламы меня не выдвинулъ бы ни мой талантъ, ни моя страстная любовь къ искусству. Но вѣдь реклама выдвига-

етъ и посредственностей. И загипнотизированные мѣщане принимаютъ ихъ съ тѣмъ же почетомъ, какъ и истинныхъ артистовъ. Чего стóитъ ихъ оцѣнка?

„То, что я увидала въ Монте-Карло... Слушай, Соня!.. Если ты захочешь узнать отвращеніе къ людямъ; если ты захочешь больно и ярко почувствовать все уродство, всю грязь нашей жизни, пріѣзжай сюда, въ это знаменитое Монте-Карло, о которомъ мечтаетъ каждый жаждущій славы пѣвецъ, каждая балерина... Кругомъ кокотки, растакуэры, снобы, игроки, шулера и воры; аристократы и банкиры со всего свѣта съ женами, любовницами и дочерьми; американки, которыхъ я не выношу за ихъ вульгарность, за ихъ мѣщанство, за обнаженность ихъ душъ. Вся эта публика, праздная, жестокая, бездушная и бездумная, двигается съ одного курорта на другой, какъ стадо, сожравшее весь кормъ... Я жила въ Монако, чтобъ не имѣть соприкосновенія съ этой публикой. Но когда на террасахъ сада Монте-Карло мнѣ приходилось лицомъ къ лицу сталкиваться съ этими порочными лицами, съ этими лицемѣрными масками, съ этими вырождающимися людьми, я содрогалась, какъ будто наступала на змѣю. Я почти провалила первый спектакль, такое отвращеніе охватило мою душу. Нильсъ чуть не побилъ меня. И я разревѣлась. Что я могла ему сказать? Онъ не понимаетъ. Я презирала себя, когда ѣхала въ театръ, и каждый вечеръ говорила себѣ: „Это въ послѣдній разъ...“ И вотъ послѣ недѣли такого разлада, со мной сдѣлался нервный припадокъ, и Марку пришлось увезти меня въ Beaulieu. Это сравнительно тихое мѣстечко недалеко отъ Ниццы. Одна большáя улица вдоль набережной, тѣ же пальмы, громадный, къ счастью ещé пустой отель... Я не люблю пеструю, шумную Ривьеру, потому что у нея *нѣтъ лица*, какъ у той публики, которая ее наводняетъ. Съ какой радостью уѣхала бы я въ Парижъ, къ Ниночкѣ! Но меня уложили въ постель, вѣрнѣе, на кушетку. Что-то съ сердцемъ... Какое то расширеніе... Я лежу на террасѣ цѣлыми днями и гляжу въ блѣдно-голубое ласковое море, и стараюсь забыть, что гдѣ-то гремитъ музыка, что гдѣ-то стоятъ театры, куда медленно вползаетъ пестрая, сытая, гремучая змѣя-публика съ ея отвратительнымъ запахомъ, заражая воздухъ своей пошлостью. Я ее больше не увижу... Никогда! Никогда!.. О, счастье!..

„Мнѣ стыдно передъ Нильсомъ. Но я ему не пара. Придется ему искать другого, болѣе уравновѣшеннаго товарища. И какъ подумать, что мнѣ предлагали турнэ по Америкѣ, въ *Городъ желтаго дьявола*!.. Помнишь Горькаго? О, Соня! Быть свободной. Быть одинокой... Отдать душу мечтѣ... Идти новымъ путемъ...

„Маркъ и Нильсъ еще надѣются на что-то... Напрасно. Я заплачу громадную неустойку и, быть можетъ, опять буду бѣдна. Газеты выпустятъ рядъ нелѣпыхъ статей. И этимъ скандаломъ закончится моя артистическая карьера.

„А мнѣ хочется плясать танецъ дикихъ... Я счастлива, счастлива!.. Еще недавно передо мной лежали два пути—любовь и рабство или свобода и искусство. Я выбрала послѣднее. Ты не знаешь этой страницы моей жизни. Она залита кровью моего сердца. Не надо вспоминать!.. Все ушло. И опять жизнь вся передо мною. Стою на горѣ и смотрю внизъ. Безчисленныя тропинки бѣгутъ, разбѣгаются во всѣ стороны. Зовутъ. Манятъ въ невѣдомое. Какую выберу? Какой пойду?.. Знаю одно: къ новой жизни ведетъ каждая изъ нихъ. Знаю одно: назадъ дороги нѣтъ!

Маня сидитъ на пустынной набережной Больё. Деревья пыльны. Солнце ослѣпительно сверкаетъ на морѣ. И чуть слышно бьетъ въ камень берега ласковая волна. На Манѣ строгій, свѣтло-сѣрый костюмъ tailleur, шляпа съ огромнымъ страусовымъ перомъ. Кружевной зонтикъ бросаетъ нѣжную тѣнь на ея похудѣвшее лицо. Нильсъ одѣтъ какъ снобъ, весь въ свѣтлой фланели, въ бѣлой модной панамѣ, проломленной посрединѣ. Онъ нетерпѣливо бьетъ по землѣ своей тростью. У него злые, чуть воспаленные глаза.

— Неужели ты это серьезно говоришь? Бросить сцену?.. Тебѣ?.. Ну, понимаю, что ты устала, что ты надорвалась... изъ-за меня, конечно... Ты несла на своихъ плечахъ репертуаръ... Понимаю, что ты не хочешь ѣхать сейчасъ со мной въ Америку... хотя это ужасно, Маня... Не смѣй отнимать руки! Не смѣй играть недотрогу!.. Ты доведешь меня до того, что я тебя тутъ же на улицѣ обниму... Отдай мнѣ твою руку...

— Господи!.. Да ты совсѣмъ съ ума сошелъ!

— Я ненавижу твоего барона! Какъ смѣлъ онъ не пускать меня къ тебѣ?.. Развѣ ты мнѣ не ближе сейчасъ, чѣмъ онъ?

— Глупый Нильсикъ... ты мнѣ братъ, а онъ...

— Молчи! Я этого знать не хочу!.. Ты его не любишь...

— Неправда!.. Люблю... люблю страстно...

Нильсъ моргаетъ, ошеломленный этимъ признаніемъ.

— Это съ которыхъ же поръ ты его полюбила? Да еще „страстно“?.. — спрашиваетъ онъ, бритыми губами касаясь серебряной ручки своей трости.—Опять играешь мною, Маня?

За ихъ спинами гудитъ автомобиль и мчится къ отелю.

— Чортъ!—говоритъ Нильсъ. И ударяетъ тростью по скамьѣ.

— Что такое?

— Я сказалъ: чортъ... А теперь говорю: дьяволъ!.. Опять твой англичанинъ пріѣхалъ... Вотъ не было печали... Тѣнь объявилась... По пятамъ ходитъ... И какъ твой баронъ это терпитъ?.. Баба— этотъ Штейнбахъ!.. Будь ты моею, показалъ бы я этимъ господамъ...

— Онъ балетоманъ... Что тутъ дурного?

— Знаемъ мы это... Не втирайте очки, Маничка...

Маня чувствуетъ, что краснѣетъ. Лордъ Литтльтонъ каждый день присылаетъ ей цвѣты. И, кажется, Маркъ догадывается...

— Нильсикъ... Ты мнѣ дѣлаешь форменную сцену...

— Не вертись, Маня!.. Я сейчасъ долженъ ѣхать на репетицію (Онъ смотритъ на часы)... Что мнѣ сказать Эпштейну?

— Что я плачу неустойку и уѣзжаю въ Парижъ.

Онъ встаетъ, блѣдный отъ гнѣва.

— Это безуміе.. Даже твой баронъ это тебѣ сказалъ...

Она смотритъ вдаль, туда, гдѣ на горизонтѣ горитъ расплавленное золото, а на фонѣ его вьется дымокъ парохода.

— Если безуміе отрекаться отъ богатства, славы и жизненныхъ благъ,—то я безумна. Если безуміе идти за Мечтой, и жизнь отдать на ея осуществленіе, я безумна... Но это безуміе я не отдамъ за вашу мудрость...

Нильсъ стоитъ одно мгновеніе, кусая губы, щурясь и кривясь, тщетно пробуя взять себя въ руки. Слезы жгутъ глаза. Хочется крикнуть. Ударить эту женщину. Схватить ее въ объятія и увезти съ собой... дальше, дальше... на край свѣта!.. Не мечталъ онъ развѣ тріумфаторомъ рука въ руку съ нею проѣхать черезъ всю Америку? А тамъ... Кто скажетъ? Вѣдь Гаральда она забыла. А его страсть проснулась. И опять эта женщина нужна ему какъ воздухъ... Братъ и сестра... А! Все это было такъ. Но развѣ могло это долго длиться?.. И что это за новая „мечта“ завладѣла ею?

— До свиданья!—сухо бросаетъ онъ ей, щуря густыя рѣсницы, избѣгая глядѣть на нее, не замѣчая ея протянутой руки и виноватой улыбки.—Мы увидимся завтра... Еще поговоримъ...

Онъ даетъ знакъ шофферу, поджидающему его на той сторонѣ, за платанами. Черезъ секунду столбъ бѣлой пыли скрываетъ автомобиль.

Маня сидитъ неподвижно. Ей жаль Нильса. Въ своей наивности она никогда не думала, что страсть его вспыхнетъ съ новой силой. Ей казалось, что тѣнь Людмилы навсегда станетъ между ними. Нѣтъ! Онъ ее забылъ. Счастливецъ!.. Конечно теперь, когда они разстанутся, его страсть скоро потеряетъ остроту. Онъ утѣшится. Но сейчасъ онъ страдаетъ... Зачѣмъ?.. Зачѣмъ! Какой

ужасъ эти страданья! Она вспоминаетъ Гаральда и невольно закрываетъ глаза... Но почему она никогда не могла увлечься Нильсомъ внѣ сцены? Что въ этомъ здоровомъ, красивомъ, страстномъ человѣкѣ безсознательно отталкиваетъ ее?.. „Не мой типъ, очевидно. Мнѣ нуженъ женственный, утонченный, гибкій... такой, какъ Маркъ...“ И горячая волна нѣжности затопляетъ ея душу. Губы безсознательно улыбаются.

— Я не помѣшалъ вамъ? Простите! Я такъ счастливъ, что вы наконецъ поправились!

Лордъ Литтльтонъ—стройный элегантный брюнетъ съ тонкимъ бритымъ породистымъ лицомъ. Ему нельзя дать его пятидесяти лѣтъ. Онъ прекрасно говоритъ по-французски съ еле замѣтнымъ акцентомъ. Его сѣрые холодные глаза останавливаются на лицѣ Мани съ нескрываемымъ восхищеніемъ. И Манѣ это пріятно. Когда она благодаритъ его за цвѣты, ей досадно, что щеки ея пылаютъ. Хотѣлось бы большаго самообладанія. Но тщетно старается она разбудить въ себѣ враждебное чувство къ англичанину. Ее подкупаетъ эта страсть.

Лордъ пораженъ ея рѣшеньемъ бросить сцену. Смѣетъ онъ спросить, почему?

Она отвѣчаетъ уклончиво. Объясняетъ все переутомленіемъ. Она замѣтно волнуется. Какъ хорошо, что онъ самъ такъ владѣетъ собой и съ такимъ тактомъ поддерживаетъ разговоръ!

Она отвѣчаетъ разсѣянно, невпопадъ... Сейчасъ Маркъ вернется изъ Ниццы къ завтраку... Они не должны встрѣчаться...

Вдругъ онъ смолкаетъ, и Маня пугается. Сейчасъ, сейчасъ случится то, что давно уже готовилось, давно уже назрѣвало... Господи!.. Если-бъ исчезнуть сейчасъ... провалиться вмѣстѣ съ этой скамейкой...

— Miss Marion... Вы догадываетесь, о чемъ я хочу просить васъ?

Маня низко наклоняетъ голову. Она слышитъ дрожь волненія въ этомъ сдержанномъ, всегда сухомъ голосѣ. Но почему-жъ ей только стыдно и жалко? И ничуть не хочется торжествовать?

— Вы слишкомъ тонкая натура, миссъ, чтобъ не угадать, почему я слѣдую за вами изъ города въ городъ... Почему я позволяю себѣ докучать вамъ этимъ поклоненіемъ и афишировать его... Я прошу васъ быть моей женой, Marion...

Вотъ они, эти слова, которыхъ еще мѣсяцъ тому назадъ она такъ страстно добивалась тонкимъ, разсчитаннымъ кокетствомъ... Зачѣмъ? Чтобъ въ лицѣ этого человѣка унизить лэди Файфъ, лэди Гамильтонъ, всѣхъ этихъ надменныхъ и чопорныхъ людей, видѣвшихъ въ ней и Нильсѣ — только развлеченіе, только низ-

шихъ существъ?.. О, какъ далеки и блѣдны кажутся ей теперь эти обиды!.. Узнаетъ ли объ этомъ признаніи лэди Гамильтонъ? Не все ли равно теперь?

Она поднимаетъ голову съ нѣжной виноватой улыбкой и ласково кладетъ руку на рукавъ его пальто.

— Милордъ... простите! Здѣсь недоразумѣніе... Если-бъ я знала...

Она видитъ, что онъ блѣднѣетъ. Онъ стискиваетъ сухія, твердо очерченныя губы. „Боже мой! Что я надѣлала, подлая! Зачѣмъ?..“

— Недоразумѣніе?.. Что вы хотите сказать?

— Вы... я... вы... ничего не слышали? Я давно уже обручена...

Онъ дѣлаетъ движеніе.—Съ барономъ Штейнбахъ?

— Да... да... Какъ жаль, что я вамъ этого не сказала тогда!.. Но вы не спрашивали... Простите... Вы сердитесь?.. Вы страдаете?

Чуть не плача, она глядитъ въ его окаменѣвшее лицо.

— Послушайте, я знаю, что виновата передъ вами... Я поступала безсердечно... Но... здѣсь были причины... Я не могу вамъ сказать... Я сама такъ страдала!.. Говорить съ вами, встрѣчаться... играть... да... я не хочу оправдываться... играть съ вами въ любовь было такъ заманчиво... давало мнѣ такое забвеніе... Меня можетъ одно извинить... Я никогда не вѣрила, что ваше чувство ко мнѣ серьезно...

Его лицо смягчается. Онъ вдумчиво смотритъ на нее. Потомъ беретъ ея руку и нѣжно держитъ въ своей. И Маня впервые чувствуетъ очарованіе, которымъ вѣетъ на нее отъ этого человѣка. Впервые чувствуетъ она, что ихъ души прикоснулись. И нѣтъ между ними вражды и пропасти, которую она видѣла раньше.

— Вы такъ много любили... такъ часто увлекались... Не правда ли? Вы такъ дорожите вашей свободой... Я знала, что вы добиваетесь... взаимности моей... Но чтобъ вы полюбили серьезно и захотѣли бы назвать меня вашей женой...

— Почему нѣтъ?.. Я никогда не интересовался политикой и не гнался за карьерой. Я всегда былъ эстетикомъ... коллекціонеромъ, спортсменомъ, путешественникомъ. И честолюбія не зналъ... И вы правы. Я много увлекался. Но въ мои годы страсть опасна. А я люблю васъ, Marion... Что такое?.. Вы плачете?

— Простите мнѣ эту слабость!.. Я... Мои нервы такъ разбиты...

— Пойдемте!—испуганно говоритъ онъ, вставая и подавая ей руку.—Я доведу васъ до отеля. Опустите вуаль...

Когда они остаются вдвоемъ, онъ нѣжно цѣлуетъ ея руки.

— Marion... Я не забуду этихъ слезъ. Вы меня растрогали... Если вы играли мною и моимъ чувствомъ...

— Простите... простите!.. Мнѣ нѣтъ оправданія...

— Я все прощаю вамъ за эти минуты... Теперь я долженъ уйти... Вашъ женихъ вернется... Я не хочу быть причиной вашихъ ссоръ...

— Вы постараетесь меня забыть? — жалобно спрашиваетъ Маня.—Вамъ будетъ тяжело вспоминать обо мнѣ?

— Напротивъ... Разрѣшите мнѣ изрѣдка писать вамъ... Оставьте мнѣ маленькій уголокъ въ вашей памяти!.. Я не хочу вѣрить, что вы не вернетесь на сцену. Это былъ бы слишкомъ тяжелый ударъ для меня и... невознаградимая потеря для искусства...

Когда онъ уходитъ, почтительно и нѣжно поцѣловавъ ея руку, Маня слушаетъ затихающій звукъ его шаговъ. И тихонько плачетъ. О чемъ? Она боится сознаться даже себѣ, чего ей такъ безумно жаль... Исчезающей навсегда возможности? Вырванной внезапно страницы изъ ея жизни?.. Словъ любви, которыхъ она не дослушала, которыми она не упилась до сыта? Опьяняющей радости обладанія чужой душой?.. Упоительной, одухотворенной дружбы-любви, о которой говорила ей Глинская?.. Боже мой! Зачѣмъ имъ нужно разстаться именно теперь, когда они впервые почувствовали духовную близость? Когда она впервые сознала свое влеченье?

Съ этимъ утонченнымъ, образованнымъ, очаровательнымъ человѣкомъ она пережила уже немало красивыхъ минутъ... Ей вспоминается поѣздка съ Нильсомъ въ имѣніе лорда. Нильсъ не отказался отъ приглашенія, хотя злобно говорилъ, что ему предназначено играть роль ширмы или громоотвода... Маркъ умолялъ не ѣхать. Но она конечно поѣхала. Развѣ не могъ онъ развлечься флиртомъ съ лэди Гамильтонъ?.. Вспоминается переѣздъ въ автомобилѣ, эта непринужденная, свѣтская бесѣда, полная тонкаго остроумія и изысканной любезности. Нильсъ недовѣрчиво косился, замѣчая ея веселость... Но вѣдь она же притворялась безпечной и счастливой... Она ревновала Марка и сначала только искала забвенья... Ахъ, этотъ старый замокъ временъ Елизаветы, реставрированный, но все-таки стильный и мрачный!.. Эти почернѣвшія, мшистыя башни по угламъ, сохранившіяся отъ XII-го столѣтія, башни, помнившія Ричарда Львиное сердце, пережившія войну Бѣлой и Алой розы... Тамъ она видѣла трапъ, открывающійся въ глубокое подземелье, когда-то тюрьму. Совсѣмъ какъ въ *Кенильвортѣ* Вальтеръ Скотта... Когда она это читала? Да... ей было двѣнадцать лѣтъ... Въ такомъ вотъ замкѣ Лестеръ пряталъ отъ ревнивой Елизаветы свою прелестную жену. Онъ ѣздилъ на охоту вотъ въ такой же паркъ, гдѣ и сейчасъ водятся олени... Она томилась какъ въ тюрьмѣ въ старой башнѣ и страстно ждала

свиданья. Рогъ трубилъ въ лѣсу. И она бѣжала навстрѣчу возлюбленному по винтовой лѣстницѣ внизъ, мимо этого всегда запертаго трапа... Но вотъ однажды до королевы дошла вѣсть о законной женѣ. Честолюбецъ пожелалъ устранить „ошибку молодости“... Условный сигналъ раздался въ лѣсу. Затрубилъ рогъ, и съ крикомъ радости кинулась красавица навстрѣчу мужу. Но трапъ былъ открытъ на этотъ разъ. И она упала въ подземелье, навсегда скрывшее ея бездыханное, окровавленное тѣло...

Какъ страстно плакала тогда Маня! Какъ ненавидѣла она вѣроломнаго Лестера...

„— Оставьте меня ночевать въ этой башнѣ!“ сказала Маня лорду Литтльтону. „Право, я не боюсь привидѣній...“

„— Но вы рискуете получить ревматизмъ...“

„— Ахъ, чортъ возьми, какъ умѣютъ жить эти люди!“ невольно сорвалось у Нильса, когда послѣ прекраснаго завтрака они осмотрѣли замокъ, картинную галлерею, библіотеку и коллекціи старинныхъ монетъ и фарфора.

Но имъ ни на одну минуту не удалось остаться вдвоемъ. Раздраженный Нильсъ сказалъ ей: „Я играю роль собаки на сѣнѣ... Благодарю васъ за эту роль!..Но обидно, что я стараюсь для барона...“

Но взгляды... улыбки... бѣглыя фразы, подъ которыми чувствуешь другой смыслъ... Эта манящая игра... Этотъ тайный поединокъ между ними... Конечно, онъ не сразу рѣшилъ просить ея руки. Онъ ждалъ красивой, легкой, волнующей, но ни къ чему не обязывающей связи. Его жизнь была такъ богата этими приключеніями!.. И если-бъ онъ былъ молодъ и неискушенъ опытомъ, такая побѣда не казалась бы Манѣ заманчивой... Она вспоминаетъ, какъ на раутахъ или на five-tea-oclock въ лондонскихъ чопорныхъ гостиныхъ она прежде всего искала это бритое моложавое лицо съ тонкими чертами и насмѣшливой складкой губъ... Жизненный тонусъ поднимался тотчасъ же...

Теперь этого уже не будетъ... Они не встрѣтятся... Кончена игра-любовь... Нѣтъ свободы... Надо ломать себя... Вѣчно обрѣзать крылья души... Маркъ ревнуетъ. Маркъ страдаетъ... Ему недешево далось ея увлеченіе Гаральдомъ. У него уже ясно выраженный порокъ сердца. Это въ Лондонѣ сказалъ ей знаменитый врачъ. Волненье можетъ убить его... А потери этой она не переживетъ!

— О чемъ ты плачешь?—слышитъ она голосъ Штейнбаха.

— Ахъ, ты вернулся, Маркъ! Такъ, ничего... Не обращай вниманія... Поцѣлуй меня, Маркъ! Я сейчасъ буду улыбаться...

Но Штейнбахъ холоденъ. Его брови нахмурены.

— Я по дорогѣ встрѣтилъ лорда Литтльтона. Онъ былъ здѣсь?

— Да... да... да!.. Онъ пріѣзжалъ проститься... Онъ уѣзжаетъ...

Штейнбахъ садится поодаль и сумрачно думаетъ что-то.

— Отчего ты плакала? Тебѣ было жаль разстаться?

Она молчитъ, разглядывая свои кольца. Плакать она перестала. Его холодный взглядъ и этотъ тонъ допроса раздражаютъ ее...

Ей такъ сладко было въ первый разъ принести ему жертву... Горечь и гнѣвъ поднимаются къ горлу, начинаютъ душить.

— Говори откровенно... Пожалуйста, не щади... Что тебѣ нужно? Диктуй... Я буду слушать... Прикажешь опять удалиться?

Онъ роняетъ эти слова медленно, съ недоброй усмѣшкой. Уронитъ вопросъ и ждетъ отвѣта.

Она вдругъ поднимается съ пылающими глазами.

— Уйди!.. Уйди!.. Не смѣй меня мучить... Не смѣй мною играть!

— Я тобой играю?..

— Да, играешь. Да!.. Ты какъ тряпку перешвыриваешь меня отъ Нелидова къ Гаральду... отъ Гаральда къ Литтльтону... даже къ какому-то шарманщику...

— Недурно сказано... Я, стало-быть, виноватъ?

— Да, ты одинъ виноватъ... Почему ты все молчишь и терпишь? Почему ты не возмутишься? Почему не борешься за свое счастье?.. Или оно тебѣ недорого? Или же ты думаешь, что я всегда... во всѣхъ случаяхъ все-таки вернусь къ тебѣ?.. Такъ?.. Такъ?.. Это или боязнь помѣряться силами... или..

— Или?..

— Или дьявольская самонадѣянность... Ты думаешь, что я дня не проживу безъ тебя? Что міръ опустѣетъ безъ твоей любви? Хороша любовь, которая не знаетъ ревности!

— Почему ты думаешь, что я не ревную?

Маня вскакиваетъ съ дрожащими губами.

— Лжешь! Лжешь! Ты не умѣешь любить... Ты неспособенъ ревновать... Если-бъ на твоемъ мѣстѣ былъ Нильсъ, онъ заперъ бы меня на ключъ, избилъ бы, можетъ быть... оскорбилъ бы этого лорда... вызвалъ бы его на дуэль... убилъ бы его... меня... себя, наконецъ!.. Вотъ что дѣлаютъ ревнивые люди... А у тебя душа безсильная... чувство блѣдное... да... да... да!—кричитъ она, глядя въ упоръ на постепенно блѣднѣющаго Штейнбаха.

„Боже мой... Что я дѣлаю... Зачѣмъ я это говорю?..“

Сама она блѣднѣетъ внезапно отъ подхватившаго ее вихря безумія и отчаянія. Но остановиться не можетъ. Точно демоны завладѣли ея душой и за нее выкрикиваютъ эти жестокія слова.

— Ну, такъ знай же... Онъ сдѣлалъ мнѣ предложеніе... Просилъ быть его женой. И я не отказала ему... Слышишь? Не отка-

зала... Я обѣщала подумать... Маркъ! Маркъ!—дико кричитъ она, кидаясь за Штейнбахомъ.—Куда ты?.. Постой... Что ты хочешь дѣлать?

— Не все-ль тебѣ равно?

— Постой, Маркъ... слушай!.. Боже мой!.. Что съ тобой?.. Сердце?.. Я убила тебя?.. Маркъ... Маркъ... Это ложь... Я съ ума сошла... Мнѣ никто не нуженъ, кромѣ тебя... Никто въ мірѣ!..

Она звонитъ. Штейнбахъ уже лежитъ на ея кушеткѣ, держась рукой за сердце. На лицѣ его какія-то зловѣщія синія тѣни.

— Доктора, скорѣе! — кричитъ она лакею. И дрожащими руками наливаетъ воды.—Выпей... Постой... гдѣ капли? У тебя?

Она возвращается. Быстро, умѣло дѣлаетъ компрессъ изъ глины, которая всегда у Штейнбаха подъ рукой.

Штейнбахъ пробуетъ улыбнуться.

— Маркъ! Счастье мое!—шепчетъ она сквозь слезы, опускаясь на колѣни передъ нимъ и цѣлуя его руки.—Какъ могъ ты мнѣ повѣрить?... Мы не встрѣтимся никогда... Я люблю тебя, мое сокровище... Ну, прости меня, безумную... Я никогда не буду больше огорчать тебя... Никогда не заставлю тебя страдать... Скажи, что... что должна я сдѣлать, чтобъ доказать тебѣ мою любовь?

— Обвѣнчаться со мной, Маня,—еле слышно шепчетъ онъ.—Тогда я повѣрю.

Она прижимается лицомъ къ его плечу и плачетъ.

— Ты согласна?

— Боже мой!.. Да... если ты этого хочешь?.. Развѣ ты и Нина не единственное мое счастье?

VI.

Маня пишетъ:

„Дорогая Соня, мы вернулись въ Парижъ, и завтра наша свадьба“.

„Наконецъ!“ скажешь ты, любящая Марка такимъ высокимъ, свѣтлымъ чувствомъ, лишеннымъ ревности, совсѣмъ непонятнымъ мнѣ. Но для меня, повѣрь, эта свадьба—неожиданность. Я давно перестала думать о бракѣ съ Маркомъ. Развѣ это можетъ что нибудь прибавить къ моему чувству?

„Какъ это случилось? Видишь ли, въ Лондонѣ мы цѣлыми днями отравляли другъ другу жизнь... Я безумно ревновала его къ одной женщинѣ. Я стала прямо невмѣняемой отъ ревности. И даже одинъ разъ... ради Бога, не презирай меня... я ударила его... Это было ужасно, Соня!.. Если-бъ онъ разсердился, мнѣ было бы легче. Но онъ обхватилъ меня руками и съ такой рѣжущей душу печалью сказалъ: „Бѣдная, бѣдная дѣточка!“... Тутъ я сразу

почувствовала себя виноватой и прямо изошла слезами. Маркъ сравнилъ меня съ ребенкомъ, которому въ руки попалъ ножъ. И онъ ранитъ имъ себя и кричитъ, и плачетъ, и невольно наноситъ раны всѣмъ, кто хочетъ его обезоружить и приласкать... Мѣста живого не было въ моей душѣ... Боже мой! Какое счастье, что этотъ кошмаръ миновалъ!

„Маркъ тоже ревновалъ меня къ очень интересному человѣку, эстетику и балетоману. Ты помнишь мой жемчугъ? Это лордъ Л. поднесъ его мнѣ въ подарокъ отъ себя и группы поклонниковъ еще въ мой первый пріѣздъ. Теперь же онъ сталъ моей тѣнью и ѣздилъ за мной изъ города въ городъ. Я дала Марку слово, что мы не встрѣтимся больше. И это слово сдержу... Онъ мнѣ сказалъ: „Когда дѣло идетъ о мимолетномъ влеченіи или капризѣ, я всегда готовъ на время устраниться. Не хочу насилія. Боюсь, что ты пожалѣешь потомъ объ утраченномъ мигѣ... Счастье твое дороже мнѣ моего покоя. Но лишиться тебя совсѣмъ, видѣть тебя женой другого—значитъ перестать жить...“ Понятна ли тебѣ его психологія? Мнѣ, ревнивой и страстной, мнѣ, жадной на радость, чуждо такое высокое самоотреченіе.

„Мы избѣгали огласки. Но все-таки противная улица не пощадила насъ. Появились статьи о бракѣ русскаго милліонера съ знаменитой босоножкой, наши портреты и т. д. Я съ содроганьемъ отворачиваюсь отъ газетъ, какъ будто это скользкія и вонючія жабы. Завтра вечеромъ поѣздъ умчитъ насъ далеко, далеко отъ зрителей и журналистовъ, куда-нибудь въ горы, въ пустыню, гдѣ встрѣтитъ насъ одно Молчанье... Мы будемъ вдвоемъ. Мы будемъ слушать тишину. Я прижмусь къ его сердцу.

„Агата ликуетъ. Иза сердится. Хорошо, что Нильсъ остался въ Монтекарло! Боюсь, что онъ прибилъ бы меня...

„Вотъ что пишетъ мнѣ Глинская въ отвѣтъ на мое приглашеніе заглянуть къ намъ завтра:

„Итакъ, послѣ долгихъ лѣтъ борьбы, мечты и стремленій; послѣ „упорнаго труда и напряженныхъ исканій, которымъ апплодировали „мы всѣ, любившіе васъ; мы, слѣдившіе за вами изъ своего уголка; „послѣ гордаго одиночества и крутого пути вверхъ,—вы кончаете, „какъ всѣ кругомъ... Я помню васъ еще бѣдной, никому не извѣ„стной ученицей Изы Хименесъ, съ пламенными глазами и уже „съ горькой складкой губъ. Но какая вѣра въ себя горѣла въ „этихъ глазахъ! Вы кидали вызовъ міру. И я чувствовала, что вы „выйдете побѣдительницей... Вы были похожи на дерзкаго, который „съ смѣлостью отчаянія въ утлой лодчонкѣ рѣшилъ переплыть „океанъ. Вы боролись съ волнами и высоко взлетали на ихъ

„гребнѣ. И падали въ бездну, чтобы вновь подняться на другой „волнѣ. И мы опять апплодировали вамъ, талантливая и гордая „женщина. Что сталось съ вами? Неужели усталость поманила васъ „въ пристань? Или же лодка дала течь? Неужели это пораженіе?“

„Что мнѣ отвѣтить ей, Соня? Развѣ я думаю о побѣдѣ или пораженіи, когда дѣло идетъ о счастьи Марка?.. Но я знаю одно: моя жизнь не кончилась сейчасъ. Она только начинается. Не сомкнулся мой горизонтъ. Не ушли отъ меня розовыя дали. Все объясню потомъ... А сейчасъ шлю тебѣ мой привѣтъ, дорогая. Тебѣ и дядюшкѣ. Пусть не горюетъ, что я покинула сцену! Я нашла лучшее... Я не ухожу отъ людей. Не замыкаюсь въ мое маленькое личное счастье. Душу обновленную и радостную несу я людямъ. Жди насъ! Мы вернемся . . . .

Часъ ночи.

„А я еще не сплю, дорогая Соня. Какъ хорошо, что Маркъ помѣшалъ мнѣ отправить это письмо! Утромъ мы ѣздили въ русскую церковь и въ консульство за какими-то бумагами...

„Я рада, что могу говорить съ тобой въ эту минуту! Агата спитъ. Прислуга давно отпущена на покой. Моя вилла вся погрузилась въ мракъ. Я одна... Завтра я переѣду въ домъ Марка, чтобы никогда, никогда не разставаться съ нимъ! Онъ хочетъ такъ.

„Я одна... Мнѣ хочется плакать... О чемъ?.. Не знаю... Не знаю... Я смотрю на портретъ Марка. Чудныя брови... Грустные глаза. Скорбная улыбка... Сдѣлаю ли я его счастливымъ?.. Онъ ничего не спрашивалъ. Я ничего не обѣщала. Ахъ, онъ слишкомъ уменъ, чтобы не знать цѣну словамъ и клятвамъ! Но я чувствую, что, какъ истинный семитъ по крови, несмотря на то, что онъ аріецъ по духу,—онъ придаетъ большое значеніе обряду, который для меня пустая формальность. Онъ считаетъ, что бракъ свяжетъ насъ еще крѣпче. Нѣтъ... Насъ связали эти годы страданій, когда мы шли вверхъ рука въ руку по крутому пути. И я клянусь никогда не покинуть моего вѣрнаго товарища — благороднѣйшее созданіе въ мірѣ. Я цѣлую его портретъ и плачу... Соня, ты не будешь смѣяться. Ты меня поймешь... Зачѣмъ его нѣтъ здѣсь со мною? Зачѣмъ мы врозь въ эти минуты, когда сердце мое полно имъ однимъ? Онъ никогда не видѣлъ у меня такихъ счастливыхъ слезъ. Онъ никогда не видѣлъ такого порыва нѣжности... И если бы сейчасъ...

Она вдругъ встаетъ вся блѣдная и бросаетъ перо...

Среди ночи Штейнбахъ слышитъ звонокъ.

„Телеграмма“, думаетъ онъ, зажигая электричество. „Что-нибудь очень важное. Изъ Петербурга. Отъ Семена Николаевича...

Неужели опять ѣхать туда? Бросать Маню? Какая тоска!.. Я такъ усталъ"...

Стукнула парадная дверь. Шаги... женскіе шаги, шелестъ платья.

Онъ садится на постели. Маня?.. Нина?.. Что-нибудь случилось?.. Въ глазахъ темнѣетъ. Такъ бьется сердце.

— Это вы, фрау Кеслеръ?—кричитъ онъ на легкій стукъ въ дверь.—Подождите, сейчасъ выйду...

— Это я, Маркъ... Это я!!

Какъ стихія врывается Маня въ комнату. И падаетъ на колѣни у его постели, въ шляпѣ, въ манто... Онъ видитъ ея заплаканные глаза.

— Нина?—шепчетъ онъ, держась рукой за сердце.

— Маркъ... Я должна была тебя видѣть... Должна была сказать тебѣ... Я задохнусь, если буду молчать...

— Боже мой! Что такое?.. Говори...

— Я люблю тебя, Маркъ... Я люблю тебя безумно... И тебя одного... Слышишь ты?.. Одного тебя во всемъ мірѣ...

— Дорогая дѣточка!.. О чемъ же ты плачешь? Встань...

— Нѣтъ... нѣтъ... я такая низкая... такая подлая... я тебя такъ терзала всѣ эти годы... И вотъ опять... Боже мой!

— Ничего... ничего... дай воды! Это пройдетъ...

— Я убила тебя, Маркъ... У тебя болѣзнь сердца...

— Это нервы... Не плачь...

— Ахъ, я знаю, что это я убила тебя...

— Сядь, дитя мое, рядомъ... Сними манто.

— Нѣтъ... нѣтъ... дай мнѣ стоять передъ тобою вотъ такъ!.. Мнѣ легче такъ... каяться... и пла... кать...

— Вотъ видишь, какъ ты сама разбита... Почему ты не спишь по ночамъ?

— О, Маркъ! Маркъ!.. Это была такая счастливая ночь!.. И слезы мои были такъ сладки... Мнѣ такъ безумно хотѣлось обнять тебя... поклясться тебѣ...

— Не надо клятвъ...

Она заламываетъ руки.

— Вотъ видишь... видишь... ты не хочешь мнѣ вѣрить...

Она падаетъ лицомъ на одѣяло.

— Моя ненаглядная Маничка, — печально говоритъ онъ, сажая ее рядомъ съ собой.—Я растроганъ безконечно... Твой порывъ такъ прекрасенъ!.. Благодарю тебя за него...

Она отвертывается, не даетъ цѣловать свое заплаканное лицо.

— Ты ничему не вѣришь!—съ отчаяніемъ срывается у нея.—Если-бъ ты вѣрилъ, ты не благодарилъ бы... Ты ничего не можешь мнѣ простить...

— Маничка... Милая... Я счастливѣйшій человѣкъ... Я думалъ что ты уже другая... что у тебя нѣтъ этихъ чудныхъ порывовъ...

— Почему?.. Почему ты это думалъ?.. О, Маркъ!.. Обними меня съ довѣріемъ... Забудь прошлое... Клянусь тебѣ, что никогда больше я не заставлю тебя страдать... Я буду беречь твое больное сердце... Оно мое сокровище... Я буду дрожать день и ночь надъ этимъ сокровищемъ...

— Успокойся, Маня... Выпей воды! Постой... Я тебѣ дамъ капель... Отвернись...

— Не надо! Не надо!.. Не вставай... Держи меня вотъ такъ у своего сердца, и слушай... слушай...

— Да...

— И вѣрь каждому моему слову...

— Да...

— Клянусь жизнью Ниночки,—торжественно и страстно звучитъ ея голосъ, и ужасомъ полны ея глаза, — клянусь самымъ священнымъ мнѣ въ этомъ мірѣ, что я буду тебѣ вѣрной женой...

— Маня, не надо... молчи...

— ...что я никогда не обману тебя... никогда не измѣню тебѣ...

— Маничка... Боже мой!

— ...и если даже я встрѣчу и полюблю другого,—я съ радостью...

Со стономъ онъ зажимаетъ поцѣлуемъ ея губы.

Но она отстраняется блѣдная, трепещущая и заканчиваетъ съ трагическимъ жестомъ и трагическимъ лицомъ:

— ...я съ радостью пожертвую тебѣ моимъ счастьемъ... и ты, Маркъ, никогда не узнаешь объ этой жертвѣ!

Онъ прижимаетъ къ себѣ рыдающую Маню... Какъ хорошо, что она не видитъ сейчасъ его скорбной усмѣшки!

VII.

Роза потушила свѣчу. Пора спать... Уже часъ ночи.

Вдругъ легкій стукъ въ окно... Она выпрямилась и дышать перестала... Чья-то тѣнь... Неужели?.. Она беззвучно открываетъ форточку. Весенній вѣтеръ врывается въ комнату.

— Роза, отвори!..

Черезъ минуту Зяма уже въ сѣняхъ.

— Ша-а... Ни звука!.. Вѣра Сторожева спитъ?

Молча, вся похолодѣвъ отъ предчувствія, Роза впотьмахъ за руку ведетъ его въ свою комнату. Онъ запираетъ дверь на ключъ и вынимаетъ электрическій фонарикъ. Ей не видно его лица, и отъ этого ей еще страшнѣе. Она такъ дрожитъ, что не можетъ выговорить ни одного слова.

— Спрячь это, Роза, — говоритъ онъ, протягивая ей револьверъ.—Боюсь, что меня нынче арестуютъ... А сюда никто не придетъ искать... Смотри, не потеряй!.. Я вернусь за нимъ...

— Такъ зна...читъ... правда?.. Я э...то... зна...ла...

— Ничего ты не знала. И никто ничего не узнаетъ. Не плачь!.. Не люблю... Если боишься, подкинь его въ библіотеку, въ палацъ... Туда никто не сунется... Не урони! Заряженъ...

Молча, подавленная, идетъ она за нимъ. У двери въ полномъ мракѣ она цѣпляется за его плечи.

— Зяма, уѣзжай!.. Зачѣмъ ты здѣсь? Твоему отцу теперь лучше. Уѣзжай... умоляю тебя... Тебя схватятъ...

Рыданье срывается у нея.

— Тише!.. Сторожева рядомъ. Можетъ проснуться... Прощай, Роза,—говоритъ онъ мягкимъ звукомъ, съ неожиданной неприсущей ему нѣжностью цѣлуя ея голову. И выходитъ.

Роза стоитъ у запертой двери. Она плачетъ, потрясенная этой сладкой, давно желанной лаской.

— Кто тамъ? — слышится за дверью испуганный голосъ Вѣрочки. Мелькаетъ свѣтъ.

— Это я... я... Не бойтесь!.. Я выходила на крыльцо... Душно очень... Спите, Вѣрочка...

Почитайте мнѣ газету,—говоритъ Нелидовъ, протягивая Ликѣ *Новое Время.*—Передовую, пожалуйста... Я совсѣмъ ушелъ изъ жизни за эту недѣлю.

Лика теперь каждый вечеръ проводитъ въ Дубкахъ.

Она читаетъ своимъ звонкимъ стекляннымъ голоскомъ... Сперва равнодушно... потомъ чтеніе замедляется... Смолкнувъ, она пробѣгаетъ глазами нѣсколько строкъ и опускаетъ газету на колѣни.

— Какая гадость! Читать противно... жиды... жиды!.. инсинуаціи... клевета... Какъ вы можете этимъ питаться?

— Кадетскія газеты лучше?—спрашиваетъ онъ съ усмѣшкой.

— Нѣтъ... Я ихъ тоже не выношу... по другимъ причинамъ...

— Но что же вы читаете, madame Intransigeante?.. Могу я васъ такъ звать?

— Какъ? Что такое?—Ликѣ досадно на свое волненіе.

— Не сердитесь!—мягко улыбается онъ.—Это хорошее слово: „непримиримая...“ Вы очень цѣльный человѣкъ, Лидія Яковлевна, и я это цѣню. Я всегда цѣню самобытность и искренность... Я люблю, чтобъ карты были налицо. Но что же вы читаете?

— Теперь двѣ лѣвыя газеты выходятъ въ столицѣ. Талантливыя, смѣлыя... Неужели вы не слыхали? Нѣтъ?.. Хотите принесу?

— Это любопытно... Но телеграммы вы мнѣ сейчасъ прочтите. Онѣ одинаковы для всѣхъ направленій.

— А передовую вы все-таки будете читать?

— Жена прочтетъ мнѣ ее вслухъ. Къ сожалѣнію, она очень плохо читаетъ. А у васъ прекрасная дикція...

— Постойте... не то,—перебиваетъ она, краснѣя.—Но какъ вамъ не противно?

— Лидія Яковлевна, вы забываете, что я выросъ въ этихъ взглядахъ. Попробуйте пересадить пальму на сѣверъ или ель къ тропикамъ! Что выйдетъ?.. Нѣтъ, ужъ вы какъ-нибудь примиритесь съ моимъ... черносотенствомъ... Мы будемъ говорить о чемъ хотите, кромѣ политики.

Онъ звонитъ. Входитъ Катя. Онъ спрашиваетъ, пришла ли заграничная почта? Онъ выписываетъ *Times*, *Daily News*, *Figaro* и *Temps*. И только недавно выписалъ *Berliner Zeitung* и *Zeit*... Катя не знаетъ, почему онъ такъ заинтересовался дѣлами Германіи и Австріи, которыхъ онъ не терпитъ.

— Нѣтъ ли чего-нибудь о театрѣ?—равнодушно спрашиваетъ онъ Лику.—Въ области искусства, быть можетъ, мы не будемъ такъ враждебны?

— Вотъ тутъ, въ *Новомъ Времени*, цѣлый фельетонъ объ успѣхѣ русскаго балета въ Парижѣ и Лондонѣ,—тихонько говоритъ Лика, увидѣвшая имена *Marion* и *Nils'a*.—Развѣ вамъ это интересно?—тревожно срывается у нея.

— Когда человѣкъ прикованъ къ постели, ему все интересно.

Закрывъ глаза, онъ слушаетъ, повидимому, безстрастно. Какой далекій, чуждый экзотическій міръ встаетъ передъ нимъ! Другія цѣли, другія души, другія чувства... Боже мой, какъ все враждебно и непонятно!

Лика сидитъ, задумавшись. Она тоже не замѣчаетъ, что молчитъ.

Уходя, она говоритъ, какъ бы сама съ собой:

— Удивляюсь на этихъ людей! Какъ будто у нихъ двѣ жизни! Ну, придетъ старость... Чѣмъ вспомнить прошлое?

— О! Имъ-то есть чѣмъ вспомнить! Столько переживаній, впечатлѣній! Столько блеска...

— А для души? Для души, Николай Юрьевичъ? Гдѣ ихъ дѣла? Гдѣ ихъ боги? Гдѣ слѣды ихъ на землѣ?

— А наши гдѣ?—съ горечью спрашиваетъ онъ.

Когда она подходитъ, чтобъ пожать его руку, онъ неожидан-

но удерживаетъ ее въ своей. Вздрогнувъ невольно, она хочетъ выдернуть пальцы. Но онъ ихъ держитъ.

— Вы... не пройдете безслѣдно, Лидія Яковлевна. Вы—счастливая женщина.

— Я?.. Счастливая?

Даже уши загораются у Лики. Она не можетъ совладать съ своимъ волненіемъ. Ей хочется, чтобъ онъ не отпускалъ ея руки.

— Какъ вѣрно сказано, что счастье словно здоровье! Его не замѣчаешь, пока оно есть. Ваша жизнь полна и осмысленна... А главное: у васъ нѣтъ разлада въ душѣ.

Ея пальцы тихонько вздрагиваютъ въ его рукѣ. Онъ выпускаетъ ихъ.

„Нѣтъ разлада въ душѣ“, думаетъ она, покачиваясь въ накреняющемся на косогорахъ и колеяхъ экипажѣ. И тотчасъ вспоминается его крѣпкое пожатіе. „Вы — счастливая женщина...“ звучитъ его грустный голосъ... Почему грустный?

„Мое маленькое, мое хрупкое счастье...“

Что съ тобой, Катя? Больна?

— Нѣтъ, Николенька... Голова болитъ немножко.

— Отчего-жъ ты не катаешься? Смотри, какое солнце! Уже весь снѣгъ стаялъ... Попрошу Климова разрѣшить мнѣ прогулку.

Катя замѣтно подавлена. Она похудѣла и пожелтѣла. Но не отъ тревоги за мужа, какъ думаетъ Нелидовъ. Она даже избѣгаетъ оставаться съ нимъ и охотно уступаетъ свое мѣсто Ликѣ и Федору Филипповичу, который ежедневно навѣщаетъ больного, играетъ съ нимъ въ шахматы или читаетъ ему иностранныя газеты.

Счастье Кати исчезло. И случилось это такъ просто...

На другой день послѣ паденья Нелидова съ лошади, ей понадобились деньги. Не безпокоя больного, который забылся, она взяла его ключи изъ ночного столика и отперла ящикъ письменнаго стола. Первое, что попалось ей на глаза, были тщательно подобранныя рецензіи изъ русскихъ и иностранныхъ газетъ о *Marion*... Нелидовъ аккуратно вырѣзалъ ихъ и пряталъ здѣсь. По этимъ рецензіямъ годъ за годъ можно было прослѣдить всю карьеру *Marion*. А тамъ, ниже, лежали три портрета ея, напечатанные въ *Illustration*... Теперь Катя вдругъ вспомнила, что не могла доискаться нѣсколькихъ номеровъ и сердилась на прислугу... Портреты были превосходные и даже передавали неуловимую бы, казалось, прелесть въ лицѣ этой босоножки.

Цѣлый часъ просидѣла Катя за этимъ ящикомъ, ошеломленная, какъ бы оглушенная ударомъ по головѣ...

Она жила теперь какъ лунатикъ, машинально исполняя обязанности хозяйки дома. Ключи она незамѣтно положила на мѣсто.

Когда ей вторично понадобились деньги, она обратилась къ мужу. Онъ тщательно выбралъ ключъ изъ связки, снялъ его съ кольца и подалъ Катѣ.

— Бумажникъ въ верхнемъ ящикѣ, направо... Не ошибись!

— Но вѣдь у меня одинъ ключъ... Развѣ этотъ отпираетъ и другіе ящики?—страннымъ тономъ спросила она.

Онъ смутился. Онъ выдалъ себя.

Опустивъ темныя рѣсницы и стиснувъ зубы, она вышла.

А онъ глядѣлъ ей вслѣдъ, встревоженный и блѣдный.

А я къ вамъ съ почты и съ ворохомъ новостей,—говоритъ Федоръ Филипповичъ, здороваясь съ Нелидовымъ и Катей.—Видѣлъ Климова. Онъ завтра разрѣшитъ вамъ встать.

— Катя, нельзя ли намъ кофе?

Она покорно выходитъ, кинувъ жгучій взглядъ на пачку газетъ, брошенныхъ на одѣяло.

— Ваши новости, Федоръ Филипповичъ?

— Во-первыхъ, нашъ помпадуръ рветъ и мечетъ... Послѣ ограбленія винной лавки, какъ вамъ извѣстно, онъ нахваталъ людей изъ трехъ селъ...

— Вы за это вините его? — спрашиваетъ Нелидовъ, высоко поднимая брови.

— Не за это, а за неразборчивость. И безъ того всюду недовольство... Это похоже на провокацію...

Нелидовъ, пожавъ плечами и брезгливо скрививъ губы, обрываетъ бандероль съ *Illustration*. Дядюшка говоритъ что-то. Онъ не слышитъ, быстро переворачивая листы журнала... Такъ и есть!.. Портретъ Marion... Онъ быстро прячетъ журналъ подъ подушку.

— Какъ вы сказали, Федоръ Филипповичъ?

— Я считаю глупостью этотъ арестъ Зямы. Мать его прибѣгала ко мнѣ, въ ногахъ валялась...

— Какой Зяма?

— Вотъ видите! Вы даже не знаете... Это Измаилъ, техникъ... Жилъ въ Парижѣ, пріѣхалъ навѣстить больного отца.

— Первый разъ слышу о немъ!

— Вотъ такими выходками *они* и мутятъ народъ... Измаилъ,

положимъ, еврей... Но ихъ здѣсь третье поколѣнье живетъ. Всѣ ихъ цѣнятъ, всѣ съ ними сжились. Прекрасные старики...

— Я скажу губернатору. Онъ завтра будетъ у меня... Конечно, это нелѣпость... Вашего Измаила выпустятъ.

— Ну-съ, а вторая новость... Вашъ сосѣдъ Штейнбахъ вчера обвѣнчался... Я сейчасъ получилъ телеграмму изъ Парижа. Вы догадываетесь—съ кѣмъ?

Одну секунду Нелидовъ глядитъ въ смущенное лицо дядюшки.

— Конечно,—медленно отвѣчаетъ онъ, переводя глаза на карнизъ и щуря рѣсницы.—Я этого давно ждалъ.

Дядюшка встаетъ и ходитъ по комнатѣ, потирая руки.

— Я очень радъ за нее, Николай Юрьевичъ!.. Очень радъ... Сознаюсь вамъ откровенно, меня всѣ эти годы грызло одно воспоминаніе... Ну, да что говорить! Теперь это уже забыто... Я былъ слишкомъ легкомысленнымъ въ оцѣнкѣ этой натуры... Конечно, она всего достигла: славы, богатства... Вы замѣтили жемчужное колье на ея послѣднемъ портретѣ? Цѣлое состояніе... А все-таки мужъ и титулъ даже и для знаменитой артистки это кладъ... Особенно такой мужъ, какъ Штейнбахъ... Теперь я уже предвижу, что они заглянутъ сюда... хоть на мѣсяцъ... чтобъ получить наконецъ реваншъ...

— Вы ду-ма-ете... они пріѣдутъ?

— Еще бы!—экспансивно вскрикиваетъ дядюшка.—Я бы на ея мѣстѣ поступилъ именно такъ... Вернуться принцессой въ тѣ мѣста, гдѣ она жила Золушкой... откуда она уѣхала осмѣянная, всѣми презираемая...

Нелидовъ перебираетъ на груди рубашку. Его сузившіеся зрачки опущены. Онъ поворачивается къ окну, спиной къ дядюшкѣ, и газеты падаютъ на полъ отъ этого движенія. У него срывается тихій стонъ.

— Что такое?

— Неловко повернулся... Плечо...

Катя и Одарка съ подносомъ въ рукахъ входятъ въ комнату. Катя видитъ измученное лицо мужа и уголокъ *Illustration*, выглядывающій изъ-подъ подушки. Федоръ Филипповичъ говоритъ о телеграммѣ. Всплеснувъ руками, Катя садится въ кресло. Все раздвоилось въ душѣ... Рада ли она за нее? Конечно рада...

„Но если они вернутся?“

Когда гость уѣзжаетъ, Нелидовъ говоритъ Катѣ:

— Голова разболѣлась. Я засну.

Наконецъ одинъ!.. Наконецъ!!

Онъ быстро развертываетъ *Illustration* и смотритъ на портретъ

Marion. Она снята въ домашнемъ платьѣ, въ домашней обстановкѣ. Она похожа на Мари, которая его любила... Прижмуривъ вѣки, онъ откидывается навзничь...

Прошлое встаетъ. Беззвучными волнами встаетъ со дна души. И онъ не пробуетъ бороться... Не все ли равно?.. Не все ли кончено? Она жена другого. Если она и любила его, Нелидова, — теперь уже забыта дѣтская сказка... Чего не достаетъ этой женщинѣ теперь? Судьба вознаградила ее за страданія... если они были...

Онъ долго смотритъ на лицо Мани, слабо улыбающееся ему со страницъ журнала. Потомъ безсознательно цѣлуетъ портретъ.

— Прощай, Мари!—шепчетъ онъ.—Прощай!..

Теперь Нелидовъ часто ѣздитъ кататься то одинъ, то съ женой. Всѣ дороги просохли. Всѣ деревья въ почкахъ.

Катя простудилась. Въ ясный мартовскій день Нелидовъ ѣдетъ къ дядюшкѣ, въ Лысогоры. Онъ любитъ тамъ бывать. Вѣра Филипповна и самъ Горленко на все глядятъ его глазами. Дядюшка всегда „самъ по себѣ“. Но онъ интересенъ, оригиналенъ. И гибкость его натуры и его душевное изящество совсѣмъ очаровали угрюмаго Нелидова. А главное... съ нимъ можно говорить о Мари... Говорить намеками, урывками... Но все-таки можно... Онъ, конечно, догадывается... Но и это, въ концѣ-концовъ, все равно... Бываютъ, вѣдь, такія полосы въ жизни, когда задохнешься, если не дать выхода порывамъ, которые душатъ, словно рука, вцѣпившаяся въ горло... А Федоръ Филипповичъ всегда au courant всего, что происходитъ тамъ, далеко, внѣ жизни Нелидова; въ томъ феерическомъ, нереальномъ мірѣ, гдѣ чувствуетъ себя своею эта странная женщина, которую онъ не можетъ ни забыть, ни вырвать изъ своего сердца.

Послѣдняя вѣсть сразила его. Итакъ, она жена другого? Она уже обвѣнчана? Мари Ельцовой нѣтъ... Есть баронесса Штейнбахъ...

Просыпаясь ночью, онъ говоритъ себѣ: „Она—баронесса Штейнбахъ. Все кончено... все кончено...“ Просыпаясь утромъ, или днемъ, по дорогѣ къ дядюшкѣ, среди оживающихъ полей, подъ весеннимъ небомъ, среди возрожденія и праздника всего живущаго, охваченный глубокой меланхоліей, онъ твердитъ себѣ:

„Она жена другого. Конецъ всему...“

Почему конецъ? И что кончено?.. Если-бъ кто-нибудь поставилъ ему ребромъ этотъ вопросъ, онъ не сумѣлъ бы на него отвѣтить... Развѣ были у него надежды? Развѣ самъ онъ не связанъ съ другою?

Но значитъ въ самыхъ глубокихъ тайникахъ его сердца жило еще желаніе встрѣчи. Гдѣ?.. Въ театрѣ, въ толпѣ, на улицѣ... хоть издали... Но онъ надѣялся встрѣтить ее свободной, независимой... Значитъ гдѣ-то глубоко притаилась жажда быть любимымъ ею? Увѣренность, что онъ не забытъ?.. И Нелидову страшно. Онъ слѣдитъ за ростомъ своей тоски, за волной отчаянія, отъ котораго хочется кричать, схватившись за голову; завыть, какъ воетъ раненое животное въ предчувствіи конца. Великій Боже!.. Неужели же онъ самъ не разлюбилъ ее за эти годы?.. Что дѣлать дальше?.. Что?

Онъ выбитъ изъ колеи. Нервы взвинчены. Сонъ плохъ. Онъ исхудалъ и пожелтѣлъ. А Катя глядитъ такъ странно... Хорошо, что все можно свалить на болѣзнь...

— Я получилъ сейчасъ отъ Штейнбаха два журнала,—говоритъ дядюшка, когда онъ съ гостемъ остаются наединѣ.—Хотите видѣть портретъ нашей illustrissima Marion?.. Обратите вниманіе, что его писалъ нашъ знаменитый Z***... Портретъ купленъ Штейнбахомъ и выставленъ сейчасъ въ *Салонѣ* въ Парижѣ...

Нелидовъ не можетъ удержать восклицанія и роняетъ журналъ. Краска залила его лицо. Дядюшка смѣется.

— Shocking, Николай Юрьевичъ? А по-моему, нѣтъ. Она послѣдовательна. Красота ея кумиръ. Кумировъ не стыдятся.

На рисункѣ Marion изображена обнаженной. Она лежитъ, запрокинувъ за голову одну руку. Видна ея грудь, вся линія бедра, ея длинныя мускулистыя ноги съ прелестными ступнями. Лицо повернуто къ зрителю. Опустились длинныя рѣсницы. Она спитъ. Но печальны ея сны. И нельзя оторваться отъ этого скорбнаго лица. Волосы ея завиты и украшены жемчугомъ. Это пышная прическа римскихъ патриціанокъ при Неронѣ. На рукахъ и ногахъ золотыя змѣи. И старинные перстни на пальцахъ. На одно колѣно и часть торса накинута парчевая ткань, словно сбившаяся во время сна.

— Какая прелестная картина!—говоритъ дядюшка, когда Нелидовъ послѣ секунды колебанія снова беретъ журналъ и жадно, и съ болью, стиснувъ зубы, глядитъ на это прекрасное тѣло, котораго *не видѣлъ никогда*... Никогда... хотя эта женщина когда-то принадлежала ему.

— Это возмутительно! Какъ могъ онъ это допустить?

— Кто?

— Мужъ ея...

— Но почему же?

— Если бы еще онъ заказалъ этотъ портретъ для себя... Но вѣдь онъ на выставкѣ сейчасъ?

— И обойдетъ всѣ города. Z*** самъ по себѣ знаменитъ. А тутъ еще интересъ къ Marion. Вы знаете, что одинъ изъ нашихъ музеевъ уже торговалъ эту картину?

— Это возмутительно!—повторяетъ Нелидовъ, отбрасывая журналъ. — Ужъ одно то, что она вообще позировала обнаженная... На такихъ женщинахъ не женятся...

— Н-ну!—насмѣшливо срывается у дядюшки.—Она такая знаменитость теперь, что не баронъ Штейнбахъ дѣлаетъ ей честь, снисходя до нея. Талантъ и красота царятъ въ нашемъ вѣкѣ, Николай Юрьевичъ. Оно и правильно... Талантъ и красота это какъ бы общая радость... Они для всѣхъ...

У Нелидова срывается злобный смѣшокъ. Его худыя скулы ярко пылаютъ... А руки совсѣмъ заледенѣли. Онъ ихъ потираетъ, шагая по комнатѣ.

— Развѣ это не красота?—продолжаетъ Федоръ Филипповичъ, ударяя рукой по журналу. — Художники думаютъ очевидно не такъ, какъ мы съ вами. Такая красота не должна погибнуть безслѣдно. Ее надо увѣковѣчить. Такія женщины не созданы на то, чтобы рожать, кормить и незамѣтно стариться у семейнаго очага... А вотъ еще... Взгляните... *Фавнъ* работы Шапелэна... Вы слышали объ этомъ скульпторѣ? Что за восторгъ!.. Штейнбахъ пишетъ, что это скульптурный портретъ одного шарманщика-итальянца, котораго нашла Маня.

— Какъ нашла?!

— Она тоже лѣпила съ него...

— Вотъ съ этого?—Онъ спрашиваетъ это съ такимъ ужасомъ и отвращеніемъ, что Федоръ Филипповичъ заливается смѣхомъ.

— И это плохо? Ахъ вы, пуританинъ! Но вѣдь этотъ итальянецъ заслужилъ себѣ безсмертіе... Что за торсъ! Взгляните!

Нелидовъ молча шагаетъ. Лицо у него злое и совсѣмъ больное. Федору Филипповичу его жалко. Онъ говоритъ, что Родэнъ, очарованный фигурой Нильса, его пластикой и внѣшностью, предложилъ этому артисту позировать ему. И скоро міръ обогатится еще однимъ шедевромъ.

— Кто это Нильсъ?—разсѣянно спрашиваетъ Нелидовъ.

— Я же вамъ говорилъ... Ея товарищъ.

Дядюшка разсказываетъ подробно все, что знаетъ черезъ Соню, о любви Нильса къ Marion; о самоубійствѣ Милочки; о томъ, какъ Маня спасла Нильса своей нѣжностью...

— Роковая женщина,—вдругъ говоритъ Нелидовъ, останавливаясь у стола и тоскливо глядя на журналъ, который дядюшка ко-

варно закрылъ локтемъ.—Вы не находите, что она роковая?.. И неужели Нильсъ простилъ ей смерть своей жены?

— А чѣмъ же она виновата, Николай Юрьевичъ? Вы развѣ вините солнце за то, что оно жжетъ? Развѣ можетъ оно не жечь?

— Это ужасно!—послѣ паузы говоритъ Нелидовъ, проводя рукой по глазамъ.—Бѣдная женщина!.. Что она пережила?!

— И замѣтьте, она была религіозна. Стало быть, драма ея души...

Нелидовъ вдругъ останавливается среди комнаты.

— Не можетъ быть!.. Религіозный человѣкъ не дерзнетъ съ собой покончить. Онъ молча несетъ свой крестъ.

Дядюшка такъ пораженъ выраженіемъ его лица и интонаціей, что на мгновеніе теряется.

— Д-да... конечно... Несетъ, пока хватитъ силы... А если силы изсякли? Вы развѣ не допускаете возможности такого аффекта... когда перестаешь вѣрить не только въ людей, но и въ Бога?

— Тогда это безуміе... острое помѣшательство...

— О, ошибаетесь!.. Это скорѣе послѣдовательно, чѣмъ нелогично... Мнѣ всегда казалось, что въ душѣ женщины Любовь и Вѣчность это одно... Чувство втоптано въ грязь. И небо померкло... Я говорю, конечно, только о тѣхъ женщинахъ, для которыхъ любовь—альфа и омега...

— А вы знали другихъ?—спрашиваетъ Нелидовъ, думая о Катѣ.

— Недалеко искать... Лидія Яковлевна, напримѣръ...

— Да, да... Она сила... Я всегда съ удивленіемъ думаю о ней.

Дядюшка весь насторожился.

— Вы прежде, кажется, съ антипатіей относились къ такому типу женщинъ?—срывается у него съ нервнымъ смѣшкомъ.

— Ахъ, то теоріи, Федоръ Филипповичъ!.. А когда я вижу жизнь Лидіи Яковлевны, полную борьбы, труда и любви... этой дѣятельной любви къ людямъ, которой такъ мало кругомъ... которой совсѣмъ нѣтъ у меня... Я эту черту цѣнилъ въ моей матери... Лидія Яковлевна заставила меня отказаться отъ многихъ предразсудковъ, отъ многихъ убѣжденій, на которыхъ я выросъ... Вы этого не подозрѣвали?—внезапно спрашиваетъ онъ, пораженный неестественной улыбкой дядюшки, который, схвативъ бронзовую пепельницу, вертитъ ее и сыплетъ пепелъ себѣ на колѣни.

— Н-нѣтъ... Но это очень лестно... И если-бъ она это знала...

— Она это знаетъ,—гордо перебиваетъ Нелидовъ.—Она не можетъ не чувствовать моего уваженія.

Какимъ-то холодкомъ вдругъ повѣяло между этими людьми. И разговоръ быстро изсякаетъ.

Но передъ уходомъ Нелидовъ уступаетъ жгучему желанію еще

разъ взглянуть на портретъ Marion. Почему не взглянуть, разъ она „общее достояніе“? Разъ она сама себя выставила напоказъ?.. Почему онъ, именно онъ, не смѣетъ посмотрѣть на нее?

Дядюшка, угадавъ его желаніе, подъ какимъ-то предлогомъ выходитъ изъ комнаты.

Но Нелидовъ мгновенно закрываетъ журналъ и кладетъ его подъ прессъ... Ни чувственности, ни желанія, ни любопытства, ни восторга не будитъ въ немъ созерцаніе этого чуднаго тѣла. Только боль. Острую боль, отъ которой бѣлѣютъ губы...

Возвращаясь къ обѣду по пустынной дорогѣ, среди вспаханныхъ полей, багровыхъ въ лучахъ заката, онъ не говоритъ себѣ съ негодованіемъ: „На такихъ не женятся...“ Темные, корявые и оголенные дубы Лихого Гая глядятъ ему навстрѣчу. Здѣсь... вотъ здѣсь онъ взялъ ее въ тотъ незабвенный день, безвѣстную, беззащитную дѣвочку въ старенькомъ платьицѣ и въ стареньнихъ туфелькахъ съ стоптанными каблуками... съ глазами заплаканными, но какъ звѣзды сіявшими беззавѣтной любовью...

Потомъ еще одно воспоминаніе, отъ котораго блѣднѣетъ лицо, и стучитъ сердце. Какъ *Скупой рыцарь* онъ спряталъ это сокровище глубоко-глубоко, на дно души. Но оно зоветъ его... Онъ слышитъ жуткій голосъ прошлаго... Онъ видитъ бесѣдку въ паркѣ, мшистую скамью, сѣть вѣтвей на блѣднѣющемъ предразсвѣтномъ небѣ, гаснущія звѣзды и милое личико на его груди... Онъ слышитъ свой собственный голосъ, пронизанный тоской и нѣжностью. Вспоминаетъ слова любви... Развѣ говорилъ онъ ихъ кому-нибудь, кромѣ Мари? Нѣтъ, нѣтъ! Ни одной женщинѣ въ мірѣ...

Второй разъ въ жизни (и въ послѣдній разъ) Мари отдалась ему въ эту ночь. Но не отъ этого воспоминанія зажигаются въ его глазахъ слезы. Обладаніе было заключительнымъ аккордомъ внезапно зазвучавшей пѣсни, невѣдомой до того вечера его холодной душѣ. Его могло и не быть. Неуловимая красота всего пережитого не померкла бы безъ этого дивнаго все-таки аккорда. Это былъ гимнъ души, куда вошла Любовь.

Не надо думать!.. Не надо!.. Опять на дно сердца души глубоко-глубоко спрячьтесь воспоминанія! Какъ *Скупой рыцарь* онъ запретъ на ключъ сокровище. Вонъ уже показалась зеленая крыша его дома. Тамъ ждетъ преданная и вѣрная Катя. Она не станетъ обнажаться для толпы. Свой путь она пройдетъ незамѣтно, какъ прошла его гордая Анна Львовна, какъ подобаетъ женамъ и матерямъ въ ихъ роду. Въ его руки Катя съ довѣріемъ отдала не только жизнь... О, это еще не такъ важно!.. Она отдала ему душу. Вѣру. Высшія цѣнности человѣческаго сердца. Не

растоптать этой вѣры, не разбить этой души—вотъ его задача! Катя не должна погибнуть, какъ жена Нильса. Онъ не можетъ быть ея убійцей. Крестъ?.. Все равно!.. Его надо нести до конца.

— Гдѣ барыня?—спрашиваетъ онъ Одарку, войдя въ домъ.

— Въ гостиной лежатъ.

Онъ идетъ прямо къ дивану, на которомъ комочкомъ свернулась вся закутанная въ бѣлый платокъ Катя. Наклоняется. Цѣлуетъ ея глаза, брови.

— Николенька!..

Точно пискнула птичка, внезапно захваченная грубой рукой. Такъ радостно и жалобно пискнула. Когда наболѣла душа, даже отъ ласки больно... Слезы бѣгутъ изъ ея глазъ. Она обняла его шею руками.

— Милая Катя... Я люблю тебя... Я тебя одну люблю во всемъ мірѣ!

Въ эту ночь опять какъ прежде горячи его ласки...

Но почему опять Катя плачетъ, когда, измученный и удовлетворенный, онъ спитъ рядомъ? Почему она не чувствуетъ ни гордости, ни радости? Почему, безшумно опустившись въ одной рубашкѣ на коверъ, она жарко молится, поднявъ глаза къ старому кіоту, озаренному лампадой?.. Чего боится она опять?

Madame Intransigeante... почему вы такъ взволнованы?

— Я къ вамъ съ просьбой, Николай Юрьевичъ... Вы близки съ губернаторомъ. Подѣйствуйте на этого негодяя...

— Ого!—срывается у Нелидова.

— Да!.. Негодяя! -тономъ выше подхватываетъ Лика, и глаза ея сверкаютъ.—Что онъ дѣлаетъ съ народомъ? Хватаетъ по первому подозрѣнію?.. Лишаетъ хлѣба семью... Если въ васъ стрѣляли...

— Такъ это изъ-за меня?

— Ну, конечно, изъ-за васъ... Мы опять переживаемъ ужасы, какъ шесть лѣтъ назадъ...

— Такъ, по вашему, не надо искать убійцу?.. Убійцу, я на этомъ настаиваю, Лидія Яковлевна... Потому что попади онъ вершкомъ ниже... И вы это сами знаете...

Лика смущена. Она не ожидала такого оборота.

— Но почему онъ думаетъ, что стрѣлявшій въ васъ—непремѣнно изъ нашихъ сельчанъ?

— Это логично, потому что они меня ненавидятъ. Это актъ личной мести. Нельзя же допустить, чтобы изъ Конотопа или Ржавца явился мститель по принципу?

— Какъ можете вы жить среди такой ненависти?

На лицо Нелидова точно опустился непроницаемый, сѣрый вуаль... Сейчасъ это тотъ самый ненавистный ей человѣкъ, чуждый и далекій, словно съ другой планеты попавшій на землю, который встрѣтился ей и Аннѣ Васильевнѣ верхомъ на дорогѣ, въ одно іюльское утро... Сколько разъ кипѣло ея сердце при одномъ воспоминаніи объ его равнодушно-корректномъ поклонѣ!.. И вотъ съ такимъ лицомъ онъ смотритъ на нее теперь. И старая ненависть просыпается. Лика чувствуетъ физическую боль въ сердцѣ. Такъ силенъ разладъ въ ея душѣ. Она садится, безпомощная, затихшая.

— Что же вамъ угодно?—далекимъ голосомъ, вѣжливо спрашиваетъ Нелидовъ.—По вашему желанію, я уже надавилъ на всѣ пружины, чтобы освободить этого... невѣдомаго мнѣ Измаила... Если я явлюсь къ губернатору съ просьбой покончить со слѣдствіемъ и выпустить всѣхъ заподозрѣнныхъ, вы думаете, онъ не сочтетъ меня безумцемъ?

Лика молчитъ.

— Я не трусъ, Лидія Яковлевна. И смерти не боюсь. Въ 1905 г., когда помѣщики спѣшили до сумерокъ домой и выѣзжали только по необходимости, я каждый день катался верхомъ и возвращался ночью...

— Я это помню... Удивляюсь, какъ вы уцѣлѣли!

— Скажу вамъ больше: я никогда безъ жуткаго чувства не проѣзжалъ мимо Гая. Мнѣ всегда казалось, что тамъ... ждетъ меня моя судьба... Я фаталистъ... Но я и законникъ, Лидія Яковлевна. Преступникъ долженъ быть найденъ и наказанъ. Если все прощать, настанетъ такая анархія...

— Но вѣдь вы сами...

— Договаривайте... „Но вѣдь вы сами виноваты... Вы заслужили эту месть...“ Вы это хотѣли сказать?

— Да, Николай Юрьевичъ... Это самое.

Лицо у нея опять колючее и злое. Онъ брезгливо улыбается.

— Теперь, Лидія Яковлевна, надо договориться, разъ мы уже начали этотъ разговоръ. Все-таки... мнѣ любопытно знать, до какого предѣла доходитъ ваша... терпимость... Если-бъ въ ту ночь, предположимъ, „загадочный мститель“...

Лика встаетъ.—Довольно, Николай Юрьевичъ! Я ухожу...

— Преклоняюсь передъ вашей послѣдовательностью... Вы, дѣйствительно, madame Intransigeante...

— Шуткамъ не мѣсто сейчасъ!—болѣзненно срывается у нея.

И онъ пораженъ. Онъ никогда не видалъ такой боли въ ея лицѣ. Онъ не считалъ ее даже способной на такое страданіе.

Лика уже у порога. Она даже не прощается. Она внѣ себя. И это такъ ново и странно... Что ей этотъ народъ, отъ котораго ее отдѣляетъ соціальная бездна? Неужели она не дорожитъ налаженными отношеніями съ нимъ, Нелидовымъ?

— Одну минуту, Лидія Яковлевна... Я хотѣлъ васъ проводить...

— Нѣтъ... нѣтъ... пожалуйста! Теперь уже нѣтъ!—съ странной, болѣзненной интонаціей срывается у нея.

Онъ молчитъ одно мгновеніе, пораженный, не угадывая, а скорѣе чувствуя за этимъ волненіемъ что-то большое и сложное.

— Лидія Яковлевна... Если-бъ не вы, а другой человѣкъ бросилъ мнѣ въ лицо такую жестокую фразу...

Она прислонилась къ притолкѣ. При этихъ словахъ она на мгновеніе закрываетъ лицо рукой.

— ...я считалъ бы съ той минуты этого человѣка своимъ врагомъ. Да, врагомъ. Потому что вы, въ сущности, подписали мнѣ сейчасъ смертный приговоръ... Но какъ тогда, скажите, совмѣстить вашу жестокость съ той христіанской добротой, которую вы проявили къ покойной мамà... и ко мнѣ въ самыя тяжелыя минуты моей жизни?

— Молчите! Молчите!—жалобно срывается у Лики.

Нелидову вдругъ дѣлается жутко. То, что онъ чувствовалъ смутно, онъ уже начинаетъ угадывать.

— Лидія Яковлевна,—тихо и грустно спрашиваетъ онъ.—Мы съ вами видимся въ послѣдній разъ?

Она опускаетъ голову молча, но рѣшительно.

Лѣвое вѣко у Нелидова начинаетъ дергаться.

— Скажите... когда вы шли сюда, вы несли съ собой это готовое рѣшеніе?

— Нѣтъ,—слабо отвѣчаетъ она. И онъ опять не узнаетъ ея голоса, полнаго безнадежности.—Нѣтъ... Я думала...

— Вы думали, что я отрекусь отъ моихъ убѣжденій и смиренно пойду просить за людей, стрѣлявшихъ въ меня?

— Мы не знаемъ, кто стрѣлялъ... Ни вы... ни я... Никто!.. Быть можетъ, гибнутъ невинные... Я не могу помириться съ этой мыслью... И безъ того слишкомъ много насилія и мрака кругомъ... Я не могу жить спокойно... работать, читать... смѣяться... Вы не понимаете этого?.. Если еще полгода продлится этотъ ужасъ, если будутъ попрежнему хватать, не разбирая правыхъ и виновныхъ, и выбрасывать на улицу цѣлыя семьи, и глумиться надъ беззащитными...

Она вдругъ смолкаетъ, закрывъ глаза.

— Тогда уже вы выступите въ роли мстителя?.. Вы это хотите сказать, Лидія Яковлевна?

Она глядитъ на него большими глазами. Онъ улыбается.

— Мнѣ пришла въ голову дикая мысль... Представьте, что революція вновь вспыхнула въ Россіи. И что комитетъ поручилъ вамъ покончить со мной... Что сдѣлали бы вы, Лидія Яковлевна? Впрочемъ... зачѣмъ поручать такія вещи слабой женщинѣ, когда у васъ есть такой стрѣлокъ, какъ Василій Петровичъ?

Лика хочетъ заговорить. Нѣтъ словъ. Она хватается рукой за косякъ, чтобы не упасть. Онъ быстро подходитъ и подаетъ ей стулъ.

— Сядьте!.. Чего вы испугались?.. Наивная женщина! Неужели вы думали, что я не знаю, кто вы, кто этотъ новый агрономъ?.. Кто былъ этотъ погибшій Янъ? Если-бъ я хотѣлъ погубить Штейнбаха, полиція давно разгромила бы это гнѣздо... Простите!.. Это сорвалось невольно...

— Откуда вы знаете?—шопотомъ перебиваетъ она.

— Изъ догадокъ, случайныхъ обмолвокъ, изъ собственныхъ соображеній... Но убѣдился я только теперь. Мѣсяца два назадъ я встрѣтилъ вотъ этого самаго Василія Петровича... когда-то пажа и моего товарища, а потомъ богатаго помѣщика... а потомъ президента Конотопской республики... Ха!.. ха!.. Онъ очень измѣнился, но я все-таки узналъ его сразу.

— И больше вы ничего не знаете? — съ трудомъ разомъ высохшими губами спрашиваетъ Лика.

— Больше ничего... Но, вѣдь, и этого достаточно...

— Неужели вы его... подозрѣваете?

— Его? Нѣтъ... Такой человѣкъ не станетъ стрѣлять въ темнотѣ, изъ-за куста. Стрѣлять въ спину... Онъ — Гедиминовичъ, Лидія Яковлевна... Въ вашихъ глазахъ это ничто. Для меня это много. Онъ убилъ бы меня среди бѣла дня, встрѣтившись лицомъ къ лицу. И у него не дрогнула бы рука, знаю. Нѣтъ... Я ни минуты не подумалъ о немъ.

— Что мнѣ дѣлать теперь? Что мнѣ дѣлать?

— Не волнуйтесь, Лидія Яковлевна. Хоть я и... „черносотенецъ"... но предателемъ не былъ никогда. Повѣрьте, что и онъ узналъ меня въ то утро. Скажу даже больше... Онъ не могъ не знать, что я сосѣдъ Штейнбаха... и если онъ не боялся меня...

— Простите!—шепчетъ Лика—Я растерялась и... наговорила глупостей... Прощайте, Николай Юрьевичъ...

— Навсегда?—тихо спрашиваетъ онъ.

Она одно мгновеніе глядитъ въ его глаза, прежде чѣмъ отвѣтитъ. Потомъ озирается... Въ этой комнатѣ... вотъ въ этой самой...

— Прощайте,—повторяетъ она. И выбѣгаетъ, не оборачиваясь.

Онъ быстро идетъ за нею, почти бѣжитъ.

Когда онъ выходитъ на крыльцо, въ темнотѣ слышно только чмоканье копытъ и глухой стукъ колесъ по весенней грязи.

Нелидовъ ѣдетъ верхомъ мимо зеленѣющихъ полей. Непривычно легко у него на душѣ. Это апрѣльское солнце, этотъ раздражающій воздухъ словно выпили изъ его сердца всю отраву воспоминаній, всю старую тоску... Наконецъ!.. Развѣ нельзя примириться съ судьбой? Развѣ не цѣлая жизнь передъ нимъ?

Онъ задумчиво смотритъ вдаль. Степь дѣйствуетъ на него какъ море. Безпредѣльность смываетъ съ души накипь жизни. И онъ чувствуетъ себя какъ дитя въ храмѣ передъ кѣмъ-то Большимъ и Таинственнымъ...

Черезъ два дня Пасха... Онъ любитъ этотъ праздникъ.

Проѣзжая мимо Липовки, онъ внимательно смотритъ на широкій дворъ, на сверкающія на солнцѣ окна больницы. Онъ не хочетъ себѣ сознаться, что скучаетъ безъ Лики. Онъ такъ привыкъ за этотъ мѣсяцъ каждый день слышать ея звонкій голосъ, видѣть ея хрупкую фигуру, ея увѣренныя движенія, чувствовать прикосновеніе ея ловкихъ рукъ... Ему обидно, что эта женщина ушла изъ его жизни изъ-за какихъ-то идейныхъ разногласій... Уходя, она что-то задѣла въ его душѣ... Неужели никогда больше...

Онъ даетъ шпоры лошади, и та мчится въ галопъ. Вонъ крыша Лысогорскаго дома показалась изъ-за тополей.

Черезъ пять минутъ онъ уже въ сѣняхъ дядюшкина флигеля. Въ раскрытое окно онъ слышитъ сердитый голосъ Лики, который мгновенно смолкаетъ.

Дядюшка встрѣчаетъ его красный, сконфуженный и спѣшно проводитъ въ столовую, мимо кабинета.

Черезъ минуту гдѣ-то скрипитъ дверь, и бѣлая фигура женщины мчится черезъ дворъ къ селу.

— Я слышалъ голосъ Лидіи Яковлевны,—говоритъ Нелидовъ.— Она выйдетъ?

— Н-нѣтъ... Она... на спѣвку спѣшитъ... Они готовятся къ пасхальной службѣ... Лика... ты тутъ?..—невинно спрашиваетъ дядюшка, отворяя дверь кабинета.—Ушла, представьте!

„Вотъ какъ... Она меня избѣгаетъ...“ думаетъ Нелидовъ, и нервно бьетъ хлыстикомъ по ножкѣ стола.

Въ церкви Лысогорскаго села, у заутрени, Лика видитъ Нелидова съ женой. Катя очень эффектна, вся въ бѣломъ, въ новой шляпѣ.

Голосъ Лики красиво выдѣляется изъ хора, звонкій и безстрастный. „Какой-то безплотный голосъ“, думаетъ Нелидовъ... „И это къ ней идетъ. Это стильно...“

Онъ ловитъ ея взглядъ и кланяется ей издали. Она краснѣетъ, опускаетъ голову и становится похожей на дѣвочку.

Но тщетно ждетъ онъ ее у выхода, гдѣ собрались Галаганы, Горленко и Лизогубы. Она христосуется съ бабами, нервно, звонко смѣется съ Соколовымъ, что-то выговариваетъ регенту Алмазову... „Она нарочно не выходитъ", думаетъ Нелидовъ, кусая губы.

Дольше ждать нельзя. Онъ подсаживаетъ жену въ коляску.

Небо черно. Воздухъ мягкій. Горятъ и чадятъ плошки. Далеко по улицѣ видны пары и группы мужчинъ и женщинъ въ черныхъ корсеткахъ. Слышенъ звонкій говоръ. Горятъ огни фонарей. Экипажъ мягко катитъ по плотинѣ, мимо дремлющей черной воды.

— Какая ночь, Николенька! — со вздохомъ говоритъ Катя и тихонько жметъ его руку.

Онъ разсѣянно подноситъ къ губамъ ея пальчики. Его брови нахмурены. Его мысли далеко.

Дядюшка проводилъ Лику до воротъ Липовки и ушелъ разговляться къ сестрѣ.

Лика входитъ въ комнату и останавливается, опьяненная ароматомъ цвѣтовъ. Сирень бѣлая, кудрявая и пышная, какъ невѣста, наполнила своимъ сладкимъ дыханіемъ весь домъ.

Лика подходитъ къ корзинѣ и горячимъ лицомъ прижимается къ цвѣтамъ. Сердце стучитъ, и горло сжалось...

„Онъ думалъ обо мнѣ..."

Она зажигаетъ огонь и видитъ визитную карточку Нелидова, приколотую къ лентѣ, обвившей сирень.

Она запираетъ двери. Опускаетъ шторы и садится передъ корзиной. Губы ея улыбаются.

И опять уходитъ дѣйствительность. Опять начинается сказка.

Потомъ на цыпочкахъ она подходитъ къ этажеркѣ и беретъ книгу, которую ей принесъ дядюшка еще два года назадъ... Онъ читалъ ей. А она смѣялась...

Теперь она уже не смѣется. На завѣтной страницѣ раскрываетъ она книгу, которую научилась любить, какъ ландыши ея дѣтства. И читаетъ:

Какъ отрадно въ глубокій полуночный часъ
На мгновенье всѣ скорби по-дѣтски забыть!
И, забывъ, что любовь невозможна для насъ,
Какъ отрадно мечтать и любить,
Безъ улыбки, безъ словъ,

Средь ночной тишины,
Въ царствѣ чистыхъ снѣговъ,
Въ царствѣ блѣдной Луны *).

IX.

Дрогнулъ звонокъ, и Мими кинулась въ переднюю.

— Тише!.. Тише!.. У насъ несчастіе... Сеньора плачетъ...

Маня съ ужасомъ ждетъ.

— Бакко умеръ... Нашъ какаду... Сеньора совсѣмъ больна.

Воющіе звуки и причитанія несутся изъ желтаго салона.

Иза лежитъ на коврѣ, растрепанная, полуодѣтая, распухшая отъ слезъ. Въ сторонѣ почтительно сидятъ двѣ собачки. Онѣ растерялись. Онѣ чувствуютъ, что сейчасъ всѣ ихъ заслуги забыты, и въ сердцѣ хозяйки нѣтъ для нихъ мѣста. Въ двухъ шагахъ отъ Изы валяется трупъ птицы съ влажными взъерошенными перышками и полуоткрытымъ клювомъ. Судорожно изогнулись лапки, еще недавно перебиравшія бронзовые прутья клѣтки.

— Онъ уже два дня не ѣлъ, не пилъ,—шепчетъ Мими.—Звали доктора. Ничего не понялъ.

Иза воетъ въ голосъ, совсѣмъ какъ русская баба. Маня садится рядомъ, на коверъ, и цѣлуетъ жесткую гривку.

— Дорогая, не плачь... Я принесла тебѣ радость...

Иза отчаянно машетъ руками. Потомъ затыкаетъ уши.

Съ виноватымъ видомъ глядятъ собачки на Маню и застѣнчиво машутъ хвостиками, словно извиняясь за непорядокъ.

Черезъ два дня Маня привозитъ зеленаго ручного попугая.

— Иза, милая... Онъ будетъ сидѣть у тебя на плечѣ..

Креолка отчаянно рыдаетъ.

— Погляди на него... Ты будешь его любить... Развѣ онъ не милый?

— Да... да... Онъ милый... Онъ очень красивъ...

— Онъ лучше, чѣмъ Бакко... Это рѣдкость...

— Да, рѣдкость... Но вѣдь это не Бакко! Такого уже не будетъ...

„Какъ мы вѣрны себѣ!"—думаетъ Маня. „И въ большомъ, и въ маломъ вѣрны. Мы никогда не научимся любить Любовь..."

Теперь ты можешь меня выслушать, Иза?

— Да...

— Я возвращаюсь на сцену... Нѣтъ, постой... Ты не это предвидѣла. Безъ искусства и творчества я жить не могу и не хочу...

---

*) Стих. Бальмонта.

Я вернусь на сцену. Но прежній зритель уже никогда не увидитъ меня!.. Понимаешь, Иза?.. Я буду народной артисткой. Я нашла то, чего искала всю жизнь.

Одно мгновеніе глядитъ на нее Иза искрящимися глазами. И вдругъ съ крикомъ кидается ей на грудь. Въ первый разъ забытъ Бакко... Онѣ плачутъ, смѣются, обнимаются. Онѣ говорятъ безъ умолку, перебивая другъ друга. „Точно кладъ нашли,“ думаетъ Мими, глядя въ замочную скважину.

Какъ дошла Маня до этой мысли, которую Иза лелѣяла давно-давно, въ дни своей юности?.. Болѣзнь сердца помѣшала ей осуществить эту мечту. Теперь Маня исполнитъ ее.

— Постой!—поправляя спутавшуюся прическу, говоритъ креолка. — Теперь поговоримъ, какъ дѣльцы... Деньги гдѣ?.. Впрочемъ, у твоего мужа...

— Нѣтъ, я ничего не возьму у него... Только моимъ трудомъ должно быть создано это дѣло. Нашимъ трудомъ, Иза...

Креолка смотритъ передъ собой, сдвинувъ брови.

— Да, конечно... Отдать ли деньги безпріютнымъ дѣтямъ моей родины, или... Это даже лучше... Дѣти ихъ проѣдятъ. Секретари ихъ раскрадутъ... Но я вложу въ дѣло сейчасъ только половину капитала... 150.000 франковъ... Мы можемъ прогорѣть... А ты?..

— А я все, что у меня есть...

— Но у тебя дочь, Мань-я...

— Что ты говоришь, Иза?.. Ты точно Агата... Развѣ дочь должна быть моимъ проклятіемъ? Развѣ вернетъ она мнѣ потерянное уваженіе?

— Но объ ея будущемъ ты обязана думать прежде всего... Зачѣмъ родила ее?—сердито спрашиваетъ Иза, встряхивая гривкой.

— Маркъ уже хлопочетъ о томъ, чтобы усыновить ее...

— Это уже мѣняетъ дѣло... А что у тебя осталось послѣ неустойки?.. Семьдесятъ тысячъ франковъ? Это гроши... Еще что?

— Я продамъ мою виллу. У меня есть драгоцѣнности... жемчугъ, сапфирное колье, брилліантовая ривьера, что подарилъ мнѣ Маркъ къ свадьбѣ. Я оставлю себѣ только этотъ рубинъ...

— Да... конечно, это большая сумма. Мы можемъ продержаться года три... Доходовъ, конечно, ты не надѣешься получать?

Маня смѣется.

— Мы переманимъ Нильса. Заплатимъ ему по-царски...

Маня бьетъ въ ладоши.

— Строить свой театръ нѣтъ расчета. Мы снимемъ какой-нибудь изъ здѣшнихъ. Мѣста будутъ дешевыя...

— Но ни одного за рѣшеткой!—страстно кричитъ Маня.—Что-

бы всѣ сидѣли... Это возмутительно, что они стоятъ за рѣшеткой, когда мы сидимъ!

— Ну, еще бы! Въ своемъ театрѣ они должны себя чувствовать, какъ дома... Но какъ уберечься отъ посторонней публики?

— Постой, Иза, я придумала! Я была въ Вѣнѣ, въ *Arbeiterheim*'ѣ... Это цѣлый дворецъ. Его выстроили рабочіе, собирая деньги по грошамъ. Тамъ нѣтъ ни одного чужого хеллера... Тамъ клубъ, сцена, аудиторіи, дешевыя квартиры... Входъ безплатный для членовъ-пайщиковъ этого дома. А взносъ ничтожный... Вотъ этотъ принципъ надо внести въ наше дѣло. Театръ будетъ принадлежать имъ... Взносы будутъ ничтожны.... Входъ безплатный. Будутъ соблюдать очередь... Но ужъ эти детали выяснятся потомъ.

— Конечно... конечно... Мы сейчасъ прикинемъ смѣту... Мими! Карандашъ, бумагу... Ну, что уставилась, черномазая дура?

— Я рада, что сеньора не плачетъ...

— Убери попугая! Надоѣлъ... И собакъ возьми... Имъ гулять пора... Запри двери и не мѣшай намъ!

Мими за портьерой набожно крестится. Мадонна услышала ея молитвы. Сеньора сердится какъ прежде. Значитъ все пойдетъ хорошо.

Весь май Маня провела въ Тиролѣ. Цѣлый мѣсяцъ прожила она тамъ вдвоемъ съ Маркомъ. Они остановились въ той же гостиницѣ, гдѣ ждалъ онъ когда-то рожденія Ниночки. И открывъ окно, она черезъ озеро видѣла въ бинокль тотъ скромный домикъ, гдѣ жила она тогда, счастливая какъ цвѣтокъ, впервые выглянувшій изъ-подъ снѣга; гдѣ она вновь училась смѣяться, радоваться солнцу, горамъ, веснѣ, своей молодости; гдѣ она вновь полюбила жизнь.

Однажды, послѣ долгихъ колебаній, она переплыла въ лодкѣ озеро и прошла мимо домика. Какъ билось ея сердце! Вотъ съ этого крыльца въ холодный октябрьскій вечеръ, наканунѣ отъѣзда въ Парижъ, на порогѣ новой, трудной и невѣдомой жизни, она глядѣла въ небо, прощаясь съ горами, съ безмятежнымъ счастьемъ этихъ дней... Но теперь тамъ жили чужіе люди. Оскорбительно звучали грубые голоса. Она уже не вернулась туда...

Но оставались горы, которыя люди безсильны осквернить. Онѣ однѣ неизмѣнны. И тамъ, на узкихъ знакомыхъ тропахъ, подъ голубымъ шатромъ неба, она шла опять шагъ за шагомъ съ душой, полной сладкой печали. И садилась на тѣ же камни надъ пропастью, помнившіе ея слезы и восторги. Опять безграничный горизонтъ раскрывался передъ нею... И вспоминались любимые стихи:

Здѣсь нѣтъ людей... Здѣсь тишина...
Здѣсь только Богъ да я,
Цвѣты, да старая сосна.
Да ты, мечта моя! *)

Но почему все время теперь угнетало ее чувство утраты... какой-то невознаградимой потери? Душа не росла какъ въ тѣ дни. Не звучала отъ предчувствія какого-то огромнаго счастья. Она помнитъ, какъ опьяняло ее прежде впечатлѣніе безпредѣльности и безкрайности, развернувшейся передъ нею на этой горной высотѣ. И не было диссонанса между этой ширью и тѣмъ, что чувствовала она тогда. Не лежала ли передъ ней вся громадная жизнь? Не принадлежалъ ли ей весь прекрасный міръ? Развѣ въ себѣ самой не несла она міръ, еще болѣе прекрасный?

Отчего же сейчасъ не трепещетъ душа отъ избытка радости?.. Маленькая и печальная сидитъ она, затерянная точка среди суровой пустыни... Ничего не говорятъ ей горы. Ничего не обѣщаютъ ей бѣгущія облака... Не манятъ синѣющія дали. И въ журчаньи ручья она не слышитъ прежнихъ сказокъ. Они не помнятъ ее? Или она такъ измѣнилась?..

Но развѣ сказки не сбылись? Развѣ обѣщанія обманули?.. Не достигла она развѣ вершины женскаго счастья? И не получила отъ судьбы всего, чего просила?

X.

Завтра Штейнбахъ и Маня со всей семьей покидаютъ Парижъ и выѣзжаютъ въ Вѣну, гдѣ встрѣтятся съ Надеждой Петровной Стороженко. Оттуда всѣ вмѣстѣ двинутся въ Россію, въ Липовку. Такъ хочетъ Штейнбахъ. И не только потому, что этого требуютъ его дѣла. Онъ жаждетъ вновь видѣть мѣста, гдѣ они съ Маней жили такъ полно и ярко.

Всѣ планы Мани ему извѣстны. Они въ Тиролѣ много говорили объ ея завѣтной идеѣ и часто спорили. Въ концѣ августа они опять вернутся въ Парижъ. И Маня начнетъ свою новую жизнь.

Вчера она была въ Нельи... Сегодня прощается съ Булонскимъ лѣсомъ. Она долго сидѣла въ уединенной аллеѣ, гдѣ грезила въ памятное утро своего дебюта. Тогда на пескѣ дорожки зонтикъ ея безсознательно начерталъ слово *Николенька*...

Задумчивая идетъ она назадъ, къ тому кіоску, гдѣ ждетъ ее автомобиль.

— Марья Сергѣевна,—слышитъ она знакомый голосъ.

Ксаверій, высокій, худой какъ донъ-Кихотъ, и какъ всегда бѣдно одѣтый, почтительно снимаетъ свою широкополую шляпу.

*) Стих. Галиной.

— Какая удача! Я хотѣлъ быть у васъ... Вотъ письма къ Надеждѣ Петровнѣ. Вы ихъ не потеряете?.. Это важныя письма... Я хотѣлъ васъ благодарить за нее... Она такъ давно мечтала повидаться съ сестрой! Но... вы понимаете сами... вы рискуете...

— Я ничего не боюсь,—перебиваетъ Маня.

Нѣсколько мгновеній они идутъ молча. Маня чувствуетъ на себѣ его зоркіе глаза.

— Марья Сергѣевна, помните вы или нѣтъ—слова, которыя я сказалъ вамъ однажды?

— Помню, Ксаверій... Я ихъ никогда не забывала.

— Я беру ихъ назадъ, Марья Сергѣевна. Глинская мнѣ все разсказала. Я не зналъ васъ. Вы много сложнѣе, чѣмъ я думалъ... Я билъ тогда по открытой ранѣ и... мнѣ больно за мою жестокость.

Она поднимаетъ на него сверкающіе большіе глаза.

— Я рада, Ксаверій, что вы говорите такъ... Я рада тому, что мы идемъ сейчасъ рядомъ и говоримъ... какъ близкіе... Точно камень свалился съ души, когда я рѣшила бросить сцену... Ваши слова тогда были первымъ толчкомъ... Послѣднимъ былъ народный спектакль въ Лондонѣ. Вы читали объ этомъ? Протяните мнѣ теперь руку, Ксаверій, безъ вражды и презрѣнія... Я такъ много выстрадала... Право, я стою вашего уваженія.

— Да, Марья Сергѣевна, теперь вы нашли путь къ оправданію вашей жизни...

Одно мгновеніе они стоятъ, держась за руки. Странно и ново его лицо. И нѣтъ въ немъ суровости. Его блѣдныя щеки сейчасъ раскраснѣлись, и весь онъ кажется молодымъ и мягкимъ. И знакомымъ очарованіемъ повѣяло въ душу Мани. Это неуловимо тонкое ощущеніе, когда соприкасаются вдругъ двѣ далекія души, когда мерещатся вдали новыя возможности.

Мы каждый день сталкиваемся съ десятками людей и торопливо проходимъ мимо. Мы слышимъ голоса. Мы видимъ лица. Но что таятъ эти люди подъ маской лицъ? Чѣмъ живутъ ихъ души? Развѣ мы знаемъ? Развѣ хотимъ узнать? Намъ некогда... некогда... Жизнь не ждетъ... Чужими и ненужными кажутся намъ люди. И сами мы мертвы для нихъ. Окруженные одиночествомъ какъ глухой стѣной, идемъ мы рядомъ, не подозрѣвая, сколько прекрасныхъ возможностей теряемъ мы въ этой торопливости каждаго дня съ его мелкими заботами. И если случайность, тоска или желаніе на мгновеніе расторгнутъ этотъ роковой кругъ, и дрогнутъ двѣ встрѣтившіяся души, мы не забываемъ этихъ мгновеній. Не забываемъ ихъ никогда.

„Вотъ она — возможная *дружба-любовь*“, думаетъ Маня. „И сколько счастья дастъ намъ обоимъ такая безплотная дружба!“

ЧАСТЬ V.

Вдали отъ Земли, безпокойной и мглистой,
Въ предѣлахъ бездонной, нѣмой чистоты,
Я выстроилъ замокъ воздушно-лучистый,
Воздушно-лучистый Дворецъ Красоты.
    Какъ островъ пловучій надъ бурнымъ волненьемъ,
    Надъ вѣчной тревогой и зыбью воды,
    Я полонъ въ томъ замкѣ нѣмымъ упоеньемъ,
    Нѣмымъ упоеньемъ безстрастной звѣзды.

. . . .

И вижу я горы, и вижу пустыни...
Но что мнѣ до вѣчной людской суеты?
Мнѣ ласково свѣтятъ иныя святыни,
Иныя святыни въ Дворцѣ Красоты.

Бальмонтъ

Не въ томъ желанная отрада,
Чего достигнуть можемъ мы:
Изнемогающимъ средь тьмы,
Намъ достижимаго не надо.
    Все достижимое ничтожно,
    Полно холодной пустоты.
    Отрадны намъ однѣ мечты.
    Отрадно то, что невозможно.

Ратгаузъ.

I.

Опять знойное небо надъ украинской степью. Воздухъ дрожитъ и струится. Неподвижны величавыя вершины запыленныхъ тополей.

На маленькой станціи мало народу, но много полиціи. Блестятъ на солнцѣ погоны становового. Ждутъ поѣзда изъ Кіева. Всѣ устали. Всѣ раздражены. Шутка сказать, сколько дней по такой жарѣ на станціи толкутся и дежурятъ! И все напрасно...

Экспрессъ изъ Москвы показался вдали. Простоитъ всего минуту. Выходитъ начальникъ станціи, щурясь и чихая отъ солнца. Распахивается окно, и молодой кудрявый телеграфистъ садится

на пыльный подоконникъ. Единственный носильщикъ перебѣгаетъ рельсы и бѣжитъ на другую платформу.

И въ ту же минуту къ крыльцу станціи, лихо звеня бубенцами, подкатываютъ три коляски.

Изъ послѣдняго въ поѣздѣ спальнаго вагона выходитъ Штейнбахъ съ полной, пожилой дамой въ черномъ, съ плотнымъ траурнымъ вуалемъ, закрывающимъ ея лицо. Маня въ свѣтло-сѣромъ костюмѣ и въ шляпѣ съ бѣлымъ перомъ подъ бѣлымъ вуалемъ прыгаетъ на подножку и подаетъ руку дядѣ Штейнбаха. А за ними выходятъ фрау Кеслеръ и бонна съ Ниночкой. Лакей и горничная въ окно выбрасываютъ носильщику картонки и коффры.

— Лошади уже здѣсь, ваше сіятельство,—говоритъ сторожъ, дѣлая подъ козырекъ.

— Тебѣ нравится эта степь, Агата?

— Пыль чудовищная,—смѣется фрау Кеслеръ.

Одной рукой придерживая шашку, а другой отдавая честь и всей фигурой выражая преданность, приближается становой.

— А!.. Иванъ Дмитричъ... Губернатора ждете?

— Хуже, Маркъ Александровичъ,—подобострастно ухмыляется тотъ.

Маня глядитъ пытливо и строго въ его красное лицо.

— Вы знакомы съ моей женой? Моя тетя...

Но на тетю никто не глядитъ. Всѣмъ интересна знаменитая босоножка.

На одну секунду Маня останавливается на платформѣ. Смотритъ на эти великаны-тополя. Таинственно шумѣли ихъ вершины, когда ребенкомъ она впервые ѣхала сюда... А вонъ тамъ, въ концѣ платформы, она увидала Марка. Она полюбила его съ перваго взгляда... Ахъ, все прежнее! Только она не та...

Становой, на цыпочкахъ подымаясь къ небрежно склонившемуся Штейнбаху, шепчетъ съ значительнымъ выраженіемъ:

— Неужто не помните, Маркъ Александровичъ, какую заваруху она устроила въ нашемъ краѣ? Клуню у Горленко тогда спалили. У госпожи Нелидовой домъ сожгли...

— Да... да... теперь вспоминаю... Но почему же вы думаете, что она ѣдетъ сюда?

— Намъ дано знать изъ Вѣны недѣлю назадъ. Прослѣдили, какъ билеты на Кіевъ брала... Въ тамошнемъ бюро, знаете? Сестра у нея больна. Она вѣдь изъ нашихъ мѣстъ...

— Вы ее сами когда-нибудь видѣли?

— Только портретъ. Но съ ней въ одномъ поѣздѣ вѣрные люди

ѣдутъ... Да видно въ чемъ-то промашка! Трое сутокъ ждемъ... Задержалась что ли?.. Съ ногъ сбились... Сколько поѣздовъ встрѣтили!

— Извините. Меня ждутъ дамы. До свиданья!

На дворѣ станціи Маня быстрымъ, горячимъ взглядомъ смотритъ въ лицо кучера. И вдругъ улыбается. Тотъ молча снимаетъ шапку. И обѣ женщины видятъ убѣгающій лобъ, сѣрые, твердые глаза и широкій, упорный подбородокъ. Сѣрые глаза улыбаются чуть замѣтно.

Подымая столбы пыли, коляски мягко мчатъ по главной улицѣ огромнаго села, растянувшагося на полторы версты. Вѣтеръ ласкаетъ лица. Мелькаютъ бѣлыя мазанки, садики съ кустами чернобривца и гвоздики, плетни съ колючимъ терномъ, пестрыя громадныя свиньи, чумазые ребятишки, босоногіе, но въ смушковыхъ шапкахъ. Вонъ у ставка до боли ярко сверкнули бѣлоснѣжныя пятна. Это гуси. Лай лохматыхъ собакъ сливается со звономъ бубенчиковъ. Проѣхали кладбище съ покосившимися ветхими крестами. Плакучія березы безсильно поникли надъ безымянными могилами... И опять степь и солнце. Ширь и вѣтеръ.

— Благодать! — шумно вздыхаетъ „тетя“ и откидываетъ вуаль.—До чего я родинѣ рада! Спасибо вамъ, мои милые... „племянницы!..“

Маня жметъ ея руку. И вдругъ, вспомнивъ что-то и лукаво поднявъ лѣвую бровь, начинаетъ звонко хохотать. Хохочетъ и тетя, и притомъ такъ заразительно, что и Штейнбахъ улыбается.

А кучеръ, оборачиваясь съ козелъ, говоритъ насмѣшливо:

— Три дня уже ждутъ...

И опять всѣ заливаются смѣхомъ.

— А что новаго, Василій Петровичъ? — спрашиваетъ Штейнбахъ агронома.

— Гдѣ? На заводѣ? Или на селѣ?

— И тамъ, и тутъ.

— Искусства процвѣтаютъ. Всѣ увлеклись музыкой

— Какъ хорошо!—говоритъ Маня.—И есть таланты?

— Не по моей части, Марья Сергѣевна,—усмѣхается агрономъ, показывая острые бѣлые зубы.—Вы ужъ поговорите съ регентомъ и капельмейстеромъ... А насчетъ настроенія? Не нравится оно мнѣ.

— Что такъ?—подхватываетъ „тетя“.

— Вы еще незнакомы?—перебиваетъ Штейнбахъ. — Знаменитая Надежда Петровна, а сейчасъ Анна Павловна, тетя моей жены.

Свѣтскимъ жестомъ приподнявъ шапку, агрономъ говоритъ:

— Очень радъ... Въ схимѣ Василій Петровичъ Иконниковъ. Въ міру Дмитрій Верхотурскій.

— Ахъ, слышала, слышала о васъ!—пѣвуче-ласково говоритъ „тетя“, сверкая молодыми еще, черными какъ вишня глазами.

— Народъ здѣсь инертный, созерцательный, суевѣрный. Это русскіе буддисты.

— Это поэты!—перебиваетъ Маня.

Василій Петровичъ пожимаетъ плечами.

— Согласенъ. Романтичны. Но несознательны. Поживъ съ ними, можно понять, почему они потеряли независимость и, подобно полякамъ, умерли политически.

— Ну, нѣтъ! — пылко перебиваетъ Надежда Петровна, дѣлая совсѣмъ молодые жесты.—Вы ихъ не знаете... Они туги на подъемъ, правда! Но вы не считаетесь съ темпераментомъ южанъ?

— Еще бы! Поджоги, грабежи и тому подобные анархическіе эксцессы... Это они могутъ. Но чтобы сознательно организоваться...

— Ради Бога, безъ политики!—говоритъ Маня.—Успѣете поспорить! Вы взгляните какой просторъ! Василій Петровичъ, вы лошадей знаете?

— Еще бы! Самъ привезъ ихъ изъ Москвы. Самъ объѣзжалъ. Вѣдь я бывшій кавалеристъ, Марья Сергѣевна.

— Теперь дорога ровная... Пустите ихъ такъ, чтобъ вѣтеръ свистѣлъ въ ушахъ.

— А не боитесь?.. Лошади горячія...

— Ничего... Мы сдѣлаемъ „репетицію“, — смѣется Маня.

— Да, Василій Петровичъ, отъ васъ мы ждемъ большой услуги на-дняхъ,—серьезно говоритъ Штейнбахъ.

— Понялъ, Маркъ Александровичъ. Лидія Аркадьевна мнѣ уже говорила въ общихъ чертахъ.

Уже вечерѣетъ, когда они ѣдутъ мимо Лихого Гая. Лошади медленно поднимаются въ гору. Василій Петровичъ оборачивается съ козелъ и говоритъ:

— Вотъ здѣсь весною стрѣляли въ Нелидова.

Маня вся подалась впередъ. Глаза расширены. Губы открыты.

— Но вѣдь онъ остался живъ?—быстро перебиваетъ Штейнбахъ.

— Уцѣлѣлъ случайно...

Маня закрываетъ глаза и тяжело опирается о спинку экипажа.

— Кто это Нелидовъ?—спрашиваетъ Надежда Петровна.

— Здѣшній предводитель дворянства. Ждетъ назначенія на постъ губернатора... Въ министры мѣтитъ, какъ слышно... Сильныя связи. Народъ его не любитъ. Интересный субъектъ, — кривя губы, улыбается Василій Петровичъ.—Крутъ и безстрашенъ. Добромъ не кончитъ...

— Вотъ у васъ тутъ дѣла какія! — весело подхватываетъ Надежда Петровна, внимательно глядя въ глубь угрюмаго лѣса.

Маня поднимаетъ вѣки. И впервые чужими, удивленными глазами смотритъ на эту дорогую ей женщину. Потомъ переводитъ взглядъ на Марка. Онъ смущенъ. Избѣгаетъ ея взгляда... Онъ это зналъ. И скрылъ отъ нея... Она тоже глядитъ на корявые дубы. И понемногу она перестаетъ слышать, что говорятъ кругомъ. И кажется ей, что лѣсъ шепчетъ:

„Здравствуй! Ты опять съ нами. Помнишь, какъ по этому ущелью вы ѣхали вдвоемъ, и падала ночь?.. Онъ обнялъ тебя здѣсь. Онъ взялъ тѣло и душу твою. И ты плакала...“

— А кого же подозрѣваютъ?—спрашиваетъ Штейнбахъ.

Василій Петровичъ щелкаетъ бичомъ. Въ высокихъ стѣнахъ ущелья этотъ звукъ особенно рѣзокъ. Лошади вздрагиваютъ и берутъ сразу. Гай остается позади зловѣщимъ пятномъ.

— Вы Измаила помните? Зяму изъ Лысогоръ. Теперь парижскаго студента...

— А...—тихонько срывается у Надежды Петровны. Она закусываетъ губы и старательно поправляетъ вуаль, бьющій ее по лицу. Но Василій Петровичъ поймалъ этотъ звукъ.

— Не помню Измаила...

— Его арестовали, но выпустили за недостаткомъ уликъ...

Когда они ѣдутъ мимо ставка, гдѣ утонулъ Янъ, Штейнбахъ невольно снимаетъ шляпу. Маня смотритъ большими глазами на эти сѣдыя столѣтнія ветлы, на неподвижную воду, на розовыхъ гусей... А вонъ наверху — рощица, и четко рисуется на вечернемъ небѣ черный крестъ самоубійцы. Тамъ ждалъ ее Янъ... Тамъ встрѣчалъ ее Маркъ...

Коляски несутся по липовому проспекту. Сердце Мани бьется. Вся кровь прилила къ нему. Она не ожидала сама такого глубокаго волненія. Вотъ она, чугунная рѣшетка съ гербами, и ворота, куда втроемъ съ Соней и дядюшкой они входили въ прекрасный лѣтній день... И она бездумно шла къ этому великолѣпному дворцу, не подозрѣвая, что тамъ ждетъ ее судьба.

Она озирается и встрѣчаетъ взглядъ мужа. Глубокъ и скорбенъ этотъ взглядъ.

Старый Остапъ не измѣнился за эти годы. Съ почтительнымъ поклономъ снимаетъ онъ шапку. Надежда Петровна быстро опускаетъ вуаль. Возможно, что онъ ее не узнаетъ. Но, если и бояться кого-нибудь, такъ именно его.

Миновавъ больницу, школу и оранжерею, коляски лихо огибаютъ цвѣтникъ и останавливаются передъ колоннами дома.

— Wunderschön!—слышится сзади возгласъ фрау Кеслеръ.

Штейнбахъ идетъ съ женою впереди. Онъ крѣпко прижимаетъ къ себѣ ея руку и цѣлуетъ ея пальцы... Вотъ она, минута, которую онъ ждалъ такъ давно, о которой мечталъ такъ страстно!

Лицо Мани блѣдно. Глаза ея глядятъ вдаль, на темныя купы парка. Будетъ ли что-нибудь въ дальнѣйшемъ выше мгновеній, пережитыхъ ею тамъ?

По двору издали бѣжитъ молодая женщина. Вѣтеръ развѣваетъ ея газовый шарфъ.

— Кто это?—восклицаетъ Надежда Петровна, поднимая брови.

Лика подбѣгаетъ, задыхаясь. Одно мгновеніе смотритъ въ лицо Надежды Петровны своими голубыми, на этотъ разъ словно свѣтящимися глазами. И порывисто цѣлуетъ ея руку.

— Ахъ, милая!—сконфуженно говоритъ та, отдергивая руку, и беретъ Лику за плечи.—Спасибо вамъ за ласку! Кто вы такая?

— Вы меня не помните,—вздрагивающими губами говоритъ Лика,—но я знаю васъ...

Василій Петровичъ съ высоты козелъ насмѣшливо глядитъ на эту сцену. „Не можетъ женщина обойтись безъ фетишей“, говоритъ его улыбка. Лика здоровается съ Штейнбахомъ и его женой. Лицо ея сразу становится прежнимъ: острымъ, напряженнымъ, холоднымъ. Опираясь на ея руку, Надежда Петровна подымается на крыльцо.

— Я не ждала ничего подобнаго,—говоритъ фрау Кеслеръ, входя въ двухсвѣтный залъ.

А Маня съ Штейнбахомъ уже бѣгутъ въ кабинетъ.

Онъ запираетъ дверь. Они одни... Изъ золоченой рамы съ тайной угрозой слѣдятъ за ними глаза прекрасной еврейки. Знакомые глаза безъ блеска и дна. Портретъ, копія съ котораго въ Москвѣ дала Манѣ такъ много тоски. Но сейчасъ она его не боится.

Она окидываетъ комнату долгимъ, влажнымъ взглядомъ... Вотъ здѣсь, въ тотъ вечеръ, когда она плясала полуодѣтая... О, жизнь! Прекрасная, царственная жизнь... Ты не повторяешься...

Она плачетъ на груди Штейнбаха.

Онъ ждалъ этой минуты. Этихъ слезъ онъ жаждалъ. За нихъ все прощаетъ онъ ей. Всѣ страданія, что были. И будутъ.

На террасѣ накрытъ столъ. Звенятъ серебромъ, стучатъ чашками. Всѣ собрались ужинать. Отчетливо доносится жизнерадостный голосъ Агаты, стеклянный смѣхъ Лики, заразительно веселая рѣчь Надежды Петровны съ ея хохлацкимъ акцентомъ.

Скорѣй!.. Скорѣй...

Взявшись за руки, они украдкой бѣгутъ въ паркъ. Они не сговорились. Все понятно безъ словъ.

Завѣтная скамейка... А рядомъ могила Яна. Ихъ первая встрѣча была здѣсь.

Она положила ему руки на плечи. Онъ безмолвно обнялъ ее. Они глядятъ другъ другу въ глаза. Глядятъ съ тоской и отчаяніемъ. И беззвучно проходятъ мимо нихъ призраки ихъ быстротечнаго счастья, нарушенныхъ клятвъ, забытыхъ восторговъ, угасшихъ порывовъ... Свѣжесть ушедшаго утра. Тѣни идущаго вечера...

Яркое, росистое утро. Весь домъ спитъ еще, а Маня уже встала. Проснулась, точно кто толкнулъ ее, и кинулась къ окну. Она распахнула его, и свѣжесть волной влилась въ комнату.

О, какой воздухъ!.. Вѣтки липъ стучали на зарѣ въ раму, словно говорили: „Встань!.. Встань скорѣе...“ Высоко разрослись густые кусты подъ окномъ, и даже дорожки не видно вдали... Она сама себѣ выбрала эту угловую отдаленную комнату.

Скорѣй, скорѣй въ паркъ!.. Пережить прошлое въ одиночествѣ. Вспоминать и плакать. Какое наслажденье!

Она накидываетъ бѣлую блузу и беззвучно скользитъ мимо запертыхъ дверей. Сердце стучитъ, словно она идетъ на свиданіе.

Подойдя къ могилѣ Яна, она опускается на колѣни. Мраморъ надгробной плиты жжетъ ея лицо. Розы благоухаютъ. Струится ароматъ геліотропа. Сквозь кружево плакучихъ березъ блестятъ золотыя буквы: „Я люблю того, кто строитъ Высшее надъ собой и такъ погибаетъ“.

Она не замѣчаетъ слезъ, которыя бѣгутъ по ея щекамъ.

Потомъ она садится на скамью, у могилы.

Шесть лѣтъ промчались съ того утра, когда Янъ сказалъ ей: „Я дамъ вамъ ключи счастья... Самое цѣнное въ насъ — наши страсти, наши мечты. Жалокъ тотъ, кто отрекается отъ нихъ!“

Липы лепечутъ надъ головой. И она слышитъ въ нихъ его тихій голосъ, пронизанный страстью и вѣрой: „Ваше тѣло, ваши чувства, ваша жизнь принадлежатъ вамъ одной. И вы властны сдѣлать съ ними, что хотите... Но душу вашу не отдавайте любви!“

Обнявъ руками колѣни и сцѣпивъ пальцы, она глядитъ въ высокое небо, сверкающее сквозь листву, и думаетъ:

„Вотъ я пришла къ тебѣ, Янъ. Послѣ труднаго и долгаго пути вверхъ я вернулась на твою могилу. Я исполнила твой завѣтъ: я не отреклась отъ мечты... и душу свою освободила отъ любви. Я плачу надъ ней, какъ плачетъ любитель надъ безцѣнной вазой, разбившейся въ дребезги. Но благословляю мои слезы. И страданія мои люблю“...

Липы шепчутъ надъ ея головою. Пятна свѣтотѣни трепещутъ на пескѣ дорожки. Она какъ бы слышитъ голосъ Яна. „Есть цѣль выше счастья, Маня. Ты стала свободной“...

„Да“... думаетъ она. „Душа моя распрямилась, и печали забыты. Пусть поблѣднѣла Мечта, которой я пожертвовала счастьемъ! Зажигается другая. Она озаритъ всю жизнь до конца, когда бы онъ ни ждалъ, гдѣ бы онъ меня ни застигнулъ. Прошлое прекрасно. И прекрасна любовь. Но то, что отвоевала я у жизни, мнѣ дороже моего бреда, моего безумія... того, что люди зовутъ счастьемъ. Ты доволенъ мною, Янъ?..“

Липы шепчутъ что-то наверху.

Нѣжный, свѣтлый, кроткій Янъ. И мрачный, несокрушимый, не знающій слабостей Ксаверій, съ его тонкими губами и глазами какъ сталь. Въ одно слились для нея эти два образа... Теперь ей самой все ясно, весь этотъ мучительный разладъ ея души, начавшійся въ Парижѣ три года назадъ и закончившійся ея уходомъ со сцены... И не потому ли такая радость въ душѣ, что она поднимается все выше на высокую башню, и ступени уже не дрожатъ подъ ней?

Вдругъ знакомые шаги звучатъ по гравію.

— Я зналъ, что ты здѣсь,—робко говоритъ Штейнбахъ.

Какъ задумчиво и прекрасно ея лицо! Онъ тихонько садится рядомъ и цѣлуетъ ея руку.

— Помнишь, Маня, тотъ день?—послѣ долгой паузы шопотомъ спрашиваетъ онъ. Она молча наклоняетъ голову.

— Ты пришла тогда сюда, бѣдная Золушка въ стоптанныхъ башмачкахъ, но гордая и смѣлая, съ цѣлой жизнью впереди... А я, нищій-крезъ, молилъ твоей ласки и дрожалъ передъ тобою... Оглянись, Маня! Этотъ паркъ, этотъ домъ и степь, и даль,—все твое!.. Но радуетъ ли это тебя, моя загадочная Маня? Почему мнѣ кажется, что ты не цѣнишь ни этого богатства, ни своей власти? И даже нѣжности моей не цѣнишь? Нѣтъ, не качай головкой!.. Ты стала другой. Я все прежній Маркъ. Годы прошли, а я все такъ же дрожу передъ каждымъ измѣненіемъ въ твоемъ лицѣ. Все такъ же боюсь твоей задумчивости и твоего молчанья...

Она поднимаетъ голову и смотритъ въ его глаза.

— Не считай меня неблагодарнымъ, Маничка! Эта ночь была такъ волшебна! Такъ горячи были твои ласки... Столько экстаза было въ этой минутѣ... И ты плакала, какъ раньше... И когда я спросилъ тебя, счастлива ли ты? Ты отвѣтила: „Я вижу небо, Маркъ...“ Помнишь, что ты отвѣтила мнѣ?.. И вотъ теперь мы сидимъ здѣсь по-старому, какъ въ тотъ памятный день... И ты

жена моя. Но развѣ я знаю тебя больше, чѣмъ зналъ тебя тогда? Все такъ же непонятны мнѣ твои глаза, твои губы, твоя душа. Я только тѣло твое знаю, Маничка... Но и его не смѣю назвать своимъ... И почему мнѣ кажется, что вотъ еще немного, и ты встанешь, далекая и равнодушная, какъ въ то первое утро... покинешь меня одного на этой скамьѣ. И уйдешь въ свою жизнь, въ которой мнѣ не будетъ мѣста?

Ея рѣсницы опускаются.

— Милый Маркъ,—шепчетъ она, пожимая его пальцы.

И ему становится холодно отъ этихъ простыхъ словъ.

— Маня,—съ отчаяніемъ срывается у него, и онъ прижимаетъ ея руки къ груди.—Позови меня съ собою туда, куда ты уйдешь!

Она пристально и печально глядитъ на него.

— Хорошо... Маркъ... Позову...

II.

Они сидятъ за завтракомъ, когда камердинеръ докладываетъ:

— Федоръ Филиппычъ изъ Лысогоръ и барышня.

Маня бѣжитъ навстрѣчу. Штейнбахъ спѣшитъ за нею.

— Милые мои! Дорогіе! — радостно говоритъ Маня, изъ объятій Сони кидаясь на грудь переконфуженнаго дядюшки.

— Ужъ какъ звать теперь, не знаю...

— Маня... конечно... Дядюшка, вы такой же элегантный!

— Гдѣ ужъ тамъ! Мохомъ обросъ,—кокетливо возражаетъ дядюшка, приглаживая посѣдѣвшіе виски.—А вотъ вы дѣйствительно красавица...

— Ты!..—кричитъ Маня, хватая его за плечи. — Маня и ты. Хочу быть прежней дѣвочкой для васъ...

Ея лѣвая бровь поднята, глаза искрятся... Ямочки на щекахъ. И все-таки не прежняя... Что за гибкая, стройная фигура! И это платье... Сонѣ немножко совѣстно... Платье все обтянутое, ни одной складки, кромѣ узенькаго шлейфа. Точно нѣтъ на ней юбокъ. И всѣ линіи и формы ея тѣла видны сквозь тонкую ткань, словно она вся раздѣта. Но дядюшка въ восторгѣ.

— Это новая мода въ Парижѣ, — объясняетъ Маня. — Юбокъ нѣтъ. Одно трико.—Она, смѣясь, приподнимаетъ платье и показываетъ голубыя ножки въ свѣтлыхъ туфелькахъ.

Соня краснѣетъ. Мужчины хохочутъ.

— Ты хоть на улицу не выходи въ такомъ платьѣ! За тобой дѣти побѣгутъ,—шепчетъ Соня. Совсѣмъ какъ въ гимназіи.

— Милая ты моя пуританочка! У меня другихъ платьевъ нѣтъ...

Ихъ ведутъ въ столовую и знакомятъ съ дядей Іосифомъ и Надеждой Петровной... Дядя быстро встаетъ.

— Куда ты?—огорченно спрашиваетъ Маня.

Но старикъ мягко отстраняетъ ея руки и сгорбившись спускается со ступеней террасы. Онъ исчезъ за поворотомъ аллеи.

„Какъ посѣдѣлъ!“ думаетъ дядюшка съ облегченіемъ, глядя на виски Штейнбаха. „Кожа еще какъ слоновая кость. Но глаза совсѣмъ погасли... Нелегка, видно, жизнь съ Маничкой. И до чего похожъ сталъ на дядю! Вечеромъ не различишь, если надѣть на него такую же шапочку.“

— Моя дочка,—говоритъ Штейнбахъ, беря Ниночку на руки съ ея высокаго стульчика. И дядюшка опять конфузится.

„Неужто онъ не видитъ? Вѣдь на одно лицо съ Нелидовымъ?..“

— Какое очаровательное дитя!—лепечетъ онъ.

Надежда Петровна съ свѣтскимъ тактомъ поддерживаетъ разговоръ. Она одна здѣсь вполнѣ владѣетъ собой. Разспрашиваетъ Соню о парижскихъ впечатлѣніяхъ, о русской колоніи.

„Прелестное лицо!“ думаетъ Соня. „И чья это тетя? Его или Манина?“

Послѣ кофе Маня беретъ Соню подъ руку.—Пойдемъ въ паркъ,—шепчетъ она. И вдругъ сквозь чуждыя ей черты Соня видитъ лицо прежней Мани, ея огромные, жадные и мечтательные глаза.

— Тебѣ нравится тетя?

— Ужасно! Откуда она явилась?

Маня звонко смѣется. Потомъ наклоняется къ уху Сони, хотя онѣ одни подъ густымъ сводомъ липъ, и что-то шепчетъ.

Глаза Сони широко раскрываются. Съ испугомъ смотритъ она на губы Мани.

— Та самая?—срывается у нея шопотомъ.

— Ну, да...—И онѣ обѣ невольно озираются.

— Я обожаю ее, Соня... И она тоже меня любитъ. Но, что мнѣ еще дороже,—она любитъ мои танцы. Одинъ разъ она даже заплакала и сказала: „Это отъ восторга“...

— Трогательно... Гдѣ же она тебя видѣла?

— Дома, у насъ, я пляшу часто. А потомъ я давала вечеръ въ пользу русской столовой въ Парижѣ. Другой разъ въ пользу рабочаго клуба. Меня просила Глинская. Помнишь ее?

— Еще бы! Я такъ и думала, что вы будете друзьями.

— А помнишь Денизу?.. Работницу-анархистку, которая говорила на засѣданіи *Лиги*? Нѣтъ?.. Она пришла ко мнѣ во главѣ депутаціи благодарить меня. Сборъ былъ огромный... И я видѣла, какъ она растерянно оглядывалась. Въ домѣ Марка такая роскошь!..

И видно было, какой разладъ въ ея душѣ! А я стояла передъ нею, красная, униженная... Но теперь довольно! Довольно! Со старымъ покончено... Мнѣ уже не придется краснѣть...

— Но почему?.. Почему ты чувствовала себя униженной?

— Ахъ, Соня, Соня! Я думала, ты поймешь меня съ полуслова... Между гобеленами и бронзой это темное пятно ея платья... Глинская сказала мнѣ: „Все-таки и въ этотъ разъ васъ видѣли только богатые...“ Я отвѣтила: „Ну, устройте вечеръ для однихъ рабочихъ!.. И я буду танцовать съ радостью, о которой давно забыла...“ Я обернулась къ Денизѣ. Она такъ странно и горячо глядѣла на меня. — „Хотите видѣть мою пляску?“ — спросила я ее. „Доставитъ ли это вамъ радость?“ И она отвѣтила мнѣ такимъ глубокимъ голосомъ: „О, да!.. Такой вечеръ мы не забудемъ. Немного радости мы видимъ въ нашей жизни!“ Ахъ, Соня! Какія дивныя минуты пережила я въ тотъ вечеръ! Я пріѣхала въ рабочій клубъ. Сцена тамъ маленькая. Развернуться негдѣ. Но зато какія лица! Какіе непосредственные восторги!

— А мы-то увидимъ тебя здѣсь!

— Въ мои именины Маркъ устроитъ здѣсь вечеръ. Пусть приходятъ всѣ! И изъ другихъ селъ... Я буду плясать. Маркъ сыграетъ на цитрѣ. Учитель споетъ. У него, говорятъ, хорошій баритонъ. Будетъ и нашъ хоръ. Жаль, что оркестръ еще слабъ... Учатся всего годъ...

— Это твоя идея, Маня?

Маня киваетъ головой и вдругъ задумывается. Удивленно сбоку глядитъ на нее Соня. Откуда въ ней столько демократизма, въ этой эстеткѣ? Но что это не наносное, а свое—это чувствуется безошибочно.

— Я сейчасъ вспомнила твое письмо, Маня... Какое чудное письмо! Но о какой новой жизни говоришь ты?

— Тише! Вонъ идетъ Маркъ... Не говори при немъ... Онъ ревнуетъ меня ко всему новому...

— Ну, когда же вы къ намъ?—спрашиваетъ дядюшка, цѣлуя руку Мани. — Сестра волновалась, какъ ей быть! Не поѣхать ли первой съ визитомъ?

— Вотъ глупости! — звонко смѣется Маня. — Дядюшка... прелесть вы моя!—Она кладетъ ему руки на плечи.—Ну, мы завтра пріѣдемъ часовъ въ шесть къ чаю... Да, Маркъ?.. А вы приходите скорѣй... я вамъ покажу свое искусство...

— О... Воображаю, какъ вы прекрасны!

— Ты!—смѣется Маня, цѣлуя его.

Штейнбахъ и дядюшка ведутъ бесѣду на террасѣ, въ Лысогорахъ, у кипящаго самовара. Вѣра Филипповна волнуется. Лицо ея въ пятнахъ. Горленко тоже замѣтно подавленъ. Онъ куритъ молча и посапывая... Ну, конечно, они рады Манѣ. Что было, то быльемъ поросло... Обвѣнчались и дѣлу конецъ... Сосѣди хорошіе, что говорить!.. А ужъ она-то краля какая писаная стала!.. Просто на удивленіе... Вѣра Филипповна даже гордится ею. Мелочи и непріятности забылись. Помнится только странная дѣвочка съ огромными глазами, наивная и добрая... А теперь эта дѣвочка — знаменитость и жена Штейнбаха... Только вотъ туалетъ ея... Что за неприличіе! Подняла платье, сбѣгая съ террасы, а подъ нимъ только тѣлеснаго цвѣта трико... Точно голая... „Все-таки безстыжія эти артистки", думаетъ Вѣра Филипповна съ нѣкоторымъ удовлетвореніемъ.

А Маня, еле проглотивъ чашку чаю и сбросивъ свою живописную шляпу съ огромными полями, схватила Соню подъ руку и побѣжала въ садъ.

Что за могучая власть прошлаго!.. Уже подъѣзжая къ воротамъ Лысогоръ, она чувствовала невольное волненіе. Воспоминанія подымались какъ призраки изъ каждаго угла... Она уже побывала въ свѣтелкѣ и большими глазами глянула оттуда на дворъ. Все то же... Ничто не измѣнилось.

Теперь, по дорогѣ въ паркъ, она становится все молчаливѣе. И наконецъ смолкаетъ.

Соня точно поняла.—Я приду сейчасъ,—говоритъ она.

И вотъ Маня одна. Она идетъ по знакомой аллеѣ, мимо памятной скамьи. Здѣсь ждалъ ее Маркъ, вернувшійся изъ Вѣны, гдѣ онъ схоронилъ дочь... А она, покорная раба Нелидова, подходила къ нему, стиснувъ губы, растерявшаяся передъ роковой коллизіей своей двойной любви, рѣшивъ забыть тропинки, по которымъ вела ее своевольная мечта, и свернуть на старую, избитую дорогу... Мучительныя мгновенія... Вы миновали... Вы не вернетесь.

Она у бесѣдки... Все такъ же вѣтка плакучей березы задѣваетъ ее по лицу. Она мягко отстраняетъ ее и входитъ. И съ нею вмѣстѣ входитъ ея прошлое и садится рядомъ съ нею на мшистую скамью.

Солнце золотитъ верхушки лепечущихъ березъ и играетъ бликами на ея платьѣ. Кругомъ та же тишина. Гдѣ-то далеко за греблей звучитъ пѣсня. Прогремѣла по мосту телѣга, и утки закричали: „Ахъ!.. ахъ!.. ахъ!.."

Она закрыла глаза и ждетъ...

Кто войдетъ сюда?.. Кто обниметъ ее?.. Не бьется уже сердце отъ мятежной жажды счастья. Запретныя цѣпи порвались. Все

стало возможнымъ. Нѣтъ ничего недоступнаго... А если есть... оно уже не манитъ. И жизнь за него не отдашь... „Жизнь сама по себѣ благо“, горделиво думаетъ Маня.

Листья лепечутъ надъ ея головой. Неужели это та самая молоденькая березка? Какъ выросла!.. Маня гладитъ бѣлый, блестящій стволъ. Милая... Милая... Тогда она была еще кустикомъ. Она всѣ эти годы тоже грезила въ зеленомъ сумракѣ. О чемъ грезила она? Конечно о солнцѣ. О той минутѣ, когда его золотые лучи поцѣлуютъ, наконецъ, ея кружевныя вѣтви. Не въ этомъ ли цѣль всего живущаго на землѣ?

Звенитъ тишина вокругъ. Или это пчелы гудятъ?.. Закрывъ глаза, недвижно сидитъ на мшистой скамьѣ знаменитая Marion и приглядывается къ странному раздвоенію своей души. Оно началось съ той минуты, когда поѣздъ подошелъ къ маленькой станціи, и протяжно зашумѣли величавые тополи.

Ихъ двѣ сейчасъ рядомъ, на этой скамьѣ. Marion и Маня. Женщина и дѣвочка.

...Милая дѣвочка... Прекрасно твое лицо. И свѣтла твоя улыбка, не знающая скорби. А въ глазахъ твоихъ цѣлый міръ... Въ чемъ же тайна твоей радости? Этой стихійной, ослѣпительной радости, которой дышитъ каждый фибръ твоего худенькаго тѣла? Вспомни, вспомни, однако... чего ждала ты отъ жизни? Любви... Только одну грань твоей души озарило солнце. Другія печально темнѣли... И что дала тебѣ любовь кромѣ слезъ и страданій?.. Но, потерявъ эту маленькую радость, ты хотѣла отречься отъ солнца, отъ смѣха, отъ своихъ порывовъ и грезъ. Ты искала смерти, бѣдная дѣвочка?..“

Такъ думаетъ знаменитая Marion. Она сидитъ, закрывъ глаза, охваченная неодолимымъ очарованіемъ прошлаго! И самыя его печали, свѣтлыя печали юности—кажутся ей дороже всѣхъ ея радостей и достиженій.

Опять зазвучала пѣсня на греблѣ. Или это Мелашка поетъ на огородѣ, потому что боится попелюхи?

„...А я не боюсь,—говоритъ дѣвочка рядомъ и знакомымъ жестомъ встряхиваетъ темными кудрями.—Я пойду бродить по болоту. Буду искать мое счастье...“

„...Въ чемъ?“—тоскливо спрашиваетъ Marion.

„...Въ любви конечно?..“ смѣется Маня. „Развѣ есть въ мірѣ что-нибудь выше ея?“

А! Этотъ звонкій смѣхъ, давно забытый ею гдѣ-то тамъ, на долгомъ и крутомъ пути вверхъ... Это юность засмѣялась ей въ лицо. И она вдругъ чувствуетъ себя старой и печальной. Какой-то голосъ шепчетъ ей: „Съ той поры, когда ты бродила здѣсь

босикомъ,—знала ли ты радость жизни?—Нѣтъ...—Была ты бездумно счастлива, какъ эта березка?..—Нѣтъ...—Кто же изъ васъ двухъ богатъ? Кто бѣденъ?.. У этой безвѣстной дѣвочки въ стоптанныхъ башмачкахъ была юность, была вѣра, была жажда..."

Вдругъ тоска, невыносимая какъ боль, огромная, безкрайняя, жгучимъ кольцомъ сжимаетъ сердце. Она входитъ въ душу, наполняя всѣ ея уголки, темная и стихійная, словно лохматая туча, отъ которой гаснетъ свѣтъ.

— Маня-я-я!..—слышится издали голосъ Сони.

Она встаетъ и оглядывается съ отчаяніемъ.

Вотъ здѣсь, на этой самой скамьѣ въ ту ночь... Онъ любилъ ее. Онъ звалъ ее за собою... „Николенька... Въ моей жизни не было мгновенія прекраснѣе этого... Послѣ ничего уже не было... Я нищая... нищая... И все мое счастье ложь... И вся моя сила—самообманъ."

Какъ отравленная, съ туманомъ въ глазахъ, вся ослабѣвъ внезапно, выходитъ Маня изъ бесѣдки. Что случилось?.. Что?.. Къ какой роковой чертѣ подошла она сейчасъ?.. Какой выводъ сложился за порогомъ ея сознанья? Кого встрѣтила она въ зеленомъ сумракѣ? Это волшебная юность вотъ изъ этихъ вѣтвей кивнула ей, смѣясь... И какими блѣдными кажутся ей сейчасъ всѣ ея новыя радости, ея горделивыя слова, ея высокія цѣли!

„Что за лицо у нея!" думаетъ Соня. „Она совсѣмъ угасла..."

III.

Красавица какая! — говоритъ Надежда Петровна, подъ руку съ Маней останавливаясь передъ портретомъ матери Штейнбаха.—И совсѣмъ какъ живая... Какая дивная работа!

— Это только копія. Оригиналъ въ Москвѣ.

— Глаза у нея трагическіе. Она не была счастлива съ вашимъ отцомъ, Маркъ Александровичъ?

— Да... Она покончила съ собой.

Маня пристально глядитъ въ таинственные зрачки.

— Маркъ... Почему я раньше не видѣла здѣсь этого портрета?

Онъ оборачивается, удивленный. Ея голосъ измѣнился.

— Потому что шесть лѣтъ назадъ ты была здѣсь только разъ... въ моемъ кабинетѣ... а портретъ былъ въ моей спальнѣ.

Спойте что-нибудь, Маркъ Александровичъ,—проситъ Надежда Петровна.—У васъ такой волшебный голосъ!

Онъ садится за рояль. Окна открыты. Темная іюльская ночь

не даетъ прохлады. Мягко озаренъ залъ, и такъ удобно слушать, закрывъ глаза, откинувшись въ глубокихъ креслахъ.

Штейнбахъ сумраченъ. И если-бъ Маня не была такъ полна той странной, мучительной и ядовитой тоской, что отравила ея душу въ бесѣдкѣ Лысогорскаго парка,—она не могла бы пройти мимо его печали. Весь день онъ бродилъ въ паркѣ, вспоминая Лію и все, что онъ потерялъ въ ней... Но что измѣнилось бы, если-бъ она осталась жива? Развѣ не прикованъ онъ къ колесницѣ Мани, какъ жалкій рабъ?

Онъ садится за рояль. Онъ поетъ, думая только о Ліи, о той блѣдной радости, которую дала ему ея любовь. Но звуки этого дѣйствительно волшебнаго голоса, помимо словъ, будятъ въ душѣ каждаго печаль неосуществленныхъ желаній, тоску по тому, чего не дала жизнь. И отъ сладкой боли закипаютъ слезы, которымъ не дано пролиться. Слагаются слова, которыя никогда не будутъ сказаны... И долго еще послѣ того какъ угасъ послѣдній аккордъ, всѣ молчатъ подавленные. Тоска, которой насыщенъ каждый звукъ этого глубокаго голоса, невольно требуетъ тишины... Говорятъ шопотомъ. Никто не апплодируетъ. Надежда Петровна умиленно качаетъ головой.

— Маркъ,—разбитымъ звукомъ говоритъ Маня.—Спой еще... Я сейчасъ такъ высоко поднялась надъ землей...

— „Съ кѣмъ?..“ спрашиваетъ его взглядъ, его кривящаяся усмѣшка. И она ихъ видитъ.

— Веселое что-нибудь,—проситъ Федоръ Филипповичъ.—О счастьѣ спойте намъ, чародѣй!..

Штейнбахъ беретъ нѣсколько минорныхъ аккордовъ и поетъ слова Ратгауза:

Проходитъ все. И нѣтъ къ нему возврата.
Жизнь мчится вдаль мгновенія быстрѣй.
Гдѣ звуки словъ, звучавшихъ намъ когда-то?
Гдѣ свѣтъ зари насъ озарявшихъ дней?..

Маня спускается съ неба на землю.... Вотъ, вотъ они, страданья, которыхъ она такъ боялась... Сколько безысходной тоски въ его голосѣ!.. Боже мой!.. Боже мой... Неужели судьба свершится?

А полный затаенныхъ рыданій голосъ продолжаетъ:

Расцвѣлъ цвѣтокъ,—а завтра онъ увянетъ.
Горитъ огонь, чтобъ вскорѣ отгорѣть...
Идетъ волна... Надъ ней другая встанетъ...
Я не могу веселыхъ пѣсенъ пѣть!..

На высокой нотѣ обрывается голосъ. Какъ будто крикъ, какъ будто рыданье... Маня встаетъ.

— Куда ты?—спрашиваетъ Соня.

Не отвѣчая, не слыша, она выходитъ на террасу и, прислонившись къ столбу, смотритъ въ темноту.

Ей страшно...

За послѣднюю недѣлю никто уже не собирается по вечерамъ въ больницѣ и въ школѣ.

Въ угловой комнатѣ Мани не шевелятся кружевныя сторы. Лампа на высокой подставкѣ таинственно озаряетъ сидящаго въ углу—въ креслѣ—Штейнбаха. Надежда Петровна сидитъ на мягкомъ диванчикѣ, а Маня у ногъ ея, на мягкомъ пуфѣ. Напротивъ, на козеткѣ, Лика съ Розой. Соня усѣлась на подоконникѣ. „Женское царство", думаетъ Штейнбахъ. Онъ ничего не говоритъ, старается быть незамѣтнымъ и завидуетъ Василію Петровичу, который, какъ всегда, „не теряя себя", — зорко и насмѣшливо слѣдитъ за всѣми лицами изъ своего уголка.

Надежда Петровна разсказываетъ. Ей есть что вспомнить, чѣмъ подѣлиться... Мягко и съ юморомъ течетъ ея плавная рѣчь, и встаютъ передъ зачарованными слушательницами странныя сказки. Мелькаютъ страницы жизни, непохожей на все, что мы видимъ и переживаемъ сами. Во весь ростъ подымаются фигуры людей, опять-таки непохожихъ на тѣхъ, кого мы встрѣчаемъ каждый день; съ иной психикой, чуждой намъ не менѣе, чѣмъ психика крестоносцевъ, которые, покидая замки, семьи, счастье—шли въ пустыню, шли въ невѣдомую даль на вѣрную гибель за мечту, загорѣвшуюся въ душѣ. Не безуміемъ ли кажется современному человѣку эта психическая зараза, двинувшая людей на смерть?

И Манѣ вспоминается готическій храмъ, видѣнный ею въ Вѣнѣ... Среди шумной, суетливой площади, среди лихорадочно бѣгущей толпы, среди жизни, лишенной идеала и глубины, подымается дивная Vottiw-kirche... Четко на вечерѣющемъ небѣ рисуются ея двѣ башни, точно руки, воздѣтыя вверхъ въ молитвенномъ экстазѣ. Точно свѣчи, зажженныя у алтаря. Вся она рвется ввысь. Символъ духа, утомленнаго землею, стремящагося къ Вѣчности... И Маня помнитъ, какъ поразилъ ее этотъ контрастъ безмолвнаго экстаза камней и крикливой озабоченности человѣка. Слезы выступили въ глазахъ ея, когда она глядѣла на эти каменныя стрѣлы, застывшія въ своемъ полетѣ въ Безконечность.

„*Они*, какъ эти башни, рвущіяся ввысь... Несокрушимые и суровые", думаетъ Маня, слушая Надежду Петровну. „Мечтатели, наивные и цѣльные, трогательные и грозные, вы презрѣли Жизнь

съ ея радостями. И расточили души въ погонѣ за Великимъ и Невозможнымъ".

Вся сжавшись въ комокъ, Лика глядитъ прозрачными глазами въ энергичное лицо сѣдой женщины. И видитъ ее молодой и прекрасной. Видитъ ее заблудившейся въ суровыхъ неприступныхъ горахъ Сибири; поддерживающей товарищей, павшихъ духомъ передъ лицомъ неизбѣжной смерти, отъ которой они избавились только чудомъ послѣ четырехъ мѣсяцевъ скитанья въ горной пустынѣ... Волшебная сказка, рядомъ съ которой дѣйствительность кажется Ликѣ тусклой и ненужной.

Когда всѣ расходятся, Маня остается вдвоемъ съ гостьей. Лежа головой на колѣняхъ Надежды Петровны, Маня беретъ ея породистую руку и ласково кладетъ ее на свой лобъ. И эта рука нѣжно гладитъ кудри Мани, и губы старухи шепчутъ:

— Дѣточка ты моя... Славная...

И въ эти минуты исчезаетъ послѣдняя рознь между ними. Остаются двѣ женщины. Младшая спрашиваетъ. А старшая отвѣчаетъ; такъ просто и легко разсказываетъ о своемъ увлеченіи, о свадьбѣ, о мужѣ, о встрѣчахъ и вліяніяхъ, измѣнившихъ всю жизнь въ корнѣ, жизнь помѣщичьей дочки, учившейся въ институтѣ и вышедшей замужъ за помѣщика... Сынъ ея родился въ тюрьмѣ. Сестра взяла его на воспитаніе, потому что молодую мать сослали на каторгу.

— А вы его любите сейчасъ?

— Я его не знаю... За что же мнѣ его любить, моя дѣточка?

— И неужели вы не встрѣчались потомъ?

— Одинъ разъ за всю жизнь... Это было шесть лѣтъ назадъ, когда я была въ этихъ краяхъ...

— Вы очень волновались оба тогда?

— Какъ онъ, не знаю... Мнѣ было любопытно увидѣть его... А разстались чужими. Ничего общаго у насъ не нашлось. И намъ нечего было сказать другъ другу...

— Какъ печально!

— Напротивъ... Какъ хорошо! Чѣмъ меньше привязанностей, тѣмъ сильнѣе душа.

И она говоритъ о томъ, что больше всего интересуетъ Маню: какъ одолѣла она врага—Любовь, подстерегающую женщину на всѣхъ путяхъ и перепутьяхъ... Какъ просто, сама собою отодвинулась въ тѣнь эта любовь и все, что принято называть женскимъ счастьемъ, съ тѣхъ поръ какъ душой ея овладѣла идея.

И Маня думаетъ: „Весь трудный путь на высокую башню свершила эта женщина, не зная отдыха, не зная устали; не падая въ

отчаяніи на дрожащихъ ступеняхъ; не оплакивая повергнутыхъ боговъ... Она завладѣла ключами счастья. И завѣтныя двери распахнулись передъ ней.“

Уже сѣрѣетъ лицо ночи, прильнувшей къ окну. Звучатъ шаги сторожа по гравію дорожки, невидимой за кустами, и пѣтухи на селѣ кричатъ уже во второй разъ. А онѣ все говорятъ тихо и отрывисто. Или молча глядятъ каждая въ свое прошлое, такое разное, такое чуждое...

Но такое ли чуждое, какъ это кажется?.. По фактамъ, да... Но по духу? По исканіямъ?.. По неумирающему стремленію въ надзвѣздный край?.. Развѣ онѣ не сестры въ этомъ грубомъ мірѣ, полномъ алчности и низменныхъ вожделѣній? И развѣ въ долгой ночи, охватившей землю и сковавшей ростъ всего живого—гордый дубъ ждетъ утра и солнца страстнѣе и нетерпѣливѣе, чѣмъ ждетъ его скромный цвѣтокъ, растущій у дороги?

А иногда, по желанію Надежды Петровны, Маня пляшетъ. Приходитъ вся колонія: Василій Петровичъ, учителя, Лика, Роза. Пріѣзжаютъ Соня съ Федоромъ Филипповичемъ. Штейнбахъ играетъ, и Маня вдохновенно исполняетъ все, чѣмъ плѣняла когда-то парижскую, петербургскую и московскую публику, и кокотокъ, и шуллеровъ Монтекарло. Но здѣсь она творитъ радостно и свободно, находя въ душѣ своей давно изсякшіе ключи, припадая къ нимъ жадно запекшимися устами. Она видитъ опять простыя лица, непосредственные восторги. Она слышитъ искреннія восклицанія. Ничего продажнаго, лицемѣрнаго, фальшиваго. Между нею и публикой протянулась нить. И не разорветъ эту нить равнодушный шопотъ, безтактный смѣхъ, неудержимое стремленіе за калошами, всѣ эти мелочи, нарушавшія ея настроеніе, все это безцеремонное игнорированіе души артиста, отличающее нашего „культурнаго“ зрителя...

Она кончила и смотритъ, улыбаясь... Вонъ сверкнули слезой прекрасные глаза Надежды Петровны. Федоръ Филипповичъ вынулъ надушенный платокъ, что-то шепчетъ Сонѣ. Мечтательными стали голубые глаза Лики. Засіяли печальныя очи Розы. И смягчилось темное, недоброе лицо Василія Петровича... Дивчата и даже бабы съ усадьбы требуютъ повторенія, кричатъ высокими голосами, звонко дѣлятся вслухъ впечатлѣніями.

О, чистые сердцемъ!.. Вамъ бросаю мои цвѣты. Вамъ, въ тусклой жизни вашей такъ цѣнящимъ радость. Возьмите ихъ. Упейтесь ими... Слейте ваши свѣжія души съ моей надломленной душою въ одномъ гимнѣ Красотѣ!..

IV.

Ниночка любитъ кататься. Каждый день въ три часа бонна, старый дядя Штейнбаха и Ниночка выѣзжаютъ въ шарабанѣ. Младшій конюхъ Уласъ (Власъ) правитъ лошадью.

Они подъѣзжаютъ къ опушкѣ рощи въ знойный день. Ниночка—вся въ бѣломъ, въ бѣлой шляпѣ-чепчикѣ, съ голыми икрами... Она гоняется за бабочкой и звонко смѣется.

Мимо ѣдетъ коляска, запряженная тройкой вороныхъ. Вдругъ бабочка вспорхнула, и Ниночка бѣжитъ прямо черезъ дорогу.

— А!.. Mein Gott...—кричитъ перепуганная швейцарка, кидаясь подъ ноги лошадямъ. Нелидовъ выходитъ изъ экипажа и кланяется блѣдной женщинѣ, прижавшей ребенка къ груди.

— Вы не ушиблись?—спрашиваетъ онъ ее по-русски

— Verstehe nicht, mein Herr...

Вдругъ Нелидовъ видитъ точеное личико дѣвочки, ея улыбку. А рядомъ странно-знакомые и все-таки чуждые глаза старика.

— Чье это дитя?—тихо спрашиваетъ онъ, какъ бы думая вслухъ.

— Пана Шенбока дочка,—почтительно отвѣчаетъ Власъ.

Болѣзненная гримаса искажаетъ поблѣднѣвшее лицо Нелидова. Приподнявъ шляпу передъ удивленной швейцаркой, онъ идетъ къ коляскѣ.

Но точно сила какая заставляетъ его оглянуться. Ниночка бѣжитъ къ канавѣ. Тамъ растетъ какой-то желтый цвѣтокъ. Она весело лопочетъ по-нѣмецки... Нелидовъ беретъ дѣвочку на руки. Съ мгновеніе жадными, больными глазами глядитъ въ испуганное личико. Нина хочетъ кричать, но боится... Онъ страстно цѣлуетъ ея глаза, ея щечки, ея судорожно искривившійся ротикъ. И ставитъ ее опять на землю.

— А... а... а...—обиженно и страстно кричитъ Ниночка.

А онъ уже вскочилъ въ экипажъ, и лошади мчатся. Напряженно и тревожно глядитъ ему вслѣдъ угрюмый старикъ.

Они возвращаются, когда вечерѣетъ, и на террасѣ поданъ чай. Съ экспансивными жестами бонна разсказываетъ про этого schönen Herrn, про свой испугъ... Лицо Мани цѣпенѣетъ.

— Кто же былъ dieser schöne Herr?—усмѣхается Надежда Петровна.

— Нашъ сосѣдъ Нелидовъ,—отвѣчаетъ Штейнбахъ.

Старый дядя не спускаетъ глазъ съ лица Мани. Онъ силится что-то понять...

А Нелидовъ мечется въ своемъ паркѣ, прячась отъ людей. Темный вихрь воспоминаній поднялся въ его душѣ... О, съ какой страшной силой взмахнулъ онъ своими черными крыльями! И все потускнѣло и поникло подъ его дыханьемъ: солнце, жизнь, его бѣдныя радости, его выстраданный покой.

Онъ зналъ, что *она* вернулась, что она неподалеку. Но она уже жена другого. Жена врага. И не должно быть между ними встрѣчи!.. Это онъ давно рѣшилъ, еще когда услыхалъ объ этой свадьбѣ. И тогда онъ подумалъ: „Она когда-нибудь вернется...“ И тогда еще испугался собственнаго страха передъ возможностью встрѣчи.

Хрустя пальцами, то останавливаясь съ подавленнымъ стономъ, то снова кружась по глухимъ аллеямъ, Нелидовъ ищетъ осколки своего маленькаго счастья, добытаго такимъ упорствомъ, трудомъ и отчаяніемъ, и разбившагося внезапно, какъ хрупкая ваза отъ неосторожнаго толчка.

Дѣвочка... маленькая дѣвочка на пыльной дорогѣ... И только... Но все погибло: строй налаженной жизни и дорогой цѣной купленный миръ. На губахъ еще остался запахъ этого нѣжнаго личика, прикосновеніе этихъ длинныхъ рѣсницъ. *Его* рѣсницъ... Ароматъ этихъ гордыхъ маленькихъ губокъ чувствуетъ онъ на устахъ... *Ея* дитя. Его дитя... Какія тутъ могутъ быть сомнѣнія?.. Его сынъ, наслѣдникъ его имени, непохожъ на него ни одной чертой. Онъ весь въ мать, жучокъ, съ огромными темными глазами. А эта—Нелидова... Нѣтъ, Галицкая съ точеными чертами его матери... Гдѣ-то тамъ... въ шкафу спрятанъ старый альбомъ Анны Львовны, спасенный ею въ день пожара. И если отыскать пожелтѣвшую карточку Нелидова, гдѣ онъ снятъ пятилѣтнимъ ребенкомъ, на него взглянетъ это самое надменное личико бѣлокурой дѣвочки, которую лошадь его чуть не убила въ это утро.

И вдругъ исчезаетъ дѣйствительность... Вихрь смелъ изъ души, замученной раскаяніемъ, все, чѣмъ жилъ онъ вчера... Онъ видитъ предъ собой письмо Сони. Видитъ себя на вокзалѣ Венеціи. Развѣ не кинулся онъ туда въ безумномъ порывѣ любви и жалости, чтобъ все предать забвенію, чтобы прижать къ груди эту дѣвушку, мать его ребенка?.. Ахъ, зачѣмъ не отдался онъ до конца этому порыву? Развѣ не ее одну онъ любилъ? Развѣ не она первая, не она единственная нашла въ его душѣ великій, рѣдкій кладъ— Нѣжность? И развѣ не отъ этой нѣжности задрожало его покоренное сердце въ ту темную іюльскую ночь, въ бесѣдкѣ, когда онъ пришелъ къ ней на свиданье въ Лысогорскій паркъ?

Все забыть... Все простить... Нѣтъ!.. Этого онъ не смогъ бы... Прекрасный порывъ его угасъ бы скоро... И опять между ними

встала бы черная фигура, которую онъ встрѣтилъ на дебаркадерѣ въ Венеціи, какъ зловѣщій символъ... Онъ знаетъ себя... Нельзя забыть прошлое любимой женщины.

Ахъ, если-бъ только одинъ мигъ онъ могъ украсть у судьбы въ тотъ несчастный день!.. Одинъ мигъ встрѣчи... Одинъ мигъ радости... Если-бъ онъ могъ только взглянуть тогда въ больное милое лицо, услыхать крикъ ея, съ которымъ она кинулась бы ему на грудь... Вѣдь она-то простила бы... Развѣ любящая женщина помнитъ оскорбленіе?.. О, если-бъ и онъ могъ крикнуть ей въ лицо слова, которыя жгли его душу: „Прости... Я не виноватъ... Я не зналъ, что ты будешь матерью... Зачѣмъ ты обманула меня?..“

Разсчетъ Штейнбаха былъ вѣренъ. Нелидовъ попалъ въ ловушку, разставленную врагомъ. Ослѣпленный ревностью и местью, онъ потерялъ послѣднюю возможность примиренія,—то, зачѣмъ мчался, какъ безумецъ, получивъ письмо Сони. Онъ потерялъ тогда свою дорогу къ счастью...

„Полно!.. Полно!..“ внушаетъ онъ себѣ. „Какое же это было бы счастіе?.. Примиреніе на мигъ и озлобленіе часами... Ревность, упреки, страданія... Ненависть и недовѣріе... Развѣ возможно счастіе безъ вѣры?.. А развѣ въ *такую* можно вѣрить?.. Обманула разъ, обманула бы опять... Все къ лучшему... Надо взять себя въ руки. Забыть прошлое. Сознать свои обязанности... Не измѣнять себѣ...“

— Николенька-а-а,—звучитъ издалека, какъ бы во снѣ, голосъ Кати.—Тебя управляющій жде-е-етъ...

V.

Неожиданно пріѣзжаетъ губернаторъ.

Годы не измѣнили его: все такъ же стройна его фигура, и такъ же изящны его движенія. Перемѣнился только чиновникъ особыхъ порученій. Это безцвѣтный и корректный представитель лифляндскаго рыцарскаго рода. Штейнбахъ знакомитъ ихъ съ Надеждой Петровной. „Тетушка моей жены“, говоритъ онъ и спѣшитъ распорядиться о завтракѣ. Надежда Петровна чувствуетъ на себѣ удивленный и пронизывающій взглядъ губернатора.

Но съ огромнымъ самообладаніемъ она ведетъ свѣтскій разговоръ по-французски. Она полна юмору, и баронъ фонъ Мерцфельдъ въ восторгѣ. Губернаторъ молчаливъ и словно озабоченъ. Входитъ Маня въ парижскомъ туалетѣ. Губернаторъ оживляется.

— Какъ измѣнилась!.. Вы меня не помните, баронесса?—пріятно грассируетъ онъ, цѣлуя руку Мани и показывая бѣлые длинные и хищные зубы, отчего сразу становится похожимъ на волка.

Обѣ женщины обмѣниваются быстрымъ значительнымъ взглядомъ, пока губернаторъ говоритъ чиновнику особыхъ порученій:

— Я зналъ баронессу еще подросткомъ... Кто могъ думать?

За завтракомъ обѣ дамы любезно угощаютъ гостей, звонко смѣются, безпечно дѣлятся воспоминаніями объ истекшемъ сезонѣ въ Парижѣ.

— Вы тоже были тамъ?—внезапно спрашиваетъ губернаторъ, не умѣя скрыть искры, сверкнувшей въ его глазахъ и голосѣ.

— Недолго, къ сожалѣнію,—перебиваетъ Маня.—У тети болѣзнь почекъ, и всю зиму до марта она провела въ Египтѣ.

— Счастливые люди!—вздыхаетъ баронъ.

— Вы завидуете тѣмъ, у кого есть болѣзнь почекъ?—съ легкимъ смѣхомъ подхватываетъ Маня.

— Ахъ, madame... Я только завидую тѣмъ, кто не обреченъ жить цѣлые годы въ этой глуши...

Послѣ завтрака они идутъ въ паркъ, который интересуетъ барона.

— Не могу понять,—говоритъ онъ, идя впередъ съ дамами,—откуда въ этой глуши такіе парки, такіе дворцы, какъ у васъ, напримѣръ, у Галагановъ, у Скоропадскихъ...

— Если-бъ вы знали исторію Малороссіи, вы не удивлялись бы,—отвѣчаетъ Надежда Петровна.—Эти дворцы строили итальянскіе архитекторы, которыхъ приглашалъ петербургскій дворъ. Вѣдь это помѣстья Гедиминовичей, малороссійскихъ аристократовъ и фаворитовъ. Вотъ этотъ дворецъ принадлежалъ Рюриковичу, князю Галицкому, а строилъ его знаменитый Бартоліани при Елисаветѣ... Екатерина II останавливалась въ этомъ дворцѣ.

— А вы тоже... хохлушка?—невинно спрашиваетъ баронъ.

Маня прижимаетъ локтемъ руку Надежды Петровны.

— Нѣтъ, я тамбовская. Но Малороссію обожаю.

А мужчины отстали. Раскуривая сигару, Штейнбахъ спрашиваетъ, что новаго въ краю?

— Неспокойно, Маркъ Александровичъ... Вы слышали, что нынче въ ночь убитъ стражникъ въ Лискахъ?.. Нѣтъ?.. Отъ васъ я ѣду прямо туда... Я обѣщалъ награду тому, кто найдетъ убійцу... Непріятная исторія... Чувствуется опять какое-то броженіе...

— Можетъ, личная вражда?

— Э, нѣтъ... Про случай съ Нелидовымъ вамъ уже разсказали?

— Что тутъ общаго? Нелидова давно ненавидятъ.

— Mon cher baron, не беретесь ли вы защищать терроръ? Это съ вашимъ-то дворцомъ, заводомъ? Съ вашими владѣніями?

— Причемъ тутъ терроръ? Я никогда не былъ его сторонникомъ. Я принципіально отрицаю его... Но простая справедливость...

— Когда начинается пожаръ, кто можетъ предвидѣть, чѣмъ онъ кончится? Почему вы думаете, что вы больше другихъ застрахованы отъ слѣпой злобы?

И губернаторъ вкрадчиво глядитъ въ глаза хозяина, ища въ нихъ тѣни смущенія. Но блѣдное лицо непроницаемо какъ всегда.

— Присядемъ здѣсь, Маркъ Александровичъ... Не скрою отъ васъ, я жаждалъ видѣть вашу супругу... но... пріѣхалъ я раньше чѣмъ думалъ... и по дѣлу непріятному... Я получилъ на васъ доносъ...

Глаза ихъ встрѣчаются. Оба молчатъ одну секунду.

— Да... какъ это ни странно... Мое первое движеніе было скомкать и бросить въ корзину это грязное письмо. Но... его читали другіе... мой секретарь...

— Откуда этотъ доносъ?

— Изъ Москвы... Вы знаете моего beau-frère'а... жандармскаго полковника въ Ч***?.. Онъ тоже получилъ свѣдѣнія и настолько странныя...

На этотъ разъ дрогнули вѣки Штейнбаха.

— Вы... можете мнѣ ихъ сообщить?

— Маркъ Александровичъ... Я буду съ вами откровеннымъ... Какъ другъ вашего покойнаго отца и... связанный съ вами долголѣтними и прекрасными отношеніями... столь обязанный вашей щедрости во всѣхъ моихъ начинаніяхъ.

— Благодарю васъ и очень цѣню...

— Вотъ эта особа... гостящая у васъ въ данную минуту?..

Штейнбахъ отодвигается невольно.

— Какая особа?

— Эта... тетушка... вашей жены?..

Они опять молча глядятъ другъ другу въ глаза.

— Н-ну?—нервно срывается у Штейнбаха.

Губернаторъ придвигаетъ свое лицо къ его лицу и говоритъ шопотомъ, хотя они одни въ аллеѣ.

— Она такъ поразительно похожа на женщину, которую мы искали шесть лѣтъ назадъ!.. Вотъ... и вы не можете скрыть волненія...

— Помилуйте, Анатолій Сергѣевичъ, какъ не волноваться? Я огорченъ... возмущенъ... Я вернулся на родину съ женой... пригласилъ ея любимую тетушку, ея крестную мать... Мы надѣялись повеселиться... устроить грандіозный праздникъ въ именины жены... И вдругъ изъ-за какого-то доноса... изъ-за какого-то сходства... нарушать покой больного человѣка?.. Позвольте спросить, чѣмъ я, наконецъ, виноватъ во всѣхъ бредовыхъ идеяхъ вашихъ подчиненныхъ?.. Нѣтъ дѣла,—вы сами ищете его создать... Нѣтъ революціи, вы сами вызываете ея призракъ...

— Cher Маркъ Александровичъ, calmez-vous...

— Нѣтъ, это возмутительно!—перебиваетъ Штейнбахъ, бѣгая передъ скамьей съ потухшей сигарой въ рукахъ.—Наконецъ, я ничего не боюсь, ваше превосходительство!.. Можете дѣлать обыски здѣсь... въ Москвѣ... гдѣ вамъ угодно... если это можетъ успокоить вашего beau frère'а... Будьте увѣрены, я не спрячусь...

Онъ бросаетъ сигару въ траву. Губернаторъ встаетъ.

— Маркъ Александровичъ, неужели мы будемъ ссориться?.. Я, какъ другъ, пріѣхалъ предупредить васъ...

— Этого я не просилъ... Если я виновенъ, арестуйте меня, обыскивайте... Если нѣтъ, не нарушайте моего покоя... И не оскорбляйте моихъ гостей...

— Но постойте!.. Вы меня совсѣмъ въ грязь втоптали... Должны же вы узнать, на какомъ основаніи...

Штейнбаху только этого и надо... Онъ садится опять. Оба раскуриваютъ сигары. Губернаторъ разсказываетъ слѣдующее:

— Эта женщина измѣнила свой маршрутъ и проѣхала Граница—Москва вмѣсто Волочискъ—Кіевъ. Сестра ея вмѣсто Прилукъ тайкомъ выѣхала тоже въ Москву, какъ будто лѣчиться, на самомъ дѣлѣ на свиданіе съ нею... А здоровая сказалась больной. Всѣ въ усадьбѣ ждали, что эмигрантка пріѣдетъ на родину. Ошиблись... Теперь стерегутъ поѣзда изъ Москвы. Въ такой моментъ, когда опять началось броженіе въ краѣ... а вы спросите, чего мнѣ стоило его подавить... одно присутствіе этой женщины...

— Теперь понимаю... У страха глаза велики... Бѣдная тетушка!.. Ея двойникъ сидитъ въ Москвѣ, а она виновата, что у нея черные глаза и румяныя щеки...

— Ага!.. Вы, слѣдовательно, знаете и ту?

— Кто-жъ ее не знаетъ, Анатолій Сергѣевичъ? Кто ею не интересовался? Особенно за границей?.. И... пожалуй, я не отрицаю... сходство есть... сходство типа... Но надо быть русскимъ чиновникомъ, чтобъ изъ жизни дѣлать такой кошмаръ...

— Mon cher, надѣюсь, то... что между нами...

— Тетушка хотѣла уѣхать послѣ именинъ жены... Теперь я ее удержу... Я не хочу подвергнуть ее непріятностямъ въ дорогѣ...

— Да... да... вы правы... это будетъ самое лучшее...

— Но... позвольте вамъ напомнить... вы говорили, что у васъ есть доносъ на меня?

— Маркъ Александровичъ, я васъ давно предупреждалъ... Ваши постоянныя сношенія съ эмигрантами и денежная помощь...

— Только-то!!.. Но вѣдь я же никогда не скрывалъ моей принадлежности къ партіи...

Губернаторъ затыкаетъ уши.

— Ah! Brisons là mon cher!.. Какія тутъ партіи?.. Даже смѣшно слушать... Человѣкъ въ вашемъ положеніи... и эти... gueux...Вѣдь это nonsens!.. Повѣрьте, что мы всѣ здѣсь глядимъ сквозь пальцы, какъ на модную игрушку... на эту вашу соціалистическую...

— ...блажь?—подхватываетъ Штейнбахъ, кривя губы.

— C'est le mot!.. Мы до сихъ поръ не придавали значенія толкамъ. Вотъ эти ваши лекціи для рабочихъ, оркестръ et cetera...

— Что же въ этомъ плохого?.. Это желаніе моей жены.

— Да... да... вашей жены... Экзальтированная головка у вашей жены... И это мы тоже знаемъ...

Штейнбахъ чувствуетъ, что кончики его пальцевъ холодѣютъ.

— Не время-съ, дорогой Маркъ Александровичъ... Какъ-никакъ, все это... объединеніе на той или другой почвѣ... Но... серьезнаго пока ничего нѣтъ... И мы можемъ удовольствоваться вашими разъясненіями... Конечно, будь на вашемъ мѣстѣ другой...

— Воображаю!—срывается у Штейнбаха.

— Но я очень прошу васъ, какъ старый другъ вашего отца, быть осторожнѣе... Я не могу предотвратить бѣды, когда получу прямое предписаніе изъ Петербурга... Вотъ, напримѣръ, вашъ персоналъ...

— Что такое?

Губернаторъ беретъ хозяина подъ руку и идетъ съ нимъ къ террасѣ, куда вернулись остальные.

— Вѣдь это уже тайна полишинеля, Маркъ Александровичъ, что у васъ садовникомъ служилъ анархистъ, сынъ генералъ-майора, князь Сицкій, приговоренный къ висѣлицѣ за убійство трехъ городовыхъ, покушавшихся его арестовать.

Штейнбахъ останавливается внезапно.

— Вы это знали, Маркъ Александровичъ?

— Да, ваше превосходительство, я это зналъ...

Губернаторъ смущенъ. Такого признанія онъ не ожидалъ.

— Н-ну... и что же?..

— Онъ умеръ, какъ вамъ извѣстно... Мы стоимъ у его могилы.

Губернаторъ невольно оглядывается.

— Къ чему бравировать, cher ami?.. Вы могли бы и не выдавать себя... Но мнѣ прямо указываютъ на нѣкоторыхъ лицъ...

— А именно?.. Вы не хотите сказать? Ваше дѣло. Настаивать я не смѣю... Но предупреждаю васъ, что паспорта у нихъ у всѣхъ въ порядкѣ... И арестъ кого-либо изъ нихъ безъ причинъ и уликъ я буду считать за личное оскорбленіе себѣ... Да, себѣ, ваше превосходительство!.. И этого дѣла я такъ не оставлю...

— Вы будете жаловаться?

— О, конечно! А вы сами знаете, что у меня связи есть... Вполнѣ понимаю, что ваши чиновники стремятся сдѣлать карьеру и выдвинуться чѣмъ-нибудь въ наше безвременье... но...

— Прошу васъ, другъ мой, brisons là!.. Я считалъ долгомъ предупредить васъ...—Губернаторъ опять беретъ хозяина подъ руку.

Лицо Штейнбаха холодно и надменно.

Черезъ полчаса губернаторъ уѣзжаетъ, напросившись на демократическій спектакль съ танцами знаменитой босоножки. Маня любезна за двухъ, стараясь смягчить холодъ, которымъ вѣетъ отъ Штейнбаха. Она, скрѣпя сердце, зоветъ и барона фонъ-Мерцфельдъ. Губернаторъ цѣлуетъ ея руку и почтительно кланяется тетушкѣ.

Когда коляска ѣдетъ мимо больницы, Лика выбѣгаетъ на крыльцо и, прикрывъ глаза ладонью, зорко и странно глядитъ въ лицо губернатора.

VI.

Вы его видѣли?—спрашиваетъ Надежда Петровна Лику въ отдаленной аллеѣ парка.—Вы хорошо запомнили его лицо?

— Да... да... да!..

— Вотъ мой завѣтъ вамъ: кто сѣетъ вѣтеръ, тотъ пожнетъ бурю... Вы не боитесь бури, Лика?

— Нѣтъ!—тихо и твердо отвѣчаетъ та.

— Дѣтей не пожалѣете?

— У нихъ отецъ...

— А молодости, Лика? Жизнь еще вся передъ вами. Чѣмъ каяться потомъ, лучше не идти по этой дорогѣ: круты эти ступени.

— Я не раскаюсь... А если мое сердце дрогнетъ... я буду думать о васъ...

Надежда Петровна беретъ въ руки голову Лики и крѣпко цѣлуетъ ее въ лобъ. Обѣ взволнованы.

— Чего я не успѣла, то сдѣлаешь ты!—страстно говоритъ старуха, сверкая молодыми глазами.

Блѣдно и вдумчиво осунувшееся лицо Лики.

Гдѣ-то рядомъ хрустнула вѣтка. Онѣ смолкаютъ и встревоженно озираются. Но все тихо кругомъ. Онѣ молча идутъ назадъ. И внезапно останавливаются. За елью стоитъ рабочій съ длинной веревкой въ рукахъ.

— Что вы тутъ дѣлаете? Кто вы?—сурово спрашиваетъ Лика.

Онъ поднимаетъ голову, и Надежда Петровна не можетъ подавить безотчетнаго страха.

— Мы рабочіе изъ Ржавца, — заминаясь и избѣгая взгляда Лики, отвѣчаетъ онъ.

Лицо его замѣтно ассиметрично, болѣзненно, безкровно, безъ всякой растительности. Какое-то бѣлое пятно. Даже глаза кажутся бѣлыми. Черты тонки. Но чувствуется какой-то нравственный дефектъ въ этомъ человѣкѣ, и какъ всегда отъ этого есть что-то жуткое въ этомъ лицѣ. Руки у него маленькія, бѣлыя и холеныя. Зоркій глазъ Надежды Петровны это отмѣтилъ.

— Что вы тутъ дѣлаете?—недовѣрчиво повторяетъ Лика.

— Столбы ставимъ... изгородь для фонарей, стало-быть,—придурковато улыбаясь, объясняетъ онъ.

— Ахъ, это къ иллюминаціи готовятся,—облегченно вздохнувъ, говоритъ Лика.—22-го именины Марьи Сергѣевны. Что-то грандіозное затѣваютъ. Какъ жаль, что вы уѣзжаете!

Рабочій пристально глядитъ имъ вслѣдъ, слегка вытянувъ шею, стараясь уловить еще хоть одно слово... Потомъ издаетъ тихій свистъ, похожій на пѣніе иволги. Шуршатъ кусты, и садовникъ въ фартукѣ, съ заступомъ въ рукѣ, осторожно приближается къ нему и останавливается въ почтительной позѣ.

— Вы нынче отпроситесь въ городъ... Предлогъ придумайте сами. И оттуда пошлете въ Кіевъ полковнику эту телеграмму...

Онъ вынимаетъ изъ кармана стараго пиджака изящную записную книжку и пишетъ:

„Envoyez deux aides. L'affaire est compliquée. Steinbach".

Въ ту же ночь тройка безъ факеловъ и фонарей, безъ бубенцовъ и колокольчика спускается изъ Липовки въ Ярь. Въ ней сидятъ двѣ женщины, одѣтыя одинаково въ косыночкахъ, безъ шляпъ, покрытыя шалями, которыя скрываютъ фигуру. Въ рукахъ у нихъ большія черныя кожаныя сумки. Мужчина въ широкополой шляпѣ сидитъ на передней лавочкѣ.

Ночь темна. Луны нѣтъ. Чуть бѣлѣетъ дорога.

— Неужели видите что-нибудь, Василій Петровичъ?

— Не безпокойтесь, Маркъ Александровичъ! Я дорогу запомнилъ. Каждую рытвину въ ней знаю наизусть. А глаза у меня зорки, какъ у охотника.

Ѣдутъ въ глубокомъ молчаніи мимо спящихъ селъ. Маня дремлетъ, убаюканная ѣздой... Вдругъ кто-то ласково, но настойчиво хочетъ распахнуть ея шаль. „Маркъ... ты?.." Она открываетъ глаза. Это вѣтеръ. Онъ играетъ кудрями на ея лбу, тянетъ изъ рукъ ея платокъ, цѣлуетъ щеки. Маня смѣется...

Экипажъ повернулъ. Мѣстность всѣмъ незнакома. Они ѣдутъ лѣсомъ, и Манѣ кажется, что экипажъ стоитъ на мѣстѣ, а

деревья въ безумномъ ужасѣ бѣгутъ назадъ. Невольно она опять закрываетъ глаза.

Черезъ часъ начинаетъ свѣтать. Небо сѣрѣетъ. Дорога становится яснѣе. Но даль попрежнему загадочна и жутка. Одинокое грушевое деревцо въ степи съ его растрепанной вершиной кажется притаившимся чудищемъ, готовымъ прыгнуть. А вѣтряки выростаютъ изъ тьмы внезапно передъ хуторами, словно сказочные великаны, стерегущіе тишину и дрему.

Наконецъ сверкнули огни маленькой станціи, которую минуютъ всѣ скорые поѣзда. Уже свѣтаетъ. Сейчасъ здѣсь пройдетъ пассажирскій поѣздъ. Онъ тоже стоитъ всего двѣ минуты.

Надежда Петровна беретъ въ руки лицо Мани и цѣлуетъ ее.

— Увидимся, дѣточка?

— Скоро... скоро... Ждите меня!—страстно отвѣчаетъ Маня.

„Гдѣ увидитесь? Когда?" хочетъ крикнуть Штейнбахъ. Но слова его замираютъ въ груди.

Онъ входитъ въ грязную комнату станціи. На скамьѣ дремлютъ двое парубковъ въ свиткахъ, съ узелками, продѣтыми на палку. Внимательно глядитъ на нихъ Штейнбахъ... Положивъ голову на прилавокъ, крѣпко спитъ буфетчикъ рядомъ съ нечищеннымъ самоваромъ. Мухи сонно бродятъ по колбасамъ и булкамъ.

— Поѣздъ идетъ, — говоритъ въ пространство сонный жандармъ и сладко зѣваетъ.

Заспанный начальникъ станціи въ шинели, застегнутой на всѣ пуговицы, вздрагивая плечами, появляется на платформѣ и зоветъ сторожа. Штейнбахъ подходитъ къ кассѣ и стучитъ въ окошечко.

— Одинъ билетъ до Москвы третьяго класса...

Звенитъ мелочь. Окошечко закрывается. Штейнбахъ идетъ назадъ и сталкивается съ монашенкой.

— Пожертвуйте, милостивый господинъ, на построеніе храма Господня... Сгорѣла наша обитель,—пѣвучимъ голосомъ говоритъ она, протягивая кружку, и низко кланяется, что-то зажавъ въ рукѣ.

Крестясь, выходитъ она на платформу. Красные глаза уже свѣтятся вдали. Штейнбахъ идетъ навстрѣчу поѣзду. Никто не сходитъ. Двое парубковъ, толкаясь, бѣгутъ къ третьему классу. Когда они садятся, монашенка ловко вскакиваетъ въ другой, уже послѣдній вагонъ и съ площадки оглядывается на Штейнбаха. Поѣздъ тотчасъ трогается.

Штейнбахъ быстро идетъ до конца платформы и загибаетъ за уголъ станціи, прежде чѣмъ поѣздъ скрылся изъ глазъ. Никто не смотритъ. Никому нѣтъ дѣла... Здѣсь никто его не знаетъ.

О, благословенная глушь... Теперь скорѣй! Скорѣй!

— Василій Петровичъ, доѣдемъ ли въ два часа назадъ?

— Какъ не доѣхать? Свѣтло...

Въ коляскѣ теперь двое.

На другую ночь передъ сномъ Маня расчесываетъ волосы. Она слышитъ крадущіеся шаги подъ окномъ.

Она тушитъ огонь, накидываетъ matinée и открываетъ окно.

— Это вы, Остапъ?—съ легкой тревогой спрашиваетъ она.

Никого... Ей показалось... Жаль все-таки, что нѣтъ собакъ. Ихъ не спускаютъ, съ тѣхъ поръ какъ вернулся дядя. Ихъ лай мѣшаетъ ему спать.

Она уже легла. Душно... Не хочется запирать окна... Въ сущности, кого бояться? Марка любятъ и цѣнятъ здѣсь...

Она уже дремлетъ... Опять крадущіеся шаги...

Инстинктивно вся съежившись, Маня беззвучно сползаетъ съ постели. Въ рукѣ зажатъ электрическій фонарикъ... Кто-то остановился подъ окномъ... Воръ? Не можетъ быть...

Она крадется вдоль стѣны. Ей изъ темной комнаты видно, что кто-то стоитъ подъ окномъ, на дорожкѣ.

Моментально она поднимаетъ руку и надавливаетъ кнопку фонарика. На одно мгновеніе она видитъ вытянутую шею, бѣлое пятно безброваго лица, бѣлые глаза, полуоткрытый ротъ...

Шорохъ въ кустахъ. Никого на дорогѣ. Фонарь гаснетъ.

Съ невольной дрожью Маня запираетъ окно.

Гдѣ она видѣла это лицо? Недавно... на-дняхъ... А если это?.. Не можетъ быть... Просто рабочій... Ихъ тутъ много... строятъ арки для иллюминаціи... А все-таки, слава Богу, что *она* уже далеко...

VII.

Маня ѣздитъ верхомъ по окрестностямъ, иногда съ мужемъ, чаще одна.

У опушки Лихого Гая она сходитъ съ лошади и идетъ по чуть замѣтной тропинкѣ въ тѣнь корявыхъ, угрюмыхъ стволовъ...

Здѣсь... Кажется, это было здѣсь...

Гудятъ гдѣ-то пчелы. Должно-быть, надъ гречихой. Вся розовая и смѣющаяся въ знойной ласкѣ солнца раскинулась она тамъ, на опушкѣ лѣса, и шлетъ Манѣ какъ привѣтъ свои медовые ароматы. Воздухъ словно струится вдали, а здѣсь, въ зеленомъ сумракѣ, незримо свершается великое таинство жизни. Страстно торопятся использовать каждое мгновеніе тѣ, кому дано прожить

такъ мало. Цѣлый столбъ мошекъ вьется въ золотомъ лучѣ, пронизавшемъ лѣсъ.

„О, мудрыя созданія, не вѣдающія страха, жалости и раскаянія, творящія здѣсь чью-то высшую нерушимую волю и безропотно исчезающія въ ночномъ мракѣ!.. И я хотѣла бы быть, какъ вы... Вотъ этимъ камнемъ, дремлющимъ подъ солнцемъ. Вотъ этимъ бездумнымъ цвѣткомъ на краю пыльной дороги, радующимъ меня голубой улыбкой... О, вѣчное солнце! Облака, плывущія тамъ, высоко, и уже тающія подъ моимъ взглядомъ... запахъ земли и сгнившихъ листьевъ... скрипъ стараго дуба, пережившаго поколѣнія... Да развѣ я не вы?.. Развѣ не чувствуете вы, какъ близка вамъ я,—вернувшаяся къ вамъ съ обновленной душой?"

Какъ очарованная стоитъ Маня въ зеленомъ сумракѣ, глядя въ золотую даль. Дремлетъ степь. Ни людей, ни звуковъ. Сладкій миръ бродитъ неслышными стопами по молчаливымъ полямъ; по дорогамъ, бѣгущимъ вдаль и пропадающимъ изъ глазъ; по кладбищамъ съ безвѣстными могилами. И тихонько входитъ миръ въ мятежную душу. Слезы счастья жгутъ глаза. Забытая радость, что глянула на нее, звонко смѣясь, изъ вѣтвей старой бесѣдки,—она опять вернулась, и душа затрепетала отъ восторга.

„О, дивная Жизнь! Люблю тебя во всемъ твоемъ непрестанномъ творчествѣ, во всемъ твоемъ безудержномъ стремленіи... Зачѣмъ ты привела меня сюда, гдѣ я страдала и любила?.. Пусть загадочны твои велѣнья!.. Я безропотно приму ихъ и исполню твой законъ, какъ этотъ цвѣтокъ, какъ это поле, какъ эти облака вверху, какъ пчелы, гудящія рядомъ, какъ мошки, гибнущія съ закатомъ... Пусть и я умру! Пусть уйду во мракъ! Но что отниметъ у меня эту радость—слышать въ себѣ всѣ эти голоса, чувствовать въ себѣ всѣ эти соки, сливаться съ птицами и мошками, съ травой и камнями въ одномъ гимнѣ тебѣ, прекрасная Жизнь!.."

Уже падаютъ сумерки, когда Маня верхомъ возвращается съ далекой прогулки, вся затихшая, вся завороженная молчаніемъ и ширью степи.

Вдругъ далеко впереди, на фонѣ гаснущаго заката, она видитъ знакомый силуэтъ... Николенька...

Сердце дрогнуло и остановилось на мигъ. Потомъ забилось такъ бурно, съ такой болью, что слезы выступили въ глазахъ, закрывшихся невольно... Но когда она открыла ихъ, силуэтъ уже исчезъ за деревьями балки.

„Это мнѣ померещилось", думаетъ Маня. „И развѣ я хочу этой

встрѣчи? Зачѣмъ? Наши пути разошлись. Мы оба нашли свое счастье въ другомъ... Мы чужіе... Развѣ не оттолкнулъ онъ меня?..“

Закатъ угасъ. Она пускаетъ лошадь въ галопъ. Сейчасъ стемнѣетъ. Маркъ будетъ волноваться... Ему вредны волненія...

„Милый Маркъ...“

„Мое сердце дрогнуло“, говоритъ она себѣ, въ глубокой задумчивости подъѣзжая къ чугунной рѣшеткѣ парка.

Маня опять полюбила далекія прогулки. Вѣрнѣе, въ ней проснулась старая страсть. Не исходила она развѣ дѣвочкой всѣ эти заманчивыя дороги, которыя змѣятся въ степи? Не сидѣла она развѣ на этихъ молчаливыхъ курганахъ, грезя о тѣхъ, кто стоялъ здѣсь на стражѣ, зорко соколиными очами пронизывая даль? Или о тѣхъ, кто спитъ подъ землею вѣчнымъ сномъ, ревниво храня завѣтные клады?

Часто дядя догоняетъ ее. Идетъ согнувшись, словно ища слѣды кого-то, кто здѣсь прошелъ. И не вернется.

Онъ не мѣшаетъ ей. Иногда они бродятъ рядомъ молча, каждый полный своимъ міромъ. Но радостенъ и свѣтелъ этотъ міръ для Мани. А въ зрачкахъ старика отражается ужасъ.

— Кого ты ищешь, дядя?

— Здѣсь прошла Сара. Моя утраченная радость... Молодая какъ ты.

— Развѣ она была здѣсь?

— Въ то лѣто мы шли съ нею по этимъ дорогамъ. А осенью ее убили. У тебя ея глаза. И смѣхъ твой такъ же звонокъ...

Не ходи за мной, дядя... Хочу быть одна...

— Я боюсь, Маня... Боюсь...

— Чего ты боишься?

— Развѣ ты ничего не слышишь?..

— Нѣтъ, дядя... ничего... Только гуси кричатъ на греблѣ...

— А я слышу шаги... Судьба идетъ, Маня... Твоя судьба...

— Пусть идетъ!.. Ты не защитишь меня, милый дядя... Но успокойся! Ты самъ создаешь себѣ ужасъ изъ жизни. Взгляни, какъ хорошо кругомъ!.. Мнѣ хочется молиться и благословить весь міръ...

— Вернись, Маня... Смерть подстерегаетъ все живущее на землѣ...

— Я не боюсь смерти...

VIII.

Въ темной аллеѣ парка Василій Петровичъ ждетъ Лику.

Это ихъ послѣдняя прогулка. Послѣдній разговоръ. Завтра онъ будетъ далеко... Оставаться здѣсь опасно... Подъ предлогомъ покупки новой жнеи онъ ѣдетъ въ Москву съ большой суммой денегъ. Но въ Москву онъ не заглянетъ. Такъ условлено съ Штейнбахомъ. Онъ уѣдетъ въ Лодзь. Тамъ найдется работа. За границей дѣлать теперь нечего.

„А она?.. Если позвать?.. Что ее удержитъ?.. Дѣти, конечно...“

Онъ угрюмо ходитъ подъ липами, стиснувъ твердо очерченныя губы. Эта женщина нужна ему. Съ такой женщиной крылья вырастаютъ за плечами. Она не потянетъ внизъ. Она—орленокъ...

Легкіе шаги, стройная фигурка въ бѣломъ...

— Лидія Яковлевна... Наконецъ-то!..

— Простите... столько дѣла... Значитъ нынче?

— Да, въ ночь...

— Пора, Василій Петровичъ! Это самое благоразумное... У меня все время такое чувство, какъ будто петля стягивается вокругъ дома Штейнбаха, и кажется мнѣ, что эта петля всѣхъ насъ задушитъ, въ концѣ-концовъ... Надежда Петровна этого боялась...

— Боялась!.. Тогда зачѣмъ же она ѣхала сюда? Возмутительная безпечность! И всѣ *они* такіе!

— Тише! Ни слова о ней...

— Нѣтъ. Я не могу ей простить, что изъ-за ея неосторожности всѣ мои собственные планы разбиты. Я не хотѣлъ уѣзжать отсюда, но я вынужденъ это сдѣлать... И мнѣ это тяжело.

Они садятся на скамью. Лика удивлена этимъ неожиданнымъ признаніемъ.

— А вы... вы долго останетесь здѣсь, Лидія Яковлевна?

— Я не могу уйти,—просто отвѣчаетъ она.

— Дѣти?

Она молчитъ. Онъ наклоняется къ ней, но не можетъ разсмотрѣть выраженіе ея лица.

— Неужели любовь?—дрогнувшимъ голосомъ спрашиваетъ онъ.

У нея срывается смущенный жестъ.

— Н-нѣтъ... конечно, — нервно усмѣхается она.—Но зачѣмъ мнѣ уѣзжать, когда у меня здѣсь есть свое дѣло?

— Больница?.. Полноте. Лидія Яковлевна! Не могутъ маленькія дѣла удовлетворить большую душу. Предоставьте это кадетамъ... И я не вѣрю вамъ,—срывается у него съ дрожью въ голосѣ. — Все это было хорошо еще три года назадъ. Но теперь,

когда мы очнулись отъ удара, свалившаго насъ, когда опять мы поднялись?.. Вы развѣ не чувствуете, что миновала пора прострацiи и безвѣрiя?

— Я это знаю...

— Тогда зачѣмъ же вы здѣсь?—страстно спрашиваетъ онъ.

Она молчитъ.

Онъ вдругъ крѣпко беретъ ее за плечи и притягиваетъ къ себѣ. Она даже крикнуть не успѣла. Онъ зажимаетъ ея ротъ поцѣлуемъ. Она такъ ошеломлена, что одну секунду безвольно лежитъ на его груди, вся охваченная его сильнымъ объятiемъ. Но при первой ея попыткѣ освободиться, онъ разжимаетъ руки.

Оба молчатъ, и слышно ихъ прерывистое дыханiе.

— Я вамъ противенъ, Лика?

— Нѣтъ...

— Почему же вы отталкиваете меня?

— Мнѣ этого не надо... Этого не надо было дѣлать...

— Почему?.. Почему, скажите?

— Ахъ, постойте!..—Она закрываетъ лицо руками.

— Вы не догадывались о моемъ чувствѣ, Лика?

— Нѣтъ... не стану лгать... Я это знала, но... къ чему, Василiй Петровичъ? Вы сами говорите: миновала пора безсилiя. А развѣ это не обезсиливаетъ?

— Такихъ, какъ вы и я? Никогда!

Она грустно улыбается.

— Почемъ вы знаете, каковы мои силы?.. Мои испытанiя впереди... Мой часъ еще не пробилъ... Я готовлюсь къ этому великому часу... И вся моя задача теперь въ томъ, чтобъ... ослабить всѣ узы... чтобъ жизнь и ея приманки утратили свою цѣну...

— Что вы задумали, Лика?

— Нѣтъ... нѣтъ! Не скажу... Я еще стараюсь не думать объ этомъ... Мнѣ страшно, Василiй Петровичъ!.. Должно быть, эти годы бездѣйствiя и... счастья, что ли, такъ деморализовали меня... Семь лѣтъ назадъ я не знала бы колебанiй... Я съ радостью приняла бы этотъ крестъ... Какая страшная сила — счастье!.. И жизнь, вообще!.. Какъ она засасываетъ!..

— Лика, я знаю, чье это влiянiе... Откажитесь отъ этого безумiя... Вѣдь это навязчивая идея!.. Измѣнится ли что-нибудь отъ вашего дерзновенiя и вашей гибели? Развѣ нѣтъ другого дѣла?

— Молчите! Молчите!.. Мнѣ никто ничего не навязывалъ... Это ничего бы не стоило... Мнѣ только уяснили то, что давно уже лежитъ созрѣвшимъ, понимаете? На днѣ сердца созрѣвшимъ рѣшенiемъ... Я это предчувствовала давно... И я по слабости жен-

ской стараюсь не думать объ этомъ... Но я знаю: за меня въ душѣ моей рѣшилъ кто-то, кто выше моей слабости...

Они встаютъ и подъ руку идутъ вглубь парка. Стихаютъ ихъ голоса и шаги.

Шорохи звучатъ за ними. Легкій трескъ въ кустахъ. Какія-то тѣни перебѣгаютъ дорогу, пригибаясь къ землѣ...

IX.

Солнце склоняется на западъ, когда Маня торопливо спускается по ступенькамъ террасы.

— Куда ты? — спрашиваетъ Штейнбахъ, котораго поразило ея лицо.

— Н-не знаю... Куда-нибудь пойду... Нѣтъ, Маркъ... Не провожай меня!.. Я хочу быть одна...

Онъ покорно садится на террасѣ и развертываетъ газету.

Сверху, изъ бельведера, украшающаго домъ, онъ видитъ все. Она спустилась въ яръ. Потомъ поднялась по тропинкѣ къ Лысогорамъ... Вонъ платье ея забѣлѣло вдали, и такой лаской засвѣтился на солнцѣ ея алый зонтикъ... Къ Сонѣ?.. Наврядъ ли... Вонъ скрылась за деревьями парка. „Она идетъ къ прошлому“, думаетъ Штейнбахъ. „И если это такъ, то я потерялъ ее—на этотъ разъ навсегда...“

А Маня шагъ за шагомъ прошла мимо парка Горленка, мимо заброшенной бесѣдки, откуда она глядѣла на Липовку, мечтая объ Янѣ. Паркъ кончился. Вонъ за высокими коноплями и березовой рощицей уже начинается левада.

Маня медленно идетъ мимо табачнаго сарая, гдѣ въ первый вечеръ она услыхала голосъ Яна. А вотъ и курганъ, откуда онѣ съ Соней когда-то каждый день прощались съ солнцемъ.

Она садится на этотъ курганъ и смотритъ въ небо.

Ничто не измѣнилось кругомъ. Тотъ же алый свѣтъ дрожитъ въ воздухѣ, и черноземъ кажется бурымъ. Тѣ же стебли тыквъ, какъ змѣи толстые и извилистые, тянутся къ ея ногамъ и выбѣгаютъ на тропинку. Такъ же сухая трава скользитъ подъ ногой. Тѣмъ же холодкомъ вѣетъ изъ яра. И такъ же безпредѣльна степь.

Солнце садится все ниже. И постепенно исчезаетъ дѣйствительность. Она опять дѣвочка съ широко открытыми на Божій міръ очами; съ жадной, тоскующей душой.

...Какъ больно, что жизнь уходитъ!.. Вотъ опять умираетъ

день... Огни горятъ въ зрачкахъ, и золото сверкаетъ въ кудряхъ ея. На головѣ вѣнокъ изъ васильковъ. „Приди же радость!.. Свершитесь грезы! Я жду васъ такъ долго... Такъ страстно жду!“

...Вотъ-вотъ сейчасъ она услышитъ четкій звукъ копытъ по сухой землѣ. И появится всадникъ въ англійскомъ шлемѣ и крагахъ. Онъ удивленно взглянетъ на двухъ дѣвочекъ. Подниметъ надъ бѣлымъ лбомъ свой шлемъ. И скроется вдали, за дымкой пыли. Какъ сказка, какъ сонъ... А глупое сердце рванется за нимъ въ безумной жаждѣ счастья...

Неизъяснимымъ очарованіемъ полны для Мани эти прогулки. Она ждетъ, когда солнце коснется земли, врѣжется въ нее раскаленнымъ краемъ и, глянувъ на Маню въ послѣдній разъ багровымъ печальнымъ глазомъ, уйдетъ подъ землю... Еще немного и погаснутъ краски. И прежде чѣмъ она добѣжитъ до парка Липовки, уже спустится ночь... Скорѣй!.. Скорѣй!.. Вотъ сейчасъ на краю дороги дурманъ сверкнетъ на нее своей одуряющей бѣлизною... А тамъ конопли... А за ними сарай... А у сарая Янъ...

Она возвращается домой съ такимъ чувствомъ, какъ будто не было этихъ шести лѣтъ страданій и борьбы. Какъ въ разсказѣ *Лигія* Эдгара Поэ, гдѣ страстной силою желанья мертвая жена губитъ живую и перевоплощается въ ея тѣло, чтобъ упиться новымъ счастьемъ,—въ душѣ Мани потихоньку умираетъ гордая, мятежная и страстная Marion. И мечтательная дѣвочка съ горячими глазами возникаетъ изъ праха... Съ лицомъ усталымъ отъ счастья, потрясенная избыткомъ ощущеній, разбитой походкой возвращается она въ Липовку. И чуждыми глазами озирается кругомъ. Туда ли она зашла?.. Неужели для нея горятъ вотъ эти огни на террасѣ, и ее ждутъ эти ненужные, далекіе люди?.. Зачѣмъ ждутъ?.. Ужинать?.. Боже мой!.. А вѣдь тамъ еще остались таинственныя дороги. Тамъ бѣгутъ еще манящія тропинки и зовутъ вдаль. Тамъ за каждымъ поворотомъ ждетъ ее новое...

— Что же это такъ долго, Маня?—раздается голосъ, и высокій силуэтъ ея мужа выступаетъ изъ мрака.

... „Мужа“?.. Такъ у нея есть мужъ?.. Какъ это случилось?

— Я такъ давно жду тебя, Маничка!

Она покорно идетъ за нимъ. Ея ноги влажны отъ росы, и край юбки отяжелѣлъ отъ сырости. Какъ тогда... какъ тогда...

Но у дѣвочки-Мани была свобода. Цѣлая жизнь лежала передъ нею. Такая богатая, такая огромная...

— Гдѣ ты была, Маничка?

— Не помню, Маркъ... Далеко...

X.

Маркъ часто уѣзжаетъ на заводъ, гдѣ онъ строитъ огромный домъ съ квартирами для рабочихъ, и не всегда возвращается къ ночи. Маня долго ждетъ его. Она поднимается на вышку дома и оттуда глядитъ вдаль.

Вотъ и теперь она спускается со свѣчой. Іюльская ночь темна. Не видать факеловъ по дорогѣ... Не вернется...

Она идетъ по парку. Чья-то фигура свѣтлѣе мрака стоитъ на дорожкѣ. Маня невольно останавливается.

— Кто вы?.. Кого вамъ надо?

— Васъ!

— Меня?

— Да, васъ... Я давно стерегу здѣсь... Я знаю ваши привычки.

Чей это голосъ? Она проводитъ рукой по глазамъ, стараясь сосредоточиться...

— Измаилъ!.. Вы??.

Жесткая рука сильно хватаетъ ее за кисть выше локтя.

— Тише!.. Никто не долженъ знать, что мы видѣлись... Ни одна душа...

— Вы дрожите, Измаилъ... Что съ вами?.. Какъ я рада... какъ я безконечно рада, что вы заговорили со мной!.. Что вамъ нужно? Говорите... просите... я все сдѣлаю для васъ... Вы любили Яна, вы были его другомъ... Вы никогда не были мнѣ чужимъ, Измаилъ... И вспомнить, что мы долго жили рядомъ въ Парижѣ и не встрѣчались... Почему, почему вы были такъ враждебны? А я всегда любила васъ, Измаилъ, какъ брата по духу. Развѣ вы не мечтатель, какъ и я? Развѣ не горитъ ваша душа неугасимой жаждой? Развѣ не кажется вамъ ничтожнымъ все, къ чему стремится толпа? Янъ не даромъ любилъ васъ, Измаилъ... А мнѣ священно все, что было ему дорого... Просите! Я сдѣлаю все...

— Какъ вы говорите!.. Какъ вы странно это говорите...—взволнованно и запинаясь отвѣчаетъ онъ.—Да... я не зналъ васъ... Или вы были другой?.. Я только недавно понялъ, кто вы... И вотъ я съ довѣріемъ... пришелъ къ вамъ... въ тяжелую минуту...

Тихій, еле слышный звукъ рождается во мракѣ. Но Зяма смолкъ и насторожился. Одно мгновеніе они глядятъ во тьму, схватившись за руки. У самаго уха ея онъ шепчетъ:

— За нами слѣдятъ... Уйдемте!..

„Кто?“ хочетъ крикнуть она... Но безотчетный страхъ охватываетъ ее, и она покорно и беззвучно идетъ за нимъ.

— Сюда!—говоритъ Маня, подходя къ террасѣ.

— Нѣтъ... Нѣтъ... Идите въ свою комнату. Я влѣзу въ ваше окно. Я знаю, что оно открыто. Огня не зажигайте...

„Какъ странно!“ думаетъ Маня. „Мы живемъ, ничего не подозрѣвая... А между тѣмъ... Неужели...“

Блѣдное лицо, видѣнное ночью, вспоминается ей внезапно. Когда Зяма входитъ въ ея комнату, она запираетъ окна и двери.

— Садитесь! Говорите... говорите откровенно... Здѣсь ни одна душа не услышитъ насъ...

Какъ измѣнился бѣдный Зяма! Манѣ безумно жаль этого фанатика, никогда не знавшаго личнаго счастья, никогда не вздохнувшаго полной грудью. Одной ненавистью жилъ онъ всѣ эти годы.

— Мнѣ нужны деньги, Марья Сергѣевна. Много денегъ. И сейчасъ... немедленно... Дорога каждая минута...

— У меня нѣтъ ихъ, Измаилъ...

— Тогда отдайте мнѣ это кольцо! Это рубинъ. Они цѣнны. Я заложу его...

Маня глядитъ на свой любимый камень.

— О, Измаилъ!.. Этого я не могу... Но я дамъ вамъ чекъ... Вы завтра получите эти деньги въ Кіевѣ... Сколько? Говорите...

Она зажигаетъ электричество и садится за письменный столъ.

Онъ тихо ломаетъ пальцы. Довѣріе этой женщины и ея внезапная ласка, пролившаяся въ его душу какъ благодатный дождь на раскаленную землю, обезоружили его. Развѣ онъ шелъ просить ее? Онъ пришелъ требовать ея богатства, какъ своего права. И если-бъ она отказала ему, онъ отнялъ бы у нея это кольцо... Какъ тяжело просить!

— Я самъ не знаю!—съ отчаяніемъ говоритъ онъ.—Поймите, мнѣ некуда идти... Я узналъ вчера, что мой товарищъ арестованъ... Его повѣсятъ, если я не выручу его... Надо устроить побѣгъ... Я завтра долженъ быть въ Кіевѣ... Ни одного дня терять я не могу...

— О!—съ ужасомъ срывается у Мани. Она встаетъ. Подходитъ быстро къ огню. Глядитъ съ мгновеніе на пламенѣющій рубинъ. Потомъ цѣлуетъ его и снимаетъ съ мизинца.

— Возьмите, Измаилъ... Вы правы... Нельзя терять ни одной минуты! Постарайтесь только выслать мнѣ квитанцію. Я его выкуплю. Мнѣ этотъ камень дороже всѣхъ моихъ богатствъ... И этотъ чекъ возьмите тоже. Онъ пригодится. Теперь я тушу огонь.

— Благодарю васъ... Дайте руку!.. Я никогда не забуду этой услуги. И... постараюсь расквитаться съ вами. Черезъ три дня я вернусь... если уцѣлѣю. А если нѣтъ... слушайте: за вами слѣдятъ... да... да... я это знаю... и за вашимъ мужемъ... Анна Николаевна...

— Кто??

— Ну, все равно... вы ее зовете Надеждой Петровной... Она поступила очень неосторожно, пріѣхавъ сюда... Ксаверій писалъ мнѣ, что ее прослѣдили въ Вѣнѣ...

— Знаю... Она сама признала этого сыщика... Но вѣдь мы поэтому и двинулись на Москву... И сестра ея пріѣзжала туда же...

— Слушайте... среди рабочихъ, которые наняты для этого вашего праздника, что ли... есть двое... Если-бъ я узналъ навѣрно... Берегитесь, Марья Сергѣевна! Скажите это вашему мужу... Теперь я спѣшу... Но помните: вы никогда со мной не говорили... Я никогда не былъ у васъ...

Маня первая выходитъ на дорожку передъ окномъ и озирается. Зяма беззвучно отворяетъ окно, легко прыгаетъ на землю и скрывается во мракѣ.

XI.

Почему нынче сумерки застали ее на левадѣ? Заглядѣлась ли она на тучи, заслонившія солнце? На багряное, зловѣщее небо?.. Она очнулась отъ глухого топота.

Кто ѣдетъ тамъ, внизу, по глубокой лощинѣ? Сонъ это или явь? И почему опять дрогнуло ея сердце?.. Напряженно глядитъ она внизъ... Вотъ показалась голова лошади, всадникъ въ сѣрой блузѣ и крагахъ.

Маня встаетъ съ глухимъ восклицаніемъ... Но прежде чѣмъ она успѣла понять, всадникъ снимаетъ фуражку и высоко поднимаетъ ее надъ головой. Испуганная лошадь мчится въ галопъ и скрывается изъ виду.

Маня опять садится. Ноги ея дрожатъ. Сонъ на яву... Да... Но чего же испугалась она?.. Это блѣдное исхудавшее уже не юное лицо съ изумленными чужими глазами—лишено очарованія... Не съ нимъ бродила она всѣ эти дни рука объ руку по далекимъ дорогамъ. Не съ нимъ сидѣла рядомъ на курганахъ и глядѣла на закатъ. У того были пушистыя щеки и алыя губы. У того была молодость. Чего, однако, испугался онъ? Не принялъ ли онъ ее за призракъ?.. Онъ правъ: между Маней, которую онъ любилъ, и знаменитой Marion—развѣ есть что-нибудь общее?

Она оглядывается, тоскливо сжавъ брови... И чуда никакого нѣтъ... Лѣсъ Нелидовыхъ лежитъ далеко отъ его усадьбы, и эта дорога ведетъ туда... Да, да... Конечно такъ... Онъ ѣхалъ изъ лѣса, какъ тогда, десять лѣтъ назадъ... Вотъ и объясненіе сна наяву...

Она поднимается среди быстро падающихъ сумерекъ и идетъ шагъ за шагомъ, вся разбитая... Отчего? И откуда эта тоска? Если-бъ только знать, что почувствовалъ онъ? Что подумалъ?..

Уже темнѣетъ, когда она подходитъ къ спуску въ лощину, раздѣляющую Лысогоры плотиной и прудомъ отъ большой дороги и Липовки. Гдѣ-то за тополями тихонько ржетъ лошадь. Кто-то беззвучно выдвигается изъ темноты.

— Не пугайтесь!—слышитъ она знакомый голосъ.—Это я...

Она останавливается, и нѣтъ у нея дыханья. Кровь съ такой силой прихлынула къ сердцу, такъ бѣшено забилось оно, что Маня глохнетъ. Что онъ говоритъ?.. Какія слова говоритъ онъ ей?

— Вы узнаете меня?—робко спрашиваетъ онъ, наклоняясь къ ея лицу.

— Да... я тебя узнала... Я давно ждала тебя, Николенька...

Онъ отодвигается, какъ будто она ударила его въ грудь.

„Сонъ или нѣтъ?.. Сейчасъ проснусь..." думаетъ она.

— Я... тоже... искалъ этой встрѣчи... Я много... думалъ о васъ... Я... страшно виноватъ передъ вами...

— Ты?.. Передо мной?

Они молчатъ одно мгновеніе.

— Но чѣмъ же ты виноватъ передо мной, Николенька?— грустно и нѣжно спрашиваетъ она, овладѣвъ, наконецъ, собою.

Но отъ этого нѣжнаго голоса ужасъ охватываетъ Нелидова Онъ не въ силахъ унять внутренней дрожи.

— Зачѣмъ вы *такъ* говорите... Зачѣмъ это *ты*?.. Вы жена другого... Не зовите меня Николенькой...

Она тихо, грустно смѣется.

— Какъ же ты хочешь, чтобъ я звала тебя теперь, когда всѣ эти годы, думая о тебѣ, я называла тебя такъ?

— Всѣ эти годы? Что вы хотите сказать?

Она слышитъ его дыханье. Видитъ его страдающее лицо. И все-таки не можетъ очнуться... Сонъ... сонъ... Ничего нѣтъ наяву... Это воплотилась греза... Это колдуетъ надвигающаяся ночь... И сама она боится шевельнуться. Боится громко говорить.

— Мари... выслушайте меня!.. Снимите съ души моей камень... Я встрѣтилъ на-дняхъ на лѣсной дорогѣ дѣвочку...

— Это твоя дочь, Николенька... Теперь ты въ это вѣришь?

Она слышитъ странный звукъ, какъ будто подавленное рыданіе.

— Ахъ... Вы никогда не простите мнѣ эту низость!

Она тихонько подходитъ и беретъ его руку. Ей все страшно проснуться... Нѣтъ, это не сонъ!.. Вотъ его рука, маленькая, горячая, сильная... Но отчего дрожитъ онъ всѣмъ тѣломъ? Почему отдергиваетъ руку?.. Жалость бездонная, безкрайная вдругъ входитъ въ душу и затопляетъ ее.

— Я все простила, Николенька,—глубокимъ голосомъ отвѣчаетъ она.

Онъ безмолвно глядитъ на это бѣлѣющее въ сумракѣ лицо, на пышныя волны волосъ, на эти капризныя брови... Онъ видитъ опять ея незабвенные глаза... Онъ крѣпко стискиваетъ зубы... Онъ боится себя... Кто-то темный и страшный смотритъ изъ его глазъ на эту чужую женщину, которой онъ владѣлъ... И нельзя дать *ему* воли... Ни слова, ни движенія! Иначе рухнетъ все, чѣмъ онъ жилъ. И раздавитъ его самого подъ обломками...

Они не слышали шаговъ и невольно вздрагиваютъ, когда высокая, черная фигура встаетъ рядомъ. Яркій свѣтъ электрическаго фонарика озаряетъ сперва лицо Мани, затѣмъ лицо Нелидова. И замираетъ на немъ. Съ удивленнымъ и гнѣвнымъ жестомъ Нелидовъ отступаетъ въ тѣнь. Но свѣтъ опять настойчиво нащупываетъ его лицо и останавливается, точно спрашиваетъ: „Кто ты?..“

— Не бойся, Николенька... Опусти фонарь, дядя!.. Ты искалъ меня?

Нелидовъ дѣлаетъ еще шагъ назадъ. Но свѣтъ его ищетъ. Старикъ глядитъ безмолвно и пристально, какъ будто хочетъ навсегда запомнить его черты.

— Дай сюда!—говоритъ Маня, беря руку старика, и отходитъ съ нимъ на дорогу. Все погружается въ полумракъ.

— Кто это, Маня?—шепчетъ старикъ.—Гдѣ я видѣлъ его?

— Это отецъ Ниночки, не бойся! Онъ мнѣ не сдѣлаетъ зла... Иди... иди... Жди меня внизу, у пруда... Я сейчасъ вернусь...

Они опять вдвоемъ. Неподвиженъ силуэтъ Нелидова. Его снова поразило сходство старика съ Штейнбахомъ. Темная ревность зажгла и отравила сердце, смягченное печалью.

— Какъ зовутъ мою дочь?

— Нина...

— Вы страдали, Мари... Теперь я понялъ, почему вы хотѣли умереть...

— Скажи мнѣ *ты*, Николенька! Въ эту великую минуту примиренія скажи мнѣ *ты*, какъ прежде...

Стонъ срывается у него. Онъ дѣлаетъ къ ней шагъ. Но опять огромнымъ усиліемъ воли побѣждаетъ свой порывъ.

— Если были слезы и страданія, Николенька, я ихъ люблю теперь. Все стало священнымъ въ этомъ прошломъ. Какъ могла я проклинать тебя? Ты далъ мнѣ мое дитя. И не надо тебѣ ни страдать, ни каяться... Будь счастливъ, Николенька!.. Я твой другъ навсегда...

Она протягиваетъ руку. Онъ держитъ ее крѣпко, боясь прикоснуться къ ней жаждущими губами. Боясь близости. И страшась разлуки.

Она первая приходитъ въ себя и оглядывается.

— Уже ночь... Я пойду... Прощай, Николенька!..

— Какъ вы пойдете? Здѣсь круто... Вы оступитесь... Дайте руку!

Вдвоемъ они спускаются въ яръ. Голова кружится у Нелидова. Онъ почти обнялъ эту женщину, которой полны его безсонныя ночи, его безумные сны... Ахъ, если-бъ еще разъ, одинъ только разъ взять ее, какъ въ ту незабвенную ночь въ бесѣдкѣ!.. А потомъ?.. *Смерть...* говоритъ въ душѣ кто-то суровый и чуждый. *Жить потомъ уже нельзя...*

„И не надо!“ съ отчаяніемъ отвѣчаетъ его сердце.

И во второй разъ, какъ въ ту ночь, въ Венеціи, сквозь туманъ жизни Нелидовъ вдругъ видитъ трагическое лицо Вѣчности.

Вотъ и плотина. Тускло поблескиваетъ темное зеркало пруда. Кто-то идетъ по мосту. Слышны голоса. Сверкнулъ глазъ фонаря.

— Маня... Ты??

Оба вздрогнули. Нелидовъ отдергиваетъ руку.

— Я, Маркъ... Иду...

Вдали уже видны двѣ высокія фигуры, точно Штейнбахъ и двойникъ его.

— Прощай, Николенька!—шепчетъ она.

„Конецъ...“ кричитъ кто-то ему въ уши.

— Мари... Я еще не все сказалъ... Вы должны меня выслушать... Придете?.. Когда?..

— Завтра... тамъ же...

Нелидовъ скрывается за кустами, сбѣгающими по кручѣ. Лошадь его тихонько ржетъ наверху, точно зоветъ его.

Маня стоитъ какъ ослѣпленная, ничего не видя во мракѣ смятенной души. Нѣтъ силъ двинуться дальше...

Штейнбахъ настороже. Онъ видѣлъ лицо Мани, когда она вернулась... Случилось что-то важное, что-то большое... Эта женщина уже не живетъ, а грезитъ... О чемъ?.. Что, кромѣ встрѣчи съ Нелидовымъ, могло такъ потрясти ее?

На его осторожный вопросъ она отвѣчаетъ мягко, но чуждо:

— Не спрашивай, Маркъ!.. Пусть уляжется! Все скажу потомъ...

Маня лежитъ съ закрытыми глазами. Кругомъ ночь и тишина. Весь домъ заснулъ.

Что случилось?.. Она опять стоитъ на распутьи. И двѣ дороги лежатъ передъ нею.

Опи встрѣтились, наконецъ... Завтра вновь увидятся... Онъ скажетъ ей что-то забытое, важное... А потомъ?..

Сердце Мани замираетъ. Что же будетъ потомъ? Она вернется къ любимому мужу. Онъ вернется къ любимой женѣ... И все пойдетъ по-старому. Только однимъ желаньемъ будетъ меньше въ душѣ. Погаснетъ греза о прекрасной возможности... Онъ останется здѣсь. Она уѣдетъ въ Парижъ... Какъ жизнь проста!

Она лежитъ съ закрытыми глазами. А душа поетъ... Какую пѣснь? Торжествующей любви? О, нѣтъ... Печальна эта пѣснь, и сладка эта печаль. Она переживаетъ вновь все, что свершилось тамъ, среди молчанія полей, подъ темнѣющимъ небомъ... Счастье ли?.. Горе ли?.. Все равно!.. Не избѣгнешь, не измѣнишь ничего...

Но какое блаженство въ этой безпредѣльной нѣжности! Точно мать своего больного ребенка любитъ она его сейчасъ... Страсть?.. Ревность?.. Безуміе прежнихъ дней?.. Нѣтъ... Ничего этого нѣтъ... Какъ хорошо! Какъ тихо на душѣ!.. Вотъ его худое, блѣдное измѣнившееся лицо. А рядомъ смуглое личико Кати... Больно?.. Нѣтъ... Вотъ онъ цѣлуетъ Катю... Пусть цѣлуетъ!.. И это не больно... Даже хорошо. Какой ужасъ, если-бъ онъ не любилъ жену... если-бъ онъ страдалъ... если-бъ онъ...

Она на мгновеніе открываетъ полные страха глаза... Нѣтъ!.. Это невозможно. Ее-то онъ разлюбилъ... И слава Богу! Все проходитъ. Развѣ она сама не любила Гаральда?.. Не находила радость въ другихъ объятіяхъ?

И есть еще что-то, отъ чего миръ входитъ въ ея душу. Сознаніе собственной силы изумляетъ и радуетъ ее. Странное чувство— это сознаніе своего превосходства надъ человѣкомъ, державшимъ когда-то въ рукахъ ея жизнь, однимъ взглядомъ пославшимъ ее на смерть... И только сейчасъ, припомнивъ, какъ они стояли рядомъ, онъ—подавленный и трепещущій, она — владѣющая собой,—Маня видитъ, какъ выросла она сама за эти годы, какой долгій и трудный путь прошла ея душа. Можно ли съ этого пути вернуться назадъ? Можно ли съ высокой башни, гдѣ видѣлъ солнце, добровольно спуститься внизъ, гдѣ царитъ мракъ, гдѣ пахнетъ тлѣніемъ?

XII.

Когда солнце спускается, Маня выходитъ изъ парка. Лицо ея странно-торжественно. Глаза углубились. Они смотрятъ въ душу. Что видятъ они тамъ?.. Все ту же силу. Все ту же радость. И нѣтъ колебаній. И нѣтъ страха.

— Куда ты, Маня? Мнѣ можно съ тобою?

— Нѣтъ, Маркъ... Меня ждетъ Нелидовъ.

Они стоятъ рядомъ, облитые ласковымъ уже холодѣющимъ солнцемъ. Его лучи играютъ въ волосахъ Мани, въ ея зрачкахъ. Она точно вся пронизана свѣтомъ.

— Я это зналъ,—тихо говоритъ онъ, опуская голову.

— Я рада этой встрѣчѣ, Маркъ. Мы примирились. Не знаю, что хочетъ сказать онъ мнѣ сейчасъ... Но я обѣщала придти...

— Маня, не ходи! Умоляю тебя... Если ты хоть немного меня... жалѣешь...

Пораженная его отчаяніемъ, она останавливается.

— Ты мнѣ не вѣришь? Не бойся, Маркъ. Я сильна... Скажу тебѣ больше... Я уже не люблю его... Вѣрнѣе, я не его люблю, а память прошлаго... И это прошлое здѣсь... на этихъ дорогахъ... въ этихъ поляхъ, въ лѣсу... И его я не могу забыть. Все остальное ниже... Все остальное блѣдно... О, Маркъ! Не надо страдать... Мы скоро уѣдемъ... Подари мнѣ эту радость жить въ прошломъ еще нѣсколько дней... Это чистая радость... Ни тебѣ, ни мнѣ не придется краснѣть за нее... Я иду, Маркъ... Боюсь, что солнце сядетъ... Я хочу видѣть закатъ... Этотъ день мой... До свиданья, милый Маркъ!

Она идетъ, спокойная, съ счастливой улыбкой. Онъ глядитъ ей вслѣдъ, охваченный ужасомъ.

„*Я знаю, что скажетъ онъ ей*... Она не проститъ... Я погибъ...“

Маня сидитъ на пригоркѣ и смотритъ вдаль.

Что онъ хотѣлъ сказать ей? Что-то важное... Не все ли равно? Она здѣсь, потому что иначе быть не могло... И эту степь, и этотъ закатъ, и эту встрѣчу, и все, что онъ скажетъ, — она этого ждала всѣ годы. Она это видѣла когда-то... быть можетъ, во снѣ...

Солнце уже низко, когда вдали показывается Нелидовъ. Онъ идетъ, должно-быть, прямо съ полевыхъ работъ, и на этотъ разъ пѣшкомъ. На немъ сѣрая блуза, перехваченная поясомъ, высокіе сапоги... Удивительно идетъ этотъ простой костюмъ къ его стройной фигурѣ и породистому лицу, быть можетъ, именно вслѣдствіе контраста. Онъ издали смущенно улыбается Manѣ, высоко поднявъ фуражку. О, милое лицо!.. Эти стройныя плечи... Эта больная улыбка... Сердце дрогнуло отъ умиленія.

Она встаетъ, такая странная, такая экзотичная въ своемъ бѣломъ, узкомъ, облегающемъ всѣ линіи ея тѣла платьѣ, съ открытой шеей и руками,—такая непонятная среди этихъ мирныхъ полей, похожая на какой-то тревожный сонъ. Она видитъ жад-

ный изумленный взглядъ, которымъ онъ окидываетъ ея фигуру. И чувство отчужденія вдругъ холодной струйкой вползаетъ въ душу Мани... „Его жена такого платья не надѣла бы", мелькаетъ мысль. „Но что мнѣ до его осужденія! И зачѣмъ такъ горятъ мои щеки? Даже больно глазамъ".

Онъ цѣлуетъ руку, которую она протянула ему съ видомъ королевы, вся чужая и надменная. Его поцѣлуй длителенъ и горячъ. И сразу темнѣетъ ея душа. Вспоминается Катя. Вспоминается собственная боль, когда онъ отвергъ ее. И если глаза его загорѣлись страстью, она не позволитъ ему ни одного движенія... „На такихъ, какъ вы, не женятся", звучитъ издали жестокій голосъ. Это онъ такъ говорилъ съ нею.... О, его страсть не найдетъ отзвука въ ея душѣ! „Она уже не страшна мнѣ. Я выросла. Я сильна..."

— Простите, что я въ такомъ видѣ... я прямо съ работъ... Вы давно здѣсь?.. Прошу извиненія... Я не хотѣлъ, чтобъ рабочіе видѣли, куда я пошелъ...

Какъ робко звучитъ его голосъ!.. Какъ неувѣренны его движенія! Ея взглядъ смягчается. Не надо вражды... Этотъ мигъ минетъ, и они никогда не встрѣтятся...

— Сядемъ, Николенька!—со вздохомъ говоритъ она, опускаясь на пригорокъ.—Побудемъ здѣсь, пока не зайдетъ солнце...

— Мари, я поступилъ какъ безумецъ... Я не долженъ былъ звать васъ сюда... Здѣсь каждую минуту могутъ насъ увидѣть.

— Чего же ты боишься, Николенька?

— Я долженъ беречь ваше имя... Вы замужемъ...

— Помолчи!.. Не нарушай моего настроенія. Я давно жду тебя... Шесть лѣтъ жду этой встрѣчи... Не говори... Не вспоминай... Дай мнѣ грезить съ открытыми глазами! Забудь, что у меня есть мужъ, и что тебя ждетъ жена... Развѣ ты не чувствуешь, что все это призраки? А правда только ты, и я... и этотъ курганъ... и этотъ закатъ?

— Если-бъ это было такъ! — съ горечью срывается у него.

Онъ оглядывается. Но кругомъ безлюдно. Гдѣ-то внизу, въ долинѣ, идетъ стадо, и громко щелкаетъ бичъ. А вдали показались гуси, точно снѣгъ выпалъ на черное вспаханное поле. Крохотная босоногая дѣвочка гонитъ ихъ на хуторъ.

Нелидовъ садится у ногъ Мани, на сухую, побурѣвшую траву, и снизу вверхъ глядитъ въ ея розовѣющее въ закатномъ свѣтѣ лицо, чужое въ этой прическѣ, съ этимъ страннымъ, мечтательнымъ выраженіемъ, но обольстительное, грѣшное лицо, опьяняющее, какъ запахъ туберозы, отъ котораго стучитъ сердце и кружится голова. Онъ борется съ собой, стискивая руки, стискивая зубы, стараясь

глядѣть въ сторону. Но нѣтъ силъ... Вѣдь этотъ мигъ исчезнетъ... Завтра уже ничего не останется кромѣ жгучаго воспоминанія.

— Вы счастливы, Мари?—помимо воли срывается у него.—Вы любите вашего мужа?

Она смотритъ на солнце.

— Сейчасъ зайдетъ... смотри! Немножко-немножко осталось... одинъ краешекъ...

Онъ робко беретъ ея руку и страстно цѣлуетъ ее.

— Какъ вы перемѣнились, Мари!.. Вы для меня сейчасъ новая и чужая женщина...

— Гляди!.. Гляди!—Она нѣжнымъ движеніемъ поворачиваетъ его голову къ закату.—Сейчасъ скроется...

— У васъ совсѣмъ другое лицо...

— Вотъ и сѣло...—съ глубокимъ вздохомъ говоритъ она.

И вдругъ въ ея зрачкахъ, въ ея улыбкѣ, онъ видитъ вновь свою давно умершую дѣвочку—Маню, которую онъ любилъ такъ страстно. Точно она выглянула изъ окошка чужого дома и печально улыбнулась ему... Его волненіе такъ сильно, что онъ не можетъ заговорить и, поблѣднѣвъ, закрываетъ глаза.

— Помнишь, Николенька, нашу первую встрѣчу вотъ здѣсь?—мечтательно спрашиваетъ она. Совсѣмъ какъ прежняя Маня.

— Здѣсь?.. Нѣтъ... не помню... вы ошибаетесь...

Она тихонько отодвигается. И холодно, и печально глядитъ на гаснущую полоску, на загорающіяся высоко въ небѣ облака.

— Вотъ я опять потерялъ васъ, — съ тоской говоритъ онъ. — Я опять не узнаю васъ...

— Стала я лучше или хуже?—безъ тѣни кокетства, чужимъ и обыденнымъ звукомъ спрашиваетъ она.

— Н-не знаю... не знаю, Мари... Глядѣть на васъ—наслажденіе... И страшно глядѣть на васъ!..

Она выпрямляется. Жалко дрогнули ея губы... Что такое?.. Вѣдь она сильна, горда... Она выросла. Онъ остался тѣмъ же. Чего ей бояться теперь?.. Но невинная радость нарушена... Она не можетъ уже отдаться непосредственному наслажденію отъ этой близости. Раздвоеніе началось. И опять сильная и гордая женщина тревожно смотритъ въ свое сердце, гдѣ беззвучно встаетъ призракъ дѣвочки съ жаждой любви и подчиненія.

Она говоритъ съ трудомъ, разомъ высохшими губами:

— Ты всѣ эти годы былъ счастливъ, Николенька... Я знаю, что ты любишь жену свою... у тебя дѣти... и жизнь твоя полна...

Онъ поднимаетъ голову и молча смотритъ на нее. И тутъ только въ первый разъ она видитъ, какъ онъ исхудалъ и поста-

рѣлъ; какія рѣзкія линіи легли вокругъ его алыхъ когда-то, теперь блѣдныхъ губъ; какая глубокая морщина прошла по его бѣлому лбу; какая печаль въ его запавшихъ глазахъ. Если *это* счастье...

— Николенька,—говоритъ она съ внезапнымъ страхомъ, наклоняясь къ нему,—забудемъ все!.. Будемъ молчать... Слышишь, какъ тихо?.. Какой миръ кругомъ... Зачѣмъ намъ мучиться? Развѣ мы сдѣлали что-нибудь дурное?.. И развѣ мы могли не встрѣтиться? О, Николенька, помоги мнѣ!.. Будемъ какъ дѣти... Оцѣни это мгновеніе... Вѣдь оно не вернется. Мы одни сейчасъ съ тобой, Николенька... Во всемъ мірѣ одни!

Почему онъ такъ блѣденъ?.. И такъ странно глядитъ? И почему отчаяніе растетъ въ ея собственной душѣ, которая заметалась и забилась, какъ свѣча на вѣтру. Онъ такъ крѣпко держитъ ее за руки, что ей больно. Голосъ ея, ея смятеніе отравой проникаютъ въ его кровь.

— Николенька,—жалобно, безпомощно срывается у нея,—скажи мнѣ, что ты счастливъ!.. Я буду рада за тебя... Скажи мнѣ, что ты счастливъ!.. Я всѣ эти годы видѣла тебя сильнымъ, надменнымъ... Почему ты не такой?

Онъ бросаетъ ея руки и падаетъ лицомъ на землю, у ея ногъ.

Она сидитъ одно мгновеніе недвижно, словно оцѣпенѣвъ, съ полуоткрытыми губами, глядя передъ собой въ одну точку.

— Развѣ... ты не... разлюбилъ меня, Николенька?

Она слышитъ глухое, безслезное рыданье.

Все никнетъ въ душѣ ея. Все рушится. Все меркнетъ. Встала огромная, темная волна. „Я погибла“, чувствуетъ она.

Онъ лежитъ лицомъ внизъ, и все его тѣло содрогается.

— Николенька... дитя мое дорогое...

Нѣтъ словъ... Все безсильно и блѣдно передъ великимъ порывомъ, подхватившимъ ее. Она поднимаетъ его голову, прижимается лицомъ къ его лицу и гладитъ его волосы. Его длинныя рѣсницы щекочутъ ея щеку. И сердце ея опять дрожитъ отъ умиленія.

— Мари... Я недаромъ боялся тебя... Ты ушла... но жизнь мою ты разбила...

— Развѣ ты не любишь Катю?

— Нѣтъ, Боже мой!.. Нѣтъ! Я жаждалъ обмануть себя... Я думалъ, что люблю ее... Вся моя жизнь, всѣ эти годы—сплошная ложь... Я мечталъ о тебѣ... всѣ ночи... всѣ сны только съ тобой...

Безумная жажда прижаться къ его сердцу, стихійная жажда жертвы, самоуничтоженія въ любви—все растетъ въ душѣ ея, парализуя волю. Ее зовутъ куда-то его потемнѣвшіе глаза.

— Я люблю тебя, Николенька,—шепчетъ она безсознательно.

— Мари... Что ты сказала?

Она даетъ обнять себя. Онъ цѣлуетъ ея лицо, ея губы. На секунду ей кажется, что она лишится сознанія отъ остраго блаженства. Развѣ не это правда? Единая въ мірѣ правда?

Что такое?.. Шорохъ... Трепетъ крыльевъ, скрипучіе голоса... Маня отстраняется первая... Ахъ, это гуси. Остановились, испуганные у пригорка, тревожно заговорили. Бѣгло кланяется, проходя мимо, босоногая дѣвочка. Машинально Маня киваетъ ей... Видѣла она ихъ или нѣтъ?.. Ахъ, все равно!.. Все равно теперь...

Выпрямившись и закрывъ глаза сидитъ онъ у ея ногъ.

Что-то случилось сейчасъ, роковое и безповоротное. Что-то огромное и грозное стало на его дорогѣ и отбросило зловѣщую тѣнь въ его душу, гдѣ угасли мгновенно порывы. Опять, какъ тогда, въ Венеціи, онъ стоитъ у какого-то предѣла, у какого-то порога. Еще шагъ... а тамъ — Молчанье.

Она первая встаетъ и, пошатнувшись, вся разбитая, опирается на его плечо.

Они идутъ медленно, рука съ рукой среди темнѣющихъ полей, не замѣчая своего безмолвія.

Вдругъ онъ останавливается.

— Неужели мы никогда не встрѣтимся, Мари?

— Это невозможно, Николенька!.. Я умру, если ты исчезнешь опять изъ моей жизни... Еще разъ.. одинъ разъ... Я не все сказала... Душа моя голодна... Я должна сказать, какъ я люблю тебя, дитя мое... какъ я безумно тебя люблю...

— Какой ужасъ, Мари!.. Ужасъ и счастье...

— Боже мой! Какъ я вернусь домой? Какъ я проживу эту ночь?.. Домой? Но гдѣ мой домъ? (Она болѣзненно смѣется.) Развѣ не тамъ, гдѣ ты?

Она обнимаетъ его шею руками и плачетъ.

— Мари... Не плачь!.. Это ужасно... Послѣднее мужество покидаетъ меня...

Его рука гладитъ ея волосы. Она вся притихла подъ этой лаской. Она улыбается сквозь слезы.

— Ахъ... вотъ эта нѣжность твоя... я такъ страстно мечтала о ней когда-то... я какъ рая добивалась ея... Вѣдь это самое страшное, пойми, Николенька!.. Все можно вспомнить холодно. Все можно забыть... Но вотъ эту ласку... Что мнѣ дѣлать теперь? Что мнѣ дѣлать?.. Что?.. Что?..

Она опять плачетъ, припавъ къ его плечу. Вдругъ она поднимаетъ голову.

— Развѣ тебѣ не страшно, Николенька, сейчасъ?

— Да... мнѣ страшно... И я знаю, почему... Потому, что я не могу жить безъ тебя... и... не смѣю жить съ тобой...

— Вотъ... вотъ... ты это почувствовалъ... Смерть всегда рядомъ съ такой любовью... Я это знаю... я это уже испытала...

Онъ страстно прижимаетъ ее къ себѣ.

— Умремъ вмѣстѣ, Маня!—слышитъ она его голосъ, полный отчаянія.

Онъ приникаетъ къ ея губамъ. И вся содрогаясь, и вся блѣднѣя сама, она съ ужасомъ и упоеніемъ вновь чувствуетъ свое безволіе передъ этимъ человѣкомъ. Точно земля уходитъ изъ-подъ ногъ. Темный голосъ могучаго инстинкта зоветъ ее изъ таинственной бездны. Темныя волны встаютъ и гасятъ сознаніе. Она ихъ помнитъ... Она знаетъ ихъ значеніе... Душа жаждетъ рабства. Нѣтъ больше свободы... Кончено... Кончено все!..

Скрипитъ телѣга. Кто-то ѣдетъ съ хутора. Звучатъ голоса.

Объятіе расторгнуто. О, съ какой болью!.. Стиснувъ руки, не въ силахъ унять внутренней дрожи, Маня напряженно вглядывается въ сумракъ. Ее узнаютъ?.. Все равно...

Телѣга поровнялась. Простыя, незнакомыя лица. Простая, невѣдомая жизнь. Почтительно снимаются шапки. Покорно склоняются головы. Минулъ трудовой день. Насталъ часъ отдыха и сна.

Почему такъ пристально глядитъ Маня вслѣдъ этимъ людямъ? Что силится она понять? Какой тайный смыслъ во всемъ? Въ этой безшумно надвигающейся ночи? Въ этой встрѣчѣ съ чужими людьми, нарушившими блаженство двухъ душъ, созданныхъ другъ для друга, разлученныхъ судьбой, и все-таки годами стремившихся слиться и исполнить этимъ высшій законъ жизни? Какой смыслъ въ лихорадкѣ, охватившей тѣло? Въ этомъ призывѣ: „Умремъ вмѣстѣ!..“ Ахъ, этотъ голосъ! Эта ласка... Какъ вытравить ихъ теперь изъ памяти?.. И сквозь туманъ душевнаго смятенія она съ изумленіемъ видитъ новое одухотворенное лицо его любви. Сколько надо было ему выстрадать, чтобъ очистить душу отъ чувственности и отъ жажды мести! Побѣда?.. Да... Но это еще страшнѣе.

— Мари... совсѣмъ стемнѣло, и на сегодня мы должны разстаться... Это ужасно... Но мы должны... Твой мужъ...

— Молчи! У меня нѣтъ мужа... Неужели ты этого не понялъ, Николенька, сейчасъ... вотъ въ эти мгновенія? Неужели ты не понялъ, что я твоя жена передъ Богомъ, передъ этимъ небомъ... И что нѣтъ никого и ничего между нами?

Потрясенный ея голосомъ, онъ закрываетъ глаза... И вдругъ

Катя, жалкая, обманутая, маленькая Катя—такая близкая и чужая въ то же время—точно выглянула на него изъ мрака.

Словно угадавъ его мысли, Маня беретъ его ослабѣвшую руку въ свои.

— Николенька, говори, что я должна сдѣлать? Идти за тобой? Исчезнуть изъ твоей жизни? Приказывай!.. Я сдѣлаю все... У меня найдутся силы... Обо мнѣ не думай... Нѣтъ жертвы, предъ которой я остановилась бы, чтобы видѣть тебя счастливымъ... или хотя бы спокойнымъ, какимъ ты былъ всѣ эти годы... Вѣдь ты же умѣлъ прожить безъ меня... Говори!.. Моя любовь не дрогнетъ ни передъ чѣмъ! Лишь бы ты не страдалъ...

— Зачѣмъ ты вернулась, Мари?—срывается у него какъ стонъ.

Она обнимаетъ его голову. Какъ мать свое дитя прижимаетъ его къ себѣ.

— Николенька, если-бъ когда-нибудь я предполагала, что ты будешь страдать... Я чувствовала, что ты меня не забылъ. Ты не изъ тѣхъ, кто забываетъ. Но мнѣ вѣрилось, что ты можешь помириться на маломъ... Я вижу, что ошиблась... Николенька, какое безуміе разлучило насъ, созданныхъ другъ для друга?

Она слышитъ запахъ его тѣла, его милое дыханье. На губахъ ея еще остался вкусъ его поцѣлуевъ. Но жажда отдаться ему не томитъ ее больше. Великая нѣжность и великая печаль поглотили ея страсть, какъ волна покрываетъ берегъ, и унесли съ собой страданья неудовлетвореннаго, божественно-прекраснаго порыва.

— О, Мари!.. Ты была моею когда-то...

— Но что же измѣнилось? Я опять твоя душой и тѣломъ...

— Неправда! Ты замужемъ. Я женатъ... Для тебя, знаю, это не имѣетъ значенія... но я чувствую иначе... Я потерялъ всѣ права... Я потерялъ тебя навсегда...

Она горько смѣется.

— О какихъ правахъ говоришь ты?.. Развѣ ты не чувствуешь, что это ложь?.. Ложью полна твоя жизнь съ Катей, если ты любишь меня... И могу ли я назвать Марка мужемъ... послѣ этой встрѣчи съ тобой?

— Ты все еще любишь его, Мари!—ревниво срывается у Нелидова, и онъ крѣпко прижимаетъ ее къ своей груди, съ безумной жаждой разрушенія и жестокости.—О, я и сейчасъ ненавижу тебя за обманъ и измѣну!

— О, Боже, Боже!.. Какъ ты далекъ отъ меня, Николенька!.. На одинъ только мигъ ты почувствовалъ истину. И вотъ опять... опять ты ушелъ отъ меня... Николенька, моя душа богата, и я

многими увлекалась. Но тебя *я люблю*... Я никогда тебя не проклинала... Даже когда умирала, отвергнутая тобой, я любила тебя... тебя одного...

Внезапно два силуэта вырастаютъ изъ сумрака. Вздрогнувъ отъ неожиданности, они замираютъ на мѣстѣ... Бѣлое платье Мани выдало ея присутствіе. Маня видитъ широкополую шляпу одного, картузъ и узкія плечи другого... Что-то знакомое... Бѣлое пятно лица глядитъ на нее изъ полумрака.

Черезъ мгновеніе шаги ихъ стихаютъ вдали.

Весь пронизанный неудержимой дрожью страсти, Нелидовъ шепчетъ:

— Намъ не даютъ ни минуты покоя!.. А ты сейчасъ покинешь меня...

— Если ты хочешь, я никогда не покину тебя, Николенька!.. Одно твое слово, и сейчасъ, не возвращаясь домой, мы уйдемъ на станцію... а тамъ... предъ нами весь міръ...

Волшебствомъ вѣетъ на него отъ этихъ словъ, отъ этого голоса... Это его прежняя, безумная Маня. Все та же язычница, съ грѣшной рѣчью, съ загадочнымъ и неодолимо-влекущимъ его міромъ въ ея темной душѣ.

— Нѣтъ, Мари... Я не могу бѣжать какъ трусъ... И презирая себя жить я не согласенъ... Завтра тяжелый день... Нынче ужасная ночь... Я долженъ выбрать и рѣшить... Но завтра... (онъ опять притягиваетъ ее къ себѣ) завтра, на закатѣ мы должны встрѣтиться во что бы то ни стало!.. Да?.. Да?

— Гдѣ, Николенька?—покорно спрашиваетъ она.

И порывъ его гаснетъ.

Словно читая въ его душѣ, она, горестно улыбаясь, смотритъ въ темное небо. Гдѣ кровъ, который пріютилъ бы ихъ? Гдѣ ложе ихъ любви?

Она кладетъ руки ему на плечи.

— Мы не можемъ видѣться ни у тебя, ни у меня... Только подъ этимъ небомъ, среди этихъ полей, Николенька, мы можемъ любить другъ друга. Я скажу тебѣ, гдѣ должна быть наша встрѣча... Тамъ гдѣ свершилась наша судьба... въ нашей священной рощѣ... помнишь?

Невольный трепетъ охватываетъ Нелидова при воспоминаніи о мгновеніяхъ жизни, для которыхъ, ему казалось, онъ только и пришелъ въ міръ.

— Мари... я чувствую, что иду на гибель... Пусть! Я не могу иначе... Ты придешь завтра... Я буду ждать тебя у обрыва...

— Да...

— Въ восемь... Дорогу ты знаешь?

— Да...

— Не побоишься идти?

— Нѣтъ...

— Боже мой! Если ты не придешь... Если что-нибудь помѣшаетъ... Я не переживу этой ночи, Мари...

— Я приду, Николенька... Нѣтъ силы, которая остановила бы меня!.. Отвѣть мнѣ одно: послѣ этой ночи будешь ты попрежнему счастливъ и спокоенъ?

— Не знаю... Не знаю ничего... Я точно ослѣпъ... Ничего впереди не вижу. Только эта одна мысль меня жжетъ и терзаетъ. О, Мари!.. Быть вдвоемъ съ тобой... среди безмолвія ночи... держать тебя у моего сердца... Видѣть тебя опять покорную, любящую, въ слезахъ... моей, моей безраздѣльно...

— О говори, говори, еще... Какой рай!..

— Мари... сколько разъ за эти годы я обнималъ тебя во снѣ и наяву... лежа съ открытыми глазами (рядомъ съ женой... хочетъ сказать онъ, но смолкаетъ)... Сколько разъ, какъ о величайшемъ благѣ жизни, я мечталъ увидѣть тебя хоть издали... И вотъ опять ты со мною... И любишь?.. Мари... я никогда-никогда не забывалъ тебя... И если бы я смѣлъ отдать тебѣ жизнь...

— Она моя, Николенька!.. Я знаю, стоитъ мнѣ захотѣть, и ты бросишь все и уйдешь за мною... Презирая себя, уйдешь... Но эту жизнь я тебѣ дарю. Блѣдную, тусклую жизнь рядомъ съ нелюбимой женой... но зато безъ раскаянія, безъ угрызеній совѣсти,—я тебѣ ее дарю... Я ничего отъ тебя не потребую... Ни одной капли горечи я не волью сознательно въ твою душу... Будь счастливъ, Николенька, безъ меня, если можешь!.. Возможно, что завтра, когда угаснетъ твой порывъ, ты будешь холодно вспоминать обо мнѣ и вернешься опять къ женѣ своей... Нѣтъ... подожди! Выслушай... Возможно, что ты опять не оцѣнишь моей жертвы... что ты въ глубинѣ души, тамъ... куда не доходитъ сознанье... все-таки осудишь меня... какъ язычницу, которую ты никогда не понималъ. Значитъ, ты не любилъ меня. И въ тебѣ говорило одно желанье... Пусть! Я на все иду, я все прощу тебѣ, Николенька... Все смиренно приму отъ тебя... Нѣтъ границъ моей готовности... И вотъ теперь... ты дрожишь отъ желанья... А мнѣ хочется молиться... Мнѣ хочется благословить жизнь за то, что она создала меня для твоего наслажденія...

Они разстались, наконецъ. Съ невыразимой мукой оторвались другъ отъ друга. И пошли разными дорогами,—они,—самой судьбой призванные идти однимъ путемъ.

Такъ думаетъ, такъ чувствуетъ Маня, въ полной темнотѣ спустившись по тропинкѣ, къ греблѣ. Она стоитъ неподвижно. Шевельнулись неподалеку какіе-то силуэты. Качнулись и побѣжали какія-то тѣни. Кусты зашелестѣли надъ головой... Маня стоитъ, какъ бы оцѣпенѣвъ, и слушаетъ затихающій вдали звукъ шаговъ.

„Куда идетъ онъ?.. *Домой.* Къ женѣ... Онъ — мой... душой и тѣломъ... Что будетъ онъ дѣлать сейчасъ?.. Ужинать... Потомъ спать... рядомъ съ женой, весь полный однимъ стремленіемъ ко мнѣ... И онъ не осквернитъ свой порывъ, отдавъ его другой женщинѣ... вотъ этой маленькой Катѣ, случайно почему-то очутившейся въ его постели. Онъ отвернется отъ ея молящаго взгляда. Онъ отодвинется отъ ея смуглаго тѣла. Онъ мой сейчасъ! Я взяла его душу, его помыслы, его желанья. Надолго ли?.. Все равно! Онъ это понялъ не умомъ, а сердцемъ... Но какимъ преступнымъ чувствуетъ онъ себя сейчасъ передъ этой ничтожной Катей! Какимъ виноватымъ взглядомъ отвѣтитъ онъ ей!.. Бѣдный Николенька!.. Онъ только сейчасъ почувствуетъ цѣпи, которыя надѣлъ на себя добровольно. И ему не придетъ въ голову разорвать ихъ и вырваться на свободу. Что свобода такимъ, какъ онъ? Пустой звукъ... И завтра, разставшись со мною, онъ будетъ презирать себя, а не благословлять судьбу за мигъ радости. Онъ постарается меня забыть..."

Еле передвигая ослабѣвшія ноги, она идетъ по широкому двору, мимо цвѣтниковъ и фонтана. Чьи-то лошади фыркаютъ въ сторонѣ. Горятъ огни фонарей. Кто-то пріѣхалъ... О, Боже! Пожимать ненужныя руки... слушать разговоры о вещахъ. Теперь? Послѣ того, что пережито?

Она подходитъ къ рѣшеткѣ парка.

„А куда я иду сейчасъ? Зачѣмъ иду?.. Чтобы видѣть страдающее лицо Марка, его ревнивые и больные глаза? Чтобъ играть предъ всѣми роль его жены? Зачѣмъ этотъ обманъ? Кому онъ нуженъ? „Гдѣ твои клятвы?" спроситъ онъ меня... Молча спроситъ. Безъ словъ. Однимъ бѣглымъ взглядомъ. И что я отвѣчу ему?.. Развѣ я искала встрѣчи? Развѣ я могу избѣгнуть судьбы моей?.. Развѣ у меня не было своей жизни, новой, осмысленной, прекрасной? И развѣ что-нибудь осталось отъ всѣхъ этихъ гордыхъ плановъ и надеждъ?.. Какъ блѣдны и жалки всѣ наши усилія, чтобъ обмануть судьбу!"

— Это ты, дядя?.. Гдѣ Маркъ?

— Не знаю... Я ушелъ, тамъ гости... Шумятъ... Мнѣ жутко, Маня... Я опять боюсь чего-то... Гдѣ ты была?.. Я такъ давно жду тебя здѣсь...

Она только тутъ чувствуетъ, что силы покинули ее. Все ея

напряженіе падаетъ разомъ. Не надо утѣшать. Не надо убѣждать. Не надо жертвовать. Не надо бороться... Она прижмется къ груди несчастнаго, преданнаго ей старика, и онъ поведетъ ее черезъ темный паркъ туда, гдѣ ждетъ ее покой и молчанье... Ахъ, никого не видѣть и быть одной...

— Ты страдаешь, Маня?

— Нѣтъ...

— Ты опять была съ тѣмъ?..

— Да...

— Кто онъ, Маня?

— Я люблю его...

— Но у тебя мужъ есть, дитя мое...

— Это ошибка, дядя, это сонъ... Довольно! Не говори... Я устала... Я смертельно устала...

Опершись на его руку, медленно идетъ она по темной аллеѣ. На террасѣ горитъ огонь, звучатъ голоса Вѣры Филипповны и дядюшки. Маня идетъ черезъ другую террасу въ свою комнату. Фрау Кеслеръ выходитъ въ корридоръ.

— Куда ты пропала? Здѣсь Соня и ея мать. Онѣ уѣзжаютъ... Выйди хоть на минутку...

— Нѣтъ... нѣтъ!.. Я хочу быть одна... Я лягу сейчасъ...

— Неужели у тебя лихорадка?.. Зачѣмъ гуляешь послѣ заката солнца?.. Здѣсь кругомъ болото... Хорошо, я скажу имъ, что ты больна...

XIII.

Она лежитъ у себя лицомъ внизъ, вся распухшая отъ слезъ, обезумѣвшая отъ боли. Жгучая тоска вырываетъ стоны. Она кусаетъ руки, чтобы заглушить ихъ... Кто-то ходитъ тамъ за дверью, кто-то шепчется... Маркъ?.. Агата?.. Нѣтъ, она не можетъ ихъ видѣть!.. Разбитая, поверженная въ прахъ лежитъ она здѣсь, эта знаменитая, талантливая артистка, которой жизнь подарила все. Она завидуетъ каждой бабѣ, которая спитъ сейчасъ рядомъ съ любимымъ мужемъ и покорно, но какъ право свое, принимаетъ его грубыя ласки. Зачѣмъ она здѣсь, въ этомъ дворцѣ, въ этихъ комнатахъ, когда душа ея далеко?.. Когда *онъ* тамъ, въ своемъ домѣ, также рвется къ ней всѣми мыслями, всѣми желаніями?.. Свобода души?.. Смѣшно... На что она ей, когда эта душа жаждетъ подчиненія? Жалкимъ бредомъ кажется ей все, что она выдвигала, какъ оплотъ, противъ страсти. Пораженіе?.. Ну, и пусть пораженіе!.. Позоръ? Пусть позоръ!.. Измѣна Марку?.. О Боже, какъ все это ничтожно, если, даже измѣнивъ себѣ, она не чувствуетъ ни стыда, ни горечи!

Боль стихла, наконецъ... Нѣтъ слезъ. Она лежитъ съ закрытыми глазами, безсильная, апатичная...

...Далеко передъ нею до безкрайнаго ослѣпительнаго горизонта бѣгутъ блѣдно-зеленыя пронизанныя солнцемъ волны Адріатики. Бѣлѣетъ ровный песчаный пляжъ Лидо. Какъ пустынно здѣсь въ будни!.. У цвѣтника, передъ отелемъ, не кричатъ дѣти. На террасѣ, надъ моремъ, не шумитъ надоѣвшая толпа туристовъ. Осликъ везетъ по единственной аллеѣ отъ пристани до пляжа игрушечный экипажъ съ двумя дѣтьми. И странно видѣть его въ этомъ городѣ, гдѣ нѣтъ лошадей... „Ослику скучно", думаетъ Маня. „У него нѣтъ друга въ Венеціи... Бѣдный осликъ!.."

Она открываетъ глаза. Что такое?.. Почему она вспомнила о Лидо, гдѣ была два года назадъ на морскихъ купаньяхъ?.. Волны, волны... Зеленыя волны, катящіяся изъ безконечности... Брызги соленой воды, которыя вѣтеръ бросаетъ въ глаза, и шипящая пѣна вокругъ... и нестерпимый блескъ солнца вдали...

Да, это было два года назадъ. Она купалась въ морѣ. Внезапно перемѣнился вѣтеръ, и поднялось волненіе. Всѣ ушли, она осталась. Ей кричали. Она отвѣчала радостнымъ смѣхомъ, опьяненная растущей вокругъ тревогой. Волны шли на нее, прозрачно-зеленыя, словно тѣло медузы. Поднимали ее и опускали бережно. Вдругъ она оглянулась, и ужасъ захватилъ дыханіе. Надвигалась чудовищная волна, закрывшая горизонтъ, какъ сѣро-зеленая движущаяся стѣна... „Конецъ!.." отчетливо подумала Маня. Она кинулась къ канату и судорожно уцѣпилась за него. Но въ ту же секунду водяная гора ринулась на нее, ослѣпила, задушила, оторвала и, какъ щепку перевернувъ ее, понесла въ открытое море.

Ее съ трудомъ спасли. И долго потомъ она не могла оправиться отъ обморока и потрясенія.

Маня глядитъ передъ собой, сдвинувъ брови.

Та же волна, роковая и неотвратимая, внезапно поднялась нынче въ душѣ ея, унесла и уничтожила все, что она строила годами съ любовью и вѣрой, все, надъ чѣмъ билась и работала она съ упорствомъ и отчаяніемъ. Весь новый строй души ея рухнулъ разомъ подъ напоромъ этой страшной волны. Имя ей *Женственность*.

Не это ли самый могучій, самый предательскій инстинктъ? Это онъ топчетъ цвѣты, распускающіеся на зарѣ. Это онъ гаситъ огни въ алтарѣ. Это онъ беззвучно во мракѣ нашего подсознанія, въ ночной тиши, душитъ великія стремленія и высокіе порывы, родившіеся днемъ. Это онъ подстерегаетъ насъ на всѣхъ путяхъ и перепутьяхъ. Нападаетъ, какъ хищникъ. И, скрутивъ руки, цинично смѣясь надъ нашими мечтами, ведетъ насъ за собой... Куда?

О, ему все понятно... Онъ видитъ только свою цѣль, для которой всѣ мы съ нашей гордостью, съ нашими идеалами—только средство... Горе побѣжденному въ этой борьбѣ! Не подняться душѣ, пожелавшей рабства...

Она лежитъ съ закрытыми глазами, задерживая дыханье. И на губахъ ея блуждаетъ улыбка. О, блаженство!.. Она вспоминаетъ, какъ прижалась лицомъ къ его лицу въ великомъ порывѣ нѣжности. И какъ его длинныя рѣсницы защекотали ея щеку. „Какъ у Ниночки", думаетъ она. И опять душа запѣла. И опять сладкія слезы жгутъ глаза Мани. Кто кромѣ него далъ ей такія минуты знойной нѣжности и безкрайной жалости? Ея дитя... Ея Нина, когда на колѣняхъ у ея постельки она глядѣла на спящую дѣвочку и молила Бога направить на нее самое всѣ удары жизни, чтобъ отвратить ихъ отъ этой головки... Какими блѣдными кажутся ей теперь минуты, пережитыя съ Маркомъ, — это темное наслажденіе чувственности... И еще блѣднѣе холодная радость ея любви къ Гаральду. Странное „головное" чувство... Нелидовъ былъ и остался господиномъ. Онъ одинъ будилъ инстинктъ покорности въ ея мятежной душѣ. Тамъ владѣла она. Здѣсь владѣютъ ею. Тамъ она брала и требовала все, ничѣмъ не платя. Здѣсь она все отдаетъ покорно и радостно. Тамъ она была личностью. Здѣсь она женщина.

„Я устала", думаетъ Маня. „Устала бороться, устала стремиться. Не надо усилій... Отдать себя всю. Покорно принять обычную долю... Ахъ, если впереди долгая жизнь, я всю отдала бы ее, чтобъ вернуть этотъ дивный, этотъ страшный мигъ, когда онъ сжалъ меня въ объятіяхъ и сказалъ мнѣ: „*Умремъ вмѣстѣ*..." Не вернуть этого мига! Не вернуть никогда!"

Она внезапно поднимается на кушеткѣ и смотритъ въ открытое окно. Черезъ кружевную занавѣску глядитъ на нее нѣмая ночь.

Почему никогда? Развѣ они не встрѣтятся завтра?.. Развѣ она не дала ему слово?.. Что помѣшаетъ ей? Смерть... Одна смерть...

А потомъ?

Всѣ черты ея напряженнаго лица какъ бы опускаются. Она опять ложится, полная усталости. Только пальцы тихо рвутъ мокрый отъ слезъ комочекъ платка.

Она не знаетъ, она не хочетъ знать, что будетъ потомъ... Жизнь или смерть?.. У всякой сказки есть свой конецъ, и наступаютъ будни. Но стоитъ ли тогда жить полюбившему сказку?

Легкій стукъ въ дверь.

— Ты, Маркъ?.. Войди...

Онъ тихо входитъ, и вспархиваетъ кружевной занавѣсъ у окна.

Онъ идетъ безшумно, весь сгорбившись, какъ бы въ ожиданіи удара. Если она узнала все...

— Тебѣ письмо,—говоритъ онъ глухимъ измѣнившимся голосомъ.—Можно сѣсть?

— Садись, Маркъ,—ласково и грустно отвѣчаетъ она.

„Не узнала... нѣтъ... Ударъ отсроченъ... Надолго ли? Все равно... Я еще смѣю прижаться къ ея рукамъ. Она не оттолкнетъ меня съ отвращеніемъ и ненавистью. О, Боже! Благодарю тебя за эту отсрочку... Я слишкомъ усталъ...“

Она смотритъ на штемпель и заграничную марку. Письмо изъ Парижа. Пишетъ Иза. О театрѣ, конечно, который она уже сняла. Она ждетъ Маню на открытіе въ августѣ. Боже, какой бредъ! Какъ все это далеко...

Не дочитавъ, она роняетъ письмо на полъ. Штейнбахъ поднимаетъ его и кладетъ на столъ.

— Я получилъ тревожныя извѣстія, Маня... Ты можешь слушать?

— Да... говори... Я вообще рада, что ты пришелъ...

Она протягиваетъ ему горячую руку, которую онъ цѣлуетъ.

— У тебя лихорадка, Маничка?

— Ахъ, если бы это было такъ просто!.. Ну, говори...

— На заводѣ бунтъ... Я получилъ телеграмму и долженъ ѣхать...

— Когда? Когда ѣхать?

— Сейчасъ... Мое присутствіе необходимо. Меня любятъ, мнѣ довѣряютъ. Боюсь, что я уже опоздалъ... Этотъ идіотъ управляющій изъ шкурнаго страха—его окна побили камнями—обратился безъ моего разрѣшенія къ губернатору за помощью. Этого я не могу допустить... Я смѣню его нынче же... Я уже телеграфировалъ, что выѣзжаю... Тамъ несомнѣнно провокація... Но все это выяснится только потомъ... Я прямо въ отчаяніи, когда подумаю, что губернаторъ поусердствуетъ, не дождавшись моего пріѣзда...

Манѣ вдругъ вспоминается чье-то бѣлое лицо въ сумракѣ... двѣ тѣни, вынырнувшія откуда-то внезапно сегодня, когда она стояла съ Нелидовымъ. Все это она видѣла безсознательно. Вспомнила сейчасъ...

— Маркъ, постой... У меня былъ Измаилъ... Онъ...

— У тебя?? Зачѣмъ?

— Это между нами, Маркъ... Я дала ему чекъ... онъ просилъ...

— Что ты сдѣлала, Маня? Теперь мы пропали.

— Почему?.. Почему?..

— Его выпустили. Но его подозрѣваютъ въ покушеніи на Нелидова...

— Боже мой!..

— Мнѣ это вчера только сообщилъ шифрованнымъ письмомъ одинъ вѣрный человѣкъ изъ Кіева. Слѣдятъ и за Розой. Я сейчасъ былъ у нея... Она говоритъ, что Измаилъ исчезъ. Я этому не вѣрю... Кто напалъ на Галагана вчера ночью, когда онъ ѣхалъ со станціи? Если-бъ онъ защищался, его убили бы. У него отняли большую сумму...

— Онъ никого не узналъ?—нервно перебиваетъ Маня.

— Нѣтъ... Было темно... Но если теперь Измаила арестуютъ съ твоимъ чекомъ...

— Милый Маркъ, но вѣдь и за нами слѣдятъ давно.

— Почему ты думаешь?

— Мнѣ это сказалъ Измаилъ... Просилъ предупредить тебя.. Прости, Маркъ, я забыла... Я потеряла голову...

Штейнбахъ подходитъ къ окну, далеко высовывается изъ него, пристально смотритъ во мракъ... Что-то бѣлое тамъ, у кустовъ...

— Погаси огонь, Маня,—быстро говоритъ онъ.

Въ наступившей разомъ темнотѣ Штейнбахъ видитъ на фонѣ кустовъ, у дорожки, смутный силуэтъ, качнувшійся во мракѣ. Видитъ передвинувшееся бѣлое пятно лица... Слышенъ легкій шорохъ... скрипъ шаговъ по гравію... Штейнбахъ запираетъ окно и спускаетъ штору.

— Теперь зажги огонь,—холодно, съ полнымъ самообладаніемъ говоритъ онъ.—Жаль, что ты ничего не сказала мнѣ раньше... Хуже всего то, что ищутъ Василія Петровича... Онъ успѣлъ скрыться изъ Лодзи. Я вчера получилъ письмо отъ его товарища. Но если...

— Что ждетъ его тогда, Маркъ?

— Теперь? Послѣ его побѣга изъ тюрьмы, годъ назадъ, и убійства часового? Висѣлица.

Маня закрываетъ лицо руками.

— Маничка, у меня есть еще одна забота... Только не падай духомъ! Надежда Петровна арестована на границѣ... Нынче губернаторъ сообщилъ мнѣ это по телефону. Въ имѣніи ея сестеръ назначенъ обыскъ. Ты понимаешь, чѣмъ это намъ грозитъ?

— Какое несчастіе!

Штейнбахъ садится рядомъ на кушеткѣ и обнимаетъ Маню.

— Маничка, ты должна уѣхать немедленно... Можешь ты ѣхать?

— Когда? — со страхомъ спрашиваетъ она, стараясь отстраниться и заглянуть ему въ глаза.

— Если-бъ не этотъ бунтъ, мы уѣхали бы завтра...

— Боже мой!

— Но завтра я не успѣю. Ты же можешь ѣхать съ Ниной и фрау Кеслеръ... Тебя ничто здѣсь не удерживаетъ?

Она молчитъ, спрятавъ голову на его груди.

— Маня, повторяю: положеніе очень серьезно. И я не хочу этого скрыть. Губернаторъ уже намекнулъ мнѣ, что у тебя „экзальтированная головка"... Онъ знаетъ что-то... Быть можетъ, немного, но и этого достаточно, чтобъ арестовать тебя... Онъ не выдастъ. Но я боюсь другихъ...

— Что такое?

Штейнбахъ говоритъ шопотомъ, прижимая ее къ себѣ:

— Ищутъ французскую артистку Berthe Deschamps, которая вдвоемъ съ madame Révier прибыла въ Москву 6-го іюля и остановилась въ гостиницѣ *Парижъ*...

— Маркъ... Но кто же могъ узнать меня? Я никуда не выходила. И пробыла въ Москвѣ всего одинъ день. А Надежду Петровну никто въ Москвѣ не знаетъ. Мы все сдѣлали, какъ ты училъ насъ... Она вышла гулять и не вернулась въ гостиницу къ ночи, а прошла на Остоженку, въ квартиру этой старушки, гдѣ была ея сестра... А я...

— А ты?..

— Постой... Нѣтъ... Я тоже сдѣлала все, что нужно... Расплатилась за насъ обѣихъ. Выѣхала на Николаевскій вокзалъ въ этотъ же вечеръ, отмѣтилась въ гостиницѣ, что ѣду въ Петербургъ и... да... конечно... бросила свой коффръ почти пустой на вокзалѣ... а сама вернулась къ тебѣ... на Пречистенку... И шла пѣшкомъ до Садовой. Развѣ не такъ? Въ чемъ же я ошиблась?

— Нѣтъ, все такъ, — задумчиво говоритъ онъ. — Мы съѣхались только на Курскомъ вокзалѣ за четверть часа до отхода поѣзда. Я не вижу ошибки. Пока у *нихъ* однѣ догадки. Но если у нихъ явилась увѣренность, что Berthe Deschamps и ты одно лицо... Маня, ты видишь сама, что медлить нельзя... Вокругъ моей головы все суживается кругъ... Я-то, быть можетъ, еще сумѣю вывернуться... Маня, что держитъ тебя здѣсь? Ты хочешь еще разъ увидѣться съ нимъ?

— Да, Маркъ... еще разъ... въ послѣдній разъ... Потомъ я уѣду... Я сама не могу здѣсь дольше оставаться.

Онъ крѣпко прижимаетъ ее къ груди. „Наконецъ!" говоритъ его измученное лицо... О, эта послѣдняя страшная ставка! Эта послѣдняя роковая схватка съ судьбой...

— Когда ты вернешься, Маркъ?

— Утромъ или завтра днемъ... Я дамъ телеграмму...

— Тебя не убьютъ?

— Меня никто не тронетъ. Мнѣ некого бояться. Даже Измаила...

— Маркъ, вернись скорѣй! Не оставляй меня одну теперь... теперь, когда мнѣ такъ жутко... когда я потеряла дорогу...

— Ты любишь его, Маня?

— Я не разлюбила его, Маркъ! И въ этомъ весь ужасъ... Если онъ позоветъ, я уйду за нимъ на край свѣта... Но я знаю... я чувствую, что онъ не позоветъ... На это у него не хватитъ силы... Мнѣ надо бѣжать... бѣжать скорѣе... исчезнуть изъ его памяти... Вѣдь былъ же онъ счастливъ безъ меня всѣ эти годы... Кто знаетъ?.. Все проходитъ, все забывается... Я хочу, чтобъ онъ былъ счастливъ!

Штейнбахъ отодвигается.

„Только о немъ она думаетъ. Не о себѣ даже... Она любитъ его тѣмъ же великимъ чувствомъ, какимъ я люблю ее... Тутъ я безсиленъ...“

Она прижимается лицомъ къ его плечу.

— Маркъ... Маркъ... прости мою жестокость!.. Но неужели нужно лгать? Неужели ты самъ всего не видишь?.. Ты такой мудрый, такой тонкій... всегда читающій въ моей душѣ?

— Нѣтъ... нѣтъ... не плачь!—отвѣчаетъ онъ, гладя ея лицо.— Я цѣню твою правдивость... Говори все!.. Намъ обоимъ будетъ легче...

— Помнишь, Маркъ, я клялась тебѣ...

Онъ горестно вздыхаетъ.

— Я говорилъ: не надо клятвъ... Слова не могутъ измѣнить жизни...

— А!.. Ты это зналъ... Я — нѣтъ... Я искренно вѣрила, что готова пожертвовать для тебя всѣмъ... что даже встрѣча съ *нимъ* ничего не измѣнитъ... Но я не знала себя. Видишь... я не хочу лгать... Ты мудрый, ты знаешь душу женщины... скажи: что остановитъ ее въ ея стремленіи къ жертвѣ? Но ты, Маркъ, дорогъ и близокъ мнѣ попрежнему... О, это совсѣмъ другое!.. Люблю тебя, какъ друга... какъ брата... какъ вѣрнаго товарища... какъ силу мою и вѣру... Ты для меня выше всѣхъ людей. Не отнимай у меня любви твоей... Прости мнѣ заранѣе все, что будетъ... Это твое послѣднее испытаніе, Маркъ... Мы уѣдемъ вмѣстѣ. Начнемъ вмѣстѣ новую жизнь. Мнѣ надо что-нибудь большое, что-нибудь лучезарное, чтобъ забыть то, что я теряю сейчасъ...

Они долго молчатъ, тѣсно обнявшись передъ грознымъ лицомъ идущей судьбы, какъ двое беззащитныхъ, безпріютныхъ дѣтей, ночью въ полѣ застигнутыхъ грозой.

— Я это зналъ, — разбитымъ голосомъ говоритъ онъ, наконецъ.—Я ждалъ этого всѣ эти годы... я даже... предчувствовалъ это... да, Маня... и вашу встрѣчу... и все, что ты скажешь... вотъ эти твои добрыя слова... и (онъ въ ужасѣ на мгновеніе закры-

ваетъ глаза и, схвативъ ея голову, цѣлуетъ порывисто и съ отчаяніемъ все ея лицо)... О, Маня! Намъ не уйти отъ судьбы...

— Не уйти,—какъ эхо повторяетъ она, мгновенно угадавъ все, что онъ подумалъ, что онъ боялся высказать. Но лицо ея спокойно.

Онъ встаетъ и ходитъ, вѣрнѣе кружится по комнатѣ.

— Боже мой! Но какая сила влекла меня вернуться сюда, гдѣ мы встрѣтились... гдѣ ты любила меня?

Она, какъ обреченная, сидитъ, опустивъ голову. Эта страшная покорность такъ краснорѣчива, что послѣднія искры безумной надежды гаснутъ въ душѣ Штейнбаха. Его счастье погибло. Но съ тѣмъ большей силой воспрянула жажда спасти Маню. Нѣтъ!.. Нѣтъ!.. Нѣтъ!.. Бороться съ судьбой! Стать выше ея! Побѣдить въ себѣ ревность, боль... Открыть опять передъ нею ея будущее... Вырвать ея душу изъ этого плѣна...

Медленно, отрывисто, какъ бы сама съ собою говоритъ Маня:

— Вотъ я цѣлый часъ лежу и думаю... и стараюсь понять, что случилось? Какъ это могло случиться? Почему именно онъ? Такой далекій отъ души моей, такой несложный... Вѣдь ты ближе мнѣ, Маркъ. („И Гаральдъ былъ ближе", проносится мысль.) Вы оба... цѣнили личность во мнѣ... А *онъ* видитъ только женщину. Marion онъ презираетъ. Ему нужна покорная Мари... Неужели въ этой прямолинейности вся тайна его обаянія? Ваша любовь возвышенна и свѣтла. Его любовь темна и примитивна... Но она сильна, какъ смерть... Я это поняла теперь... я почувствовала ея фатальность... Я не хочу ее унизить... Я плачу отъ умиленія и счастья... Это любовь соловья къ своей подругѣ... Но развѣ даже въ маленькой птичкѣ страсть не сильнѣе инстинкта жизни? Какая это страшная сила, Маркъ!

— Страшная,—повторяетъ онъ съ странной покорностью.

— И сейчасъ... когда мы стояли рядомъ,—все, что таилось во мнѣ безсознательно... все, что дремало въ моемъ тѣлѣ... чего я не знаю... или что я забыла... все это рванулось къ нему... съ такой силой, что я ослѣпла на мгновеніе... Маркъ, мы были созданы другъ для друга. Что разлучило насъ?

Она падаетъ лицомъ внизъ, въ страстномъ порывѣ отчаянія.

Штейнбахъ не двигается, закрывъ глаза... О, если-бъ она не узнала!.. Если-бъ она никогда не узнала... Можно было бы еще жить... еще надѣяться на что-то...

Онъ переходитъ комнату и садится рядомъ.

— Маня,—тихо говоритъ онъ, съ отчаяніемъ чувствуя самъ безцѣльность своихъ словъ,—любовь Нелидова, новая жизнь съ нимъ, вѣдь это конецъ всему: творчеству, борьбѣ, общественной дѣя-

тельности... Это гибель всѣхъ возможностей... Вспомни эти годы работы надъ собой, твои страданья, ростъ твоей души... долгій тяжелый путь въ гору... Вспомни всѣ цѣнности, которыя ты со здала... Вспомни твое прекрасное отреченіе отъ Гаральда... Неужели все на смарку, когда заговорилъ инстинктъ? Знаю, трудно вос торжествовать надъ нимъ. Нелегко дается намъ свобода души... Но ты уже вышла побѣдительницей изъ всѣхъ испытаній... Еще на одну ступень поднимись!.. На послѣднюю. И жизнь будетъ завоевана... И неужели ты не чувствуешь твоей побѣды, величай шей побѣды духа въ томъ, что ты смотришь на Нелидова сверху внизъ... съ сознаніемъ собственнаго превосходства? И почему ты думаешь, что въ подчиненіи ему твое назначеніе? Развѣ прошлое не доказываетъ, что свобода тебѣ дороже любви? Ты все забыла Маня. А у меня хорошая память...

„Иронія... иронія...“ думаетъ Маня, лежа лицомъ внизъ. „Ка кая же это побѣда; когда я жажду умереть за него... быть рас топтанной его ногами?.. Ахъ, отдаться ему... Вотъ что я должна была сдѣлать нынче... Отдаться ему и умереть...“

„То-есть кончить тѣмъ, съ чего ты начала?..“ спрашиваетъ кто-то

„Кто? Неужели Маркъ?.. Неужели она не подумала, а вслухъ сказала эти страшныя слова?..“ Она въ страхѣ поднимаетъ голову Садится на кушеткѣ. Беретъ руку Штейнбаха и цѣлуетъ ее.

— Маркъ... прости меня...

Какъ обожженный, онъ выдергиваетъ руку и обнимаетъ Маню

— Ты меня прости... Найди въ своемъ сердцѣ жалость для меня... Будь справедлива... Не будь ко мнѣ жестокой...

— Маркъ... Что ты говоришь?

— Что бы ты ни услышала, дай мнѣ слово, что не проклянешь меня! Дай мнѣ слово, что ты не осудишь меня, не выслушавъ оправданія... Развѣ все, что я дѣлалъ, не клонилось только къ твоему счастью, къ твоему спасенію?

— Маркъ... Мнѣ страшно... я никогда не видѣла тебя такимъ

— Маня, близокъ часъ испытанья твоей любви ко мнѣ... До завтра!.. Я уѣзжаю. Ты будешь меня ждать?

— Да... да... да... Вернись скорѣй, скорѣе...

— Ты не... не придешь ни къ какому рѣшенію безъ меня?

— Нѣтъ... Безъ тебя? Нѣтъ...

— Поклянись мнѣ, Маня!

— Клянусь...

Онъ покрываетъ пламенными поцѣлуями ея лицо. Она съ ужа сомъ чувствуетъ отчаяніе въ его объятіи. И этого отчаянія онъ не можетъ скрыть. Кто знаетъ? Не послѣдняя ли это ласка ея

Не оттолкнетъ ли она его съ ненавистью, когда онъ вернется?.. Не назоветъ ли врагомъ, отнявшимъ ея счастье?

Они расходятся, погруженные каждый въ свой внутренній міръ, полные настоящимъ, гадая о будущемъ. Они забыли, что колеса бездушной машины, глухой къ живымъ человѣческимъ чувствамъ, уже захватили ихъ своими зубьями. А судьба, равнодушная къ побѣдителямъ и побѣжденнымъ,—таинственно и немолчно плететъ между тѣмъ непостижимый для человѣческаго разума, сложный узоръ жизни.

XIV.

Со свѣчой въ рукѣ и съ биноклемъ Маня сходитъ съ бельведера, откуда днемъ открывается далекій горизонтъ. Она смотрѣла вслѣдъ уѣзжавшему Марку, пока свѣтящіяся точки экипажныхъ фонарей не растаяли въ густомъ мракѣ.

Она сходитъ, слабо улыбаясь, по винтовой лѣстницѣ. Маркъ тоже навѣрное смотрѣлъ назадъ и видѣлъ огонекъ ея свѣчи.

Какъ болитъ голова! Который это часъ?..

Въ залѣ она останавливается... На что намекалъ Маркъ? Чего боится онъ? Какъ можетъ быть виноватымъ онъ передъ нею, — безмѣрно виноватой передъ нимъ?

Она долго стоитъ въ темной залѣ, задумавшись. Старается что-то вспомнить, что-то выяснить... Потомъ медленно идетъ въ кабинетъ мужа и зажигаетъ электричество.

Вотъ опять передъ нею прекрасное и трагическое лицо этой женщины, покончившей самоубійствомъ.

Вся подавшись впередъ, вытянувъ шею и полуоткрывъ губы, стоитъ передъ нею Маня. Совсѣмъ какъ тогда, въ Москвѣ... И смотритъ въ бездонные глаза еврейки. Что знаютъ они? Что говорятъ они? Куда зовутъ?.. Откуда этотъ ужасъ, струйкой холода бѣгущій по тѣлу?.. И кто, Таинственный, столкнулъ ихъ здѣсь, въ этомъ огромномъ мірѣ, живую и мертвую? Какой смыслъ и значеніе этого влекущаго взгляда? Почему нельзя оторваться отъ этого лица?

Что-то брезжитъ. Смутно брезжитъ впереди... Словно во мракѣ забѣлѣлъ новый манящій, невѣдомый путь. Не его ли безсознательно всегда предчувствовала Маня?

. . . .

— Кто это?.. Ты, Маня? — спрашиваетъ фрау Кеслеръ. — Охъ какъ ты блѣдна! Чего ты испугалась сейчасъ?

— Постой, Агата!.. Не запирай террасу! Я гулять пойду...

— Ночью?

— Только половина двѣнадцатаго... И я такъ привыкла...

— Ну, такъ надо отвыкать!—сердито говоритъ фрау Кеслеръ, выходя за Маней на террасу.—Ты не слышала, что разсказывали Горленко? Какъ на Галагана напали? Я прямо дрожу отъ страха за Марка Александровича... Когда, наконецъ, мы вернемся въ Парижъ? Я и празднику твоему не рада... Если-бъ Федоръ Филипповичъ не остался здѣсь ночевать...

— Развѣ онъ здѣсь?

— Маркъ Александровичъ просилъ его остаться...

Маня садится на ступеньки и смотритъ на звѣзды, проглядывающія сквозь вѣтви липъ.

— Все было и будетъ, Агата... Возвращается старое... Но ты не волнуйся. Послѣзавтра мы уѣдемъ... Можешь укладываться...

— Gott sei Dank!.. А твои именины какъ же?

— Объ этомъ не стоитъ и думать... Намъ не до празднествъ теперь...

— Откровенно говоря, мнѣ здѣсь нравилось прежде, но теперь я разучилась спать. Что за варварская страна! Грабятъ, стрѣляютъ, убиваютъ... Богъ знаетъ что!..

— Тсс!..

Приложивъ палецъ къ губамъ, Маня глядитъ во мракъ... Чьи-то шаги почудились ей...

— Ты слышала?—шопотомъ спрашиваетъ фрау Кеслеръ.

— Да... да... Но это сторожъ, должно быть... Остапъ, это вы?

Мракъ молчитъ.

— Уйдемъ! Um Gottes Namen...

— Уходи... Я не могу спать, Агата... Нѣтъ, останься! Не бросай меня здѣсь!.. Я съ ума сойду, если останусь сейчасъ съ своими мыслями... Сядь... слушай... Я встрѣтила Нелидова...

— Gott bewahre uns!.. Изъ-за этого ты плачешь?

— Не стоитъ плакать, по-твоему?

— Э, глупая женщина! Вѣдь онъ уже женатъ. И любитъ жену. А тебѣ чего не хватаетъ? Богата, знаменита. Дочь есть... Мужъ обожаетъ... Такой домъ... такое имѣніе...

— Я никогда уже не вернусь сюда, Агата! Слышишь, никогда! Я скажу Марку, чтобъ эту землю онъ отдалъ...

— Кому?

— Тѣмъ, кто имѣетъ на нее право... А этотъ домъ пусть онъ сравняетъ съ землей! И помни это, Агата: если я умру и не успѣю сказать сама Марку и не успѣю написать...

„Она бредитъ...“ думаетъ фрау Кеслеръ. „Она ненормальна...“

— Дай мнѣ обѣщанье, Агата, что ты передашь ему эти слова... мою послѣднюю волю... Даешь обѣщаніе?

— Да, да, да... безумная женщина!

— Я не хочу, чтобъ крестьянскія дѣти шумѣли въ этихъ комнатахъ, гдѣ я любила... Не хочу, чтобъ чужіе люди смѣялись и болтали тамъ, гдѣ я страдала... Ни больницъ, ни школъ не будетъ въ этомъ домѣ, гдѣ я была счастлива, гдѣ живетъ призракъ моей юности! Паркъ пусть будетъ общимъ достояніемъ! Грустно только, что въ немъ останется могила Яна... Агата, знаешь? Я хотѣла бы, чтобъ этотъ домъ сожгли... Мнѣ пріятна эта мысль!

— Замолчи!.. Мнѣ жутко тебя слушать...

— Развѣ не возмущаетъ тебя гулянье на кладбищахъ и смѣхъ около могилъ? А здѣсь могила моего прошлаго... Ахъ, Агата, какъ я устала! Вся радость моя погибла. Сила моя исчезла.. Плыву по теченью... Не знаю, что ждетъ меня завтра... Чувствую только, что стою у порога, и дверь пріоткрыта... Куда? Къ жизни? Къ смерти?.. Ничего не знаю...

Фрау Кеслеръ опять страшно отъ этихъ словъ и этого голоса.

— Полно... полно, дѣточка! Ты вернешься на сцену... Все отболитъ, все забудется...

— Можетъ быть... можетъ быть, еще вернусь на сцену... А потомъ?.. Сама не знаю, что потомъ... Чувствую только, что надо чѣмъ-нибудь великимъ наполнить душу... Иначе погибну...

Шуршатъ кусты. Фрау Кеслеръ хватаетъ руку Мани.

— Слышишь?

— Это вѣтеръ...

— Какой вѣтеръ, когда ни одна вѣтка вверху не шелохнется? Уйдемъ, ради Бога! Запремъ двери...

— Не бойся... Навѣрно собака... Маркъ хотѣлъ ихъ спустить...

Вдругъ слабый вскрикъ вторгается въ ночную дрему... Глухой стукъ... Затѣмъ торопливый бѣгъ шаговъ... Кусты трещатъ вдали... Все смолкаетъ.

Въ ужасѣ обѣ женщины глядятъ другъ на друга...

— Принеси фонарь,—шепчетъ Маня разомъ высохшими губами.

— Я разбужу Федора Филипповича... Mein Gott...

— Не надо... Тише!.. Неси фонарь...

Черезъ минуту, которая Манѣ въ этой тьмѣ и одиночествѣ показалась вѣчностью, фрау Кеслеръ выходитъ на террасу, зажавъ въ рукѣ фонарикъ.

— Куда ты... Ради Бога, Маня, не ходи!

Но Маня уже внизу. Тогда фрау Кеслеръ впотьмахъ, еле различая ступени, спускается на дорожку.

Онѣ идутъ беззвучно, шагъ за шагомъ, безпрестанно останавливаясь и слушая тишину. Паркъ спитъ. Не шелохнетъ ни одна вѣтка. Трепетно мерцаютъ на черномъ бархатѣ неба огромныя звѣзды.

Это было гдѣ-то здѣсь... вблизи террасы... Маня направляетъ свѣтъ фонаря на дорожку, и фрау Кеслеръ отступаетъ.

На дорогѣ лежитъ человѣкъ внизъ лицомъ. Странно раскинулись руки. Картузъ валяется неподалеку.

Фрау Кеслеръ хватаетъ Маню за платье. Но, упрямо тряхнувъ головой, Маня подходитъ къ лежащему...

Онъ неподвиженъ. Маня становится на колѣни и тотчасъ съ глухимъ восклицаніемъ подымается опять. Гравій рядомъ почернѣлъ. Это кровь.

Фрау Кеслеръ убѣгаетъ съ крикомъ. Маня остается... Ей надо видѣть это лицо... Она догадывается... Она все почти поняла. Но ей надо видѣть это лицо...

Минуты тянутся безконечно. Человѣкъ на пескѣ не движется. Не стонетъ, не дышитъ. Только звенитъ и поетъ тишина.

Наконецъ!.. Звучатъ шаги и взволнованные голоса. Дядюшка своимъ фонарикомъ освѣщаетъ дорогу.

Онъ подходитъ къ лежащему, поворачиваетъ его голову. И Маня видитъ блѣдное, тонкое безбородое лицо.

— Вы его знаете?—шопотомъ спрашиваетъ фрау Кеслеръ.

— Это рабочій... Онъ поступилъ недавно... Что за притча? Да онъ не дышитъ... Онъ мертвъ... Кто могъ убить его?.. И какая страшная рана... ножомъ между лопатками... Онъ убитъ наповалъ...

— Какой ужасъ!—шепчетъ фрау Кеслеръ.

— Надо послать за Климовымъ и за урядникомъ... Боюсь, что это грозитъ и намъ всѣмъ большими непріятностями...

Легкій, знакомый, условный стукъ... Роза встрепенулась, погасила свѣчу. Тихонько отворяетъ она окно. И Зяма прыгаетъ въ комнату.

— Когда ты вернулся?

— Это все равно... Я пришелъ проститься...

— Зяма, ради Бога... нынче же въ ночь уѣзжай!.. Иди на станцію хоть пѣшкомъ! Штейнбахъ сказалъ мнѣ, что тебя ищутъ... За тобой... за нами слѣдятъ...

— Теперь уже никто слѣдить не будетъ. Можешь спать спокойно...

— Штейнбахъ спросилъ меня: „Что есть у васъ? Отдайте мнѣ... я спрячу...“ Я отдала ему твои письма и бумаги...

— Неужели ты отдала мой револьверъ?

— Нѣтъ... нѣтъ... какъ можно? Вотъ онъ... О, уходи скорѣе! Я увствую петлю надъ твоей головой... Что это?.. Кольцо?..

— Отдай его *ей*... Это ея любимый рубинъ... Скажи ей, что я ыкупилъ его и возвращаю съ благодарностью... Это ея лучшее окровище, Роза... И его она не пожалѣла для меня... для меня, оторый ненавидѣлъ ее такъ долго, такъ страстно... Она сама ожалѣла чужую и невѣдомую ей жизнь... Скажи ей, что я благословляю ее... Она примирила меня съ людьми. Она смягчила мою ушу... Я вижу, что ошибался. Теперь только я ее понялъ... Недаромъ любилъ ее Янъ... Такія, какъ она, слишкомъ хороши для емли... И недолго будетъ она съ нами... я это чувствую...

Со страхомъ слушаетъ его Роза. Больше странныхъ словъ пугаетъ е этотъ чуждый мрачному Зямѣ печальный и нѣжный голосъ.

— Отдай ей это кольцо сейчасъ! Слышишь? Не ходи въ домъ, а остучи въ окно... Ты знаешь, гдѣ окно ея спальни? Не надо дрожать... Теперь некого бояться... Прощай, Роза! Я уже не вернусь юда... Не плачь!.. У меня впереди еще одно трудное, великое ѣло... Если оно удастся, я напишу тебѣ изъ-за границы... Не забывай моихъ стариковъ...

— Зяма... Зяма...

— Ша-а... Если проснутся, я погибъ... Ступай же сейчасъ въ алацъ!.. И чтобъ никто не слышалъ того, что ты скажешь ей...)тдай кольцо... и скажи, *что я сейчасъ былъ рядомъ и слушалъ я голосъ.* Она пойметъ... Она все пойметъ тогда... И еще скажи й: пусть бѣжитъ отсюда скорѣе! Дорогъ каждый часъ...

Черезъ мгновеніе онъ прыгаетъ на дорожку сада и исчезаетъ о тьмѣ.

XV.

Онъ встрѣтилъ ее подъ обрывомъ, какъ обѣщалъ, когда сумерки пали на землю. И оба молча, оба дрожа отъ волненія, ни прошли рука въ руку недолгій путь до лѣса. Ни взглядомъ, и лаской не обмѣнялись они за эти минуты. Уста молчали и не ливались души. И печаленъ былъ этотъ путь ихъ къ счастью. Какъ будто не было у нихъ выбора и своей воли. Какъ будто вое обреченныхъ шли въ священную рощу къ мрачному храму огини, чтобъ жертвой умилостивить судьбу. И только когда дубы 'ая бросили на нихъ свою тѣнь, Маня узнала мѣсто, гдѣ въ первый азъ Нелидовъ обнялъ ее. Сама судьба вела ихъ сюда.

Когда они очнулись, уже спустилась ночь. И небо загорѣлось гнями.

Они сидятъ, тѣсно обнявшись, прислонившись къ старому

дубу, который видѣлъ расцвѣтъ ихъ любви, который видитъ теперь закатъ ихъ счастья. Утолена жажда земной радости, и уже звучатъ иные голоса. Уже зовутъ молчавшіе до этой минуты суровыя велѣнія. Въ душу крадется холодъ, предвѣстникъ разлуки. И опять брезжитъ вдали забытый въ любовномъ экстазѣ неизбѣжный путь, скорбный путь по унылой равнинѣ съ душой одинокой и томимой тоской о невозможномъ, съ жгучимъ воспоминаніемъ объ утраченномъ навсегда.

Закрывъ глаза, Маня переживаетъ вновь мелькнувшія мгновенія... Когда она шла сюда, отчего въ груди ея дрожали слезы? Отъ жажды счастья? Да... Но меньше всего здѣсь было чувственной страсти. И счастье ея было только отраженнымъ... Какъ и тогда, какъ и раньше... Но въ этомъ самозабвеніи, въ этой всепоглощающей нѣжности и готовности—душа ея вновь достигла высшаго паѳоса чувствъ, доступнаго человѣку. И содрогаясь отъ воспоминанія объ этомъ священномъ мигѣ, она съ изумленіемъ вновь замѣчаетъ, какъ годы страданій и тоски одухотворили чувство Нелидова. Нѣтъ въ немъ яркой непосредственности, которая ослѣпляла и подчиняла ее. Нѣтъ и въ немъ теперь преобладанія чувственности. Нѣтъ жестокости и стихійной жажды разрушенія. Его ласки тоже были пронизаны тоской и нѣжностью. И Маня снова повѣрила въ великій обманъ любви, сулящій въ объятіяхъ тѣлъ—тайну сліянія душъ.

Вдругъ она слышитъ его беззвучный, однотонный, словно мертвый голосъ, который разомъ будитъ ее изъ сладкаго забытья:

— Уже ночь. Мы должны разстаться, Мари... Теперь... мы никогда уже не свидимся...

Тутъ силы покидаютъ ее. Она плачетъ.

Но онъ уже не утѣшаетъ ее, какъ вчера. У него нѣтъ для нея нѣжныхъ словъ. Нѣтъ ласки. Онъ угрюмъ. Какъ будто ледяная стѣна поднялась вдругъ между ними. И холодомъ вѣетъ отъ нея въ стынущую душу Мани.

— Николенька, прости мнѣ мою слабость... это послѣднія слезы. Я буду мужественна. Если ты хочешь, чтобъ я исчезла, я уйду... ты никогда больше не услышишь обо мнѣ... Я завтра уѣду далеко... далеко... опять вернусь на сцену и...

— ...въ объятія любящаго мужа?.. — холодно доканчиваетъ онъ.—Продолжай!.. Что же ты остановилась?

Она вся сжимается, вся поникаетъ, точно отъ удара.

— Ты жестокъ... Чего же ты хочешь? Говори!.. По первому твоему слову я брошу Марка... и буду твоей любовницей... Если ты не бросишь жену, я покорюсь и этому... Говори...

Онъ молчитъ, все такой же угрюмый и далекій. Она кладетъ ему руки на плечи, силясь разсмотрѣть его черты.

— Ну, поищемъ вмѣстѣ выхода, Николенька... Будемъ бороться.

— Во имя чего?—жестко спрашиваетъ онъ.

— А!.. Ты уже не вѣришь въ счастье...

— Его нѣтъ... безъ тебя. Но и съ тобой его не будетъ... Когда я встрѣтилъ тебя шесть лѣтъ тому назадъ, ты была какъ воскъ въ моихъ рукахъ, покорная и преданная...

— Я та же, Николенька... Все та же...

— Нѣтъ... ты ошибаешься... Не даромъ прошли эти годы. Я потерялъ тебя безвозвратно... Я не знаю тебя... Развѣ ты—моя маленькая Мари, которая смерть предпочла долгой жизни безъ меня? У тебя есть чѣмъ утѣшиться... Вотъ сейчасъ ты уйдешь, вернешься въ свой домъ и снова начнешь твою жизнь, такую полную, такую богатую... но безъ меня и безъ любви моей... И какъ бредъ будетъ тебѣ вспоминаться эта ночь, за которую я готовъ заплатить жизнью. Вотъ видишь, какъ мы далеко разошлись... Ты забыла меня и нашла свое счастье въ другомъ. Я остался тѣмъ же безумцемъ. И только теперь я понимаю, что̀ потерялъ я въ моей маленькой, кроткой Мари, любившей меня больше жизни... Ничего не вернуть! Ничего...

Ужасъ все сильнѣе охватываетъ ее. И не столько отъ смысла словъ его, сколько отъ звуковъ голоса, изъ котораго ушла вся жизнь.

Она въ отчаяніи прижимается къ его груди, какъ бы отворачиваясь отъ страшнаго предчувствія.

— Николенька, слушай!.. Я прошла долгій и трудный путь вдали отъ тебя... да!.. И я думала, что наши дороги разошлись... Я не понимала, безумная, что тебя ищу на всѣхъ путяхъ... И видишь? Судьба опять привела меня въ этотъ лѣсъ... къ тебѣ... Зачѣмъ? Для жизни съ тобой?.. Для смерти безъ тебя?.. Не знаю... Можетъ-быть, ты скажешь, Николенька? Молчишь?.. Слушай... Я достигла славы. Я узнала радость творчества, радость борьбы и побѣды... Я добилась независимости и богатства... И Боже мой! До чего я бѣдна и жалка сейчасъ! Всѣ мои сокровища оказались простыми булыжниками... Ты говоришь, что меня ждетъ жизнь полная и богатая... Чего стоитъ она безъ тебя, Николенька? Боже мой! Чего бы я не дала, чтобъ снова стать маленькой, бѣдной дѣвочкой, которую ты любилъ... чтобъ снова вернуть эту ночь въ бесѣдкѣ... помнишь?

— Не плачь...

— Жизнь лежала предъ нами обоими. И эту жизнь мы мечтали пройти рука съ рукой... Да, Николенька... Я высоко поднялась...

Но ты позвалъ... и я упала... И мнѣ уже никогда не подняться... Мое мѣсто здѣсь, рядомъ съ тобой...

— Ты соскучилась бы со мной,—все такъ же тихо и мертвенно говоритъ онъ.

— Нѣтъ... Нѣтъ... Нѣтъ,—отвѣчаетъ она, обнимая его ноги и прижимаясь къ нимъ лицомъ...—Любить тебя... служить тебѣ—вотъ мое единственное желаніе... вотъ мое назначеніе здѣсь, на землѣ... Вотъ, что нужно было мнѣ, Николенька! Вотъ единственное, что было мнѣ нужно!

Онъ долго молчитъ, потрясенный ея голосомъ. Сквозь холодъ, которымъ вѣетъ въ его душу рядомъ стоящая Смерть, онъ еще разъ почувствовалъ трепетъ земной печали, объявшей уходящую отъ него съ каждымъ мигомъ все дальше—душу любимой когда-то женщины. И рука его опускается на ея голову.

— Покоримся судьбѣ. Она разлучила насъ. Такъ надо... Простимся, Мари... Мнѣ пора.

Она поднимается съ спутавшимися волосами, съ помертвѣвшимъ лицомъ.

— Ты уходишь?

— Пора...

— Куда ты?—хрипло спрашиваетъ она, хватая его холодныя руки.—Ты хочешь умереть?

Онъ опять молчитъ, пораженный ея чуткостью... Развѣ онъ оформилъ самъ это темное ощущеніе? Вчера оно всплыло внезапно въ объятіяхъ Мани, среди молчаливыхъ, темнѣвшихъ полей. А нынче въ сумеркахъ, когда онъ шелъ на свиданіе, снова странно и рѣзко зазвучала эта зловѣщая нотка. И темная печаль охватила его душу, когда онъ ждалъ, стоя подъ обрывомъ. И потомъ, когда шелъ съ Маней сюда.

Съ жалобнымъ крикомъ падаетъ она къ его ногамъ.

— Николенька, вернись домой!.. Николенька, Катя ждетъ тебя... дѣти... Жизнь впереди... Цѣлая жизнь... Ты меня забудешь... Я скроюсь... Я уѣду... Ты никогда обо мнѣ не услышишь...

— Встань, Маня! — говоритъ онъ твердо и спокойно, поднимая ее.—Ты плохо знаешь меня, если думаешь, что жизнь моя пойдетъ по-старому... Ты будешь тамъ, а я тутъ. Тебя будетъ ласкать твой мужъ. А я буду обнимать жену... мечтая о тебѣ, какъ всѣ эти годы... Довольно лжи! Я усталъ...

„О Боже мой! Гдѣ правда?.. Гдѣ ложь? Что нужно дѣлать? Помоги мнѣ, Боже! Ничего не вижу... Я ослѣпла...“ думаетъ она, вся дрожа и цѣпляясь за его руку, чтобы не упасть...

— Пойдемъ, Мари... Я доведу тебя...

— А ты?

Онъ идетъ рядомъ съ ней, не отвѣчая, уже далекій отъ нея, уже чужой,—она съ ужасомъ чувствуетъ это... Не умѣетъ объяснить, но чувствуетъ... И словно слѣпнетъ отъ ужаса. И еле волоча ноги бредетъ за нимъ, жалкая, безсильная, безвольная... „Не можетъ быть, не можетъ быть...“ мечется и бьется одна тоскливая мысль.

Вотъ они уже у обрыва. Лѣсъ скрылся изъ глазъ. Нелидовъ останавливается.

— Мари... я забылъ тебѣ сказать... это жгло мою душу всѣ годы... Всѣ эти дни я рвался тебѣ сказать... И забывалъ рядомъ съ тобою... Мари, я былъ въ Венеціи... Ты это знала?

— Ты??.. Ты былъ въ Венеціи?

— Соня писала мнѣ... что ты ждешь ребенка... И я кинулся за тобою, чтобъ вымолить прощенье...

Схвативъ его за плечи, она приникаетъ почти къ его лицу, къ его губамъ.

— Твой мужъ встрѣтилъ меня на вокзалѣ...

Она ждетъ, расширивъ глаза, затаивъ дыханье.

— Ты этого не знала, Мари?

— Нѣтъ...—Руки ея слабѣютъ. Она опускаетъ голову на его плечо.

— Мы были рядомъ, Николенька?—черезъ секунду спрашиваетъ она.

— Черезъ каналъ... и цѣлую ночь... Я видѣлъ огонь въ твоемъ окнѣ... Я уѣхалъ, проклиная тебя. И всѣ эти годы думалъ, что ты меня обманула... Что Нина—не моя дочь... Ты мнѣ простишь теперь?

Отклонивъ ея голову, онъ цѣлуетъ ея холодныя губы. Она стоитъ безъ словъ, безъ мыслей, какъ бы уничтоженная. Слишкомъ необъятно несчастіе, сразившее ее...

Онъ идетъ назадъ, къ своей усадьбѣ. Потомъ останавливается, охваченный ужасомъ.

„Куда же я иду? Домой?.. Какъ я вернусь?.. Какъ я взгляну въ глаза Катѣ?.. Какъ я солгу теперь?.. Она прочтетъ все въ моемъ лицѣ... Я убью ее этой правдой... Лгать?.. Всю жизнь лгать? Цѣловать не любя?..“

Онъ машинально возвращается и видитъ Маню у обрыва, на томъ же мѣстѣ.

Она кидается ему навстрѣчу, только сейчасъ очнувшись, только сейчасъ понявъ, не умомъ, а сердцемъ, что онъ уходилъ отъ нея по той дорогѣ, откуда нѣтъ возврата.

Онъ въ отчаяніи закрываетъ лицо руками. Онъ дрожитъ всѣмъ тѣломъ. И Маня опять очами своей души ясно видитъ, что это

его послѣдній порывъ къ жизни. И снова страхъ за него будитъ ея собственныя силы, ея жажду бороться съ судьбой и одолѣть.

— Николенька! Уѣдемъ куда-нибудь... Мы будемъ счастливы... Будущее передъ нами... Если ты не можешь вернуться къ Катѣ, я обѣщаю тебѣ новую, прекрасную, свѣтлую жизнь...

Онъ тихо, горько смѣется.

— Новая жизнь... Это съ тобой?.. Развѣ я смогу забыть, что ты любила другихъ?.. Цѣлуя тебя, я буду думать только объ этомъ... ненавидѣть тебя буду... А ты увѣрена, что не пожалѣешь обо всемъ, что бросила ради меня?..

— Боже мой! Нѣтъ... Нѣтъ... Нѣтъ!..

— Ты это говоришь теперь... а потомъ... А... Я усталъ... Довольно... Прощай!

— Иди домой, Николенька... Тебѣ холодно... ты дрожишь, моя дѣточка...

— Да... я пойду домой... Прощай...

Она цѣпляется за его руку. Онъ опять угасъ. И это страшнѣе всего.

У нея срывается рыданье.

— Николенька... неужели ты уже не любишь меня?

„Я никого и ничего уже не люблю", говоритъ ей его угрюмый взглядъ. Но деликатность, пережившая страсть и нѣжность въ этой умирающей душѣ,—заставляютъ его еще разъ вмѣсто отвѣта обнять и поцѣловать эту женщину, уже ненужную, чужую, далекую, уходящую отъ него съ каждымъ мигомъ все дальше...

Она обманулась на этотъ разъ. Жажда жизни и счастья, ужасъ передъ смертью, которой вѣетъ на нее изъ всѣхъ его жестовъ и словъ,—заставляютъ ее слѣпо, страстно повѣрить въ обманъ... Сердце говоритъ ей, что она безразлична ему въ это мгновеніе. Но эта мысль слишкомъ страшна. Инстинктъ говоритъ ей, что слова ея не дойдутъ до его сознанья. Но разумъ отвергаетъ и это...

— Николенька... завтра... умоляю... завтра въ послѣдній разъ приходи въ лѣсъ... если ты... хоть капельку жалѣешь меня... Николенька... помнишь? Ты сказалъ мнѣ: „Умремъ вмѣстѣ"... Ахъ, ты еще любилъ меня тогда... Слушай... подожди одну ночь!.. Только эту ночь подожди... И если... ты уже рѣшилъ,—возьми меня съ собою... Не бросай меня одну въ этомъ мірѣ... Умремъ вмѣстѣ, Николенька, если вмѣстѣ мы не можемъ жить!

Съ безграничнымъ отчаяніемъ прижимается она къ нему.

— Даешь ты мнѣ клятву, Николенька, что мы увидимся еще разъ?

— Да...

Она одна на дорогѣ, въ этомъ мракѣ, беззвучно обнявшемъ ее... Она не помнитъ, какъ онъ ушелъ... Кажется, она позвала... и онъ воротился... И они обнялись опять въ послѣдній разъ... Неужели въ послѣдній? Кто это сказалъ?.. Онъ?.. Она?.. Кто рѣшилъ за нихъ?

Вдругъ отчаянный крикъ срывается у нея. Крикъ безсознательный, стихiйный... И дрогнула ночь отъ этого крика. Гдѣ-то на селѣ тревожно залаяли собаки. Гдѣ-то загоготали проснувшіеся гуси... Слышалъ онъ или нѣтъ этотъ крикъ? Этотъ призывъ? Эту жалобу?.. Между ними поля, молчанье, ночь.. эта жуткая, эта страшная ночь... И онъ тамъ гдѣ-то идетъ по дорогѣ. Одинъ... съ своими думами... съ своей тоской... И никогда уже не пройдутъ они рядомъ по этой дорогѣ... Никогда!.. Догнать его!.. Вернуть... Обнять еще разъ... Еще на одно мгновеніе прижаться къ его груди... Но куда же онъ ушелъ?.. Въ глубокомъ мракѣ потерялись всѣ пути.

Вдругъ вдалекѣ сверкнулъ синій глазъ фонарика... Знакомые шаги звучатъ по мосту.

— Ма-ня-я... Я здѣсь... Иду-у-у...

„Маркъ... Все кончено...“

. . . .

Боже мой, до чего я измучился!—говоритъ рядомъ чей-то голосъ.—Я телеграфировалъ, что вернусь... просилъ отвѣтить... Почему ты молчала?.. Маничка... наконецъ ты со мною! Я такъ долго искалъ тебя. И дядя тоже ищетъ... Такая тьма... Такой ужасъ... Ты знаешь, что у насъ въ паркѣ нашли убитаго?.. Сейчасъ только ушла полиція... Уѣдемъ скорѣй! Уѣдемъ завтра...

Она даетъ цѣловать свое лицо и руки. Она какъ въ бреду. Ускользаетъ дѣйствительность. Она не слышитъ словъ. Закрывъ глаза, она идетъ, полумертвая, въ крѣпкихъ объятіяхъ Марка. А передъ нею во мракѣ змѣится еле видная, безконечная дорога, среди далекихъ, молчаливыхъ полей, подъ чернымъ, равнодушнымъ небомъ. И по ней идетъ Николенька, съ угасшими желаньями, съ холодной душой, подавленный въ своей заброшенности, одинъ въ этой глухой ночи, одинъ во всемъ огромномъ мірѣ.

— Маркъ, уйди,—говоритъ она у двери террасы.—Прощай!.. Я устала...

Наконецъ одна!.. Наконецъ...

Не раздѣваясь, она падаетъ на кушетку. Закрываетъ глаза.

И опять съ странной настойчивостью встаетъ передъ нею та же картина: подъ чернымъ, равнодушнымъ небомъ, среди печаль-

ныхъ полей, съ безысходной тоской въ груди идетъ одинокій человѣкъ... И это тотъ, кому улыбалась жизнь еще недавно. Это тотъ, кого судьба предназначила ей...

„Зачѣмъ я здѣсь?“ громко спрашиваетъ она себя. „Почему я не съ нимъ въ эту ночь? Развѣ все сказано? Развѣ все рѣшено?.. Какъ могла я покинуть его одного въ этомъ мракѣ, на пустынной дорогѣ, гдѣ стережетъ насъ смерть?..“

Она поднимается въ ужасѣ и садится на кушетку. Окно ея закрыто, но штора не спущена, и глухая, душная ночь притаилась тамъ, чѣмъ-то грозя. Боже мой! Кто сказалъ ей это на-дняхъ: „Не ходи, Маня. Смерть стережетъ все живущее на землѣ?..“

Ея виски влажны. Нѣтъ... нѣтъ.. Онъ обѣщалъ свиданье завтра. Онъ не обманетъ... Надо заснуть скорѣе... Надо быть бодрой, сильной, цѣпкой... Отстоять его счастье... Отстоять его душу отъ отчаянія... эту бѣдную душу, не созданную для свободы и дерзаній.

Опять сладкая печаль умиленія благодатной росой смягчаетъ ея замученное сердце. Вздохнувъ, ложится она на кушетку и незамѣтно засыпаетъ.

И снится ей, что она идетъ по туннелю, безконечному, какъ С.-Готтардскій. Какъ тамъ, тоска сжимаетъ сердце отъ сознанія своего ничтожества подъ нависшей громадой горы. Какъ тамъ, холодный потъ выступаетъ на вискахъ отъ чувства безсилія и безысходности. Нѣтъ неба, нѣтъ солнца, нѣтъ воздуха... Гдѣ они?.. Далеко-далеко... Какъ вздохнуть полной грудью? Надо бѣжать, бѣжать не останавливаясь... бѣжать, не зная отдыха, чтобы не задохнуться въ этой темнотѣ... Гдѣ-то тамъ, впереди, есть выходъ. Есть конецъ этому душному мраку... О, скорѣй!.. Скорѣй!..

...Она бѣжитъ съ глухо стучащимъ сердцемъ, съ напряженно бьющимися артеріями... И кажется ей, что вотъ-вотъ сейчасъ бездна разверзнется у ногъ ея. Когда же конецъ?.. Когда же свѣтъ?.. Кто, Суровый и Непонятный, вложилъ ей въ душу страстное стремленіе къ небу и къ волѣ—и бросилъ одинокую въ это подземелье безъ выхода?

...Она бѣжитъ, и какой-то стукъ преслѣдуетъ ее... Кто это стучитъ?.. Ахъ, это сердце ея. Ея замученное сердце... Охъ, какъ больно! Какъ громко стучитъ оно...

...И вдругъ дрогнулъ мракъ... Звукъ жизни долетѣлъ до нея. Чей-то голосъ позвалъ ее... Чье-то лицо блѣднымъ пятномъ мелькнуло вдали... Сердце застучало опять съ такой силой... Съ крикомъ освобожденія она ринулась впередъ. „Ты, Николенька?..“

Она проснулась и сѣла. Этотъ крикъ замеръ въ груди ея, не сорвавшись. И сердце ея колотится попрежнему. Но еще другой,

чуждый и зловѣщій звукъ замеръ сейчасъ рядомъ... Вотъ... вотъ опять... Полными ужаса глазами глядитъ она въ окно. Къ стеклу прильнуло бѣлое лицо... Тихій стукъ въ раму... Чье это лицо? Кто зоветъ ее?

Она подбѣгаетъ къ окну. Маркъ?.. Нѣтъ... не онъ... Дядя?..

— Сейчасъ... Сейчасъ...

Она распахиваетъ окно.

— Ты зовешь меня?.. Это ты стучалъ?..

— Пойдемъ, пойдемъ,—шепчетъ старикъ. И Маня видитъ, что голова его трясется.

„Куда?"—хочетъ она спросить. Но темнѣетъ въ глазахъ. Слабѣютъ ноги... Забытое предчувствіе, которое, какъ змѣя, ползло во мракѣ, пряча свою голову,—вдругъ встаетъ во весь ростъ.

— Пойдемъ... пойдемъ,—лепечетъ старикъ.—Я нашелъ его... нашелъ... Онъ лежитъ тамъ... Пойдемъ...

Какъ лунатикъ, безмолвная и беззвучная, съ остановившимся взглядомъ, Маня вылѣзаетъ изъ окна, прыгаетъ на дорожку. Они взялись за руки и идутъ, дрожа оба, идутъ, прижавшись другъ къ другу, подъ темными липами къ сѣрѣющему вдали просвѣту.

Они выходятъ изъ парка. Дворъ пустыненъ. Все спитъ. Всѣ окна темны. Гдѣ-то далеко, за оградой парка, слышна колотушка сторожа... Гдѣ-то далеко внизу тревожно перекликаются гуси... Высоко вверху удивленно мигаютъ звѣзды.

Они спустились съ обрыва по знакомой тропинкѣ, погрузились въ туманъ около гребли. Тускло сверкнула темная вода пруда. Закачался за ними туманъ и скрылъ отъ глазъ мирно спящее село, бѣлѣющія хаты. Они одни среди полей. И тихо дышитъ имъ въ лицо проснувшійся степной предразсвѣтный вѣтеръ.

Куда ведетъ онъ ее?.. А... Она знаетъ... Она это знала давно... Вонъ къ тому лѣсу, что чернѣетъ вдали; туда, гдѣ старые дубы видѣли когда-то разсвѣтъ ихъ счастья, гдѣ они видѣли недавно закатъ ихъ любви... Развѣ не знала она вчера еще и раньше—много раньше,—что въ такую вотъ темную, глухую ночь она придетъ сюда навстрѣчу Судьбѣ?

Они на опушкѣ лѣса. Фонарикъ дяди сверкнулъ, и странный свѣтъ побѣжалъ по землѣ, туда, подъ тѣнь угрюмыхъ деревьевъ, гдѣ недавно такъ страстно сливались ихъ уста и души, исполняя Кѣмъ-то Высшимъ данный имъ законъ...

— Смотри,—шепчетъ старикъ, поднимая фонарь.—Здѣсь...

Онъ лежитъ на землѣ, подъ тѣмъ самымъ дубомъ, гдѣ обнялись они шесть лѣтъ назадъ, гдѣ сидѣли они еще недавно... Она это знала... Она это знала давно.

Безмолвно подходитъ она и опускается на колѣни.

Нелидовъ лежитъ въ спокойной позѣ спящаго. Одна рука откинулась. Фуражка упала въ траву, и открылся бѣлый лобъ съ рѣзкой полоской загара. Свѣтъ падаетъ на лицо Нелидова, и Маня видитъ полуоткрытые безжизненные глаза, длинныя рѣсницы, блѣдныя, спокойно сложившіяся губы. Покоемъ и миромъ вѣетъ на нее отъ этого лица, еще недавно искаженнаго страданіемъ и отчаяніемъ.

Она цѣлуетъ его тяжелую руку. И только тутъ пронзаетъ ее сознаніе, весь ужасъ случившагося. Нездѣшній, жуткій холодъ этой руки доходитъ до ея сердца. У нея срывается жалобный стонъ.

— Сара... Сара... не плачь...

„Кто это говоритъ?..“—Ахъ, это ты, дядя?..

— Пойдемъ домой... Пойдемъ скорѣе... Здѣсь страшно...

Домой?.. Но гдѣ же ея домъ? Гдѣ кровъ, который скрылъ бы ее отъ надвигающейся Смерти? И развѣ не здѣсь ея мѣсто, рядомъ съ тѣмъ, кто былъ предназначенъ ей судьбой?

— Не плачь, дядя... Не бойся за меня... Мнѣ уже ничто не страшно теперь... Видишь? Я не плачу... Мнѣ не больно... Теперь хорошо... Теперь все понятно... Иди туда... Видишь эту дорогу? Все прямо-прямо полемъ, къ усадьбѣ... *Онъ* жилъ тамъ прежде... Онъ жилъ тамъ съ другою и называлъ ее женой... Но понимаешь? Это ошибка, дядя... Я—жена его... И Нина наша дочь... Ступай скорѣе и разбуди *ее*... Ему нельзя лежать здѣсь, на землѣ... Иди... А я побуду съ нимъ... Не бойся... Ты вернешься за мной... Скоро будетъ свѣтать... Иди же... Иди...

Лучи фонаря, длинные и тревожные, побѣжали впередъ, вонзаясь во мракъ... Затихли шаги вдали...

Они одни... О, наконецъ! Наконецъ!..

Она ложится рядомъ съ нимъ, поднимаетъ тяжелую голову, кладетъ ее къ себѣ на грудь, обнимаетъ неподвижное, окоченѣвшее тѣло и прижимается губами къ холодному лбу...

Сколько разъ за эти годы она, какъ грѣшникъ о недоступномъ раѣ, мечтала провести съ нимъ вдвоемъ цѣлую ночь; лежать вотъ такъ рядомъ, тѣсно обнявшись; слышать біеніе его сердца; чувствовать его дыханіе, трепетъ его рѣсницъ на своей щекѣ... цѣловать молча со слезами нѣжности это милое лицо... Сколько разъ, какъ о недостижимомъ счастьѣ, мечтала она проснуться въ его объятіяхъ и съ улыбкой благодарности встрѣтить разсвѣтъ! Такъ мало, такъ мало нужно было ей, чтобъ благословить судьбу и умереть примиренной, удовлетворивъ вѣчный голодъ души!..

И жизнь, такъ щедро одаривъ ее всѣми ненужными благами, отказала ей въ этой одной, въ этой единственной радости...

„... Ну, вотъ теперь мы вдвоемъ... одни...“ бѣгутъ безсвязныя мысли. „Теперь заснуть вмѣстѣ и не просыпаться больше... Ни страданій, ни сожалѣній, ни раскаянья... Вотъ она, моя брачная ночь, о которой я грезила всегда, уставъ отъ цѣлаго дня борьбы и труда... За что боролась я? Къ чему стремилась! Что изъ завоеваннаго нужно мнѣ сейчасъ?.. Покой... покой и молчанье...“

Она тихонько цѣлуетъ мертвое лицо. Но губы ея стынутъ. И холодъ смерти опять проникаетъ ей до самаго сердца. И ей вспоминается жаръ его тѣла, милый запахъ его дыханья, такой сладкій, такой памятный, такой особенный... Боже мой!.. Гдѣ этотъ жаръ? Гдѣ его страсть?.. Гдѣ его душа?.. Бѣдная душа, боявшаяся свободы? Здѣсь—среди мирной природы—въ кругу несложныхъ но твердо начертанныхъ обязанностей могла еще долго горѣть эта хрупкая жизнь, какъ робкій огонекъ въ ночной степи. Но она прошла мимо и сама своими ногами затоптала послѣднюю искру, послѣднюю возможность счастья... Вихремъ ворвалась въ эту слабую душу разрушающая страсть... „Ну, что-жъ? Такъ было суждено“, думаетъ Маня.

Разсвѣтъ идетъ изъ невѣдомой дали. Все ближе... ближе... Уходитъ ночь. Ея единственная ночь... Сѣрѣетъ небо въ просвѣты между деревьями...

Сонно говорятъ наверху птицы. Гдѣ-то далеко мычитъ просыпающійся скотъ... Сейчасъ кончится страшная, послѣдняя сказка ея жизни. И сѣрое лицо дня глянетъ на нихъ, раздвинувъ густыя вѣтки. Придутъ чужіе люди. Ихъ голоса и шаги нарушатъ торжественное молчаніе смерти. О, ночь, помедли! Еще немного...

Но нѣтъ... Стукъ колесъ долетаетъ до лощины... Чьи-то голоса... Чьи-то истерическіе крики... Неужели сюда?.. Неужели конецъ?

Въ послѣдній разъ приникаетъ она къ блѣднымъ тѣсно сомкнутымъ устамъ, въ послѣдній разъ цѣлуетъ бѣлый лобъ, золотыя кудри, маленькія руки съ посинѣвшими ногтями... Потомъ встаетъ. Нога ея наступаетъ на что-то твердое... А!.. Его револьверъ... Она поднимаетъ его и зажимаетъ въ рукѣ... Такъ... такъ... Теперь все ясно... Теперь все хорошо...

Она быстро выходитъ изъ лѣса, и на опушкѣ оглядывается въ послѣдній разъ. Смутно чернѣетъ въ травѣ неподвижный силуэтъ. „До свиданья, Николенька... Иду за тобой...“

Когда она поднимается по крутой тропинкѣ вверхъ, она видитъ внизу смутныя фигуры людей... слышитъ тревожные голоса и женскіе крики.

Теперь скорѣй, скорѣй!.. Туда, гдѣ ждетъ ее покой и молчанье...

Въ своей комнатѣ она тихонько запираетъ окно и спускаетъ штору.

Разсвѣтъ идетъ. Уже выступили изъ мрака очертанія кустовъ и деревьевъ, а тамъ, дальше—арки для иллюминаціи, къ которой всѣ готовились еще сегодня, еще вчера... Уже не слышно колотушки сторожа. Ни одинъ звукъ не нарушаетъ молчанія спящей усадьбы. Никому не приснилась драма Лихого Гая. Никто не предчувствуетъ того, что свершится сейчасъ въ стѣнахъ этого мирно дремлющаго дома.

Маня крадется въ гостиную, оттуда въ залъ, оттуда въ кабинетъ мужа. Всѣ стѣны, всѣ предметы тревожно слѣдятъ за нею... Это ничего... ничего... Лишь бы не проснулся Маркъ...

Она зажигаетъ электричество и подходитъ къ портрету еврейки.

Опять глядятъ они въ зрачки другъ другу. Живая и мертвая. Но нѣтъ сейчасъ ни страха, ни вражды, ни тайны... „Все понятно“, думаетъ Маня. „Знаю, чѣмъ ты грозила мнѣ. Знаю, куда звала меня... Мы сестры по духу... Мы обѣ обреченныя. Какъ и ты, побѣжденная, я ухожу изъ этой жизни, которой не сумѣла овладѣть. Пусть борются за нее другіе! Пусть побѣждаютъ сильные,—съ душой, горящей вѣрой, съ душой, озаренной идеей... Я свершила здѣсь мой предѣлъ. И проснусь для новой жизни, гдѣ не будетъ страданій любви и ея рабства, гдѣ я научусь любить свободу“.

„Но еще одинъ путь впереди... послѣдній... Я предчувствовала его всегда... давно... Это радостный путь освобожденія... Безпредѣльной лентой, далеко отъ другихъ истоптанныхъ толпой дорогъ, мерцалъ онъ предо мной въ часы усталости, въ часы страданій, въ часы созерцанія и молитвы. И онъ звалъ меня, обѣщая миръ замученному сердцу... Благослови меня на этотъ путь, ты,—прошедшая его когда-то!..“

Она наклоняется и цѣлуетъ скорбныя уста портрета.

Скрипнула дверь за Маней, и тотчасъ за стѣной раздался кашель Марка. Маня вся замерла. Неужели онъ слышалъ?..

Нѣсколько мгновеній стоитъ она неподвижно, прислонясь къ стѣнѣ, боясь дышать... Слава Богу... Спитъ...

Она крадется наверхъ.

Когда она входитъ въ комнату Ниночки, бонна испуганно садится на постели, все еще не очнувшись отъ сна.

— Спите, спите!—ласково говоритъ ей Маня.

Швейцарка поворачивается на другой бокъ и засыпаетъ.

Маня опускается на колѣни передъ кроваткой. Сквозь шелковую синюю сѣтку она явственно видитъ маленькое точеное личико съ длинными рѣсницами и надменными губками. Долго смотритъ на нее Маня съ сердцемъ, полнымъ умиленія и тоски.

„Что ждетъ тебя, будущая женщина? Неужели тѣ же страданія? Неужели тѣ же заблужденія? То же рабство любви?.. Неужели никогда не сумѣетъ женщина быть счастливой иначе? Неужели никогда не найдетъ въ своей душѣ безбольную радость стремленія къ тому, что не обманываетъ, не измѣняется, не умираетъ?.. Моя маленькая Ниночка",—думаетъ она, касаясь губами золотистыхъ волосъ спящаго ребенка,—„найдешь ли ты путь къ свободѣ, котораго я не нашла? Добудешь ли ты завѣтные ключи счастья, которыми я не сумѣла овладѣть?.. О, если-бъ ты не повторила моихъ ошибокъ! Если-бъ жизнь твоя не прошла подъ темнымъ знакомъ страсти! Если-бъ ты выросла гордой и сильной, непохожей на меня!.. Что могу тебѣ дать я, побѣжденная любовью?.. Прощай, моя Ниночка!"—шепчетъ Маня, цѣлуя свѣсившуюся ручку дѣвочки.—„Дай Богъ, чтобъ ты никогда не плакала, вспоминая обо мнѣ! Тебѣ скажутъ, что я была безумна... тебѣ скажутъ, что я не имѣла права умереть. Меня осудятъ... Не защищай меня, моя дѣвочка!.. Осуди и ты меня въ своемъ сердечкѣ!.. Назови безуміемъ мой отказъ отъ жизни. Потому что она прекрасна. Потому что сама по себѣ она—благо и цѣнность для тѣхъ, кто не хочетъ и не боится пасть; для тѣхъ, кто поставилъ передъ собой высокія цѣли. И только усталыя, только обреченныя, какъ я,— уходятъ изъ нея добровольно..."

Маня тихонько цѣлуетъ влажный лобикъ, креститъ дѣвочку и на цыпочкахъ идетъ къ двери.

На этотъ разъ она затворяется безъ звука.

Совсѣмъ свѣтло, когда Маня идетъ черезъ залу. Въ паркѣ щебечутъ птицы. День встаетъ, яркій, радостный, какъ вчера, съ обильной росой, съ ослѣпительнымъ полуднемъ, съ янтарно-розовымъ закатомъ... Она уже не увидитъ его съ завѣтнаго кургана. Она не увидитъ ничего.

Въ ея комнатѣ темно отъ спущенныхъ шторъ. Скорѣй теперь! Скорѣй... пока зловѣщая вѣсть не дошла до усадьбы...

Она зажигаетъ огонь и садится за столъ.

Послѣднее письмо Мани къ Штейнбаху.

„Маркъ, я ухожу... Но въ этотъ послѣдній путь я не зову тебя „съ собою. Прости мнѣ этотъ обманъ, мой дорогой, мой един„ственный другъ! Мнѣ легче умереть съ мыслью, что Нина не „останется одна въ этомъ огромномъ, страшномъ мірѣ. Такъ хо„рошо думать, что ты прижмешь къ груди мою дѣвочку и за-

„щитишь ее отъ жизни, убившей меня. Я чувствую, Маркъ, что „эта привязанность спасетъ тебя отъ отчаянія. Научи Нину, какъ „уцѣлѣть въ борьбѣ съ любовью, чѣмъ наполнить душу до краевъ, „чтобъ не манили ее миражи пустыни, въ которой гибнемъ мы,— „побѣжденныя.

„И еще, Маркъ, я съ отрадой думаю въ эти послѣднія ми- „нуты, что вы съ Изой закончите дѣло моей жизни, начатое мною „съ такой любовью и вѣрой. Исполни все, о чемъ мечтали мы и „спорили съ тобой въ Тиролѣ. Пусть это утопіи! Пусть это без- „уміе! Будь безумнымъ! Не бойся насмѣшекъ толпы! Создай на „землѣ чудную сказку, какую я не успѣла осуществить! И тысячи „людей благословятъ твое имя.

„О, другъ мой, мой вѣрный товарищъ, прости мнѣ эту по- „слѣднюю измѣну тебѣ и себѣ! Я плачу сейчасъ, вспоминая, „сколько лѣтъ, съ какимъ самоотверженіемъ велъ ты меня на вы- „сокую башню, по пути, завѣщанному Яномъ. Съ тобой рядомъ я „падала на этихъ ступеняхъ; съ тобой рядомъ я боролась съ „усталостью и отвращеніемъ; съ тобою рядомъ побѣждала и шла „вверхъ, все выше и выше, къ завѣтному предѣлу... Но *онъ* про- „шелъ внизу, далеко—тотъ, кого я не сумѣла разлюбить. Онъ „позвалъ меня. И я упала и разбилась. Мнѣ уже не встать.

„Я ни въ чемъ не упрекаю тебя, дорогой Маркъ. Все, что ты „сдѣлалъ, знаю, ты дѣлалъ, желая мнѣ счастья. Не о себѣ думалъ „ты, разлучая насъ. И тебѣ одному обязана я всѣми высокими „радостями творчества и достиженій. Но женщина во мнѣ сильнѣе „артистки. Я безсильна передъ любовью. Недаромъ я такъ боялась „ее! *Онъ* умеръ. И я иду за нимъ. Я не могу остаться.

„Теперь я вижу ясно: Смерть и ты боролись всѣ эти годы за „мою душу. И ты побѣдилъ одинъ разъ. Но, притаившись гдѣ-то „недалеко, она безстрастно слѣдила за моими отчаянными уси- „ліями, за моей трагической борьбой. Она ждала, когда пробьетъ „ея часъ. Онъ пришелъ.

„О, Маркъ, не осуди меня ты, покинутый мною! Вспомни: вся „моя жизнь была какъ бы однимъ страстнымъ крикомъ; однимъ „стремленіемъ къ освобожденію; однимъ порывомъ къ тому, что „выше земли и вещей. Вспомни: эта жизнь была всегда грезой „о невозможномъ... И все-таки всегда, несмотря на неутолимую „жажду радости, несмотря на это стремленіе идти все впередъ, „все дальше по новымъ, незнакомымъ дорогамъ,—въ моей душѣ „то смутно, то ясно, то затихая, то разгораясь, звучала—какъ одна „неумолкающая нота—настойчивая потребность отдохнуть, по- „дойти къ предѣлу, смолкнуть, закрыть глаза, исчезнуть... Знаю

„теперь: это былъ голосъ Вѣчности. Это былъ призывъ къ иной „жизни, ждущей меня, и гдѣ я проспусь съ душой радостной и „обновленной, съ душой, не знающей цѣпей любви.

„Маркъ, когда ты будешь читать это письмо, не плачь обо „мнѣ, не жалѣй меня... Я ухожу изъ жизни, благословляя ее. „Пусть она побѣдила меня! Въ душѣ нѣтъ горечи. Я ухожу утом-„ленная, но благодарная за все, что получила. И не думай, что я „боюсь. Смерть—освободительница для тѣхъ, кто, какъ я, лежитъ „на землѣ съ истекающимъ кровью сердцемъ, послѣ роковой по-„слѣдней схватки съ хищникомъ—любовью. Смерть распахнула „передо мной ворота тюрьмы, и въ лицо уже вѣетъ дыханіе без-„предѣльности, и глаза мои предчувствуютъ неугасающій свѣтъ. „Но всѣмъ, кто увидитъ завтра земное солнце, высокое небо и алма-„зы росы,—мнѣ хочется крикнуть: Любите жизнь! Цѣните жизнь! „Благословите ее за добро и зло, за счастье и страданіе, за день „и ночь, и за покой, который ждетъ насъ, утомленныхъ, который „не обманетъ насъ никогда... Все полно здѣсь тайны, Маркъ. И „все-таки нѣтъ ничего безцѣльнаго, нѣтъ ничего безсмысленнаго. „Нѣтъ остановки и нѣтъ исчезновенія... И я тоже не умру, до-„рогой другъ! Я не исчезну изъ міра. Я это знала всегда. Умретъ „твоя Маня, уставшая страдать. Воскреснетъ моя свободная, моя „безсмертная душа.

„Прощай!.. Уже пріоткрылась дверь, и я стою на порогѣ... „Оглядываюсь назадъ, и вижу тебя одного рядомъ съ собою на „всѣхъ запутанныхъ тропинкахъ. Беру со стола портретъ твой и „цѣлую твои брови, глаза, губы. Ты, давшій мнѣ такъ много зем-„ного счастья; ты, любившій меня такъ беззавѣтно; благороднѣйшій „изъ людей,—сохрани память обо мнѣ въ твоемъ вѣрномъ сердцѣ! „Знаю, что оно уже не забьется для другой любви. Знаю, что не-„долго тебѣ брести одному въ сумеркахъ. И близка ночь, которая „и тебѣ, измученному любовью, дастъ, наконецъ, покой.

„Еще одна послѣдняя просьба: похорони меня рядомъ съ „Яномъ,—рядомъ съ завѣтной скамьей, на которой мы сидѣли съ „тобою въ то свѣтлое утро, когда сердце мое забилось для тебя. „И пока ты живъ, запри домъ и паркъ, запри ихъ на ключъ... „Пусть глохнутъ дорожки, по которымъ мы съ тобою шли на-„встрѣчу радости! Пусть ничей смѣхъ не звучитъ въ стѣнахъ, „гдѣ я плакала въ твоихъ объятіяхъ, гдѣ ты любилъ меня... Пусть „праздныя рѣчи чужихъ людей не нарушатъ моего послѣдняго „сна рядомъ съ Яномъ, и не спугнутъ свѣтлой тѣни нашего по-„гибшаго счастья...“

ЭПИЛОГЪ.

Телеграмма, Маркъ Александровичъ, — говоритъ лакей, входя въ кабинетъ Штейнбаха, въ Москвѣ.

Штейнбахъ у горящаго камина жжетъ письма и бумаги. Безшумно двигается камердинеръ Андрей, укладывая необходимыя вещи въ ручной саквояжъ.

Телеграмма изъ Берлина, отъ фрау Кеслеръ:

„Доѣхали хорошо. Нина здорова. Берегите себя".

— Андрей, я поручаю вамъ дядю. Какъ только ему станетъ лучше, вы отвезете его въ Парижъ... Онъ спалъ въ эту ночь?

— Мало, Маркъ Александровичъ... Все бредитъ, все плачетъ...

— Давайте бромъ. Чтобъ докторъ безъ меня былъ каждый день! Если со мной случится что-нибудь непредвидѣнное, пожалуйста не теряйтесь! Вотъ вамъ заграничный паспортъ. Вотъ дядинъ. Все въ этомъ бумажникѣ. Здѣсь и деньги, и аккредитивъ на ваше имя. Спрячьте сейчасъ!.. Прекрасно. Я на васъ надѣюсь.

— Будьте спокойны, Маркъ Александровичъ!

Вдругъ оба смолкаютъ. Внизу трещитъ звонокъ. Они тревожно глядятъ въ глаза другъ другу.

— Можно, Маркъ Александровичъ?—раздается за дверью металлическій, красивый, жизнерадостный голосъ.

Семенъ Николаевичъ входитъ и останавливается. Онъ не можетъ скрыть своего изумленія.

Отъ прежняго Штейнбаха ничего не осталось. Гдѣ его красота, его гордая осанка? Лицо его неподвижно и мертвенно. Оно кажется маской, изъ отверстій которой темнѣютъ его глаза безъ дна и блеска, еще болѣе таинственные теперь, какъ будто они заглянули за грани земныя и увидали невидимое для другихъ. Печать неизлѣчимой болѣзни лежитъ на этомъ угасшемъ, осунувшемся лицѣ. Это она согнула его плечи и посеребрила волосы. „Ты пережилъ *ее*, но не надолго", думаетъ Семенъ Николаевичъ. „Я это зналъ"...

— Что скажете новаго?—спрашиваетъ Штейнбахъ, силясь улыбнуться и придвигая гостю кресло.

— Я пораженъ, Маркъ Александровичъ... Только третьяго дня узналъ изъ газетъ о... объ этой катастрофѣ... говорилъ по телефону изъ Петербурга съ вашимъ лакеемъ... узналъ, что васъ ждутъ тотчасъ послѣ похоронъ. Утромъ пріѣхалъ сюда... Вы уѣзжаете? Не помочь ли мнѣ вамъ разобрать письма? Я помѣшалъ?

— Нѣтъ... нѣтъ... Я очень радъ вамъ... Я почти кончилъ...

Андрей безшумно удаляется.

— Маркъ Александровичъ, простите... это не простое любопытство... Въ газетахъ было сказано: истерическое помѣшательство?..

— Это ложь... просто она устала жить. Развѣ трудно устать?.. Впрочемъ... вы не поймете... вы... счастливецъ...

Семенъ Николаевичъ бѣгаетъ по комнатѣ, опять „дѣлая бурю". Онъ растроганъ тѣмъ, что Штейнбахъ пробуетъ шутить и улыбаться... Ему страстно жаль этого человѣка, къ которому онъ за эти годы успѣлъ привязаться. У него сжимается горло. Ударилъ-ли его по сердцу видъ этого угаснаго, обреченнаго Штейнбаха, котораго онъ зналъ гордымъ, красивымъ, недоступнымъ и загадочнымъ? Или это собственная, еще неуложившаяся любовная драма такъ разбила его нервы?.. Онъ подходитъ къ столу, наливаетъ себѣ воды и залпомъ выпиваетъ стаканъ. Но Штейнбахъ спокоенъ. Слишкомъ спокоенъ. И это страшно.

— Вы завтракали?.. Нѣтъ?.. Давайте, выпьемъ по-старому...

— Охотно,—дрогнувшимъ голосомъ отвѣчаетъ Семенъ Николаевичъ.—Не вставайте... Я позвоню...

За завтракомъ они оба почти ничего не ѣдятъ, но много пьютъ... Семенъ Николаевичъ оживленно разсказываетъ о своей газетѣ, о трудности вести это дѣло, о штрафахъ почти ежедневныхъ, о постоянныхъ конфискаціяхъ... Но это вздоръ! Они не сложатъ оружія. Одну газету закрыли. Они открыли другую. Можно, какъ фениксъ, возрождаться изъ пепла. Были бы деньги, да были бы силы. Да вѣра въ себя...

— Кстати, о деньгахъ... Я вчера уже былъ въ банкѣ, Семенъ Николаевичъ, и сдѣлалъ вкладъ на ваше имя. Эта сумма надолго обезпечитъ ваше дѣло.

— Вы не скоро вернетесь теперь?

— Никогда.

Семенъ Николаевичъ молчитъ и усиленно куритъ. Ему тяжело. Штейнбахъ былъ единственнымъ существомъ, съ которымъ онъ любилъ быть откровеннымъ и простымъ, *безъ позы*; единственнымъ, знавшимъ всѣ слабости его и любившимъ эти слабости въ сильномъ человѣкѣ. Съ Штейнбахомъ можно было, забывъ о политикѣ и злободневности, быть мечтательнымъ и удовлетворять этой дружбой какіе-то смутные и сложные запросы, которые суровая жизнь топтала, не давая имъ развиться. И Семена Николаевича, какъ эстетика, всегда плѣняли это красивое лицо, эта красивая душа. Онъ искренно увлекался Штейнбахомъ и искренно его ревновалъ. И своей властью надъ нимъ гордился.

— А какъ же имѣніе, заводъ?—спрашиваетъ онъ послѣ долгаго молчанія.

— Я все оставилъ въ вѣрныхъ рукахъ. Завѣщаніе мое готово... и хранится у нотаріуса. Вы останетесь довольны моими распоряженіями,—блѣдно улыбается Штейнбахъ.—Мой заводъ переходитъ въ руки рабочихъ. Землю я отдаю крестьянамъ. Одну усадьбу я завѣщаю дочери. И часть моего капитала, конечно. Я спѣшу теперь, чтобы исполнить послѣднюю волю жены и открыть въ Парижѣ народный театръ ея имени... Я вамъ уже писалъ объ этомъ изъ Тироля, помните?

— Да... да... я вспоминаю... Только... вотъ что... Вы... не читали газетъ, Маркъ Александровичъ?

— Нѣтъ. Не до того...

— Ну, еще бы! Теперь-то? Но что значитъ этотъ слухъ о бунтѣ на вашемъ заводѣ? Простите меня... мнѣ тяжело объ этомъ говорить. Неужели вы не могли предотвратить этой расправы?

— Гдѣ?.. Какой расправы?

— Вотъ... я былъ увѣренъ, что воспользуются вашимъ горемъ, похоронами, вашимъ отъѣздомъ, наконецъ... Вотъ... читайте!

Онъ подаетъ газету. Штейнбахъ читаетъ, но ничего не отражаетъ маска его лица.

— Я этого боялся...—однотонно говоритъ онъ.

— Но неужели нельзя было этого предотвратить?

— Какъ видите... Уѣзжая, я былъ увѣренъ, что инцидентъ исчерпанъ. Я пошелъ на всѣ уступки. И... тѣмъ не менѣе... забастовка не окончилась... Кому-то было выгодно провоцировать это броженіе... Но всего интереснѣе, что, подавляя этотъ бунтъ, губернаторъ думалъ, что защищаетъ мои интересы, и что я ему буду благодаренъ впослѣдствіи... Всегдашняя иронія судьбы, которая смѣется надъ моими благими намѣреніями...

Онъ усталымъ жестомъ бросаетъ газету на столъ.

— Видите ли, Семенъ Николаевичъ, эта темная исторія въ связи съ убійствомъ въ моемъ паркѣ... одного... лица... Вы не слышали объ этомъ?

— Нѣтъ... нѣтъ... что такое?

— Убито лицо, слѣдившее за нами... не простой сыщикъ... о нѣтъ! Его убилъ анархистъ, знавшій мою жену... Вы понимаете?

— Охъ! Вздохну свободно только, получивъ вашу телеграмму изъ Берлина. Не забудьте телеграфировать! Я провожу васъ нынче... пріѣду на вокзалъ...

— Н-нѣтъ... не надо... Это рискованно... Видите ли... Я каждую минуту жду по телефону одного извѣстія... Маня за нѣсколько дней до смерти выдала чекъ этому анархисту... И если онъ по-

падется, моя пѣсня здѣсь спѣта... Вотъ почему я спѣшу... Ну... довольно обо мнѣ!.. Какъ ваши дѣла, другъ мой? Лили съ вами?

Семенъ Николаевичъ слегка краснѣетъ, раскуривая сигару.

— Конечно... Если бываютъ связи навсегда, то это одна изъ такихъ. Я очень привязался къ ней, Маркъ Александровичъ... Въ ней лучшія качества женщины, и почти нѣтъ ея недостатковъ...

— Значитъ вы... счастливы?—вздохнувъ, спрашиваетъ Штейнбахъ.

— Что значитъ счастье?.. Если оно въ покоѣ, въ отсутствіи тоски, въ отсутствіи стремленія къ тому, чего нельзя достигнуть; если оно исключаетъ вѣчный голодъ души, вѣчную жажду идти все дальше и дальше... видѣть новыя лица, наблюдать и создавать самому новыя коллизіи... если подъ нимъ надо понимать — исключительную привязанность къ очагу, къ гнѣзду, страхъ борьбы и перемѣны, то этого счастья у меня нѣтъ... Я все тотъ же, Маркъ Александровичъ... Какъ солдатъ сплю на бивуакѣ, въ полной аммуниціи. Сплю на одинъ глазъ и жду сигнала. А когда онъ раздастся, встану и пойду... И Лили меня не удержитъ... Хотя знаю: она будетъ цѣпляться за меня, и мнѣ самому будетъ больно оторвать отъ себя эти милыя ручки... О, эти слабыя женщины!.. Какая страшная опасность таится въ нихъ для насъ, рожденныхъ, чтобъ бороться и не знать отдыха!.. Чувствую: судьба и мнѣ готовитъ испытаніе... Когда я потерялъ Маріулу, страдала моя гордость, страдала моя влюбленная душа... Но не это страшно... Я знаю, что Маріула меня забудетъ, и что жизнь передъ нею. У нея душа мужская. Гордость сатанинская. И ей есть чѣмъ утѣшиться... Но Лили!.. Ахъ, Маркъ Александровичъ, какая страшная сила въ жалости!.. Есть ли что-нибудь болѣе засасывающее, болѣе губительное для нашего брата? Когда я вижу слабую, хрупкую женщину, съ покорной улыбкой и тихимъ голосомъ, мнѣ всегда страшно за того, кого она любитъ...

Онъ залпомъ пьетъ свой стаканъ вина.

— Возможно, что я старюсь, и что это моя послѣдняя любовь... Тѣмъ хуже!.. Тѣмъ опаснѣе эта привязанность. Но я хочу вѣрить, что счастье не обезсилитъ меня. Я слѣжу за собой. Дѣло, Маркъ Александровичъ, напряженная работа, страстная преданность идеѣ, — вотъ нашъ оплотъ противъ женщины... противъ любви и ея власти... И, знаете, что я вамъ скажу, дорогой другъ?.. Я хотѣлъ бы и для васъ сейчасъ какого-нибудь большого, идейнаго начинанья... Простите... но мнѣ было такъ страшно за васъ...

— Вы боялись, что я покончу съ собой?.. Видите ли, Семенъ Николаевичъ... Это гораздо легче, чѣмъ жить страдая, чѣмъ пе-

режить то, что пережилъ я. Но этого я не смѣю... У меня осталась дочь. И мнѣ хочется, чтобъ имя Мани не умерло для людей, которыхъ она такъ искренно любила, о которыхъ она думала на вершинѣ своей славы, въ расцвѣтѣ своего благополучія и даже въ послѣднія минуты своей жизни... Она была истинной демократкой, Семенъ Николаевичъ... больше чѣмъ я... больше чѣмъ вы... Политика, честолюбіе, власть надъ людьми—были ей чужды. Но она всегда стремилась къ справедливости здѣсь, на землѣ. Недаромъ къ ней тянулись всѣ отверженные, всѣ обойденные, всѣ выброшенные за бортъ... Ея искренность покоряла и влекла. Сколько разъ еще дѣвочкой въ Римѣ она страдала, встрѣчаясь съ противорѣчіями жизни, со зломъ, мимо котораго я проходилъ равнодушно,—я, называвшій себя соціалъ-демократомъ? Сколько разъ я краснѣлъ передъ нею, когда она говорила: „Отдай все, что у тебя есть, и протяни руку этимъ людямъ черезъ пропасть, которая васъ раздѣляетъ!..“ Я считалъ бредомъ эти слова. И только теперь я начинаю ихъ понимать... Въ этой жизни она не цѣнила того, что цѣнитъ толпа. У нея не было чувства собственности, чувства осѣдлости, привычекъ... Во всемъ мгновенномъ, во всемъ преходящемъ она чувствовала дыханіе Вѣчности. Она уловляла таинственные намеки среди повседневнаго. Тамъ, гдѣ мы равнодушно проходили мимо, она видѣла откровеніе. Она жила для стремленія и красоты. Она слышала голоса тамъ, гдѣ для насъ все было мертво и нѣмо... И самое безуміе ея исканій священно теперь для меня...

„Вотъ она—Любовь!“—думаетъ Семенъ Николаевичъ, идя по улицѣ, еще весь взволнованный этимъ свиданіемъ.—„Великая и страшная сила, губительная и творческая въ то же время, разрушающая душу и созидающая міры... Какъ различно и непостижимо проявляетъ она себя среди насъ,—одного свергая въ бездну, другого ведя къ подвигу... О, только не быть побѣжденнымъ ею! Только бы подчинить себѣ эту могучую силу!.. И неужели человѣкъ, цѣлыя тысячелѣтія упорно боровшійся съ стихіями, покорившій себѣ весь міръ, побѣдившій теперь даже воздухъ,—еще долго будетъ въ рабствѣ у любви? Неужели онъ еще не скоро восторжествуетъ надъ нею?“

Еще разъ дрогнулъ звонокъ. Штейнбахъ замеръ у камина.

Можно?—кричитъ Соня за дверью и тотчасъ же вбѣгаетъ въ кабинетъ. Не здороваясь, растерянно смотритъ она одно мгновеніе въ мертвое лицо Штейнбаха. И вдругъ, закрывъ лицо руками, плачетъ.

— Что случилось?.. Что такое?

— Читайте... читайте... вотъ... сейчасъ только получила отъ мамы. Боже мой! Боже мой! Все рушится... За что этотъ ужасъ?

Штейнбахъ развертываетъ смятую телеграмму.

„Лика арестована. Стрѣляла въ губернатора. Опасно раненъ. Роза тоже взята. Передай немедленно“.

Штейнбахъ долго молчитъ, глядя на плачущую Соню.

— Бѣдный Федоръ Филипповичъ!—говоритъ онъ наконецъ.

— Это ужасно, ужасно!.. Онъ такъ любилъ ее... Что съ нимъ будетъ теперь?

— Зачѣмъ она это сдѣлала?

— Это безуміе... не правда ли?—подхватываетъ Соня, садясь на кушеткѣ и судорожно тиская платокъ.—Развѣ это чему-нибудь поможетъ? Развѣ это что-нибудь измѣнитъ?.. Или это потому, что она сама... послѣ смерти Нелидова... была какъ бы въ аффектѣ... все по парку бѣгала... все плакала... А тогда... послѣ похоронъ Мани и Нелидова... вѣдь вы помните, что ихъ хоронили въ одинъ день... она подходитъ ко мнѣ такая осунувшаяся... такая новая... жуткая, и говоритъ: „Ну... теперь я готова... Теперь мнѣ уже ничто не страшно...“ И я не поняла... Я не вдумалась... Боже мой! Я сама была такъ убита... такъ страдала за васъ... Я точно окаменѣла отъ горя... А потомъ кинулась сюда за вами... боясь оставить васъ... И вотъ... кто знаетъ? Если-бъ я тогда поговорила съ Ликой... если-бъ я...

— Не мучайтесь напрасно, Соня... Неужели вы думаете, что у васъ хватило бы силы переубѣдить эту женщину?.. Она мнѣ всегда казалась... вулканомъ въ бездѣйствіи, который когда-нибудь покажетъ себя... Мои предчувствія сбылись...

Соня опять безпомощно плачетъ.

— Что ждетъ ее теперь? Гибель... гибель... Боже мой! И за что?.. Какое безуміе—этотъ терроръ! Какое безнадежное безуміе! У нея была такая богатая, такая разумная, такая прекрасная жизнь... полная высокихъ радостей, полная дѣятельной любви... Ахъ, я убѣждена, что если-бъ не смерть Нелидова, если-бъ не смерть Мани и всѣ эти потрясенія, она не кинулась бы такъ, очертя голову, въ опасность... И подумайте, если она опомнится и пожалѣетъ потомъ?..

— Она не пожалѣетъ. Лика никогда не была истеричкой. Она знала, на что идетъ. Но мнѣ глубоко жаль Анатолія Сергѣевича. Онъ искренно желалъ спасти меня и Маню. Помните? Онъ былъ у меня... Онъ предупреждалъ меня о доносѣ...

Телефонъ рѣзко звонитъ на столѣ. Штейнбахъ подходитъ и слушаетъ напряженно.

— Да... да... благодарю васъ... понялъ...

Онъ кладетъ трубку и подходитъ къ Сонѣ.

— Теперь уходите, дорогой другъ... Благодарю васъ за все!— Онъ цѣлуетъ поочередно ея руки.—Но вамъ нельзя ни минуты дольше оставаться здѣсь.

— Что такое?.. Что такое?..

— Измаилъ арестованъ съ чекомъ Мани. Я долженъ бѣжать... Навѣрно сейчасъ обыскъ въ Липовкѣ, ночью обыскъ будетъ здѣсь...

— Боже мой!.. Дайте мнѣ съ собой, что у васъ есть!.. Дайте!

— Я очень тронутъ, дорогая Соня... Но я, въ сущности, почти все уничтожилъ... Да и не въ этомъ кроется для меня опасность... Уходите скорѣй!.. Телефонируйте мнѣ, только не отъ себя, а изъ какой-нибудь аптеки... Тогда я успокоюсь за васъ... Видите, темнѣетъ... Я не ручаюсь, что и сейчасъ за вами не прослѣдятъ...

Соня колеблется одно мгновеніе. Потомъ падаетъ на его грудь и плачетъ. Онъ съ тѣмъ же мертвеннымъ, неподвижнымъ лицомъ, придающимъ ему такое зловѣщее сходство съ его дядей,—гладитъ волосы этой дѣвушки, любившей его молчаливо и безкорыстно всѣ эти годы; въ немъ одномъ видѣвшей краски своей суровой жизни, самоотверженной жизни, лишенной личнаго счастья.

Откинувшись назадъ и держа его за плечи, Соня глядитъ на него плачущими, полными беззавѣтной любви глазами.

— Маркъ, не забывайте меня!.. Пишите... Какъ опустѣетъ безъ васъ моя жизнь!..

— Не клевещите на себя, дорогая Соня! И безъ меня будетъ полна и свѣтла ваша жизнь... и безъ того, что принято называть „счастьемъ..." У васъ впереди высокія цѣли, любимое дѣло, работа по призванію, къ которой вы готовились столько лѣтъ... И не страшны будутъ вамъ удары и утраты, которые меня съ Федоромъ Филипповичемъ лишаютъ послѣдней цѣли, послѣдняго смысла въ жизни... Повѣрьте мнѣ: то, что не могло удовлетворить мятежную Лику,—то вамъ, такой уравновѣшенной и ясной, дастъ минуты высшей радости... До свиданья!—Онъ беретъ въ обѣ руки лицо Сони и цѣлуетъ ея лобъ.—Работайте... Пишите мнѣ... И пріѣзжайте отдохнуть въ Парижъ. Мы будемъ вспоминать о прошломъ. Мы будемъ говорить о Манѣ...

Уже стемнѣло. Весь переулокъ погрузился въ сонъ. Погасли огни въ окнахъ домовъ, и мѣсяцъ высоко стоитъ на небѣ. А въ кабинетѣ Штейнбаха, наверху, все еще горитъ огонь. Все еще движется тѣнь.

Зорко слѣдятъ за нею другія тѣни, незамѣтно окружившія домъ. Ворота заперты. Ночной сторожъ и дворникъ словно замерли у чугунной рѣшетки.

Вдругъ отворяется дверь, и на крыльцо выходитъ высокая согбенная фигура съ сѣдой бородой. Сѣдыя кудри падаютъ на виски изъ-подъ круглой шапочки. Безжизненно глядятъ передъ собою таинственные, темные глаза. Палка стучитъ по плитамъ двора.

— Кто это?—шепчетъ одна тѣнь, вытягивая шею.

— Сумасшедшій баринъ,—шопотомъ отвѣчаетъ дворникъ.

— Зачѣмъ идетъ?

— Каждый вечеръ такимъ манеромъ, ваше благородіе... гуляютъ значитъ...

— И... ничего?

— И ничего-съ... Мы привыкли... Черезъ часъ вернутся, можетъ и раньше... Они тихіе-съ...

— Пропусти...

Медленно переходитъ старикъ широкій дворъ, озаренный луною. Минуетъ калитку. Его безжизненный взглядъ скользитъ по напряженнымъ лицамъ людей, притаившихся въ тѣни рѣшетки, и по фигурамъ, которыя замерли отъ неожиданности тамъ, на тротуарѣ, напротивъ. Согнувшись и опустивъ голову, онъ идетъ внизъ, къ Остоженкѣ, такой высокій, безучастный, жуткій и загадочный въ этомъ мертвенномъ лунномъ свѣтѣ. Тоской и одиночествомъ вѣетъ отъ всего его облика. И въ самомъ ритмѣ этихъ шаговъ, и въ сухомъ стукѣ палки по панели какъ бы звучитъ одна нотка... „Старость... Старость... Старость... Старость..."

Время идетъ... Сколько? Попрежнему горитъ огонь наверху. Попрежнему неподвижны тѣни у рѣшетки. И испуганно сторонится отъ нихъ случайный прохожій.

Бьетъ полночь. „Пора!" говоритъ сиплый голосъ. И тѣни вдвигаются въ озаренный луною дворъ. Спящій домъ охваченъ живымъ кольцомъ. Сильный, протяжный, властный звонокъ. Минуты три молчаливаго ожиданія... Дверь отворяется...

Идутъ наверхъ, въ кабинетъ. Все пусто... На столѣ недопитый стаканъ. Въ углу открытый саквояжъ. Какія-то разорванныя газеты на коврѣ. Тлѣетъ огонь въ каминѣ. Всѣ лампы горятъ. И нѣтъ никого...

Всюду зажигая электричество, они обходятъ весь верхъ, заглядываютъ во всѣ углы и шкафы... Никого... Весь домъ словно вымеръ. Поваръ, горничная и лакей, отворившій дверь, всклокоченные, полуодѣтые, перепуганные, не умѣютъ дать ни одного толковаго отвѣта.

Идутъ внизъ... А, наконецъ-то!.. Запертая дверь.

Громкій и властный раздается стукъ. Слышенъ звукъ босыхъ ногъ по полу. Андрей, заспанный, полуодѣтый, машетъ руками:

— Тише... Тише... Испугаете больного... Только что заснулъ...

Лампа подъ синимъ абажуромъ даетъ слабый полусвѣтъ.

— Кто это спитъ?

— Больной дядя барина... Что вамъ угодно?

— Какъ дядя?.. Да вѣдь онъ... Вѣдь онъ сейчасъ только... Зажигайте огонь!—кричитъ сиплый голосъ.

Яркій свѣтъ внезапно озаряетъ комнату. И съ крикомъ испуга съ постели подымается старикъ. Длинная сѣдая борода падаетъ на грудь. Сѣдыя кудри прилипли къ влажнымъ вискамъ. Таинственные глаза жутко остановились на незнакомыхъ лицахъ... Руки старика дрожатъ. Что-то вспомнилось... Что-то страшное...

— Сара-а...—раздирающе кричитъ онъ и прячетъ лицо въ подушку.

Всѣ переглядываются съ испугомъ и недоумѣніемъ...

. . . .
. . . .
. . . .

Штейнбахъ исчезъ.

Конецъ.

30 апрѣля 1913 г.
Москва.

Того же автора.

I. **СНЫ ЖИЗНИ.** Сборн. разсказ. *5-е изд. 22-я тыс.* Ц. 1 р. 10 к. (На бумагѣ old style.)
II. **ПЕРВЫЯ ЛАСТОЧКИ.** Повѣсть. *Пятое изд. 15-я тысяча.* Ц. 1 р. 10 к.
III. **ВАВОЧКА.** Романъ. *Четвертое изд. 23-я тысяча.* Ц. 1 р. 40 к. (На бумагѣ вержэ.)
IV. **ОСВОБОДИЛАСЬ.** Романъ. *Четвертое изд. 22-я тысяча.* Ц. 1 р. 40 к. (На бумагѣ вержэ.)
V. **ПРЕСТУПЛЕНІЕ МАРЬИ ИВАНОВНЫ.** Повѣсти и разсказы изъ жизни учащейся молодежи. *4-е изд. 13—23-я тыс.* (Бумага old style.) Обложка худож. К. Спасскаго. Ц. 1 р. 25 к.
VI. **ИСТОРІЯ ОДНОЙ ЖИЗНИ.** Романъ. *Третье изд. 22-я тыс.* Ц. 1 р. 25 к. (Бумага old style.)
VII. **ПО-НОВОМУ. ВЕЧЕРИНКА.** Повѣсти. *Второе изд. 15-я тысяча.* Ц. 1 р. (На простой бум.)
VIII. **ЧЬЯ ВИНА?** Повѣсть. *3-е изд. 19-я тыс.* Ц. 1 р. 10 к. (Бумага old style.)
IX. **ЗЛАЯ РОСА.** Повѣсть конца XIX вѣка. *15-я тыс. 2-е изд.* (Бумага old style.) Ц. 1 р. 10 к.
X. **СЧАСТІЕ.** Сборникъ разсказовъ. *Второе изд. 16-я тыс.* Ц. 1 р. 10 к. (На бумагѣ вержэ.)
XI. **МОТЫЛЬКИ.** Разсказы и повѣсти. *10-я тысяча.* Ц. 1 р. На простой бумагѣ.
XII. **СВѢТАЕТЪ!..** Повѣсть въ память 9-го янв. 1905 г. *10-я тыс.* Ц. 60 к.
XIII. **БЕЗПЛОДНЫЯ ЖЕРТВЫ.** Пьеса съ пред. автора. *6-я тысяча.* Ц. 80 к.
XIV. **ГОРЕ УШЕДШИМЪ!** Повѣсть. *Третье изд. 20-я тысяча.* Обложка К. Спасскаго. Ц. 1 р. 25 к.
XV. **ДУХЪ ВРЕМЕНИ.** Современный романъ въ 2-хъ книгахъ. *Третье изд. Пятьдесятъ первая тысяча.* Ц. 3 р. за оба тома. (На бумагѣ вержэ.) Каждая книга 1 р. 50 к.
XVI. **НАШИ ОШИБКИ.** 4-е изд. *За подвигомъ.* Пов. *12-я тыс.* (Бумага old style.) Ц. 1 р. 10 к.
XVII. **МИРАЖЪ.** Пьеса съ портретомъ автора. *Втор. изд. Седьмая тыс.* Ц. 1 р. 10 к. (Бумага вержэ).
XVIII. **РАЗСВѢТЪ.** Пьеса. Обложка художника П. Гославскаго. *5-я тыс.* Ц. 1 р.
XIX. **МОЕМУ ЧИТАТЕЛЮ!** Автобіографическіе очерки съ портретомъ автора и другими семейными портретами. *Второе изданіе, исправленное, 8—15-я тысяча.* (Дѣтство. Годы ученія.) (Бумага old style.) Ц. 1 р. 60 к.
XX. **КЛЮЧИ СЧАСТІЯ.** Новый современный романъ. Книга 1-я печаталась въ 1908 г. въ ноябрѣ въ кол. 15.000 экз. *Второе изд.*—въ февралѣ 1909 г. 25.000 экз. Ц. 1 р. 25 к.
XXI. **КЛЮЧИ СЧАСТІЯ.** Книга 2-я; печаталась въ сент. 1909 г. въ кол. 15.000 экз. *Второе изд.*—въ февр. 1910 г. 25.000 экз. Ц. 1 р. 30 к.
XXII. **КЛЮЧИ СЧАСТІЯ.** Книга 3-я. *(Дрожащія ступени.)* Вышла 15-го декабря 1910 г. въ колич. 30.000 экз. Ц. 1 р. 50 к.
XXIII. **МОЕМУ ЧИТАТЕЛЮ!** (Юность. Грезы.) 2-я книга; печаталась 15.000 экз. (съ 2-мя портретами: матери автора и артистки А. Н. Мочаловой). (Бумага old style.) Ц. 1 р. 50 к.
XXIV. **ЕЯ СУДЬБА.** Повѣсть. Ц. 85 к. *Десятая тысяча.*
XXV. **КЛЮЧИ СЧАСТІЯ.** (*На высотѣ.*) Книга IV-я. Ц. 1 р. 60 к. Печаталась въ кол. 25.000 экз.
XXVI. **КЛЮЧИ СЧАСТІЯ.** (*Побѣдители и побѣжденные.*) Книга V. Ц. 1 р. 60 к. Печат. въ кол. 30.000 экз.
XXVII. **КЛЮЧИ СЧАСТІЯ.** Книга VI. (Конецъ романа.) Ц. 2 р. Изд. въ кол. 30.000 экз.

Изданія А. Вербицкой.

Вып. I. **ПОЛУЖИВОТНОЕ.** Ром. **Е. Белау**, пер. съ нѣм. Н. П. Дадоновой. *4-е изд. 10-я тыс.* Ц. 80 к.
Вып. II. **ИЗЪ ХОРОШЕЙ СЕМЬИ.** Ром. **Г. Рейтеръ.** *3-я тыс.* Пер. съ нѣм. **Ея же.** Ц. 1 р. *Все разошлось.*
Вып. III. **ЖЕНЩИНА, КОТОРАЯ ОСМѢЛИЛАСЬ.** Романъ **Грантъ-Аллена,** съ его же предисловіемъ. Пер. съ англ. **Ея же.** *4-ое изд. 13-я тыс.* Ц. 60 к.
Вып. IV. **КУРСИСТКИ.** (Les Sévriennes.) Романъ **Габріэли Реваль,** изъ жизни парижскихъ студентокъ. Пер. **Ея же.** *6-я тыс. 2-е изд.* Ц. 80 коп.
Вып. V. **ПОТУСТОРОННІЯ ИСКАНІЯ.** Романъ **Дж. Мура.** Пер. съ англ. **Ея же.** *3-я тыс.* Ц. 1 р.
Вып. VI. **ВРАГИ МѢЩАНСТВА.** (Въ поискахъ.) Ром. **Шляфа.** Пер. съ нѣм. **Ея же.** *3-я тыс.* Ц. 80 к.
Вып. VII. **СВОБОДНАЯ ЛЮБОВЬ.** Романъ **Вассермана.** Пер. съ нѣм. **Ея же.** *4-я тыс.* Ц. 1 р.
Вып. VIII. **КОНТОРЩИЦА.** Романъ **Рувра.** Пер. съ франц. Д. И. Соловьева. *4-я тыс.* Ц. 60 к.
Вып. IX. **ГИМНАЗИСТКИ.** Романъ **Г. Реваль.** Пер. съ франц. Н. П. Дадоновой. *4-я тыс.* Ц. 80 к.
Вып. X. **ТРЕТІЙ ПОЛЪ.** Ром. **Коллеты Иверъ.** *7-я тыс.* Пер. съ франц. Н. П. Дадоновой. Ц. 85 к.
Вып. XI. **ПРАВО НА ЛЮБОВЬ.** Пер. съ франц. А. Соколовой. *5-я тыс.* Романъ М. Тинэръ. Ц. 85 к.
Вып. XII. **ОГОНЬКИ.** (Сельская учительница.) Ром. **Леона Фрапье,** удостоенный преміи Гонкура, съ 28-ю рисунками въ текстѣ. Съ предисловіемъ и подъ редакціей А. Вербицкой. Перев. Л. Н. Ц. 1 р. 25 к. *10-я тысяча.*
Вып. XIII. **НИЦШЕАНКА.** Романъ Д. Лезюэръ. Перев. съ франц. Н. П. Дадоновой. *7-я тыс.* Ц. 85 к.
Вып. XIV. **СТАТИСТЫ ЖИЗНИ.** Ром. Л. Фрапье. (Изъ париж. нравовъ.) Пер. съ франц. Л. Н. Ц. 50 к.
Вып. XV. **ЧАРЫ ЛЮБВИ.** Романъ Гейнце Товотэ. Пер. съ нѣм. Н. Іевлевой. Ц. 75 к.
Вып. XVI. **ДИЛЛЕТАНТЫ ЖИЗНИ.** Ром. Клары Фибихъ. Пер. съ нѣмецк. С. Явленской. Ц. 85 к.
Вып. XVII. **ГРѢХЪ.** Ром. К. Фибихъ. Пер. съ нѣм. Н. Іевлевой. Ц. 85 к.
Вып. XVIII. **ТРАГИЧЕСКІЕ КОМЕДІАНТЫ.** Романъ Мередита. Пер. съ англ. Н. П. Дадоновой. Ц. 85 к.
Вып. XIX. **МОДНЫЙ БРАКЪ.** Ром. Гемфри Уордъ, пер. съ англ. Дадоновой. Ц. 85 к.
Вып. XX. **ИЗЪ-ЗА КОРОНЫ.** (Балканская драма.) Франсуа Коппе. Пер. съ фр. В. П. Дадонова.
Вып. XXI. **СОЦІАЛИЗМЪ БЕЗЪ ПОЛИТИКИ.** (Города будущаго въ настоящемъ.) В. П. Дадонова. Ц. 1 р.

Складъ всѣхъ изданій: Москва, Милютинскій пер., книжный складъ Н. Я. Башмакова. Петербургъ, Итальянская, 31, книж. складъ Я. Я. Башмакова. Складъ автора: типогр. Левенсона. Трехпрудный пер. Москва.